This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 392.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

26 Янв.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXI. № 4—АПРѢЛЬ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неоффиціальная.

I. Памяти Миклошича.—Проф. **Т. Флоринскаго** . 1—14

II. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Опытъ изслѣдованія. Сочиненіе удостоенное золотой медали. —Студента **М. Грушевскаго** . . . . 57—142

III. Заразительна ли проказа? Отвѣтъ проф. Полотебнову).—Проф. **Г Минха** . 37- 90

IV. Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ. — Лаборанта **Д. Родзаевскаго** . . . 45—118

V. Исторія средневѣковой медицины.—Д-ра **С. Кеммера** . . . . . 33—80

Прибавленія.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . I—IV

II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за февраль 1891 г.

КІЕВЪ.
1891.

121

206
194

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 4—АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.
1891.

PSlav 392.10
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неоффиціальная.

I. Памяти Миклошича.—Профессора **Т. Флоринскаго** . 1—14

II. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Опытъ изслѣдованія. Сочиненіе удостоенное золотой медали.—Студента **М. Грушевскаго.** . . . . . 57—142

III. Заразительна-ли проказа? (Отвѣтъ проф. Полотебнову). Профессора **Г. Минха** . . . . . 37—90

IV. Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.—Лаб. **Д. Родзаевскаго** . 45—118

V. Исторія средневѣковой медицины.—Д-ра **С. Ковнера**. 33—80

Прибавленія.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . I—IV

II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за февраль 1891 годъ.

ПАМЯТИ МИКЛОШИЧА [1]).

1813—1891.

23 февраля (7 марта) скончался одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ нынѣшняго столѣтія, извѣстный славистъ-филологъ, бывшій Вѣнскій профессоръ и академикъ, почетный членъ университета св. Владиміра и многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ *Dr. Фр. Миклошичъ*.

Покойный былъ крупный человѣкъ въ наукѣ и въ исторіи славянской филологіи долженъ занять почетное мѣсто, на ряду съ Добровскимъ и Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ, Срезневскимъ и Григоровичемъ. Полувѣковая дѣятельность его, выразившаяся въ огромномъ количествѣ монументальныхъ трудовъ и въ массѣ частныхъ изслѣдованій, посвящена изученію всѣхъ славянскихъ народовъ, всего славянства, и потому уже имѣетъ высокое историческое значеніе. Въ частности эта дѣятельность, независимо отъ филологическихъ работъ, была направлена и на историческія занятія и въ этой области также оставила по себѣ глубокій слѣдъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ ученыхъ изданій, которыя еще долго будутъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователя судебъ Славянскаго міра, Руси и Византіи.

Какъ членъ Общества Нестора Лѣтописца и университетскій представитель той науки, въ области которой до послѣдняго дня жизни столь неутомимо и плодотворно трудился Миклошичъ, я вмѣняю себѣ въ высокую обязанность

---

[1]) Произнесено въ собраніи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 17 Марта 1891 г.

посвятить памяти великаго ученаго нѣсколько словъ съ цѣлью напомнить почтенному собранію, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, о важнѣйшихъ сторонахъ и фактахъ славной ученой дѣятельности знаменитаго слависта.

Францъ Миклошичъ родился въ 1813 г. въ Луттенбергѣ, въ Штиріи. По происхожденію онъ принадлежалъ къ маленькому народу Словѣнцевъ, который нѣсколько раньше уже далъ славянской наукѣ крупнаго дѣятеля въ лицѣ Варѳоломея Копитара, извѣстнаго филолога-изслѣдователя старославянскаго языка и старославянской письменности, друга-руководителя знаменитаго въ исторіи сербскаго возрожденія Вука Стефановича Караджича и главнаго учителя Миклошича. Изъ того же словѣнскаго народа вышелъ сверстникъ Миклошича и другъ его молодости, выдающійся сербо-хорватскій поэтъ Станко Вразъ, въ свою очередь соединенный узами тѣсной дружбы съ однимъ изъ первыхъ нашихъ славистовъ, покойнымъ Изм. Ив. Срезневскимъ. Образованіе Миклошичъ получилъ въ Мариборѣ, а затѣмъ въ Грацѣ, гдѣ слушалъ философскія и юридическія науки и, наконецъ, въ Вѣнѣ. Первоначально онъ предназначалъ себя къ адвокатской дѣятельности, но знакомство и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе съ Копитаромъ, директоромъ Вѣнской придворной библіотеки, который предоставилъ ему мѣсто scriptor'a въ завѣдываемомъ имъ учрежденіи, окончательно направило его ученые интересы на занятія славянскою филологіей. Впрочемъ, любовь къ изученію славянскихъ языковъ Миклошичъ вынесъ еще изъ Граца. Время молодости великаго слависта падаетъ на замѣчательную эпоху въ новѣйшей исторіи славянства. Это была эпоха т. н. славянскаго возрожденія. Западные и южные Славяне пробуждалась къ новой жизни. Національное чувство, усыпленное вѣками, оживало. Повсюду въ славянскихъ земляхъ поднимался вопросъ о правахъ угнетенныхъ народностей и о защитѣ этихъ правъ противъ враговъ. Это было время общаго воодушевленія, возвышенныхъ порывовъ, идеальныхъ стремленій, время возникновенія новыхъ славянскихъ литературъ и оживленія прежде существовавшихъ, время появленія въ славянствѣ замѣчательныхъ народныхъ писателей, поэтовъ, публицистовъ и политическихъ дѣятелей. Въ западной половинѣ сербо-хорватскаго племени эта знаменательная эпоха, обнимающая тридцатые и сороковые годы, выразилась въ т. н. „иллирскомъ движеніи.“ Здѣсь движеніе съ самаго начала получило

панславистическій характеръ. Хорватскіе патріоты, руководимые Людевитомъ Гаемъ, обратились къ своимъ землякамъ съ воззваніемъ о защитѣ правъ роднаго народа отъ притѣсненій и притязаній Мадьяръ, навязывавшихъ Хорватамъ свое политическое, культурное и національное владычество, и для большаго успѣха дѣла громко заговорили въ новооснованныхъ журналахъ и газетахъ о близкомъ родствѣ славянскихъ народовъ, о единствѣ всего славянскаго племени, о необходимости образованія славянскаго союза для борьбы съ общими врагами. Они проповѣдывали культурное общеніе между Славянами, прекращеніе розни, отреченіе отъ сепаратистическихъ тенденцій и, въ доказательство искренности своихъ стремленій, назвали себя вмѣсто Хорватовъ Иллирами, а позже, когда это названіе было запрещено австрійскимъ правительствомъ, югославянами; отказались отъ мѣстнаго кайкавскаго нарѣчія и приняли за литературный языкъ обще-сербское нарѣчіе, т. н. штокавщину, въ то время только что получившее обработку въ многочисленныхъ трудахъ и изданіяхъ Вука Караджича. Рѣшеніе это повлекло за собой послѣдствія огромной важности. Оно сблизило въ области литературы двѣ половины сербо-хорватскаго племени—Хорватовъ и Сербовъ — раздѣленныя исторіей и культурой. Хорватскій Загребъ сдѣлался важнымъ литературнымъ центромъ, и новая хорватская литература выдвинула цѣлый рядъ даровитыхъ писателей и талантливыхъ поэтовъ. Станко Вразъ, словѣнецъ, горячо любившій свою родину и родной языкъ, успѣвшій уже издать сборникъ словѣнскихъ пѣсенъ, одинъ изъ первыхъ увлекся идеями Иллировъ и сталъ писать на сербскомъ нарѣчіи. Изъ него вышелъ замѣчательный поэтъ иллирства и выдающійся писатель новой сербо-хорватской литературы. Создавъ массу чудныхъ оригинальныхъ піэсъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мастерски переводилъ изъ западно-европейскихъ и славянскихъ литературъ, между прочимъ изъ Хомякова, Языкова, Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Краледворской рукописи и пр., доказавъ на своихъ переводахъ, какъ прекрасно онъ зналъ славянскіе языки. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ познакомился еще въ школьные годы въ Грацѣ, изучая ихъ вмѣстѣ съ Миклошичемъ. На это Вразъ прямо указываетъ въ посвященіи другу одного произведенія („Babji Klanjac“), написаннаго въ 1839 г.:

Znaš li, s tobom kruge vedre
Od Marona i Omiera,
Od Byrona, Alighiera
Kad prolazih do Savedre?

Znaš li brate, kad kroz more
Odjedrismo k Neve kraju,
K Visli, Labi i Dunaju,
Blago kupeć, moj Mentore?

Быть можетъ, подъ вліяніемъ указаннаго глубоко-національнаго настроенія, вообще охватившаго славянскую молодежь 30-хъ и 40-хъ годовъ, и въ частности подъ воздѣйствіемъ пылкаго Станка Враза и Миклошичъ воспринялъ и усвоилъ живой интересъ къ изученію славянскихъ языковъ. Но онъ не послѣдовалъ примѣру своего друга Враза, не сдѣлался ни народнымъ словѣнскимъ писателемъ, ни иллиромъ, ни литературнымъ панславистомъ. Волна народно-политическаго движенія, увлекшая за собой массу южно-славянской молодежи, не коснулась Миклошича. Интересъ къ славянству выразился у него въ совершенно особой формѣ. Изъ него выработался безстрастный, сухой, ученый славистъ-филологъ. Болѣе всего объ этомъ постарался его покровитель и руководитель Копитаръ, какъ извѣстно, относившійся скептически, несочувственно, къ національному и политическому возрожденію славянства и съумѣвшій передать тѣ же взгляды и своему талантливому ученику. Особенности характера Миклошича, всегда осторожнаго, спокойнаго, выдержаннаго, и раннее развитіе вкуса къ усидчивымъ, кропотливымъ занятіямъ также объясняютъ отчасти, почему Миклошичъ не увлекся національнымъ движеніемъ 40-хъ годовъ въ такой мѣрѣ, какъ многіе его земляки и сверстники. Когда хорватскимъ патріотамъ пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, и въ 1848 г. въ Загребѣ вспыхнуло возстаніе, Миклошичъ былъ избранъ депутатомъ въ учредительное собраніе; но онъ поспѣшилъ сложить съ себя это званіе и въ томъ же году предпочелъ принять предложенную ему каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Вѣнскомъ университетѣ. Въ 1850 г. онъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1852 году былъ уже rector magnificus. При Вѣнскомъ университетѣ и протекла почти вся дальнѣйшая жизнь Миклошича. Только шесть

лѣтъ тому назадъ онъ оставилъ Вѣнскую каѳедру, передавъ ее своему ученику, извѣстному юго-славянскому ученому, И. В. Ягичу. Вскорѣ послѣ полученія профессуры онъ избранъ въ члены Вѣнской академіи наукъ, а также назначенъ пожизненнымъ членомъ рейхсрата и осыпанъ другими милостями со стороны правительства.

Съ 1848 года окончательно опредѣлился характеръ дѣятельности Миклошича. Какъ бы отдавая дань своему времени, онъ сталъ ученымъ панславистомъ. Оградивъ себя крѣпкой броней отъ всякихъ симпатій къ политической и литературной сторонѣ славянскаго вопроса, онъ всецѣло отдался всестороннему и глубокому изученію всѣхъ славянскихъ языковъ и результаты своихъ занятій излагалъ и издавалъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ. Связь его съ роднымъ народомъ сказалась только въ составленіи еще въ ранніе годы христоматіи для среднихъ школъ „Slovensko Berilo.“ Путешествія за границу—въ Германію, Францію, Италію, Турцію—и живое общеніе съ иностранными учеными расширили его кругозоръ и усиливали въ немъ любовь къ разностороннимъ спеціальнымъ филологическимъ занятіямъ. Обращеніе къ чужому языку въ научныхъ сочиненіяхъ по славянской филологіи становилось неизбѣжнымъ, независимо отъ общественнаго положенія Миклошича, какъ профессора нѣмецкаго университета и члена нѣмецкой Академіи, вслѣдствіе отсутствія среди западно-славянскихъ языковъ такого, который могъ бы исполнять роль общеславянскаго. Нѣмецкій же языкъ трудовъ Миклошича дѣлалъ ихъ доступными всѣмъ славянскимъ ученымъ, давалъ имъ широкое распространеніе за предѣлами славянскаго міра и тѣмъ самымъ незамѣтно способствовалъ усиленію на Западѣ живаго вниманія и интереса къ славянскому племени. Поэтому не удивительно, что имя Миклошича пользовалось широкою и почетною извѣстностью не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, что онъ состоялъ членомъ многихъ и многихъ академій и ученыхъ обществъ, имѣлъ ордена и знаки отличія отъ многихъ правительствъ и государствъ.

Подобно Копитару, Миклошичъ обладалъ сильнымъ критическимъ умомъ, широкимъ образованіемъ, богатствомъ и разнообразіемъ познаній, выдающимся трудолюбіемъ и необыкновенною настойчивостью въ исполненіи разъ намѣченныхъ научныхъ плановъ и предпріятій. Это былъ въ своемъ родѣ болландистъ, отдававшій все свое время, всѣ свои силы, всѣ привязанности одному дѣлу—наукѣ. Только принимая во

вниманіе эти качества Миклошича, можно объяснить себѣ, какъ могъ одинъ человѣкъ сдѣлать столько, сколько сдѣлалъ покойный ученый. Прежде всего онъ былъ лингвистъ всесторонній, глубокій, внесшій въ изученіе славянской филологіи строго-научные методы, выработанные наукой о языкѣ на западѣ. Слѣдуя примѣру своего учителя, онъ началъ съ изученія старославянскаго языка и не мало потрудился для уясненія судебъ славянскаго санскрита. Но затѣмъ онъ перешелъ къ сравнительному изученію живыхъ славянскихъ языковъ съ ихъ важнѣйшими нарѣчіями и говорами и въ своихъ сочиненіяхъ положилъ прочное основаніе сравнительной славянской грамматикѣ, такъ что можетъ быть названъ творцомъ этой новой и важной науки. Славянскіе языки Миклошичъ изучалъ не только по книгамъ, но и непосредственно на мѣстѣ, для чего препринималъ спеціальныя путешествія по славянскимъ землямъ. Только съ живою русскою рѣчью онъ не былъ знакомъ, о чемъ не мало сожалѣлъ въ послѣдніе годы своей жизни. Согласно требованіямъ современной науки о языкѣ, онъ широко пользовался сравнительнымъ методомъ и для объясненія фактовъ и явленій славянскихъ языковъ обращался къ родственнымъ индоевропейскимъ языкамъ. Прекрасно зная важнѣйшіе европейскіе языки, онъ изучалъ сверхъ того языки литовскій, албанскій, румынскій, новогреческій и мадьярскій съ цѣлью разысканія въ этихъ языкахъ славянскихъ элементовъ. Но лингвистическія занятія не поглощали всецѣло ни времени, ни симпатій Миклошича, хотя имъ по преимуществу онъ отдавалъ свою душу. Съ этими занятіями у него соединяются изученія историческія, этнографическія и историко-литературныя. Кромѣ цѣлаго ряда статей, монографій и замѣтокъ, относящихся къ этимъ областямъ, ему принадлежитъ заслуга изданія многихъ цѣнныхъ памятниковъ языка, исторіи и литературы.

Я не имѣю возможности отмѣчать здѣсь всѣ труды великаго ученаго. Простое перечисленіе ихъ потребовало бы слишкомъ много времени. Ограничусь указаніемъ на главнѣйшія монументальныя сочиненія и изданія, которыя своимъ появленіямъ въ свѣтъ отмѣтили цѣлую эпоху въ исторіи славянской науки.

Извѣстность Миклошича въ наукѣ начинается съ 1844-го г., со времени появленія въ Wiener Jahrbüchern его превосходной рецензіи на „Сравнительную грамматику“ Боппа. Въ томъ же журналѣ за 1847 г. былъ помѣщенъ его цѣнный разборъ Востоковскаго изданія

Остромирова Евангелія, а нѣсколько раньше, въ 1845 г., вышелъ въ свѣтъ его первый цѣльный и самостоятельный трудъ: „Radices linguae slovenicae veteris dialecti.“ Всѣми этими работами молодой славистъ обратилъ на себя вниманіе въ ученомъ мірѣ, онѣ же и доставили ему каѳедру въ Вѣнскомъ Университетѣ. Съ этого времени ученая дѣятельность Миклошича получаетъ необыкновенно быстрое развитіе, и славянская филологія начинаетъ обогащаться его монументальными трудами. „Radices“ послужили нашему ученому только подготовительной работой для изданнаго имъ въ 1852 г. „Словаря старо-славянскаго языка“ (Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti). Второе, совершенно переработанное и дополненное изданіе этого словаря (1862—66 гг.) подъ заглавіемъ „Lexicon palaeo-slovenico—latino-graecum,“ не смотря на то, что нуждается во множествѣ дополненій, доселѣ остается необходимымъ и важнѣйшимъ пособіемъ при занятіяхъ старо-славянскимъ языкомъ. Онъ значительно богаче словаря Востокова, не говоря уже объ Академическомъ. Старославянскій языкъ Миклошичъ справедливо поставилъ въ основаніе славянской филологіи и въ своей сравнительной грамматикѣ отвелъ ему первое и главное мѣсто. Онъ издавалъ памятники старославянскаго языка (Супрасльская Минея XI в., Шишатовецкій апостолъ, житіе Климента, „Vitae sanctorum“ и др.) и написалъ нѣсколько монографій по этому языку. Изъ нихъ важнѣйшая—Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, при которой находится извѣстное введеніе, представляющее весьма любопытное разсмотрѣніе вопроса о народности старославянскаго языка и о разныхъ редакціяхъ старославянскихъ памятниковъ. Здѣсь высказанъ и развитъ особый взглядъ на происхожденіе старославянскаго языка, отчасти унаслѣдованный Миклошичемъ отъ Копитара. Родоначальникомъ старославянскаго языка, по его мнѣнію, былъ языкъ паннонскихъ славянъ, потомками которыхъ являются нынѣшніе Словѣнцы. Соотвѣтственно этому взгляду онъ установилъ и особую классификацію старославянскихъ памятниковъ, въ которой первое мѣсто отвелъ т. н. паннонскимъ памятникамъ, особенно тѣмъ, которые писаны глаголицей. Теорія паннонизма старославянскаго языка нашла себѣ большое сочувствіе среди западно-славянскихъ ученыхъ, но въ настоящее время она едва ли можетъ быть поставлена въ разрядъ наиболѣе вѣроятныхъ и доказанныхъ. Быть можетъ, въ ней отразились отчасти мѣстный патріотизмъ ученаго словѣнца,

отчасти вліяніе его учителя Капитора. Тѣмъ не менѣе теорія эта имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи науки уже потому, что она дала толчокъ къ пересмотру темнаго вопроса съ другихъ сторонъ и точекъ зрѣнія и, слѣдовательно, способствовала и наилучшему его уясненію, насколько это возможно въ настоящее время. Вполнѣ слѣдуетъ своему учителю Миклошичъ и во взглядѣ на взаимныя отношенія двухъ славянскихъ азбукъ, доказывая (ст. Glagolitisch въ Энциклоп. Эрша и Грубера) преимущественную древность глаголицы передъ кириллицей. Вопросъ о славянскихъ азбукахъ еще болѣе труденъ и замысловатъ, чѣмъ вопросъ о происхожденіи старославянскаго языка. Открытія трехъ послѣднихъ десятилѣтій въ области древнихъ славянскихъ памятниковъ, во всякомъ случаѣ, подтвердили одно изъ положеній, отстаиваемыхъ Миклошичемъ,—глубокую древность глаголическаго письма. Но какъ бы ни относиться ко взглядамъ и теоріямъ Миклошича по разнымъ общимъ вопросамъ старославянскаго языка, необходимо признать его великія заслуги въ дѣлѣ изученія этого языка. Его грамматика, его словарь, его многочисленныя частныя изслѣдованія подвинули далеко впередъ болѣе или менѣе отчетливое пониманіе строя нашего славянскаго санскрита, раскрыли богатство его содержанія, ближе выяснили его отношеніе къ другимъ славянскимъ языкамъ, наконецъ, значительно истолковали его историческія судьбы.

Очень рано обратился Миклошичъ къ занятіямъ славянскими языками. Въ 1851 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ „Ученіе о звукахъ“ (Lautlehre), награжденный премією Вѣнской Академіей наукъ. Второй томъ, явившійся нѣсколько позже (1854), обнималъ ученіе о формахъ (Formenlehre). Эти два тома составили т. с. основаніе, канву задуманной авторомъ обширной сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Болѣе двадцати лѣтъ изумительнаго труда употребилъ почтенный ученый для осуществленія этой огромной задачи. Многочисленныя статьи его и монографіи, печатавшіяся въ изданіяхъ Вѣнской Академіи—Denkschriften и Sitzungsberichten, въ журналѣ Куна Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, въ собственномъ его изданіи „Slavische Bibliothek,“ въ Rad'ѣ юго-славянской Академіи и др. изд., служили подготовительными работами къ монументальному сочиненію. Наконецъ въ 1879 г. трудъ былъ конченъ. Vergleichende Grammatik въ своемъ

передѣланномъ и распространенномъ видѣ представляетъ четыре огромныхъ тома (въ общей сложности болѣе 2,500 страницъ убористой печати): I. Lautlehre 1879; II. Stammbildungslehre 1875; III Wortbildungslehre 1876; IV. Syntax 1874—1884. Трудъ—по истинѣ замѣчательный. Филологическая наука получила въ немъ первую и единственную сравнительную грамматику славянскихъ языковъ съ ихъ важнѣйшими нарѣчіями и говорами. Современная критика находила и находитъ въ немъ существенные недостатки, и они дѣйствительно есть. Такъ, напримѣръ, ученый авторъ обратилъ очень мало вниманія на исторію языковъ, не всегда достаточно знакомъ съ живыми поднарѣчіями и говорами, не далъ вполнѣ обстоятельной классификаціи славянскихъ языковъ и въ этомъ отношеніи кое-гдѣ допустилъ крупные промахи, такъ словацкій и чешскій языки соединилъ въ одинъ, а напротивъ великорусское и малорусское нарѣчія разсматриваетъ какъ самостоятельные языки (на ряду съ чешскимъ, польскимъ, сербскимъ и т. д.), а не какъ разновидности одного русскаго языка, о чемъ едвали можно спорить; наконецъ указываютъ и другіе недочеты. Все это вполнѣ понятно: такое величественное предпріятіе, какъ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, выполненное силами одного человѣка, не могло быть во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ и совершеннымъ. Какъ ни существенны указываемые критикой недостатки сочиненія Миклошича, они отнюдь не умаляютъ огромнаго его значенія. Уже въ силу одного того обстоятельства, что оно содержитъ въ себѣ обширный лингвистическій матеріалъ, приведенный въ стройную систему, оно останется настольной книгой всякаго, занимающагося славянскими языками, долго будетъ служить точкой отправленія для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области славянскаго языковѣдѣнія.

Но это еще не все. Пять лѣтъ тому назадъ Миклошичъ издалъ еще одинъ монументальный трудъ по сравнительному славянскому языкознанію, надъ которымъ опять работалъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Я разумѣю его „Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen.“ Это—полный словарь славянскихъ корней, съ показаніемъ ихъ видоизмѣненій въ разныхъ славянскихъ языкахъ и объясненіемъ ихъ значеній. Наконецъ, при участіи Миклошича и подъ его руководствомъ выполнена еще одна большая словарная работа „Словарь шести славянскихъ языковъ,“ составленный и изданный на средства

покойнаго принца Ольденбургскаго [Словарь русско-церковно-славянско-болгарско-сербско-польско-французско-нѣмецкій. Вѣна 1885].

Меньшія сочиненія Миклошича по славянскому языкознанію весьма многочисленны и разнообразны по содержанію. Всѣ они свидѣтельствуютъ о необыкновенно широкомъ образованіи автора, отличаются богатствомъ и новизной матеріала, остроуміемъ и основательностью многихъ объясненій и соображеній. Напримѣръ, онъ живо интересовался судьбой элементовъ славянской рѣчи въ другихъ языкахъ: ново-греческомъ, румынскомъ, албанскомъ, мадьярскомъ и каждому изъ этихъ вопросовъ посвятилъ особыя изслѣдованія, представляющія рядъ выводовъ, цѣнныхъ не только для филолога, но и для историка. Съ другой стороны его живо занималъ вопросъ о чужихъ словахъ въ славянскихъ языкахъ, также прекрасно обслѣдованный въ спеціальномъ сочиненіи. Въ высшей степени замѣчательны его изслѣдованія: Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ (1875); О языкѣ Болгаръ въ Семиградіи; Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ (1860); О славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ (1864); О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ (1872—74); Славянскія наименованія мѣсяцевъ (1867); Исторія обозначенія звуковъ въ болгарскомъ языкѣ (1883) и мн. др.

Въ области славянскаго языкознанія Миклошичъ былъ полнымъ хозяиномъ и высоко поставилъ эту молодую науку въ ряду другихъ отдѣловъ сравнительнаго языкознанія. Онъ былъ главнымъ виновникомъ того вниманія и уваженія къ славянской филологіи на романо-германскомъ западѣ, какое замѣчается въ послѣднее время. Но чисто лингвистическія занятія, звуки и формы славянскихъ языковъ, поглощали далеко не все время и вниманіе знаменитаго ученаго. Это былъ мужъ большаго умственнаго кругозора, широкихъ научныхъ интересовъ. Его занимали исторія и этнографія славянъ, славянская народная поэзія и обычное право славянъ. Работы его, относящіяся къ этимъ отдѣламъ славистики, не такъ многочисленны, какъ изслѣдованія по языкознанію, но онѣ нисколько не уступаютъ послѣднимъ въ своихъ достоинствахъ, заслуживая высокаго вниманія и со стороны занимательности разрабатываемыхъ сюжетовъ, и по новизнѣ матеріала, и по оригинальности мысли. Любопытно, что и въ этой категоріи трудовъ Миклошича славяне не разсматриваются особнякомъ, а всегда приняты во вниманіе ихъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ и воз-

дѣйствіе иноземныхъ культуръ на славянскую. Такъ какъ на огромную часть славянства оказало сильное вліяніе Византія, то и Миклошичъ посвящаетъ послѣдней крупнѣйшія свои работы и изданія. О широтѣ научныхъ задачъ и стремленій Миклошича свидѣтельствуетъ, между прочимъ, его изданіе „Slavische Bibliothek“ (2 т. 1851, 1857 г.). Здѣсь находимъ и народныя хорватскія и словѣнскія пѣсни, и галицко-русскія приповѣдки, и описаніе аѳонскихъ древностей, и Псковскую судную грамату 1467 г., и акты, относящіеся ко второй поѣздкѣ Герберштейна въ Московію, и грамоту князя Пожарскаго къ Римскому императору Максимиліану отъ 20 іюня 1612 г., и документы, касающіеся сношеній южныхъ славянъ съ Россіей въ XVII в., и западно-славянскія лѣтописи (чешскія, польскія), и статьи по славянской этнографіи, и этюды по исторіи чешской и польской литературы и т. д. Позже (1864) Миклошичъ написалъ прекрасное изслѣдованіе по славянской миѳологіи „О Русальяхъ“ (Die Rusalien, 1864). Другая его работа касается южно-славянской (хорватской) народной поэзіи. Третья посвящена разсмотрѣнію любопытнаго вопроса „О кровной мести у славянъ“ („Die Blutrache bei den Slaven“). Четвертая (Die serbischen Dynasten Crnojevic 1886), основанная на новыхъ матеріалахъ, открытыхъ въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ, представляетъ любопытное освѣщеніе исторіи Черногоріи въ XVI в. и цѣлый рядъ новыхъ соображеній о внутреннемъ устройствѣ этого замѣчательнаго государства, между прочимъ по вопросу о черногорской ѳеократіи. Но главная заслуга Миклошича въ области историческихъ изученій заключается въ изданіи историческихъ памятниковъ, а также массы новаго историческаго матеріала. Эта серія изданій начинается съ 1858 г., когда вышли его знаменитыя „Monumenta Serbica.“ Нѣсколько позже онъ напечаталъ, „Законникъ Стефана Душана (Lex Stephani Dušani). Въ 1872 г. Миклошичъ вмѣстѣ съ Тейнеромъ издалъ „Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae.“ Но самымъ замѣчательнымъ должно быть признано его изданіе (выполненное при содѣйствіи, впрочемъ, очень слабомъ, Миллера) Acta et diplomata Graeca medii aevi 6 томовъ. Собранные здѣсь архивные матеріалы, главнѣйше акты Константинопольскаго патріархата и различные документы греческихъ монастырей представляютъ драгоцѣнный матеріалъ какъ для уясненія внутренняго состоянія Византіи въ XI—XIV вв., такъ и для освѣщенія

отношеній Руси и южныхъ Славянъ къ Греческому православному царству, а также и для болѣе отчетливаго пониманія частныхъ историческихъ фактовъ мѣстной славянской исторіи. Значеніе этого многотомнаго труда Миклошича уже достаточно оцѣнено въ русской исторической наукѣ, напр. въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ академика В. Г. Васильевскаго. Наконецъ, нельзя не вспомнить о Вѣнскомъ изданіи лѣтописи Нестора—какъ доказательствѣ живаго отношенія Миклошича къ изученію русскихъ историческихъ памятниковъ.

Я отмѣтилъ только самыя крупныя черты и важнѣйшіе факты дѣятельности знаменитаго слависта и не могъ остановиться на множествѣ его болѣе мелкихъ, тѣмъ не менѣе цѣнныхъ работъ. Полная, біографія покойнаго и обстоятельная оцѣнка его ученой дѣятельности —едва ли возможны въ настоящее время. Но изъ сказаннаго достаточно явствуетъ, насколько велики его заслуги и какую крупную силу потеряла въ лицѣ его славянская наука.

Миклошичъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ, на 78-мъ г. жизни, тѣмъ не менѣе до самаго недавняго времени онъ сохранялъ и физическую бодрость, и свѣжесть мысли, и свойственныя ему постоянство и энергію въ работѣ. Еще 4 года назадъ, въ зимній семестръ 1886—87 года, мнѣ пришлось неоднократно видѣться съ покойнымъ. Онъ поражалъ своимъ здоровьемъ, крѣпостью организма, постоянно много работалъ и занятъ былъ цѣлымъ рядомъ большихъ ученыхъ предпріятій. Казалось, наука могла ждать отъ него еще многаго. Но случилось иначе: тяжелая болѣзнь вдругъ уложила его въ постель, а затѣмъ и свела въ могилу.

8 (20) ноября 1883 г. въ Вѣнѣ происходило великое славянское торжество. Представители науки и литературы изо всѣхъ земель обширнаго славянскаго міра при участіи многочисленной славянской молодежи чествовали семидесятую годовщину рожденія и сорокалѣтній юбилей Миклошича. Маститый профессоръ, какъ разсказываютъ, не говорившій со своими славянскими слушателями иначе, какъ по нѣмецки, удостоился, самъ того не ожидая, весьма торжественнаго и искренно-трогательнаго чествованія со стороны славянской молодежи и всемірнаго признанія историческаго значенія своей славной ученой дѣятельности.

Имя Миклошича будетъ записано золотыми буквами въ исторіи славистики и долго, долго будетъ съ почетомъ заносимо въ труды по

славянской филологіи и исторіи славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ будущихъ поколѣній. Для насъ, русскихъ, имя это надолго останется дорогимъ, какъ имя великаго ученаго славянина, который не только много потрудился для изученія всего славянскаго міра, но въ частности въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ отвелъ не мало мѣста русскому слову, памятовалъ и о греко-славянскомъ мірѣ, былъ тѣсно связанъ съ русской наукой и близко принималъ къ сердцу ея успѣхи. Вѣчная ему память!

Т. Флоринскій.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

Кіевская земля до смерти Мстислава В.

(1054—1132).

Се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кневъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будеть вь мене мѣсто. Начальная лѣтопись.

Половина XI вѣка представляетъ поворотный пунктъ въ исторіи Руси. Русскія волости, собранныя почти цѣликомъ въ рукахъ Ярослава Владиміровича, снова распались со смертью его, раздѣленныя между сыновьями. Явленіе это не представляетъ чего-нибудь новаго само по себѣ: то же было при сыновьяхъ Владиміра, Святослава и, вѣроятно, еще раньше, но на этотъ разъ оно оказало существенное вліяніе на политическій строй русскихъ племенъ. Послѣ этого, несмотря на попытки многихъ потомковъ Ярослава, русскія волости уже никогда, въ продолженіе долгаго ряда вѣковъ, не могли быть снова собраны воедино, какъ то бывало раньше. Съ одной стороны, препятствовало размноженіе князей и христіанская гуманность, удерживавшая ихъ отъ такихъ рѣзкихъ объединительныхъ средствъ, какія практиковались раньше, съ другой стороны—попытки объединительной политики парализовались стремленіемъ самихъ племенъ къ самобытному существованію, такъ какъ предшествовавшая эпоха, хотя придала извѣстное единство племенамъ, создала извѣстную связь между ними, но нисколько не стерла ихъ племенныхъ отличій, не заглушила влеченія къ особности. Теперь размноженіе княжескаго

дома доставило отдѣльнымъ племенамъ и областямъ возможность безъ большого труда, безъ разрыва съ установившимся политическимъ строемъ, достигнуть обособленія: стоило только обзавестись отдѣльнымъ княземъ, отдѣльною династіею изъ дома Ярослава. И по мѣрѣ того, какъ князья мельчали и ослабѣвали и въ своихъ столкновеніяхъ вынуждены были все болѣе опираться на земство, это послѣднее имѣло возможность пріобрѣсти, или, точнѣе, возвратить себѣ снова болѣе или менѣе широкое вліяніе и участіе въ политической жизни своей земли. Такъ создался новый, такъ называемый удѣльно-вѣчевой строй, составляющій отличительную особенность времени, слѣдующаго за смертью Ярослава, отъ предшествующаго.

Новыя условія политической жизни произвели особенно большія перемѣны въ положеніи Кіевской земли. Раньше Кіевъ представлялъ центръ, около котораго объединялись русскія земли; кіевскій князь обладалъ большимъ могуществомъ и авторитетомъ, земство было оттѣснено совершенно на второй планъ его дружиною. Теперь же, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода, владѣнія кіевскихъ князей уменьшаются, постепенно падаетъ ихъ могущество и вліяніе; при отсутствіи опредѣленнаго порядка преемства на столѣ, это даетъ возможность другимъ князьямъ также предъявлять претензіи на Кіевъ, такъ какъ послѣдній далеко выдавался среди другихъ городовъ своимъ богатствомъ и славою и представлялъ поэтому завидную добычу. Начинается безконечная, упорная борьба за кіевскій столъ, который безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки, и ни одна княжеская вѣтвь не можетъ на немъ осѣсться. Кіевское населеніе, вызванное къ политической дѣятельности этою тревожною жизнью, напрасно старалось прекратить неурядицу, поставить въ зависимость отъ себя преемство князей на столѣ и закрѣпить послѣдній за излюбленною династіею. Соперничество князей продолжалось, втягивало Кіевскую землю въ безконечныя войны, влекло за собою опустошенія ея, жестокія разоренія самого Кіева, наконецъ—давало кочевникамъ широкую возможность грабить землю, то въ видѣ враговъ, то то въ видѣ княжьихъ союзниковъ, и результатомъ всего этого было совершенное ослабленіе и захуданіе Кіевской земли.

Таковъ общій характеръ кіевской исторіи отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія. Слѣдя за внѣшнею политикою кіевскихъ князей, за судьбою кіевскаго стола и земли, за дѣятельностью кіев-

скаго населенія, нельзя однако не замѣтить на протяженіи этихъ двухъ вѣковъ болѣе или менѣе значительныхъ отличій, которыя дѣлятъ ихъ на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ. Въ первый періодъ еще живо даютъ себя чувствовать политическія традиціи предшествующаго времени: князья дѣятельно занимаются собираніемъ земель и нѣкоторые имѣютъ въ этомъ направленіи значительный успѣхъ, какъ напримѣръ Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, Мономахъ и его сынъ Мстиславъ. Кіевъ занимаетъ безспорно первенствующее положеніе среди другихъ столовъ, кіевскіе князья обладаютъ большими волостями и если не всѣ они въ равной мѣрѣ умѣютъ пользоваться выгодами своего положенія, все же въ общемъ они играютъ весьма видную роль, а нѣкоторые достигаютъ замѣчательнаго могущества и авторитета, напоминая собою кіевскихъ князей предшествующаго времени. Преемство князей на кіевскомъ столѣ происходитъ въ этотъ періодъ безъ особыхъ смутъ и борьбы, и князья сидятъ на немъ въ общемъ довольно прочно (исключая Изяслава). Политическая дѣятельность кіевскаго населенія проявляется спорадически, всего нѣсколько разъ за все время, хотя имѣетъ опредѣленный, властный характеръ. Наконецъ этотъ періодъ отмѣченъ (по временамъ) весьма энергичною и успѣшною борьбою съ кочевниками. Этотъ періодъ можно, пожалуй, назвать временемъ преобладанія Кіева, или переходнымъ; гранью для него можетъ служить смерть Мстислава Владиміровича (1132 г.).

Слѣдующій періодъ, сравнительно небольшой, не обнимающій и полныхъ сорока лѣтъ, представляетъ самую живую, богатую страницу кіевской исторіи. Златой столъ кіевскій служитъ предметомъ искательствъ и оживленной борьбы многочисленныхъ претендентовъ: это періодъ борьбы за кіевскій столъ по преимуществу. Политическія отношенія усложняются, князья быстро смѣняются на кіевскомъ столѣ, восходя и сходя съ него иногда по нѣскольку разъ. Кіевское населеніе принимаетъ весьма живое и дѣятельное участіе въ политической жизни земли, хотя усилія его подчинить своему вліянію эту жизнь оказываются напрасными. Частыя войны между тѣмъ значительно ослабляютъ землю, кромѣ того она начинаетъ дѣлиться на части между захватившими столъ искателями и ихъ союзниками и помощниками. Разореніе Кіева войсками Андрея въ 1169 г. обрываетъ это напряженное, безпокойное время.

Третій періодъ обнимаетъ перипетіи постепеннаго упадка и за-

худанія Кіева. За первымъ разореніемъ послѣдовали новые погромы и разоренія, болѣе или менѣе губительныя. Кіевъ видимо отходитъ на второй планъ, значеніе политическаго центра въ Южной Руси пріобрѣтаетъ Галичъ, а на сѣверо-востокѣ еще раньше возвышается Владиміръ. Борьба за Кіевъ, какъ res nullius, по старой памяти ведется, но она лишена прежней энергіи, интензивности, имѣетъ какой то монотонный характеръ. Дробленіе Кіевской волости между князьями становится уже обычнымъ явленіемъ. Политическая дѣятельность земства ослабѣваетъ: оно какъ бы уходитъ въ себя, отчаявшись въ возможности осуществить свои стремленія. Возобновляются половецкія опустошенія, и борьба съ ними не имѣетъ прежняго успѣха. Монгольскимъ нашествіемъ оканчивается это время и начинается новый періодъ въ исторіи Кіевщины, періодъ чрезвычайно темный, но, можно догадываться, весьма знаменательный въ исторіи народной жизни.

Конечно, указанныя грани, какъ это обыкновенно бываетъ, лишь болѣе или менѣе приблизительно совпадаютъ съ дѣйствительными стадіями развитія и упадка Кіевской земли и не могутъ охватить собою всѣхъ многоразличныхъ и трудно уловимыхъ измѣненій въ жизни ея. Однако для болѣе удобнаго обозрѣнія исторіи Кіевщины я воспользуюсь ими и раздѣлю дальнѣйшее изложеніе на три отдѣла: отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Владиміровича, отъ княженія Ярополка до разоренія Кіева въ 1169 г. и отъ этого послѣдняго до нашествія монголовъ.

Ярославъ Владиміровичъ скончался въ февралѣ 1054 г., распредѣливъ свои волости между сыновьями; завѣщаніе, которое влагаетъ въ уста его лѣтописецъ, указываетъ владѣнія послѣднихъ и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія, но при этомъ перечисляются только главные столы, о другихъ же волостяхъ умалчивается, и мы, съ помощью другихъ лѣтописныхъ извѣстій, только до нѣкоторой степени можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, по этому завѣщанію получаетъ Кіевскую волость, въ составъ которой впервые вошла теперь и Древлянская земля, составлявшая отдѣльную волость при сыновьяхъ Святослава и Владиміра. Еще раньше, при жизни Ярослава, когда послѣдній раздавалъ волости сыновьямъ въ управленіе, Изяславъ получилъ землю дреговичей, затѣмъ когда

скончался старшій его братъ Владиміръ (въ 1052 г.), сидѣвшій въ Новгородѣ, Изяславъ былъ переведенъ на этотъ столъ, но сохранилъ за собою и Дреговичскую волость; такъ заставляютъ думать упоминанія лѣтописей: они говорятъ, что въ моментъ смерти отца Изяславъ княжилъ въ Туровѣ, а находился въ Новгородѣ; по смерти отца за нимъ, кромѣ Кіева, остались и Новгородъ и Туровъ [1]). Другіе Ярославичи получили: Святославъ—Черниговскую волость, Всеволодъ Переяславскую, Игорь—Волынь, Вячеславъ—Смоленскъ; полагаютъ, что кромѣ того Святославъ получилъ еще Муромъ и Тмутаракань, а Всеволодъ землю Ростово-Суздальскую [2]). Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ предположеніи; въ большинствѣ списковъ лѣтописи имя Игоря опущено въ завѣщаніи Ярослава; это подало поводъ Карамзину высказать мнѣніе, что Волынь принадлежала изначала къ волости Изяслава и была отдана братьями Игорю, какъ частный удѣлъ кіевскій. Но это предположеніе не можетъ быть принято: нельзя удовлетворительно объяснить, почему бы Игорь, уже взрослый въ моментъ смерти отца, не получилъ отъ него самостоятельной волости [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 114 „(Ярославъ) разболѣся велми, Изяславу тогда (сущу) в Туровѣ княжащю, а Святославу вь Володимирѣ, а Всеволодъ тогда у отца“ (такъ и въ Тверскомъ сборникѣ—с. 151). Въ Лавр. (с. 157): „Изяславу тогда сущю“...—названіе города пропущено, но пропускъ восполняется позднѣйшими сводами—Воскрес. (I. 333), Софійск. (I. 156): „Изяславу сущу тогда въ Новѣгородѣ“. Въ южнорусскомъ, т. н. Густинскомъ сводѣ (с. 268): „первѣе бо держаху Изяславъ Туровъ, а Святославъ Володымеръ“. Аналогическое явленіе видимъ и при сыновьяхъ Владиміра, когда въ Туровѣ сидѣлъ Святополкъ, одинъ изъ старѣйшихъ сыновей. См. Погодинъ Изслѣдован. и пр. IV. 426–427; Соловьевъ Ист. Россіи т. II с. 402—403 (прим. 27). Что Новгородъ и по смерти отца принадлежалъ Изяславу, это показываютъ распоряженія его относительно Новгорода, начиная съ 1054 г.–см. Воскрес. л. I. 333 и другіе своды, а также свидѣтельство послѣсловія Остромирова Евангелія 1057 г.: Изяславу кънязу.... тогда прѣдрьжащу обѣ власти, и отьця своего Ярослава и брата своего Владимира (послѣсловіе см. напр. у Срезневскаго—Древніе памятн. рус. письма и языка с. 14, есть оно и у Карамзина—II пр. 144). О Туровѣ такихъ прямыхъ извѣстій нѣтъ, но важно то, что онъ является потомъ ближайшимъ, непремѣннымъ владѣніемъ линіи Изяслава и аннексомъ Кіева, „кіевскою волостью“ (см. выше с. 4).

[2]) См. прибавленія къ Новгор. первой лѣт. (изд. 1888 г. с. 66 и 438), Тверской сб. с. 15, Лѣт. Авраамки с. 313. Карамзинъ II с. 40—41 и прим. 50, Соловьевъ II, с. 13, Бестужевъ-Рюминъ Русская Исторія I с. 107 и др.

[3]) Карамзинъ II пр. 50. Возраженія см. у Погодина Изслѣдованія IV с. 429 слѣд., Соловьева II. с. 402, ср. Истор. отнош. князей Рюрик. дома с. 70—1 (отъ высказаннаго

Отношенія кіевскаго князя къ младшимъ братьямъ въ завѣщаніи Ярослава приравниваются къ отношеніямъ отца къ дѣтямъ: „се же поручаю в себе мѣсто столъ свой старѣйшому сынови своему, брату вашему Изяславу, Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да ть вы будеть вь мене мѣсто“ [1]). Такая формулировка весьма неопредѣленна, особенно при обязанности взаимной любви, взаимнаго послушанія, потому установленіе тѣхъ или другихъ отношеній зависѣло всецѣло отъ личныхъ свойствъ и средствъ кіевскаго князя: князь могущественный и энергичный могъ обратить братскія отношенія въ подчиненныя, князь слабый не шелъ дальше призрачнаго старѣйшинства.

Изяславъ Ярославичъ въ моментъ смерти отца находился уже въ возмужаломъ возрастѣ—ему было около 30 лѣтъ и онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ, но этотъ князь, при нѣкоторыхъ, быть можетъ, добрыхъ свойствахъ, былъ лишенъ энергіи, рѣшительности, широкаго ума. Поэтому, какъ можно судить изъ лѣтописныхъ извѣстій, онъ не игралъ среди братьевъ особенно вліятельной, первенствующей роли: старшіе Ярославичи—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ обыкновенно дѣйствуютъ сообща, и лѣтопись не даетъ никакого намека на иниціативу Изяслава. Сообща братья переводятъ Игоря въ Смоленскъ изъ Владиміра, освобождаютъ изъ кіевскаго поруба дядю Судислава, заточеннаго Ярославомъ, предпринимаютъ походъ на торковъ, дѣлаютъ постановленіе объ отмѣнѣ кровавой мести [2]). Тутъ, конечно, много значитъ краткость самихъ извѣстій, но о характерѣ отношеній они все же могутъ дать понятіе; особенно интересенъ фактъ освобожденія Судислава: чтобы освободить этого узника, который сидѣлъ въ волости Изяслава и могъ предъявить притязанія

здѣсь (с. 72—3) скептическаго взгляда на завѣщаніе Ярослава Соловьевъ потомъ отказался—см. Ист. Россіи I. с.). О Игорѣ въ завѣщаніи упомянуто только въ Академическомъ (Троицкомъ) спискѣ Лавр. лѣтоп. (по словамъ Карамзина, это приписка, сдѣланная другою рукою), также въ упомянутыхъ прибавленіяхъ къ Новг. первой (с. 91) и другихъ сводахъ: Воскрес. (I. 333), Никоновск. (I. 85), Тверскомъ (с. 151). Годъ рожденія Игоря намъ неизвѣстенъ, но скончавшись шесть лѣтъ спустя, онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей.

[1]) Ипат. с. 113.

[2]) Ипат. л. с. 114 (Лавр. с. 158—159); Русск. Правда по сп. Академическому ст. 18 (Христоматія по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова в. I с. 29).

только на волость послѣдняго (Псковъ), повидимому, не требовалось участія Святослава и Всеволода, тѣмъ не менѣе подъ 1159 г. читаемъ, что „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего (Судислава) ис поруба“ [1]).

Отъ предшествующаго періода была унаслѣдована традиція собиранія волостей: волости, розданныя дѣтямъ кіевскаго князя, обыкновенно собирались снова черезъ нѣкоторое время въ рукахъ одного изъ его сыновей. Эта собирательная политика проявляется, какъ было упомянуто, и у потомковъ Ярослава. Носителемъ ея естественнѣе всего было явиться Изяславу, какъ старшему и болѣе могущественному, но на дѣлѣ оказывается иное: старшіе Ярославичи эту собирательную политику ведутъ тоже сообща, на общій пай и потомъ распредѣляютъ между собою добытыя волости. Что то не было проявленіе искреннихъ братскихъ отношеній, это показываютъ ихъ далеко не родственные поступки въ отношеніи къ племянникамъ и другъ къ другу; причиною такого кооперативнаго образа дѣйствій былъ, правдоподобно, недостатокъ энергіи у Изяслава и рѣшительнаго преобладанія по сравненію съ братьями.

Первымъ пріобрѣтеніемъ братьевъ была, кажется, Волынь. Вячеславъ Ярославичъ скончался въ 1057 году, оставивъ сына Бориса; на его мѣсто старшіе Ярославича „посадиша Игоря въ Смольньсцѣ изъ Володимеря выведше“. Какъ поступили братья съ Волынью, лѣтопись не сообщила и тѣмъ заставила изслѣдователей прибѣгнуть къ гипотезамъ. Я остановлюсь нѣсколько на этомъ вопросѣ, такъ какъ то или другое рѣшеніе его даетъ извѣстное освѣщеніе политикѣ старшихъ Ярославичей, а также потому, что этимъ рѣшается вопросъ о томъ, когда Волынь перешла во владѣніе кіевскаго князя. Карамзинъ полагалъ, что Волынь возвращена была Изяславу, какъ его исконная волость, лишь на время отданная Игорю [2]); но Татищевъ говоритъ, что Волынь была передана Ростиславу, сыну Владиміра Ярославича, который первоначально, по смерти отца, княжилъ въ Ростовѣ; это извѣстіе принимаютъ и нѣкоторые современные ученые [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 114 (Лавр. 158); 1 Новг. с. 2.

[2]) Исторія Госуд. Росс. II пр. 50.

[3]) Татищевъ—Исторія россійская т. II, с. 117; Соловьевъ—Ист. Росс. II, пр. 32; Зубрицкій—Ист. Гал.-Русск. княж. II с. 11; Андріашевъ—Исторія Волын. зем. с. 106-107.

Но прежде всего нужно бы знать, какой характеръ имѣлъ переводъ Игоря въ Смоленскъ—повышенія или пониженія. Тѣ, которые принимаютъ приведенное извѣстіе Татищева, держатся, вслѣдъ за нимъ, того мнѣнія, что Игорь былъ моложе Вячеслава, и переводъ его въ Смоленскъ былъ повышеніемъ, перемѣщеніемъ съ низшей волости на высшую. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ только тотъ же сводъ Татищева [1]), изъ лѣтописей мы его не знаемъ, и очень можетъ быть, что дата Татищева есть только его домыслъ; между тѣмъ при перечисленіи сыновей Ярослава, Игорь стоитъ между Всеволодомъ и Вячиславомъ [2]): выходитъ, что Игоръ былъ старше Вячеслава; въ такомъ случаѣ и переводъ его въ Смоленскъ былъ не повышеніемъ, а пониженіемъ. И лѣтопись о переводѣ Игоря въ Смоленскъ выражается такъ, что скорѣе, можно думать, рѣчь идетъ о насильственномъ перемѣщеніи (посадиша—выведше [3])), а разъ перемѣщеніе Игоря было насильственнымъ, было пониженіемъ, то старшіе Ярославичи, конечно, не съ тѣмъ выводили изъ Владиміра своего брата, чтобы дать мѣсто племяннику Ростиславу. Если это было такъ, то переводъ Игоря является со стороны старшихъ Ярославичей первымъ шагомъ на пути собиранія волостей. Волынь мы видимъ позднѣе въ рукахъ Изяслава; конечно, онъ, какъ старшій, имѣлъ право на первый пай съ пріобрѣтеннымъ, хотя въ 1057 г. онъ могъ получить и не всю Волынь, а лишь часть ея [4]).

Все то, что я сказалъ, конечно, только предположеніе. Безспорнымъ пріобрѣтеніемъ братьевъ была Смоленская волость—по смерти Игоря, который скончался въ 1060 г.; по извѣстію позднѣйшихъ сво-

---

[1]) По Татищеву Игорь родился въ 1036 г., а Вячеславъ въ 1034 (II с. 105, 106) но онъ могъ родиться и въ промежуткѣ между рожденіемъ Всеволода (1030) и Вячеслава (по Ипат. 1034, по Лавр. 1036 г.).

[2]) Въ разсказѣ о кончинѣ Ярослава сыновья его перечисляются два раза—см. Лавр. с. 157-8, Воскрес. I. с. 333 и пр. Особенно важно второе перечисленіе, относительно котораго нѣтъ разночтеній: „пришедъ Изяславъ сѣде въ Кыевѣ, а Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ же въ Переяславлѣ, Игорь въ Володимерѣ, Вячеславъ въ Смоленсцѣ“ (Ипат. л. с. 114, Лавр. с. 158).

[3]) Такое мнѣніе высказалъ и П. В. Голубовскій, Исторія Сѣверской земли с. 64.

[4]) Можетъ быть и Ростиславъ получилъ при этомъ какую нибудь часть въ Волынской волости (потомство его дѣйствительно имѣетъ какую-то связь съ Волынью), но не всю ее.

довъ, Смоленская волость была раздѣлена между Ярославичами на три части; позже мы видимъ ее у Всеволода [1]). Что касается Волыни, то она, если бы и была отдана Ростиславу, несомнѣнно перешла къ Изяславу въ 1064 г., когда Ростиславъ бѣжалъ, неизвѣстно—откуда, неизвѣстно—почему, въ Тмутаракань. По мнѣнію Соловьева, Ростиславъ, получивъ Волынь, былъ недоволенъ, что его по смерти Игоря не перевели въ Смоленскъ [2]). Едва ли можно принять это объясненіе. Вѣроятнѣе будетъ предположить, что Ростиславъ, если дѣйствительно владѣлъ волостью на Волыни, бѣжалъ вслѣдствіе какихъ-нибудь захватовъ или притѣсненій со стороны дядей [3]).

Такимъ образомъ въ 1064 г. волость Изяслава уже занимала, надо думать, весь бассейнъ Припети и далѣе на западъ—области въ верховьяхъ Западнаго Буга, Днѣстра и Сана. Условія, въ которыхъ находились въ первое десятилѣтіе по смерти Ярослава русскія земли, въ частности Кіевская область, были весьма благопріятны. Союзъ старшихъ Ярославичей обезпечивалъ внутреннее спокойствіе; обезземеленные племянники, дѣти Игоря и Вячеслава, были еще малы, быть можетъ находились внѣ русскихъ земель. Степь, этотъ вѣчный врагъ Южной Руси, оставила ее на время въ покоѣ. Въ ней

---

[1]) Въ Воскрес. (I. 333) и Софійск. (I. 156) это извѣстіе стоитъ подъ 1054 г., очевидно не на мѣстѣ; въ Тверскомъ сб. (с. 153) и у Кромера (De origine et rebus gestis Polonorum p. 54, ed. 1584, съ ссылкою на annales Russorum) раздѣлъ слѣдуетъ за смертью Игоря. Извѣстіе о раздѣлѣ Смоленской волости на три части можетъ служить нѣкоторымъ аргументомъ противъ мнѣнія, что Волынь была первымъ пріобрѣтеніемъ старшихъ Ярославичей, но не рѣшительнымъ, особенно если предположить, что Волынь тоже не перешла цѣликомъ въ руки Изяслава. Отмѣчу, что извѣстіе о раздѣлѣ Смоленска отвергалъ Полевой (Истор. рус. нар. II с. 294) и полагалъ, что Смоленскъ достался Святославу; наоборотъ, Бѣляевъ думалъ, что его захватилъ, какъ и Волынь, Изяславъ (Разсказы изъ русск. ист. I. с. 109). Что Смоленскъ принадлежалъ Всеволоду раньше изгнанія Изяслава, видно изъ Поученія Мономаха—Лавр. с. 238.

[2]) Ипат. л. с. 115 (Лавр. 159). Соловьевъ II с. 14.

[3]) Ростиславъ бѣжалъ черезъ 4 года послѣ смерти Игоря; при томъ было бы слишкомъ легкомысленно бросать Волынь съ Червенскими городами (какъ выходитъ по Татищеву—II, 189) и отправляться въ Тмутаракань въ надеждѣ на лучшую волость, въ родѣ Смоленской (если только еще Смоленская была лучшею). Въ Никон. сводѣ (т. I с. 92) сказано, что Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода, но это можетъ быть и догадка составителя свода; Карамзинъ (II с. 42 и пр. 115), Арцыбашевъ (I ч. 2 с. 25) и другіе ученые принимали это извѣстіе.

самой происходила теперь упорная борьба, сопровождавшая обыкновенно смѣну одного кочевого племени другимъ: торки, вытѣснившіе и смѣнившіе на короткое время печенѣговъ, подверглись теперь, въ свою очередь, нападенію половцевъ и въ борьбѣ за свое существованіе не имѣли возможности безпокоить Руси. Во все время отъ послѣдняго нашествія печенѣговъ (1034 г.), въ продолженіи болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, не слышно нападеній кочевниковъ на Кіевскую землю, во все это время она не подвергалась нападенію и какой-либо другой рати. Въ 1060 году Ярославичи вмѣстѣ со Всеславомъ полоцкимъ, „совокупивше воя бещислены“ (вѣроятно, въ походѣ принимали участіе, кромѣ дружины, и земскія ополченія Кіевской и другихъ земель), на коняхъ и лодьяхъ, впервые предприняли наступательный походъ въ степь. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, торки не выдержали; по предположенію лѣтописца, они совершенно погибли въ это время отъ голода и холода, „Божіимъ гнѣвомъ гонимы“; въ дѣйствительности они двинулись на юго-западъ, за Дунай [1]). Въ Татищевскомъ сводѣ прибавлено, что князья захватили плѣнниковъ и разселили ихъ по городамъ; лѣтописное ли это извѣстіе, или предположеніе историка, но самый фактъ весьма вѣроятенъ: поселенія торковъ въ предѣлахъ Кіевской и Переяславской областей впервые упоминаются въ восьмидесятыхъ годахъ, но поселены они были тамъ, надо полагать, еще раньше, и наиболѣе удобнымъ моментомъ является именно походъ 1060 г. [2]). Мѣсто торковъ въ степяхъ заняли половцы, и Русь немедленно испытала непріятности этого новаго сосѣдства: въ слѣдующемъ же году половцы вторгнулись въ Переяславскую волость, а нѣсколько лѣтъ спустя пришлось познакомиться съ ними и Кіевской землѣ [3]).

---

[1]) См. у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 47 и 78. Иловайскій т. I с. 115. Карамзинъ т. II. пр. 112.

[2]) Ипат. с. 114—5 и 143, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха), Татищевъ II с. 116; ср. выше с. 31.

[3]) У Татищева подъ 1064 (т. II с. 118) разсказывается, что половцы съ тѣмъ же княземъ Сокаломъ, который въ 1061 году ходилъ на Переяславскую волость, напали на Русскую землю, но были разбиты Изяславомъ; это у него, очевидно, повтореніе извѣстія о побѣдѣ Святослава надъ половцами 1068 г., пріуроченное по ошибкѣ къ Изяславу: здѣсь также фигурируетъ Сіовскъ (т. е. Сновскъ ср. с. 122), 1 ноября, 12000 половцевъ и т. д. Извѣстіе о побѣдѣ Изяслава надъ половцами есть и у Стрыйковскаго (I р. 167), въ

Другіе походы, предпринятые Изяславомъ, не имѣли особеннаго значенія для Кіевской земли и происходили, вѣроятно, безъ участія кіевскаго ополченія; такъ онъ ходилъ на чудь и на сосоловъ, отрасль того же чудскаго племени, жившую за Чудскимъ озеромъ [1]); эти походы предприняты были, очевидно, въ интересахъ Новгородской волости. Вслѣдствіе малолѣтства сыновей (старшій изъ нихъ—Святополкъ родился въ 1050 г.) [2]), Изяславъ управлялъ Новгородомъ чрезъ посадника, а въ болѣе важные походы, какъ видно, отправлялся самъ Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ объ удачномъ походѣ его на Голядь, народъ, по всей вѣроятности, литовскаго племени [3]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ совмѣстнаго похода на торковъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія противъ волостей Изяслава. Онъ осаждаетъ Псковъ, затѣмъ беретъ Новгородъ. Братья явились на помощь Изяславу, всѣ трое вторглись въ волость Всеслава, разграбили Минскъ, затѣмъ Всеславъ былъ разбитъ на р. Немизѣ. Этимъ дѣло не кончилось; зазвавъ для переговоровъ, его вѣроломно схватили и заточили въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Татищевъ приписываетъ иниціативу этого измѣннническаго поступка Святославу, но лѣтописецъ скорѣе считаетъ виновникомъ Изяслава; по крайней мѣрѣ онъ отмѣчаетъ, что именно Изяслава вслѣдъ за тѣмъ постигла кара за клятвопреступленіе [4]). Весьма вѣроятно предположеніе, что Изя-

---

извлеченіи изъ Kroniki Ruskiej, и также, по всей вѣроятности, отнесено къ Изяславу по ошибкѣ, вмѣсто Святослава (ошибокъ въ именахъ въ этомъ извлеченіи есть довольно).

[1]) Софійск. I. 156—157. Воскр. I. 333. Тверск. с. 152—3. Никон. I. 86, 92. О мѣстожительствѣ Сосоловъ и прочей Чуди см. у Барсова—Географія с. 47 - 48.

[2]) 1 Новгор. с. 2.

[3]) Ипат. с. 114 (1058 г.). Происхожденіе и мѣстожительство голядей до сихъ поръ не опредѣлено достаточно—Барсовъ Географія Нач. Лѣтоп. с. 43. Ходаковскій, Соловьевъ (II с. 34) видѣли здѣсь Голядь, сидѣвшую на р. Протвѣ; см. еще Погодина Изслѣдов. V с. 249—250.

[4]) Ипат. с. 115, 117—8. Лавр. с. 159, 162—3. 1 Новг. с. 29. 2 Псковская с. 8 (въ Полн. собр. лѣт. т. V). Татищевъ II с. 119; свидѣтельство его принялъ П. В. Голубовскій, Ист. Сѣв. зем. с. 68. Карамзинъ прямо выставляетъ Изяслава дѣйствующимъ въ этомъ случаѣ единолично (II. с. 43), въ лѣтописи это не высказано такъ рѣзко: „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ целовавше крестъ честный к Всеславу, онъ же надѣяся целованія креста, переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидущю и тако яша Всеслава, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Кыеву“, а ниже: „се же Богъ яви крестьную силу, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и“ (Ипат. с. 117 и 121).

славъ уступилъ при этомъ Новгородскую волость Святославу, а себѣ взялъ Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына Мстислава, изгнаннаго Всеславомъ изъ Новгорода [1]); во всякомъ случаѣ въ 1069 г. Новгородъ уже принадлежалъ Святославову дому: въ немъ сидѣлъ Глѣбъ Святославичъ [2]).

Кара за клятвопреступленіе въ отношеніи Всеслава постигла Изяслава спустя годъ. Въ 1068 г. [3]) половцы вторично напали на Переяславское княженіе, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ прежде. Изяславъ и Святославъ на этотъ разъ поспѣшили на помощь Всеволоду. Половцы проникли уже за Трубежъ, на Альтѣ произошло сраженіе, въ которомъ русскіе были совершенно разбиты. Изяславъ поспѣшно бросился съ своими ратниками въ Кіевъ; съ нимъ вмѣстѣ бѣжалъ и Всеволодъ, не рѣшившійся оставаться въ Переяславлѣ. Половцы вслѣдъ за ними также переправились черезъ Днѣпръ и разсыпались загонами по Кіевской землѣ. Это было совершенною неожиданностію для Кіевщины, успѣвшей за послѣднее время уже отвыкнуть отъ подобныхъ вторженій. Пораженіе и нападеніе половцевъ только раздражили кіевлянъ: „людье Кыевьстии прибѣгоша Кыеву, и створивше вѣче на торговищи (на Подольѣ), и рѣша послався ко князю: се половци росулися по земли; да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемься с ними. Изяславъ же сего не послуша“ [4]). Естественнѣе всего думать,

---

[1]) Соловьевъ II пр. 55. Едва ли братья предоставили бы Изяславу Полоцкъ, не получивъ вознагражденія за свою помощь: Изяславъ получилъ Волынь, у Всеволода видимъ Смоленскъ, и Святославъ долженъ былъ получить какую-нибудь волость.

[2]) 1 Новг. с. 2. Карамзинъ (II пр. 125) справедливо полагалъ, что Святославъ послалъ сына Глѣба въ Новгородъ уже по изгнаніи Изяслава: зимою 1068 г. Глѣбъ еще былъ въ Тмутаракани, какъ видно изъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ (см. напримѣръ у Срезневскаго—Др. пам. рус. письма и яз. с. 15, у Карамзина—II пр. 120).

[3]) Такъ датировано это событіе во всѣхъ спискахъ Ипатской, 1 Новг., Лавр. спискѣ и сводахъ, въ Радзив. же и Академ. спискахъ помѣщено подъ 1067 г.; такая же разница и относительно слѣдующаго года.

[4]) Это важное мѣсто лѣтописи (Ипат. с. 120, Лавр. с. 166) возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде всего, кто такіе были „людье Кыевьстии“—окрестные ли жители, сбѣжавшіеся отъ половецкаго набѣга (такъ думалъ Хлѣбниковъ—Общество и государство с. 262), или прибывшее съ поля битвы ополченіе? Обыкновенно предполагаютъ второе, и это очень вѣроятно: на такое пониманіе наводятъ самыя слова вѣча (и еще бьемься с ними), при томъ земскія ополченія обыкновенно участвовали въ походахъ на кочевниковъ. Если

что это требованіе испугало его; вѣроятно, съ самаго начала народное движеніе приняло враждебный по отношенію къ нему характеръ: могли винить князя въ пораженіи, жаловаться на бездѣйствіе при опустошеніи земли половцами, и это тѣмъ болѣе, что еще раньше, повидимому, существовали натянутыя отношенія у населенія къ князю, и не мало, надо, думать, людей было арестовано послѣднимъ. Когда народъ узналъ объ отказѣ князя, неудовольствіе обратилось на тысяцкаго Коснячка, предводителя земскаго ополченія. Все вѣче двинулось къ нему на Гору, къ его дому; не найдя его, снова остановилось для совѣщанія у двора Брячиславля; неудовольствіе на князя, очевидно, возрастало и переходило въ открытое противленіе. Рѣшили освободить „свою дружину“ [1])—кіянъ, сидѣвшихъ въ княжьемъ погребѣ; одна часть вѣча пошла съ этою цѣлью къ погребу, другая направилась ко княжьему двору и начала препираться съ княземъ горячо, съ крикомъ. Подошла и другая часть людей, освободивъ узниковъ. Народъ, раздраженный напраснымъ препирательствомъ, уже приходилъ къ рѣшенію замѣнить Изяслава другимъ княземъ; подъ рукою былъ Всеславъ, прослывшій чародѣемъ за свою ловкость, сидѣвшій тоже

же принять, что земское ополченіе участвовало въ походѣ, то этимъ устраняется предположеніе, что княземъ было запрещено населенію ношеніе оружія, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній, почему кіяне и обратились за оружіемъ къ Изяславу (Костомаровъ Монографіи I с. 178). Такое предположеніе само по себѣ невѣроятно: запретить ношеніе оружія и отобрать его у вооруженнаго кіевскаго земства едва ли бы рѣшился и болѣе энергичный князь, чѣмъ Изяславъ. Вѣроятно, кіяне просили оружія и коней взамѣнъ потеряннаго въ битвѣ и для снабженія болѣе бѣдныхъ „людей“, не имѣвшихъ ни того, ни другаго. См. также соображенія г. Линниченка, Вѣче въ Кіевской области с. 18. Упомяну еще объ объясненіи отказа Изяслава, сдѣланномъ нѣкогда Соловьевымъ: позволить кіянамъ однимъ итти на половцевъ (такъ понималъ авторъ требованіе населенія)—значило для князя отказаться отъ своей обязанности защитника земли, потерять свое значеніе (Ист. отнош. князей. Рюрик. дома с. 82). Длугошъ, разсказывающій этотъ эпизодъ весьма близко къ лѣтописи, объясняетъ отказъ Изяслава опасеніемъ, что кіевляне снова потерпятъ неудачу (l. III p. 249).

[1]) „Дружину“ въ Ипат., „дружину свою“ въ Лавр., прибавл. къ 1 Новг. (с. 101) и сводахъ (Софійск., Воскрес., Никон., Тверск.). Арцыбашевъ напрасно разумѣлъ здѣсь дружину полоцкую (т. I., ч. 2 пр. 145); ни на чемъ не основано и предположеніе его, что Брячиславовъ дворъ, гдѣ остановилось вѣче для совѣщанія, принадлежалъ Брячиславу Полоцкому и находился на Лыбеди (ibidem пр. 147). Г. Сергѣевичъ слово „дружину свою“ относитъ къ Всеславу—т. е. какъ бы „нашего товарища“ (Вѣче и князь с. 398), это толкованіе принялъ и г. Самоквасовъ въ своихъ „Замѣткахъ по ист. русск. госуд. устрой-

въ порубѣ неподалеку [1]). Дружина совѣтовала Изяславу стеречь покрѣпче этотъ порубъ, потомъ даже—тихонько убить Всеслава. Изяславъ не рѣшался; человѣкъ вообще мало энергичный, онъ видимо растерялся и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ движенія. Наконецъ „людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю". Тутъ Изяславъ съ Всеволодомъ бросились бѣжать со двора а Всеславъ былъ превозглашенъ княземъ: „поставиша и средѣ двора княжа". Это было на другой день воздвиженія креста: силою честнаго креста, который оскорбилъ Изяславъ, схвативъ Всеслава, и къ которому воззвалъ заточенный Всеславъ, былъ освобожденъ послѣдній. Княжескій дворъ, богатства княжьи были разграблены, но никакихъ другихъ буйствъ, грабежей лѣтопись не разсказываетъ [2]). Народное движеніе, какъ оно представляется въ лѣтописи, имѣетъ сдержанный, послѣдовательный характеръ. Причиною его является недовольство образомъ дѣйствій князя, его нерадѣніемъ о землѣ, и движеніе направляется исключительно противъ него, сначала въ видѣ протеста, затѣмъ приводитъ къ низложенію князя и поставленію на его мѣсто новаго лица. Разграбленіе двора, оставшагося безъ хозяина, слѣдуетъ уже за бѣгствомъ Изяслава. Любопытно, что между тѣмъ какъ по лѣтописному разсказу Всеславъ былъ освобожденъ волею всего населенія (людье

ства и управленія (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1869. XI. с. 75.); хотя такое объясненіе слова „дружина" само по себѣ возможно (такъ „дружина" въ современномъ малорусскомъ языкѣ означаетъ жену), но „своею дружиною" кіевляне никакъ не могли назвать полоцкаго князя. Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 264) разумѣлъ подъ дружиною бояръ—участниковъ движенія, но слово это, вѣроятнѣе всего, употреблено въ смыслѣ „товарищи, сограждане", какъ и въ Ипат. с. 207 (строка 13) или 376 (ст. 10). Здѣсь разумѣются, надо думать, не какіе-либо обыкновенные преступники: о преступникахъ обычныхъ, при томъ не многочисленныхъ, едва ли народъ вспомнилъ бы въ такой важный моментъ, а многочисленность сама уже будетъ признакомъ какихъ-то ненормальныхъ отношеній князя къ народу. Татищевъ (т. II с. 120) объясняетъ еще, будто народъ былъ недоволенъ на Коснячка за то, что онъ отговаривалъ князя дать оружіе, народъ хотѣлъ убить его и домъ разграбить; послѣднее противорѣчитъ лѣтописи, при томъ если посланцы видѣли Коснячка на княжьемъ дворѣ, зачѣмъ народу было ходить къ дому его?

[1]) „Изяславу сѣдящу на сенѣхъ с дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ, а кьнязю изо оконца зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Туки, Чюдиновъ братъ, Изяславу: „видиши, княже, людье вьзвыли; послы, ать блюдуть Всеслава". Ипат. с. 120. Отмѣчу, что у Кромера освобожденія Всеслава добивается Russica nobilitas (p. 54).

[2]) Ипат. 120—121 (Лавр. 166—167), 1 Новг.с. 2.

же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю), кіяне, вспоминая объ этомъ спустя 30 лѣтъ приписываютъ освобожденіе его партіи злоумышленниковъ: „о семъ промыслимы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославличѣ, высѣкше Всеслава ис поруба, злии они, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему“ [1]). Это, кажется, показываетъ только, какъ скоро исчезаетъ въ массѣ истинное представленіе о событіяхъ; вѣроятно, и въ „злые“ попали освободители Всеслава потому, что изъ-за нихъ „много зла бысть граду“.

Всеславъ пробылъ на кіевскомъ столѣ около семи мѣсяцевъ, но лѣтопись не сообщаетъ совершенно ничего о его дѣятельности; это тѣмъ болѣе жаль, что новый князь-избранникъ долженъ былъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ желаніями земства. Мы не знаемъ даже, предпринятъ ли былъ желанный походъ противъ половцевъ; если ходили на нихъ, то, вѣроятно, безъ большаго успѣха, а можетъ быть половцы ушли заблаговременно. Полтора мѣсяца спустя Святославъ нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Снови и тѣмъ, вѣроятно, положилъ конецъ опустошеніямъ [2]).

Между тѣмъ Изяславъ, хотя въ данное время владѣлъ кромѣ Кіева областями древлянъ и дреговичей, Волынью и Полоцкомъ, не попытался собрать военныя силы въ этихъ волостяхъ и, опираясь на нихъ, подавить движеніе кіевлянъ. Очевидно, онъ не надѣялся найти достаточно поддержки со стороны населенія этихъ земель противъ кіевскаго земства. Не обратился онъ за помощью и къ братьямъ, почему—трудно рѣшить, а отправился въ Польшу, съ королемъ которой, Болеславомъ Смѣлымъ, онъ былъ связанъ двойными узами родства, какъ племянникъ его матери и мужъ его тетки [3]). Длугошъ говоритъ, что Изяслава сопровождали сыновья его, Святополкъ и Мстиславъ, и нѣкоторые дружинники [4]). Болеславъ не замедлилъ ока-

---

[1]) Ипат. л. с. 246.

[2]) Ипат. с. 121 (Лавр. с. 167); 1 Новг. с. 2.

[3]) Мать Болеслава была сестра Ярослава—Ипат. с. 108. Жена Изяслава въ Патерикѣ (с. 151) просто названа „ляховицею“; позднѣйшіе своды (Воскр. I. 331, Никон. I. 83, Тверск. с. 149, 158, Густин. с. 271) называютъ ее сестрою Казиміра. См. Линниченко Взаимн. отнош. Руси и Польши с. 48 и 52.

[4]) Hist. Polonica. l. III. p. 250.

зать поддержку изгнанному; полагаютъ, что онъ выговорилъ себѣ за помощь Червенскіе города; весною слѣдующаго (1068) года онъ самъ выступилъ въ походъ съ Изяславомъ. Источники не говорятъ о какихъ-либо столкновеніяхъ на пути къ Кіеву: вѣроятно, населеніе Волынской и Древлянской земель осталось нейтральнымъ въ распрѣ кіевлянъ съ ихъ княземъ. У Бѣлгорода, на границѣ Полянской земли, ожидало Изяслава съ поляками кіевское ополченіе, со Всеславомъ во главѣ [1]). Но вдругъ ночью, тайкомъ отъ кіевлянъ, Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ; не имѣя ни надеждъ, ни претензій утвердиться въ Кіевѣ наперекоръ Ярославичамъ, онъ, вѣроятно, счелъ неблагоразумнымъ подвергаться напрасному риску и „доткнувшись стружіемъ злата стола кіевскаго, лютымъ звѣремъ умчался въ полночь изъподъ Бѣлгорода, повитый синею мглою“ [2]). Кіевляне, узнавъ поутру, что остались безъ князя, почувствовали себя совершенно безпомощными и отступили въ Кіевъ. Сдаться они ни въ какомъ случаѣ не желали—изъ боязни мести или, можетъ быть, изъ нерасположенія къ Изяславу; послѣ совѣщанія на вѣчѣ рѣшено было обзавестись прежде всего княземъ: „и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядьскую; а поиде (поидѣта) въ градъ отца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити въ Грѣцискую землю“ [3]). Это былъ, очевидно, призывъ на княженіе. Обращаясь къ обоимъ братьямъ, чтобы заручиться ихъ помощью, кіевляне, вѣрно, имѣли собственно въ виду Святослава, болѣе энергичнаго, прославленнаго недавнею побѣдою надъ половцами; такъ, повидимому, понимаетъ и лѣтописецъ, влагая въ

---

[1]) Длугошъ говоритъ, что Всеславъ собралъ значительное войско ex Ruthenis, Pieczyniegys et Wallachys—Hist. Pol. l. III p. 265; можетъ быть это торки Кіевской области?

[2]) Слово о полку Игоревѣ въ изд. Тихонравова 1868 г. с. 10.

[3]) Ипат. л. с. 121—2 (Лавр. с. 168). Слова „а поидѣта въ градъ отца своего„ трудно изъяснить иначе, какъ въ смыслѣ призыва на княженіе (въ Никоновской лѣтописи сказано прямо: поидите... и княжита (т. I с. 96); такъ понимаетъ эти слова г. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 112), иные же, какъ Костомаровъ (Моногр. I. с. 179), Самоквасовъ (ор. с. с. 76—77) и др. видятъ здѣсь только просьбу о посредничествѣ. Но представительствовать за кіевлянъ Ярославичи могли и не входя въ Кіевъ, какъ они и сдѣлали, и незачѣмъ ихъ было непремѣнно призывать туда (ср. Линниченко—Вѣче с. 20).

уста имѣнно ему отвѣтъ на предложеніе кіевлянъ. Но Святославъ не рѣшился принять предложеніе, онъ обѣщалъ кіянамъ отъ себя и отъ брата только заступиться за нихъ передъ Изяславомъ и потребовать отъ него, чтобы онъ вступилъ въ городъ мирно, безъ большой дружины, въ случаѣ же насилій обѣщалъ вооруженную помощь. Трудно рѣшить, какіе мотивы побудили его къ отказу; боязнь риска, наличная польская армія были едва ли не главными изъ этихъ мотивовъ. Кіяне, по словамъ лѣтописца, утѣшились этимъ отвѣтомъ; ихъ рѣшеніе зажечь городъ и уйти въ Греческую землю (можетъ быть въ Крымъ, въ греческіе города), конечно, не было серьезнымъ; не добывъ себѣ князя, они не рѣшились сопротивляться и отдались подъ заступничество Святослава и Всеволода. Послѣдніе послали къ Изяславу пословъ, „глаголюще: Всеславь ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противнаго ти нѣтуть; аще ли хощеши гнѣвомъ ити и погубити градъ, то вѣси, яко намъ жаль отня стола“ [1]). Эта угроза заставила Изяслава дѣйствовать осторожнѣе. Онъ оставилъ польское войско и пошелъ съ Болеславомъ, „мало ляховъ поемь“, но впередъ отрядилъ сына Мстислава съ значительнымъ, очевидно, отрядомъ дружины. Принятый въ городъ, Мстиславъ началъ расправу: 70 человѣкъ было убито, по словамъ лѣтописца, другіе ослѣплены; вмѣстѣ съ вождями движенія погибли и неповинные. Эта жестокость и вѣроломство остались памятными въ населеніи, которое винило въ нихъ Изяслава, и лѣтописецъ позже, защищая послѣдняго, сваливалъ всю вину на Мстислава [2]). Но никакого сопротивленія, судя по лѣтописи, населеніе не оказало: оно, очевидно, находилось въ томъ удрученномъ, тягостномъ состояніи упадка энергіи, которое постигаетъ массовыя движенія при неудачѣ. Когда приблизился къ городу Изяславъ, кіевляне покорно вышли навстрѣчу ему [3]), и Изяславъ вокняжился

---

[1]) У Длугоша послы Святослава и Всеволода говорятъ Изяславу: Quodsi te aliquis furor ad ulciscendum acceptam a Kioviensibus injuriam exagitat, ipsemet potius ultionem et in Kiovienses et in arcem, sine (sive?) ferro sine igne liber dummodo Poloni in nos et gentem nostram non debachantur exerce (l. III. p. 266). Не есть ли это лишь не точный переводъ приведенныхъ словъ лѣтописи?

[2]) Ипат. с. 142 (Лавр. с. 196).

[3]) Ad septimum lapidem у Длугоша (l. III p. 266).

вторично; это было 2 мая 1069 года [1]). Такова была судьба этого народнаго движенія. Лѣтопись непосредственно затѣмъ сообщаетъ, что Изяславъ перевелъ торговище, на которомъ происходили вѣча, съ Подолья на Гору, поближе къ княжьему двору; весьма вѣроятно, что это распоряженіе имѣло политическій характеръ и было сдѣлано съ цѣлью доставить князю возможность имѣть подъ ближайшимъ надзоромъ народныя сборища и парализовать впредь движенія, подобныя описанному. Въ половинѣ XII в. однако, какъ было уже упомянуто, мы видимъ торговище снова на Подольѣ [2]).

Кромѣ начальной лѣтописи, источника вполнѣ точнаго и достовѣрнаго, о занятіи Кіева Изяславомъ и Болеславомъ говорятъ польскіе писатели. Разсказъ послѣднихъ носитъ ясный и несомнѣнный слѣдъ легенды. Древнѣйшій источникъ, которымъ пользовались послѣдующіе писатели, Мартинъ Галлъ, въ своемъ разсказѣ передаетъ собственно двѣ подробности, символизирующія покореніе Кіева Болеславомъ: ударъ мечемъ въ Золотые ворота при вступленіи въ городъ и osculum pacis, данный Болеславомъ своему родственнику, возстановленному на кіевскомъ столѣ [3]). Несомнѣнно, подобные символы употреблялись: подобная же легенда объ ударѣ въ Золотые ворота позднѣе пріурочивается и въ Кіевщинѣ къ половецкому хану Боняку, но это однако вовсе не ручается за то, что упомянутыя символическія церемоніи дѣйствительно имѣли мѣсто при занятіи Кіева Болеславомъ,

---

[1]) Ипат. л. с. 121—122. Лавр. 168—169. 1 Новг. с. 2: Приде Изяславъ съ Ляхи, а Всеславъ бѣжа Полотьску и погорѣ Подоліе. Г. Линниченко (Вѣче с. 20) связываетъ этотъ пожаръ съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, но извѣстіе такъ кратко, что трудно сдѣлать съ нимъ что-нибудь; Карамзинъ (II. с. 124) полагалъ, что рѣчь здѣсь идетъ не о кіевскомъ, а о новгородскомъ Подольи, и это можетъ быть.

[2]) Ипат. л. с. 249; у Татищева II с. 124: Изяславъ, видя, что не прилично торгу и сборищу многому людей быть на низу въ отдаленіи отъ его дому, повелѣлъ торгъ перевести на-гору; см. также Карамзина II с. 45—6, Полевого—Ист. рус. нар. II с. 302 и др. Проф. Малышевскій (Евреи въ Южной Руси с. 79) объясняетъ перенесеніе торговища экономическими соображеніями.

[3]) Вотъ весь этотъ краткій разсказъ: Ipse quoque (Bolezlavus), sicut primus Bolezlavus magnus, Ruthenorum reqni caput, urbem Kyewo praecipuam hostiliter intravit, ictumque sui ensis in porta aurea signum memoriae dereliquit. Ibi etiam quendam sui generis Ruthenum, cui pertinebat regnum, in sede regali constituit, cunctosque sibi rebelles a potestate destituit. O pompa gloriae temporalis! o audacia fiduciae militaris! O majestas regiae potestatis! Rogatus itaque Bolezlavus largus a rege quem fecerat, ut obviam ad se ve-

и молчаніе нашей лѣтописи дѣлаетъ довольно подозрительными эти подробности польскаго источника [1]).

Болеславъ съ войскомъ остался на нѣкоторое время въ Кіевской землѣ, ляхи были „распущены на покормъ"; это могло случиться и по просьбѣ Изяслава, не полагавшагося на покорность кіянъ, но такая мѣра не могла снискать ему народнаго расположенія. Можетъ быть, съ помощью поляковъ же Изяславъ предпринялъ походъ на Полоцкъ [2]); Всеславъ былъ изгнанъ, въ Полоцкѣ былъ посаженъ Мстиславъ Изяславичъ, а послѣ смерти послѣдняго (въ томъ же году)—Святополкъ. Всеславъ, впрочемъ, продолжалъ борьбу и черезъ годъ выгналъ Святополка изъ Полоцка [3]). Какъ долго оставались ляхи на квартирахъ въ Кіевщинѣ, мы не знаемъ; лѣтопись сообщаетъ, что они возбудили неудовольствіе среди населенія, которое начало избивать ихъ; позднѣйшій польскій источникъ говоритъ о своеволіи и распутствѣ поляковъ—постояльцевъ, и въ этомъ извѣстіи нѣтъ ничего невѣроятнаго [4]). Движеніе народа противъ поляковъ выразилось не въ видѣ открытаго возстанія, а въ видѣ отдѣльныхъ убійствъ (изьбиваху Ляхы отай), но такъ сильно и широко, что Болеславъ поспѣшно ушелъ изъ

---

niret sibique pacis osculum ob reverentiam suae gentis exhiberet, Polonus quidem hoc annuit, sed Ruthenus dedit, quod voluit. Computatis namque Largi Bolezlavi passibus equinis de statione ad locum conventionis, totidem auri marcas Ruthenus posuit. Nec tamen equo descendens, sed barbam ejus subridens divellens, osculum ejus satis pretiosum exhibuit. Monumenta Poloniae historica I p. 419.

[1]) Ударъ въ Золотые ворота—подробность, общая съ разсказомъ о занятіи Кіева Болеславомъ Храбрымъ; очевидно, одна и та же легенда была пріурочена къ обоимъ Болеславамъ. Легенду о Бонякѣ, который „сѣкъ в Золотая ворота"—см. въ Ипат. с. 299. Длугошъ переноситъ эти легендарныя подробности на походъ Болеслава послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава, въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, не существовавшій (l. III p. 279). По его же словамъ въ 1069 г. Болеславъ воспользовался возвращеніемъ Изяслава только какъ предлогомъ, чтобы завоевать Русь (l. III p. 264). Критическій разборъ польскихъ извѣстій у г. Линниченка—Взаимныя отношенія с. 110 сл., см. также Чтенія въ обществѣ Нестора II с. 176.

[2]) Это прямо говоритъ Длугошъ (l. III p. 266), наша лѣтопись упоминаетъ о походѣ на Полоцкъ послѣ ухода Болеслава изъ Кіева, но лѣтописецъ могъ и для единства присоединить разсказъ о дальнѣйшей судьбѣ ляховъ къ разсказу о занятіи Кіева.

[3]) Ипат. л. с. 122 (Лавр. с. 169).

[4]) Длугошъ III p. 280; эти подробности у него отнесены также къ походу 1076 г., ихъ можно перенести на походъ 1069 г. по аналогіи съ вышеупомянутою легендою о Зо-

Кіевщины [1]). Если отсутствіе открытаго движенія указываетъ, можетъ быть, на упадокъ духа и энергіи населенія, то изгнаніе ненавистныхъ квартирантовъ должно было въ значительной степени возстановить и то и другое.

Послѣдующіе три года, предшествовавшіе вторичному изгнанію Изяслава, не отмѣчены какими-либо важными событіями во внѣшней исторіи Кіевщины. На сѣверѣ продолжалась борьба со Всеславомъ. Половцы сдѣлали новый набѣгъ и пограбили область Раставицы (около Растовца и Неятина). Къ этому же времени лѣтопись относитъ появленіе волхва въ Кіевѣ, имѣвшаго нѣкоторый успѣхъ у менѣе просвѣщенной части населенія, но затѣмъ пропавшаго безъ вѣсти [2]).

Въ 1072 г. всѣ Ярославичи съ митрополитомъ и высшимъ духовенствомъ ихъ волостей собрались въ Вышгородъ для перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изясла-

---

лотыхъ воротахъ (которые у Длугоша являются уже желѣзными—p. 279, варіантъ любопытный, ср. у Ляссоты: „одни называютъ ихъ золотыми, иные желѣзными воротами“—Мемуары отн. къ ист. Южной Руси I, с. 158). По Длугошу поляки зимовали въ Кіевѣ (оба раза, 1069 и 1076 г.—p. 266 и 280); новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что въ 1068-9 г. поляки пробыли тамъ 10 мѣсяцевъ (см. Линниченко Взаимныя отнош. с. 109). Карамзинъ (II пр. 123) говоритъ, что въ мартѣ 1069 г. полякозъ уже не было въ Кіевѣ; то обстоятельство, что лѣтопись оканчиваетъ разсказъ о ляхахъ подъ 1069 годомъ, собственно не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ; однако вполнѣ вѣроятно, что поляки—самое большее—только перезимовали и слѣдовательно не пробыли до новаго года.

[1]) Объ избіеніи ляховъ говорится и въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Болеслава Храбраго (1018 г.), но совершено съ другими подробностями (Ипат. с. 101). Зубрицкій, ссылаясь на одинъ лѣтописный списокъ, гдѣ сказано: „Изяславъ же одаривъ Болеслава и отпусти въ Ляхи“, думалъ, что извѣстіе объ избіеніи ляховъ подъ 1069 г. есть позднѣйшая ставка переписчика; ср. Исторія русск. народа Н. Полевого II с. 306. Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что фактъ избіенія въ дѣйствительности относится только къ походу Болеслава Смѣлаго—Линниченко, Взаимн. отнош. с. 94 и 109. Польскіе источники умалчиваютъ о такой причинѣ удаленія Болеслава въ 1069 г.; Длугошъ (l. III p. 280—281), за нимъ Кромеръ (p. 59—60) говорятъ, что поляки ушли изъ Кіева вслѣдствіе слуховъ о невѣрности женъ. У Длугоша (p. 267) на возвратномъ пути король, послѣ долговременной осады, беретъ Перемышль, принадлежавшій къ волости Изяслава; эта подробность—долговременность осады—указываетъ, быть можетъ, скорѣе на то, что осада эта была неудачна, и обѣщаніе Изяслава относительно уступки Червенскихъ городовъ, если оно было дано, осталось не исполненнымъ. См. Линниченко, Взаимн. отнош. с. 112 сл.

[2]) Ипат. с. 122—3 (Лавр. с. 169—170).

вомъ. На своихъ плечахъ князья перенесли раку Бориса, каменная рака Глѣба была перевезена на саняхъ, руки святыхъ были возлагаемы поочередно на головы князей для благословенія; послѣ литургіи князья и ихъ бояре обѣдали торжественно, „с любовью велицкою“ [1]). Контрастъ этого дружнаго торжества въ честь св. братьевъ, покровителей братолюбія, съ послѣдовавшимъ чрезъ годъ изгнаніемъ Изяслава служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ слабо было нравственное сознаніе даже въ болѣе просвѣщенной части тоговременнаго общества.

Исторія вторичнаго изгнанія Изяслава передается въ лѣтописи весьма кратко: произошла распря между братьями, Святославъ и Всеволодъ соединились противъ Изяслава, послѣдній ушелъ изъ Кіева, а Святославъ и Всеволодъ явились вслѣдъ за нимъ и были приняты народомъ на Берестовомъ—это случилось 22 марта 1073 г. Иниціативу лѣтописецъ приписываетъ Святославу: онъ захотѣлъ „большей власти“ и прельстилъ Всеволода, говоря: „яко Изяславь встаеть сь Всеславомъ, мысля на наю, да еще его не варивѣ, имать насъ прогнати“ [2]).

Позволю себѣ привести нѣкоторыя соображенія и догадки по поводу лѣтописнаго разсказа. Въ послѣдніе годы братья Ярославичи, повидимому, находились уже не въ тѣхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ раньше. Мы видѣли, что братья ничѣмъ не выразили своего участія къ изгнанному Изяславу; посредничество ихъ между нимъ и кіевлянами имѣло характеръ гораздо болѣе благожелательный для послѣднихъ, чѣмъ для перваго: братья (собственно Святославъ), видимо, стояли на сторонѣ кіевлянъ. Они не помогали Изяславу и въ его послѣднихъ походахъ противъ Всеслава, котораго раньше сообща лишили стола. Факты эти, не имѣя рѣшительнаго значенія въ отдѣльности,

---

[1]) Ипат. с. 127—8 (Лавр. с. 176—7); Воскрес. I. 341 (болѣе подробный разсказъ).

[2]) Ипат. с. 128 (Лавр. с. 177—8), 1 Новг. с. 2; въ Ипат. л.: „Изяславь вьстаеть сь Всеславомъ“, въ Лавр.: сватится (Радзив. и Акад.—сватается). Длугошъ говоритъ, что распря Ярославичей вышла pro finibus terrarum et spoliis utrinque sequutis; ср. Стрыйковскій I р. 170 (rozdzielenie łupów Połowców odbitych). По словамъ св. Нестора (Житіе Ѳеодосія л. 26) Святославъ „многу вину износилъ на брата своего и того ради не хотѣлъ съ тѣмъ мира сотворити“, но какая это была вина, къ сожалѣнію, не объяснено.

въ общемъ даютъ все же извѣстный колоритъ этимъ новымъ отношеніямъ братьевъ. Святославъ выставилъ поводомъ для борьбы сношенія Изяслава со Всеславомъ; этотъ поводъ, должно быть, имѣлъ реальное основаніе: въ самомъ дѣлѣ произошло, вѣроятно, сближеніе Изяслава со Всеславомъ, и такую перемѣну можно объяснить. Въ 1069 г. мы видимъ въ Новгородѣ Глѣба Святославича, онъ оставался затѣмъ здѣсь до смерти отца и позже. Былъ ли уступленъ Новгородъ Святославу Изяславомъ взамѣнъ Полоцка, или Святославъ овладѣлъ имъ уже послѣ изгнанія Изяслава (въ 1068 г.), какъ думаютъ другіе,— во всякомъ случаѣ Изяславу, теперь уже лишенному Полоцка, было обидно видѣть Новгородъ въ рукахъ Святославля племени и естественно было желать возвращенія своей старой волости; это и могло сблизить его со Всеславомъ.

Между тѣмъ Изяславъ, несомнѣнно, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ кіевскимъ земствомъ; это ясно видно изъ того, что онъ безъ сопротивленія уступилъ противникамъ Кіевъ, не попытавшись опереться на населеніе. И это вполнѣ понятно: Принять Изяслава кіяне были вынуждены подъ давленіемъ обстоятельствъ, послѣ того какъ имъ не удалось добыть себѣ другого князя. Вѣроломное избіеніе людей Мстиславомъ, въ чемъ обвиняли, справедливо или несправедливо—все равно, того же Изяслава, буйства приведенныхъ имъ ляховъ могли только усилить нелюбовь къ Изяславу. Кромѣ того и послѣ возвращенія Изяслава должно было происходить и происходило въ дѣйствительности преслѣдованіе людей, чѣмъ-нибудь выразившихъ свое сочувствіе, солидарность со Всеславомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Изяславъ по возвращеніи гнѣвался за Всеслава на св. Антонія, такъ что Святославъ ночью увезъ послѣдняго къ себѣ [1]). По отношенію къ другимъ сторонникамъ Всеслава Изяславъ, конечно, церемонился гораздо меньше и, можно думать, не одинъ изъ нихъ, по примѣру св. Антонія, ушелъ къ Святославу, пользуясь натянутыми отношеніями братьевъ. У Святослава должна была образоваться партія приверженцевъ; если уже въ 1069 г. его, какъ надо думать, призывали въ Кіевъ на княженіе, то и теперь тамъ, вѣрно, многіе по-

---

[1]) Ипат. с. 136 (Лавр. с. 188). Ср. Соловьева т. II с. 19—20, Бѣляева Разсказы I. с. 113—4, П. В. Голубовскаго Исторію Сѣвер. зем. с. 70 сл.

мышляли о немъ, какъ о желательномъ князѣ. Его энергія, его побѣда надъ половцами, которые недавно опять безнаказанно опустошали кіевскіе предѣлы, должны были привлечь къ нему симпатію народа. Четыре года тому назадъ Святославъ отказался отъ приглашенія кіевлянъ, теперь ему могла притти охота уже самому добыть столъ, тѣмъ болѣе, что риску не было теперь никакого, а отношенія къ брату могли съ тѣхъ поръ значительно испортиться. Бѣглецы изъ Кіевской волости (конечно, не св. Антоній) могли тоже возбуждать Святослава и обнадеживать его относительно сочувствія кіевлянъ. Что касается Всеволода, лѣтописецъ представляетъ его совершенно пассивнымъ участникомъ предпріятія, котораго Святославъ запугалъ, „прельстилъ и взострилъ“ на Изяслава. Но составитель лѣтописи, будь то Сильвестръ, игуменъ „монастыря Всеволожа“, или иной кто, несомнѣнно очень расположенъ къ Всеволоду, и послѣдній въ дѣйствительности могъ и не быть такимъ пассивнымъ участникомъ, могъ имѣть свои счеты съ Изяславомъ или виды на волости [1]); но относительно его мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы дѣлать какія-либо заключенія.

Занятіе Кіева Святославомъ и Всеволодомъ совершились безъ борьбы; мало того, изъ словъ лѣтописца выходитъ, что Изяславъ ушелъ раньше, чѣмъ братья его явились въ Кіевъ [2]); можно подумать, что населеніе или часть его, при вѣсти о движеніи Святослава и Всеволода, заявила такъ или иначе свое нерасположеніе къ Изяславу, такъ что послѣдній не рѣшился дольше оставаться въ Кіевѣ. На Берестовомъ, въ загородномъ княжьемъ дворѣ, произошло настолованіе Святослава; сюда, вѣроятно, вышло населеніе города и превозгласило его княземъ кіевскимъ.

---

[1]) Ср. Соловьевъ—Истор. отнош. князей Рюрик. дома с. 86.

[2]) Ипат. с. 128: „и изииде Изяславъ ись Кнева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомъ“. Соловьевъ полагаетъ, что братья остановились на Берестовомъ и затѣмъ уже по удаленіи Изяслава вошли въ городъ, но такой образъ дѣйствій не вполнѣ естественъ. Дальнѣйшее—„Изяславъ же иде въ Ляхы... а Святославъ сѣде в Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отьню, паче же и Божию“, объясняетъ уже дальнѣйшую судьбу дѣйствующихъ лицъ и связываетъ ее съ послѣдующимъ нравоученіемъ, а не имѣетъ въ виду послѣдовательнаго изложенія фактовъ, сопровождавшихъ захватъ Кіева.

Изяславъ ушелъ „въ Ляхы“ съ женою, съ большими богатствами: очевидно, это не было уже поспѣшное бѣгство, какъ въ 1068 г. [1]), а удаленіе заблаговременное, лишь только выяснилось народное настроеніе. Лѣтопись непосредственно связываетъ его выходъ изъ Кіева и удаленіе въ Польшу, но другой древній памятникъ раздѣляетъ эти два событія: братья Изяслава сначала входятъ въ Кіевъ, а затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, выгоняютъ его изъ всей области [2]). Возможно, что Изяславъ, удалившись изъ Кіева, дѣйствительно остановился въ которой-нибудь изъ своихъ волостей, надѣясь тамъ удержаться, но не успѣлъ въ этомъ и ретировался Польшу.

Выгнавъ Изяслава изъ его владѣній, Святославъ и Всеволодъ приступили къ дѣлежу послѣднихъ. Кіевскую область Святославъ взялъ себѣ, на Волыни посадилъ сына Олега, а Туровъ достался Всеволоду, и въ немъ былъ посаженъ Мономахъ; такъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ случайныхъ указаній источниковъ [3]). Новгородъ остался за Глѣбомъ Святославичемъ, Переяславль за Всеволодомъ; Черниговъ, по всей вѣроятности, за Святославомъ [4]). Всеслава братья оставили въ покоѣ Такимъ образомъ Святославъ и Всеволодъ соединили въ своихъ рукахъ всѣ волости своего отца, и господство трехъ (не считая полоцкаго князя) смѣнилось на Руси двоевластіемъ. Шагъ впередъ въ кооперативномъ собираніи земель!

---

[1]) Любопытно, что есть разница и въ выраженіи: въ 1068 г. „Изяславъ же бѣжа въ Ляхы“ (Ипат. с. 121), а теперь „Изяславъ же иде въ Ляхы“.

[2]) Житіе Ѳеодосія л. 25: Святославъ и Всеволодъ послѣ переговоровъ съ Ѳеодосіемъ и послѣ изгнанія Изяслава изъ Кіева „устрьмистася на прогнаніе брата своего, иже отъ вьсея тоя области отъгнаста того“. У Татищева (т. II с. 127) Изяславъ отправляется во Владиміръ, а оттуда въ Польшу.

[3]) См. Поученіе Мономаха: „и Олегъ приде изъ Володимера выведенъ“ (послѣ возвращенія Изяслава)—Лавр. с. 239. На пребываніе Владиміра въ Туровѣ указываютъ особенно его охоты тамъ съ отцемъ, о которыхъ онъ говоритъ въ Поученіи же (с. 242), также двукратная поѣздка его въ Туровъ въ 1076 г. (с. 238). Мономахъ, несомнѣнно, сидѣлъ въ западныхъ волостяхъ съ самаго изгнанія Изяслава, но могло быть и такъ, что онъ получилъ первоначально Волынь (до 1076 г.—см. тамъ же с. 238), а потомъ она была передана Олегу. См. Барсовъ, Географ. нач. лѣтописи с. 130.

[4]) По вопросу, за кѣмъ остался Черниговъ, существуетъ розногласіе. Татищевъ говоритъ, что Святославъ далъ его Всеволоду, сына Глѣба посадилъ въ Переяславлѣ, Давыда—въ Новгородѣ, а Олега въ Ростовѣ (т. II с. 127). Это извѣстіе о Черниговѣ при-

Изяславъ отправился въ Польшу, надѣясь, по словамъ лѣтописца, „золотомъ налѣзти вои". Однако надежды его на этотъ разъ не оправдались. Вопросъ объ отношеніи Болеслава къ Изяславу въ это время довольно теменъ. Лѣтопись говоритъ, что поляки, забравъ у Изяслава богатства, „показаша ему путь отъ себе"; это извѣстіе подтверждается и буллою папы Григорія VII къ Болеславу, гдѣ говорится о деньгахъ, отнятыхъ у „русскаго короля" [1]). Обыкновенно полагаютъ, что Болеславъ съ самаго начала принялъ Изяслава недружелюбно и отказалъ ему въ помощи [2]); такое отношеніе можно было бы объяснить тѣмъ, что Болеславъ былъ недоволенъ во всякомъ случаѣ избіеніемъ поляковъ въ 1069 г., можетъ быть и тѣмъ, что Червенскіе города, если они были обѣщаны, не были ему отданы; наконецъ существуетъ извѣстіе, что Болеславъ женатъ былъ на дочери Святослава [3]). Наоборотъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ Поученія Мономаха и Длугоша, полагаютъ, что Болеславъ, исполняя просьбу Изяслава, началъ было военныя дѣйствія, но затѣмъ заключилъ миръ съ Мономахомъ, представителемъ Святослава и Всеволода, и послѣ того уже „показа путь отъ себе" Изяславу [4]); догадка эта вѣроятна, но данныя, на кото-

---

нимали нѣкоторые, какъ Соловьевъ (II с. 20), Погодинъ (Древн. рус. истор. I с. 214); Карамзинъ (II пр. 128) отрицалъ его на основаніи свидѣтельства житія св. Ѳеодосія (l. c.): „единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отця своего, другому же възративъшюся въ область свою"; у Стрыйковскаго въ извлеченіи изъ русскихъ лѣтописей (весьма, впрочемъ, спутанномъ) говорится также, что Всеволодъ остался въ Переяславлѣ (I с. 167); такого мнѣнія держатся и новѣйшіе историки Сѣверской земли П. В. Голубовскій (с. 82) и Д. И. Багалѣй (166—167). Дѣйствительно невѣроятно, чтобы Святославъ, оставивъ за Всеволодомъ Переяславль, отдалъ ему еще такую важную волость, какъ Черниговъ (что Переяславль остался за Всеволодомъ, свидѣтельствуетъ Поученіе, с. 238—9).

[1]) Ипат. с. 128. Булла въ Historica Russiae Monimenta, I. № 2.

[2]) Карамзинъ II с. 46, Арцыбашевъ I. 2 с. 29, Соловьевъ II с. 20, Погодинъ Др. Рус. Ист. I с. 103, Иловайскій I. с. 118.

[3]) Татищевъ II с. 119. Карамзинъ (II пр. 120) отрицаетъ это извѣстіе, считая его заимствованнымъ изъ Кромера, гдѣ не названо только, чья дочь была Вышеслава (uxorem duxit.. Visseslaum (i. e. Visseslavam) Russorum principis cujusdam (cujus non exstat nomen) filiam unicam—p. 56; cf. Dlugossi l. III p. 260). Г. Линниченко (Взаимн. отнош. с. 117) высказываетъ догадку, что бракъ могъ быть результатомъ мира поляковъ со Святославомъ.

[4]) Линниченко Взаимн. отн. с. 115—117; такого же мнѣнія держится и г. Андріяшевъ—Ист. Волын. земли с. 109. Въ Поученіи (с. 238): „тое же зимы посласта Бере-

рыхъ она основана, такъ неясны, что на нихъ нельзя построить ничего, кромѣ гипотезъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что позже Святославъ дѣйствительно находился въ дружественныхъ и союзническихъ отношеніяхъ къ Болеславу; такъ во время войны послѣдняго съ Чехіею, въ 1076 г., Святославъ посылалъ ему на помощь отрядъ, подъ предводительствомъ Олега и Мономаха, который ходилъ „за Глоговы (Глогау) до Чешьскаго лѣса“ [1]).

Такъ или иначе, но къ концу 1074 г. Изяславъ уже покинулъ Польшу. Онъ является затѣмъ въ Германіи; представленный императору Генриху IV въ Майнцѣ въ концѣ 1074 или въ началѣ 1075 г., онъ поднесъ ему богатые дары изъ сосудовъ и тканей и просилъ помощи противъ брата; по словамъ одного нѣмецкаго хрониста, онъ при этомъ обѣщалъ признать себя вассаломъ императора въ случаѣ возвращенія ему стола. Императоръ дѣйствительно отправилъ къ Святославу Бурхардта препозита, приходившагося, по словамъ того же хрониста, Святославу шуриномъ: ему было поручено внушить Святославу, что онъ долженъ добровольно возвратить столъ Изяславу, а иначе ему придется подвергнуться нападенію нѣмецкаго войска; Бурхардтъ только усиленными ходатайствами за своего родича добился отъ императора, что тотъ не привелъ этой угрозы немедленно въ исполненіе [2]). Этотъ разсказъ нѣмецкаго источника, конечно, нельзя принимать серьезно. Генрихъ тогда слишкомъ былъ занятъ своими собственными дѣлами, чтобы имѣть охоту къ дѣятельному вмѣшательству въ распрю Изяслава со Святославомъ. Только незнаніемъ современнаго положенія дѣлъ въ Германіи можно объяснить обращеніе Изяслава къ имератору. Наша лѣтопись говоритъ о приходѣ нѣмецкаго посольства къ Святославу, но о цѣли его умалчиваетъ; надо полагать, что это была просто дипломатическая пересылка, лишенная серьезнаго значенія: Генриху вовсе было не интересно понапрасну наживать себѣ

стию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, той ту блюдихъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ с Ляхы“.

[1]) Ипат. л. с. 139, Лавр. с. 193, 238.

[2]) Извѣстія хронистовъ у Карамзина II пр. 128—9, Арцыбашева т. I кн. 2, с. 165 и въ Monumenta Poloniae hist. I p. 858.

лишняго, притомъ могущественнаго врага [1]). Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ желалъ блеснуть передъ послами своимъ могуществомъ, показалъ имъ свои сокровища и послалъ Генриху богатые дары; послы, по лѣтописцу, на это повторили Святославу старое изреченіе Владиміра Святого, что дружина лучше богатства. Въ дѣйствительности богатства Святослава произвело сильное впечатлѣніе на нѣмцевъ; по словамъ хрониста, никогда въ Германію не приносили столько золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей, сколько принесли Генриху въ даръ отъ Святослава [2]).

Нашъ лѣтописецъ говоритъ о приходѣ пословъ въ Кіевъ подъ 1075 г., слѣдовательно это случилось не раньше марта или февраля этого года, но въ апрѣлѣ мы видимъ Изяслава уже въ сношеніяхъ съ папою: одинъ изъ сыновей его явился къ папѣ Григорію VII и объявилъ, что онъ, съ согласія отца, желаетъ получить королевство Русское, regnum Ruscorum, въ ленъ отъ св. Петра. Весьма вѣроятно, что Изяславъ скоро понялъ, какъ мало онъ можетъ надѣяться на какой-либо серьезный успѣхъ отъ сношеній съ императоромъ и рѣшилъ попытать еще счастья у другого главы Западной Европы. Неизвѣстно, на что разсчитывалъ Изяславъ, обращая свой столъ въ ленъ св. Петра, домагался ли онъ у папы матеріальной поддержки или просилъ повліять на Болеслава и побудить его къ содѣйствію, но результатомъ этихъ сношеній были только извѣстныя буллы папы, обѣ помѣченныя срединою (17—20) апрѣля 1075 г. Въ буллѣ къ „королю руссовъ Димитрію“ папа выражаетъ согласіе на просьбу сына его, обѣщаетъ ему содѣйствіе въ случаѣ надобности и извѣщаетъ объ отправленіи къ нему для переговоровъ пословъ, изъ которыхъ одинъ—извѣстный и вѣрный другъ Изяслава; предметомъ переговоровъ, конечно, должно было служить отреченіе отъ „нечестивыхъ обрядовъ греческихъ“, на это намекаетъ, кажется, и самъ папа. Вторая булла, отправленная Болеславу, занимается церковными дѣлами Польши, только въ концѣ папа кстати проситъ Болеслава возвратить Изяславу

---

[1]) П. В. Голубовскій высказалъ даже предположеніе, что Генрихъ при этомъ желалъ заключить дружественныя и союзныя отношенія съ Святославомъ (Ист. Сѣверск. зем. с. 74).

[2]) Ипат. с. 139, Лавр. с. 192, Monum. Pol. hist. l. c.

отнятыя у него деньги: на это, вѣроятно, жаловался въ Римѣ сынъ послѣдняго [1]). О какомъ-либо болѣе дѣятельномъ участіи папы въ дѣлахъ Изяслава нѣтъ никакихъ извѣстій. Изяславъ продолжалъ еще полтора года скитаться по Европѣ, пока смерть Святослава и измѣнившееся положеніе дѣлъ не дали ему возможности вернуться.

Святославъ занималъ около трехъ съ половиною лѣтъ кіевскій столъ [2]). Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей, сохраняя дружественныя отношенія къ Всеволоду, энергичный, талантливый Святославъ игралъ безспорно гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ Изяславъ; его властное положеніе ясно видно изъ краткой замѣтки Мономаха о чешскомъ походѣ—„посла мя Святославъ в Ляхы“, говоритъ онъ: Святославъ представляется распоряжающимся единолично [3]).

О внутренней дѣятельности Святослава въ Кіевской землѣ и объ отношеніяхъ его къ кіевскому населенію, на основаніи указаній источниковъ, можно составить нѣкоторое представленіе. Какъ я говорилъ выше, Святославъ завладѣлъ Кіевомъ, опираясь, надо думать, на сочувствіе значительной части кіевскаго населенія; но на ряду съ этимъ должна была существовать и враждебная партія—партія приверженцевъ Изяслава и сторонниковъ права, и во главѣ ея духовенство уже по самому своему положенію—защитника нравственныхъ принциповъ. Лучшій представитель его, св. Ѳеодосій, смѣло сталъ на защиту поруганныхъ правъ Изяслава; онъ отказался видѣться со Свя-

---

[1]) Объ буллы—въ Historica Russiae Monimenta I, № 1 и 2. Первая булла возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія; прежде всего непонятна эта просьба сына Изяслава передать ему, а не Изяславу королевство Русское (см. Арцыбашевъ I. 2. с. 29 и пр. 167; объясненіе Соловьева—Ист. отнош. Рюрик. дома с. 90, что Изяславъ, отчаявшись за себя, желалъ хотя дѣтямъ доставить поддержку папы, кажется мнѣ не убѣдительнымъ). Затѣмъ въ буллѣ нѣтъ намека на то, что Изяславъ находится въ изгнаніи: папа высказываетъ пожеланіе не того, что бы Богъ возвратилъ Изяславу столъ, а того, ut beatus Petrus vos et regnum vestrum custodiat et cum omni pace, honore quoque et gloria idem regnum usque in finem vitae vestrae tenere vos faciat.

[2]) Отъ 22 марта 1073 до 27 декабря 1076 г.

[3]) Кромѣ этого похода въ Чехію, существуетъ еще извѣстіе, что греческій императоръ просилъ у Святослава и Всеволода помощи противъ корсунянъ и туда была отправлена рать, но затѣмъ отозвана по случаю смерти Святослава; извѣстіе это находится у Татищева (II с. 131); возраженія см. у Карамзина II, пр. 133.

тославомъ и Всеволодомъ—„ити на трапезу вельзавелину и причаститися брашна того, исполнь суща крови и убииства“, и послѣ того, когда Святославъ вокняжился въ Кіевѣ, св. Ѳеодосій обличалъ его письмами и чрезъ приходившихъ къ нему бояръ. Одна изъ этихъ обличительныхъ „эпистолій“ была такъ смѣла, что Святославъ „разгнѣвался зѣло и яко левъ рикнувъ на праведнаго, и удари тою о землю, и якоже отътолѣ промчеся вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженому“; Ѳеодосій не смутился этимъ, но Святославъ самъ преодолѣлъ свой гнѣвъ. Чрезъ нѣкоторое время Ѳеодосій, уступая просьбамъ братіи и бояръ, умолявшихъ его прекратить свои обличенія, и видя ихъ безполезность, рѣшилъ перемѣнить свое обращеніе и вмѣсто обличеній началъ „мольбою того молити“ о возвращеніи волости Изяславу; по просьбѣ же братіи онъ разрѣшилъ поминать Святослава на ектеніи, но сначала распорядился поминать Изяслава, а потомъ Святослава. Святославъ, съ своей стороны, испросилъ затѣмъ позволеніе посѣтить Печерскій монастырь, и между нимъ и Ѳеодосіемъ завязались дружелюбныя отношенія: Святославъ часто бывалъ у Ѳеодосія, приглашалъ къ себѣ, оказывалъ всяческое уваженіе, хотя „мольбы“ Ѳеодосія объ Изяславѣ все-таки пропускалъ мимо ушей [1]). При Святославѣ была заложена „великая церковь“ Печерская, онъ самъ копалъ рвы для фундамента и далъ на постройку сто гривенъ золота. Въ его же княженіе и скончался Ѳеодосій: умирая, онъ поручилъ Святославу „монастырь но соблюденіе, егда что будетъ смятение въ немъ“ и просилъ не давать въ обиду своего преемника—Стефана [2]). Такимъ образомъ, благодаря своему такту, Святославъ постепенно ослабилъ эту оппозицію [3]). Его усердіе къ церкви (ему принадлежитъ также постройка въ Кіевѣ монастыря св. Симеона въ Копыревомъ концѣ), любовь къ книгамъ, которыми онъ наполнилъ свои клѣти и какъ „но-

---

[1]) Житіе Ѳеодосія л. 25 и 26.

[2]) Житіе Ѳеодосія л. 27 об. Патерикъ въ изд. Яковлева с. 113 и 119. Ипат. с. 131—2 (Лавр. с. 182).

[3]) Говоря это, я вовсе не думаю, чтобы Святославъ дѣлалъ все это притворно, только изъ политическихъ расчетовъ (ср. Истор. Сѣверск. зем. П. В. Голубовскаго с. 72): при тогдашнемъ состояніи общества усердіе къ церкви, болѣе или менѣе искреннее, могло уживаться съ далеко не нравственнымъ образомъ дѣйствій.

вый Птоломѣй", проливалъ медъ писаній въ кругу приближенныхъ [1]), все это должно было въ значительной степени примирять съ нимъ духовенство; мы видѣли, что печерская братія упросила Ѳеодосія поминать Святослава на ектеніи, слѣдовательно признать его кіевскимъ княземъ; Несторъ въ житіи Ѳеодосія называетъ его благимъ и благовѣрнымъ (однако не „христолюбцемъ", какъ онъ называетъ обыкновенно Изяслава) [2]).

Тѣмъ не менѣе, хотя по внѣшности отношенія Святослава къ населенію были вполнѣ удовлетворительны, хотя кіяне при вѣсти о смерти его не обнаружили вражды по отношенію къ нему и его приближеннымъ (по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ничего въ этомъ родѣ), въ лѣтописи чувствуется недоброжелательное отношеніе къ Святославу. по поводу его хвастовства своими богатствами лѣтописецъ отмѣчаетъ колкій отвѣтъ нѣмцевъ и прибавляетъ отъ себя, что по смерти Святослава „все имѣнье расъсыпашася раздиь" [3]); переданное намъ, замѣчаніе нѣмцевъ о превосходствѣ дружины надъ богатствомъ, можетъ быть, служитъ отголоскомъ ропота кіевской дружины на неизбѣжное преобладаніе черниговскихъ дружинниковъ. Любопытно, что Святославъ былъ похороненъ не въ Кіевѣ, а въ черниговскомъ соборѣ; можетъ быть, и при жизни онъ тяготѣлъ больше къ Чернигову и давалъ чувствовать кіянамъ, что онъ князь чужой, черниговскій [4])?

27 декабря 1076 г. Святославъ скончался отъ неудачной операціи надъ вередами, которыми онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ [5]). Оглядываясь на его жизнь и дѣятельность, нельзя не признать, что

---

[1]) См. послѣсловіе Изборника Святослава 1073 г. (напр. у Карамзина т. II пр. 132); о монастырѣ св. Симеона—Ипат. л. с. 250. Ср. Исторію Сѣвер. земли П. В. Голубовскаго с. 77—8.

[2]) Житіе св. Ѳеодосія л. 25 об., 26 об., 29.

[3]) Ипат. л. с. 139 (Лавр. с. 192—193).

[4]) Багалѣй—Ист. Сѣверск. з. с. 269, Голубовскій—Ист. Сѣверск. з. с. 79—80; проф. Багалѣй перенесеніе останковъ Святослава въ Черниговъ считаетъ дѣломъ его черниговской дружины.

[5]) „Преставися отъ рѣзанья желве"—Лавр. с. 193, Ипат. с. 139. Въ описаніи перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба (Воскр. I, 341) разсказывается, что Святославъ прикладывалъ руку св. Глѣба „ко вреду, чимъ боляше на шеи". О значеніи слова желвь (нарывъ, наростъ)—см. напр. Miklosich, Etym. Wörterb. d. slav. Sprachen (1886 p. 408, žely), словарь Даля (I. 473 изд. 1863 г.).

это была самая крупная личность въ первомъ поколѣніи Ярославичей, какъ Мономахъ во второмъ. Но въ то время какъ Мономахъ дѣйствуетъ въ высшей степени осторожно, стараясь всегда стать на почву законности, поставить свое благополучіе подъ защиту общественнаго мнѣнія, Святославъ дѣйствуетъ смѣло, не справляясь ни съ нравственными принципами, ни съ мнѣніемъ общества. Этимъ можно объяснить и разницу въ конечныхъ результатахъ ихъ дѣятельности: между тѣмъ какъ Мономахъ закрѣпилъ свои пріобрѣтенія за потомствомъ и создалъ ему завидное положеніе среди другихъ Ярославичей, первенствующая роль Святославля племени окончилась со смертью Святослава; въ глазахъ общества онъ все-таки оставался насильщикомъ, человѣкомъ неправеднымъ, набожность и книголюбіе должны были являться извѣстнымъ диссонансомъ въ общемъ характерѣ его [1]).

1 января 1077 года сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, но не надолго. Изяславъ въ это время снова обратился къ Болеславу и на сей разъ съ большимъ успѣхомъ. Есть извѣстіе, хотя и не особенно авторитетное, что Болеславъ разсорился съ русскими князьями во время войны съ чехами [2]); могъ и Изяславъ предложить ему болѣе выгодныя условія, чѣмъ раньше; наконецъ могла повліять на перемѣну отношеній смерть Святослава. Какъ бы то ни было, нѣсколько мѣсяцевъ спустя по вокняженіи Всеволода явился на Волынь Изяславъ съ польскими войсками; лѣтопись молчитъ объ участіи короля: надо думать, что послѣдній не участвовалъ въ походѣ; извѣстіе Длугоша о присутствіи его само по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вѣроятія [3]). Всеволодъ отправился на встрѣчу, но безъ битвы заключилъ миръ: по обычной осторожности, онъ не желалъ, вѣроятно, подвергать риску свои интересы; съ другой стороны, Изяславъ нуждался, по характеру своему, въ опорѣ, въ союзникѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Святославичей, и между братьями состоялся тѣсный союзъ. Изяславъ снова сѣлъ въ Кіевѣ (15 іюля 1077 г.). Населеніе, судя по лѣтописи,

---

[1]) См. еще характеристику Полевого ор. с. II. с. 389.

[2]) Татищевъ II с. 130.

[3]) Ср. Линниченко—Взаимн. отнош. с. 20. Иначе думалъ Н. И. Костомаровъ, Монографіи I с. 184.

покорно приняло его: другого выхода не было. На этотъ разъ лѣтопись не говоритъ и о какихъ-либо репрессаліяхъ со стороны Изяслава: вѣроятно, года и скитанья научили его быть сдержаннѣе.

Новые союзники занялись передѣломъ волостей. Олегъ былъ выведенъ изъ Владиміра и безъ волости долженъ былъ жить въ Черниговѣ; Мономаха перевели въ Смоленскъ, а Туровъ былъ возвращенъ Изяславу; былъ возвращенъ ему и Новгородъ, трудно только рѣшить, отняли ли его у прежняго владѣльца, Глѣба Святославича, или онъ перешелъ къ Изяславу уже послѣ того, какъ Глѣбъ погибъ гдѣ-то въ Заволочьи. Изяславъ посадилъ въ Новгородѣ Святополка, а младшаго сына—Ярополка оставилъ при себѣ, для помощи, и посадилъ въ Вышгородѣ [1]). За многочисленною семьею Святославичей осталась, повидимому, только Муромская волость да Тмутаракань. Это была месть Изяслава за обиду, нанесенную ихъ отцемъ. Впрочемъ, судя по лѣтописи, Изяславъ не пожился на ихъ счетъ, онъ возвратилъ себѣ только первоначальныя свои волости: Волынь, Туровъ, Новгородъ. Попользовался несчастьемъ своего бывшаго союзника Всеволодъ: къ прежнимъ своимъ владѣніямъ онъ присоединилъ обширную Черниговскую волость, и Олегъ не получилъ отъ него ни-

---

[1]) О распредѣленіи волостей см. Лавр. с. 193: „сѣдящу Святополку в него (Глѣба) мѣсто Новѣгородѣ, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ“ и с. 289 (Поученіе): „Олегъ приде, из Володимеря выведенъ“; въ Ипат. с. 140: „Ярополку сѣдящю у Смоленьска“, но справедливость извѣстія Лавр. подтверждается Поученіемъ Мономаха и Длугошемъ (l. III p. 280). Мнѣніе о изгнаніи Глѣба (Соловьевъ т. II с. 24 и Арцыбашевъ т. II, кн. 2 пр. 181) основывается на извѣстіи, находящемся въ прибавленіяхъ къ Новгородской первой лѣт. (по сп. Комиссіи и пр. с. 67 и 439): и посла Святославъ сына своего Глѣба и выгнаша изъ города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чудь“ и на сопоставленіи извѣстій Поученія съ датою смерти Глѣба (см. у Арцыбашева: выходитъ, что Святополкъ былъ въ Новгородѣ еще при жизни Глѣба). Но Патерикъ (с. 128) совершенно опредѣленно говоритъ противное, именно, что Святополкъ былъ посланъ въ Новгородъ уже по смерти Глѣба: „посылаеть же Никита къ князю Изяславу глаголя, яко днесь убіенъ бысть Глѣбъ Святославичъ въ Заволочьи, скоро посли сына своего Святополка на столъ Новуграду. И якоже рече, тако и бысть“. Такой же смыслъ имѣетъ извѣстіе Длугоша (l. III p. 280): Sventoslao (lege Sventoslai) Czernioviensis filio Chleb a suis nequiter occiso... Sventopelk, filius Zaslai in Novogrodensem Ducatum succedit. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ переданъ только фактъ убіенія Глѣба (убіенъ бысть Глѣбъ въ Заволочьи—Ипат. с. 140), при томъ въ Начальной подъ 1078 г., а въ 1 Новгород. (с. 3) уже подъ 1079, по смерти Изяслава.

чего. Оставались безъ волостей и другіе племянники, подраставшіе между тѣмъ, дѣти Владиміра, Игоря и Вячеслава Ярославичей.

Въ томъ же 1077 г. двое изъ такихъ безземельныхъ племянниковъ, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, съ половецкою помощью задумали добыть себѣ Черниговъ. Всеволодъ былъ разбитъ ими и обратился за помощью къ Изяславу; послѣдній былъ также заинтересованъ въ этомъ вопросѣ, потому что владѣлъ волостью, принадлежавшей нѣкогда отцу Вячеслава—Волынью, да помимо того требовалъ помощи и его тѣсный союзъ съ братомъ. Онъ собралъ земское ополченіе „отъ мала до велика“, по словамъ лѣтописи—конечно, половцы, которыхъ привели изгои, были поводомъ для собиранія ополченія [1]), и съ сыномъ Ярополкомъ поспѣшилъ на помощь Всеволоду. На „Нежатинѣй нивѣ“ произошла жестокая битва; Изяславъ, стоявшій среди пѣшихъ ратниковъ, былъ неожиданно пораженъ копьемъ сзади, въ спину, и тутъ же скончался—3 октября 1078 г. Тѣло его было привезено къ Городцу въ лодьѣ; по словамъ лѣтописца, весь Кіевъ вышелъ на встрѣчу ему, и „не бѣ льзѣ слышати пѣнья въ плачѣ велицѣ и воплѣ: плакася бо по немь весь городъ Киевъ“. Останки Изяслава былы отвезены на саняхъ въ Кіевъ и погребены въ мраморномъ саркофагѣ въ церкви Богородицы (Десятинной) [2]).

Приведенныя слова лѣтописи о плачѣ кіянъ надъ Изяславомъ, впрочемъ, не могутъ быть приняты за свидѣтельство особенной любви населенія къ послѣднему, хотя за послѣднее время отношенія могли и улучшиться сравнительно съ прежнимъ временемъ. Разсматриваемый эпизодъ лѣтописи написанъ, очевидно, пристрастно къ Изяславу и имѣетъ цѣлью дать читателю назидательный примѣръ братолюбія; поэтому къ подробностямъ его нужно относиться съ значительнымъ скептицизмомъ. Тотъ самый лѣтописецъ, который говоритъ о такой необыкновенной печали всего населенія, тутъ же защищаетъ Изяслава отъ упрековъ, что онъ избилъ кіевлянъ за освобожденіе Всеслава. Если были слезы на похоронахъ Изяслава, то ихъ можно объяснить скорѣе внезапною, необычною смертью послѣдняго, какъ позже, по словамъ лѣтописца, вызвала сожалѣнія преждевременная смерть Ро-

---

[1]) Ср. Сергѣевичъ Вѣче и князь с. 114.

[2]) Ипат. с. 140—1, Лавр. с. 195—6, 1 Новг. с. 3.

стислава Всеволодовича [1]). По справедливому замѣчанію Соловьева [2]), смерть Изяслава за интересы брата примирила лѣтописца съ нимъ и заставила забыть всѣ дурныя стороны его характера. Онъ характеризуетъ Изяслава очень сочувственно: „бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ, тѣломъ великь, незлобивъ нравомь, кривды ненавидя, любя правду; клюкъ (хитрости) же в немь не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко ему створиша Кіянѣ! самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не въздa противу тому зла“ [3]). Изяславъ дѣйствительно былъ „простъ умомъ“ и не отличался дарованіями; это былъ, мелкій характеръ, совершенная посредственность, не способная сама по себѣ ни къ особенно крупному злодѣйству, ни къ благородному поступку. Онъ интересовался религіозными вопросами, отличался усердіемъ къ религіи и духовенству, но тотъ же Изяславъ грозилъ раскопать пещеры за постриженіе безъ его вѣдома Варлаама и Ефрема и, вѣроятно, былъ не совсѣмъ безопасенъ для св. Антонія, если Святославъ увезъ его къ себѣ [4]).

По смерти Изяслава сѣлъ въ Кіевѣ Всеволодъ, „переемь всю власть Рускую“; вокняженіе его въ Кіевѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ уже разъ, основывалось на семейномъ правѣ и подкрѣплялось слишкомъ большимъ могуществомъ, чтобы могло вызвать гдѣ-либо сопротивленіе. Всеволодъ дѣйствительно „переялъ“ почти всѣ волости русскія, такъ какъ Волынь и Туровъ зависѣли непосредственно отъ Изяслава и вмѣстѣ съ Кіевомъ перешли къ Всеволоду, какъ вымороченые. Послѣдній отдалъ Туровъ и Волынь Ярополку Изяславичу; за Святополкомъ по прежнему остался Новгородъ [5]).

---

[1]) Ипат. с. 154: „вси людье плакаша (пожалишася—Никоновск.) по немь по велику, уности его ради“.

[2]) Ист. Россіи II с. 26.

[3]) Ипат. л. с. 142; ср. также житіе Ѳеодосія л. 22: „боголюбивый же князь Изяславъ, иже по истинѣ бѣ теплъ на вѣру и послѣ же положи душю свою за брата своего“.

[4]) Житіе Ѳеодосія л. 7 на обор., Ипат. с. 136, Патерикъ с. 151; ср. характеристику Изяслава у Соловьева, Ист. отношен. княз. Рюрик. дома с. 95 (въ Ист. Россіи, II с. 26, она значительно смягчена).

[5]) Ипат. с. 143 (Лавр. с. 197). Выраженіе лѣтописи: „переемь всю власть Рускую“ будетъ совсѣмъ справедливымъ, если Русь принять здѣсь въ смыслѣ Южной Руси.

Довольно продолжительное, пятнадцатилѣтнее правленіе Всеволода весьма скудно такими событіями, которыя относились бы собственно къ Кіевщинѣ, и по преимуществу характеризуется вопросомъ о такъ называемыхъ изгояхъ. Удовлетворивъ Изяславичей отцовскими волостями, Всеволодъ по отношенію къ прочимъ членамъ Ярославля дома продолжаетъ прежнюю политику—устраняетъ ихъ отъ отцовскихъ и всякихъ вообще волостей. Существованіе изгоевъ сторонники теоріи о существованіи въ это время родоваго быта на Руси старались объяснить изъ принциповъ родоваго права, но можно усумниться, точно ли изгойство имѣло основу правовую. Правда, мы имѣемъ опредѣленіе изгойства, какъ правовой нормы, но лишь въ памятникѣ позднѣйшемъ [1]), и самое это опредѣленіе, думается, есть лишь отвлеченіе отъ отдѣльныхъ фактовъ—злоупотребленій, имѣвшихъ мѣсто въ предшествующее время. Когда оставались послѣ князя малолѣтніе сироты, они вслѣдствіе малолѣтства не получали отцовскихъ надѣловъ; выростали они—ихъ удѣлы давно находятся въ рукахъ какого-нибудь старшаго родственника, перейдя иногда изъ рукъ въ руки въ силу различныхъ комбинацій: создалось уже извѣстное statu quo, нарушать которое старѣйшимъ родственникамъ было и нежелательно, и хлопотно. Такимъ представляется естественное происхожденіе изгойства; такимъ было изгойство Бориса Вячеславича, Игоровичей, Ростиславичей—оно объясняется раннею смертью ихъ отцовъ. Помимо того изгойство могло практиковатся и сознательно, какъ средство для собиранія волостей; что изгойство Святославичей при Всеволодѣ не имѣло за собою никакого оправданія, никакой даже отговорки, это признаютъ и сторонники теоріи родоваго быта: Всеволодъ былъ сообщникомъ Святослава въ изгнаніи Изяслава, за которое Святославичи лишились волостей [2]).

Я не буду останавливаться на перипетіяхъ борьбы Всеволода съ изгоями. Одна за другою выступили три семьи изгоевъ—Святосла-

---

[1]) Въ церковномъ уставѣ князя Всеволода († 1137): „а се и четвертое изгойство и себѣ (и сего) приложимъ: аще князь осиротѣетъ“ (см. напр. Ист. рус. церкви м. Макарія II с. 383 или въ Христоматіи по ист. рус. права М. Ф. Владимірскаго-Буданова I с. 229). Подлинность этого устава подозрѣвается, и во всякомъ случаѣ онъ дошелъ до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, см. Ист. рус. ц. м. Макарія II с. 280, Ист. рус. ц. проф. Голубинскаго I пол. 1 с. 370.

[2]) См. Соловьева т. II с. 27 и пр. 71.

вичи, Игоревичъ, Ростиславичи; съ помощью вольныхъ дружинъ, преимущественно инородческихъ, они ведутъ борьбу со Всеволодомъ, добиваясь своихъ волостей; послѣдній идетъ на компромиссы: онъ удовлетворяетъ постепенно нѣкоторыхъ изгоевъ до извѣстной степени, разъединяетъ ихъ такимъ образомъ и обезсиливаетъ наиболѣе опасныхъ. Такъ онъ даетъ Червенскіе города Ростиславичамъ, Дорогобужъ, вѣроятно съ Погориною—Давыду Игоревичу, можетъ быть, онъ же далъ Смоленскъ Давыду Святославичу, но Черниговъ во что бы то ни стало Всеволодъ старается удержать за собою [1]). Ареною борьбы было Заднѣпровье, Кіевщину она задѣвала только косвенно; такъ, напримѣръ, Давыдъ Игоревичъ во время этой борьбы, въ 1084 г., „зая Грѣкы (Грѣчнѣки) во Олешьи, и зая в нихъ все имѣнье“; кто бы ни были эти ограбленные, настоящіе греки, или русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею (гречники), но этотъ погромъ чувствительно отозвался на торговлѣ, конечно и кіевской въ частности, такъ что Всеволодъ былъ вынужденъ удовлетворить Давыда [2]).

Правдоподобно, надѣленіе изгоевъ было причиною ссоры Ярополка Изяславича со Всеволодомъ: волости Ростиславичей и Давыда Игоревича, вѣроятно, были выдѣлены въ ущербъ интересамъ Ярополка, можетъ быть даже прямо изъ его владѣній, по крайней мѣрѣ другую причину этой ссоры трудно придумать [3]). Ярополкъ собрался было итти на Всеволода, „послушавше злыхъ совѣтникъ“, но Всеволодъ захватилъ его врасплохъ,ославъ войско, и Ярополкъ былъ принужденъ бѣжать по старой памяти „въ Ляхы“. Впрочемъ волость все-таки потомъ была ему возвращена; вообще по отношенію къ нему

---

[1]) Давыдъ Игоревичъ получилъ Дорогобужъ въ 1084 г., Ростиславичей мы встрѣчаемъ въ Червенскихъ городахъ впервые въ 1087, а Давыда Святославича въ Смоленскѣ—въ 1095 г. (Ипат. л. с. 144, Лавр. с. 199, 1 Новг. с. 3). Ко времени Всеволода водвореніе Давыда Святославича относили Карамзинъ (II с. 66) и Погодинъ (Хронол. указатель—въ Зап. Акад. Н. т. VII с. 67), Полевой (II с. 329) и Соловьевъ (Ист. отнош. князей с. 111) полагали, что Давыдъ захватилъ Смоленскъ силою у Мономаха. Соловьевъ же полагалъ еще, что Ростиславичи отняли Червенскіе города у поляковъ во время распри Ярополка со Всеволодомъ (Ист. Рос. II с. 30), но лѣтопись (Ипат. с. 167) прямо говоритъ, что Перемышль и Теребовль были даны Ростиславичамъ Всеволодомъ.

[2]) Ипат. л. с. 144; ср. Барсова Геогр. нач. л. с. 223.

[3]) Ср. Полевого Ист. рус. нар. II с. 319, Соловьева II с. 29, Линниченка Взаимн. отнош. с. 129.

Всеволодъ держитъ себя довольно благосклонно и защищаетъ его отъ притязаній Ростиславичей; дѣйствовалъ ли онъ въ силу расположенія, или изъ политическаго расчета: дружить съ Изяславичами противъ Святославичей, сказать трудно. Ярополкъ былъ убитъ вскорѣ (1087 г.), какъ подозрѣвали, по проискамъ Ростиславичей; лѣтописецъ характеризуетъ его весьма симпатичными чертами: онъ былъ кротокъ, братолюбивъ и нищелюбивъ, давалъ десятину церкви Богородицы (Десятинной) и пожертвовалъ большія помѣстья Печерскому монастырю. Позже онъ былъ причтенъ къ святымъ. Татищевъ говоритъ, что кіевляне имѣли къ нему великую любовь и прочили въ наслѣдники Всеволоду; по лѣтописцу, „вси Кияне великъ плачь створиша над нимъ“ [1]). Онъ могъ дѣйствительно снискать популярность населенія, живя при отцѣ въ Кіевской области послѣ его вторичнаго возвращенія. Высказано было даже предположеніе, что Ярополкъ хотѣлъ согнать Всеволода со стола, пользуясь расположеніемъ кіевлянъ [2]), но фактически обосновать это предположеніе нельзя.

Смерть Ярополка освободила Волынскую волость для Давыда Игоревича [3]); Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, принадлежавшій Ярополку, а въ Новгородѣ былъ посаженъ внукъ Все-

---

[1]) Ипат. л. с. 144—145 (Лавр. с. 199—200) и 338. Филаретъ Русскіе Святые кн. XI. с. 366. Татищевъ Ист. Рос. II. с. 139. См. еще о немъ отзывъ (неблагопріятный) г. Андріяшева—Ист. Волын. зем. с. 111—112.

[2]) Линниченко—Вѣче въ Кіев. обл. с. 23. Длугошъ (l. III p. 288) и Стрыйковскій (I p. 171) дѣйствительно объясняютъ возстаніе Ярополка претензіями на кіевскій столъ, но это, надо думать, только домыслъ Длугоша (ср. его объясненіе похода Романа Святославича—p. 286).

[3]) Что Волынь по смерти Ярополка была отдана Давыду, сказано прямо только у Татищева (II с. 139), это извѣстіе, или догадка вполнѣ вѣроятна, потому что Давыдъ владѣлъ Волынью въ отсутствіе Ярополка и позже говорится, что Владиміръ (Волынскій) былъ отданъ Давыду Всеволодомъ (Ипат. с. 144 и 167). Быть можетъ, къ этому времени относится присоединеніе Погорины къ Кіевской землѣ? Если Дорогобужская волость была выдѣлена Давыду изъ Волынской волости Ярополка, то теперь, при переводѣ Давыда во Владиміръ, Всеволоду было очень удобно взять ее себѣ. Любопытно, что скоро затѣмъ, хотя еще очень неопредѣленно, выступаетъ вопросъ о Погоринѣ—именно въ Сказаніи объ ослѣпленіи Василька, въ разсказѣ Давыда о притязаніяхъ послѣдняго (Ипат. с. 172). Заслуживаетъ вниманія и сообщеніе Татищевскаго свода, что Ярославъ Святополковичъ намѣревался отнять Погорину у Мономаха (II с. 219)—потому собственно, что Татищевъ Дорогобужскую волость не считалъ отнятою у Ярополка (ibid. с. 137).

володa, знаменитый впослѣдствіи, тогда малолѣтній еще Мстиславъ; впослѣдствіи новгородцы попрекали Святополка, что онъ ушелъ отъ нихъ: очевидно, уходъ его не былъ вынужденнымъ, Святополкъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду управлять Новгородомъ чрезъ намѣстниковъ, надобно отцу, но новгородцы, не желая сидѣть безъ князя, обратились къ Всеволоду [1]). Такъ или иначе, за старшею Изяславлею линіею осталась только Туровская волость; обстоятельство это имѣетъ не малое значеніе: благодаря ему, Святополкъ и теперь, и позже, будучи кіевскимъ княземъ, не могъ играть особенно выдающейся роли на Руси по сравненію съ линіею Всеволода.

Во вторую половину правленія Всеволода не слышно объ изгояхъ, продолжалъ безпокоить сосѣднія волости Всеславъ, до половцы производили свои набѣги. Борьбу съ этими врагами выносилъ на своихъ плечахъ неутомимый Мономахъ. Набѣги половцевъ преимущественно направлялись на Переяславскую волость, впрочемъ извѣстенъ набѣгъ или, вѣроятнѣе, было нѣсколько набѣговъ сряду на Поросье —у Красна Мономахъ нанесъ половцамъ пораженіе (около 1085 г.) [2]).

Всеволодъ, кажется, пользовался любовью и уваженіемъ духовенства, какъ человѣкъ весьма образованный для своего времени (онъ зналъ пять языковъ), усердный къ религіи и воздержный, къ тому же—мужъ греческой царевны. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ любимымъ сыномъ своего отца, измлада любилъ правду, миловалъ убогихъ, очень любилъ духовенство. Религіозностію отличались и нѣкоторыя дѣти его; не говоря о Мономахѣ, его дочери Евпраксія и Анна обнаружили свою набожность, постригшись въ монашество; Анна (Янка) принимала близкое участіе въ дѣлахъ церкви, путешествовала въ Царьградъ; для нея былъ устроенъ Всеволодомъ женскій Андреевскій монастырь, называвшійся по ея имени также Янчинымъ. Кромѣ того Всеволоду принадлежитъ еще основаніе Выдубицкаго монастыря (монастырь Всеволожь) [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 145 и 182, прибавл. къ 1 Новг. с. 62 и 439 (Лѣт. Авраамки с. 313).

[2]) „И потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ (Лавр. с. 240—Поученіе Мономаха).

[3]) Ипат. с. 144, 145, 146, 186, 197, 475.

Но если Всеволодъ пользовался симпатіями духовенства, то нельзя этого сказать о дружинѣ и земствѣ. По словамъ лѣтописца, Всеволодъ въ старости, ослабленный болѣзнями и печалями, сталъ окружать себя людьми новыми, которые отвращали его отъ прежней дружины и не заботились о правосудіи: „нача любити смыслъ уныхъ и свѣтъ творяше с ними; си же начаша і заводити (завидѣти) и негодовати дружины своея первыя і людемь не хотѣти (доходити) княжѣе правды“ [1]). Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что подъ прежнею („первою“) дружиною нужно разумѣть кіевскую, а подъ молодою—пришлую, переяславскую [2]), но ближе къ лѣтописи будетъ предположить, что здѣсь просто разумѣются любимцы вообще, оттѣснявшіе прежнихъ приближенныхъ, прежнюю дружину, что лѣтописецъ и объясняетъ старостью князя, ослабленіемъ его ума. Это было причиною неудовольствія дружины. Земство было недовольно самоуправствомъ и лихоимствомъ его тіуновъ: „начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти (отягощать штрафами), сему невѣдущю у болѣзнѣхъ своихъ“ [3]). Всеволодъ, кажется, вообще не отличался особенною дѣятельностью, а въ старости, больной, совсѣмъ не входилъ въ дѣла управленія землею и не исполнялъ одной изъ главныхъ обязанностей князя—„оправливать людей“. Другая причина неудовольствія земства—рати; единственная рать собственно кіевская, упоминаемая источниками—это набѣги или набѣгъ половцевъ, уже упомянутый. Но, вѣроятно, кіевскія ополченія должны были участвовать и въ войнахъ Всеволода съ разными его врагами, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Кіевской землѣ, и это возбуждало неудовольствіе: „наша земля оскудила есть отъ ратий и продажь“, жаловались кіяне по смерти Всеволода [4]).

---

[1]) Ипат. с. 151.

[2]) Соловьевъ II с. 32; Бестужевъ-Рюминъ—Русск. ист. I, с. 165, Костомаровъ—Монографіи I с. 186, 192; аргументъ, что Всеволодъ, какъ старикъ, едва ли могъ окружить себя юношами, кажется мнѣ не важнымъ. Ср. Лашнюкова Владиміръ Мономахъ и его время (въ Пособіи къ изученію русской исторіи в. II, с. 12).

[3]) Ипат. (с. 151) и Лавр. (с. 209) расходятся въ чтеніи этого мѣста; чтеніе Ипат. „і начаша тивунѣ его грабити“ лучше, по моему мнѣнію, чѣмъ Лавр. „начаша ти унии“: рѣчь идетъ уже о новомъ предметѣ; „людемъ не хотѣти княжеѣ правды“ относится къ „унымъ“—они не хотѣли, не заботились, чтобы люди пользовались княжьимъ провосудіемъ; г. Линниченко (Вѣче с. 23) понимаетъ такъ, что кіевляне были недовольны княжьимъ судомъ (избѣгали его?).

[4]) Ипат. с. 152.

Характеризовать самую личность Всеволода трудно: онъ очень мало фигурируетъ, скрываясь то за личностями братьевъ, то Мономаха. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ себѣ на умѣ и большой благопріобрѣтатель; политика его относительно изгоевъ не показываетъ въ немъ ни дальновидности, ни благородства, но благодаря осторожности и умѣнью выжидать, этотъ родоначальникъ московскихъ собирателей собралъ въ своихъ рукахъ большинство волостей. Впрочемъ, трудно опредѣлить, что въ результатѣ нужно приписать ему самому и что его правой рукѣ—Мономаху [1]).

Всеволодъ скончался 13 апрѣля 1093 г. „Епископы, игумены съ черноризцами, попы, бояре и простые люди“ похоронили его [2]). Населеніе не могло особенно жалѣть за покойникомъ, и отъ буйствъ въ отношеніи нелюбимыхъ тіуновъ удержало народъ, вѣроятно, присутствіе Мономаха.

Смерть Всеволода открыла вопросъ о наслѣдованіи кіевскаго стола; предшествующая эпоха, повидимому, не выработала въ этомъ отношеніи никакихъ прочныхъ правилъ, и возможно было колебаніе между различными принципами наслѣдованія. По словамъ лѣтописца, Мономахъ, находившійся тогда въ Кіевѣ, „нача размышляти, река: аще язъ сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ узяти, яко то есть столъ отца его [3]) переже былъ. И тако размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернѣгову“ [4]). Татищевскій сводъ прибавляетъ, что кіяне просили Мономаха сѣсть на столѣ у нихъ, но онъ отказался, опасаясь претензій Святополка и

---

[1]) Большее, чѣмъ обыкновенно, значеніе личности Всеволода и его дѣятельности придаетъ покойный Лашнюковъ (Владиміръ Мономахъ с. 9—12): „мы, говоритъ онъ, даемъ княженію Всеволода самостоятельное значеніе, считаемъ его родоначальникомъ княжеской линіи, въ которой хранилась идея верховной власти, принесенная намъ греческимъ духовенствомъ, и не устраняемъ личнаго участія Всеволода въ дѣлахъ его княженія“. Наоборотъ, чрезвычайно низкаго мнѣнія о Всеволодѣ былъ Н. Полевой—см. Исторію рус. нар. П. с. 288, 304, 314—5.

[2]) Ипат. с. 152.

[3]) Въ Ипат. неправильно: „моего“.

[4]) Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

Святославичей [1]). Весьма трудно рѣшить, насколько справедливо это извѣстіе; приведенныя слова лѣтописи если не противорѣчатъ ему, то нисколько и не подтверждаютъ. Не нужно забывать, что въ ту пору Мономахъ едва ли представлялся такимъ „добрымъ страдальцемъ за землю Русскую", какъ двадцать лѣтъ спустя—эту славу преимущественно стяжалъ онъ позже, во время славной борьбы съ половцами 1103—1111 г. Раньше его дѣятельность вовсе не имѣетъ характера дѣла народнаго; онъ не разъ наводилъ половцевъ на русскія земли, пустошилъ и жегъ города, какъ самъ сознается [2]). Княженіе Всеволода, какъ мы видѣли, было очень непопулярно у кіевскаго населенія, и Мономахъ, вѣчно странствуя съ отцовскими порученіями, едва ли дѣлалъ много для улучшенія управленія въ Кіевской землѣ; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ, говоря о безпорядкахъ въ княженіе Всеволода, ни однимъ словомъ не обмолвился о Мономахѣ. Въ сужденіяхъ ученыхъ о тогдашней популярности Мономаха, какъ и въ вышеприведенномъ извѣстіи Татищева, едва ли не сказывается вліяніе позднѣйшей его славы, которую нечувствительно переносили и на болѣе раннее время. Существовали, конечно, въ Кіевѣ сторонники Мономаха, но они, правдоподобно, не составляли большинства, и на ряду съ ними могла быть и партія Святополка, и еще больше—людей, относящихся къ вопросу безразлично. Между тѣмъ Святополкъ, несомнѣнно, не преминулъ бы предъявить свои претензіи; онъ и изъ Новгорода перешелъ въ Туровъ для того, вѣроятно, чтобы поближе слѣдить за кіевскими дѣлами [3]); принять кіевскій столъ Мономаху—значило вызвать его на упорную борьбу, а поднимать такую новую борьбу, не покончивъ старой тяжбы съ изгоями было бы со стороны Мономаха очень неблагоразумно. Такъ или иначе, Мономахъ рѣшилъ

---

[1]) Татищевъ—Ист. Россійск. II с. 146; предположеніе, что кіевское населеніе по смерти Всеволода предлагало столъ Мономаху, почти общепринято теперь—см. напр. Соловьева II, с. 38, Бестужева-Рюмина Ист. Рос. I, с. 165, Иловайскаго Ист. Рос. I, с. 123, Лашнюкова ор. с. с. 13, Линниченка—Вѣче с. 24. Соловьевъ изъ лѣтописныхъ словъ Мономаха выводитъ, что онъ „не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ". Но не препятствовать вовсе не то же самое, что желать.

[2]) Лавр. с. 139 (Поученіе), ср. с. 231 (Ипат. с. 166).

[3]) Соловьевъ—Ист. Россіи II, с. 40, Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 321.

отказаться отъ Кіева, и отправился въ Черниговъ; Переяславская волость досталась брату его, Ростиславу.

Десять дней спустя по смерти Всеволода, въ день антипасхи, прибылъ въ Кіевъ Святополкъ; кіяне вышли къ нему навстрѣчу и встрѣтили его, по словамъ лѣтописца, съ поклонами и радостію [1]). Однако имъ, вѣроятно, скоро пришлось разочароваться въ новомъ князѣ: о Святополкѣ сохранилась дурная память; лѣтопись и агіографическіе памятники единодушно рисуютъ его человѣкомъ лишеннымъ государственныхъ способностей, иниціативы, и въ то же время жестокимъ, подозрительнымъ, корыстолюбивымъ, несправедливымъ, [2]); по словамъ Патерика, въ его княженіе было много насилія людямъ: „домы бо силныхъ безвинныхъ искоренивъ и имѣнія многы отъимъ“; различныя бѣдствія его княженія авторъ разсматриваетъ, какъ божеское наказаніе за его неправды [3]). Дурная память сохранилась также о сынѣ Святополка—Мстиславѣ [4]).

Интересъ первыхъ годовъ княженія Святополка сосредоточивается около вопроса объ изгояхъ, который наконецъ былъ рѣшенъ окончательно, и около половецкихъ отношеній; то и другое, изгойскій вопросъ и половецкія опустошенія, стояли въ нѣкоторой связи между собою. Кіевской области ближайшимъ образомъ касались послѣднія; никогда, кажется, половецкіе набѣги не были такъ часты и опустошительны, какъ въ это время. Это была именно та пора, когда, по словамъ поэта, „по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе“ [5]). Къ бѣдствіямъ этимъ присоединился еще голодъ, отчасти вызванный половецкими вторженіями,

---

[1]) Ипат. л. с. 152 (Лавр. с. 210).

[2]) Сужденія историковъ о характерѣ Святополка отличаются вообще большимъ единодушіемъ, см. напримѣръ отзывы Карамзина (II с. 84—85), Соловьева (II с. 41), Бестужева-Рюмина (I с. 165).

[3]) Патерикъ с. 152 (житіе св. Прохора), то же самое у Стрыйковскаго въ извлеченіи изъ „хронички русской“ (обстоятельство любопытное!): czassu panowania swego wiele czkód poddanym bezwinnie poczyniłi i wyniszczył imion nie mało, a inszym odjął (I. 167).

[4]) Патерикъ с. 171 сл. (житіе св. Василія и Ѳеодора).

[5]) Слово о полку Игоревѣ с. 5.

отчасти причиненный саранчею [1]). Словомъ, то была печальная и тяжелая година въ исторіи Кіевщины. Бѣдствія отъ половецкихъ нашествій той поры глубоко запечатлѣлись въ народной памяти, въ частности народное воображеніе, видимо, сильно поразилъ главный герой ихъ, половецкій ханъ Бонякъ. Въ устахъ лѣтописца является онъ съ эпитетами „шелудиваго, безбожнаго, хищника"; въ лѣтопись попали легенды о немъ, гдѣ онъ является то вѣдуномъ, перекликающимся съ волками, то гордымъ наѣзникомъ, который въ знакъ своего торжества „сѣчетъ въ Золотые ворота" кіевскіе [2]). „Шолудывый Буняка" перешелъ затѣмъ и въ народныя преданія, имя его удержалось доселѣ въ памяти народа, между тѣмъ какъ самый образъ, постепенно измѣняясь, принялъ сказочные аттрибуты или превратился въ олицетвореніе какой-то темной стихійной силы, гдѣ уже почти ничего не осталось историческаго. Этотъ образъ олицетворилъ въ себѣ вѣкового врага Южной Руси—степь и ея кочевниковъ [3]).

Половцы шли на Русь въ моментъ смерти Всеволода; узнавъ о послѣдней, они предпочли поторговаться съ новымъ княземъ, не захочетъ ли онъ купить у нихъ миръ за хорошую цѣну, и прислали пословъ. Святополкъ не „сдумалъ" съ кіевскою дружиною и по совѣту своихъ приближенныхъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Турова, посажалъ пословъ половецкихъ въ заключенье [4]). Татищевскій сводъ объясняетъ такой поступокъ корыстолюбіемъ Святополка [5]), но можно обойтись и безъ этого объясненія: несомнѣнно, половцы пришли въ большомъ числѣ

---

[1]) О голодѣ говорится въ Патерикѣ (с. 152) и у Стрыйковскаго (l. c.); о саранчѣ см. Ипат. л. с. 158 и 160 (Лавр. с. 219 и 222); Погодинъ впрочемъ считалъ эти два извѣстія лѣтописи за ошибочное повтореніе одного и того же факта (Хронолог. указ. с. 79).

[2]) Ипат. л. с. 162, 177, 299 (Лавр. с. 224, 261).

[3]) О народныхъ южнорусскихъ преданіяхъ о Бонякѣ см. спеціальное изслѣдованіе г. Кузмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ" въ Кіевской Старинѣ 1887 г. кн. VIII и X, также у П. В. Голубовскаго—Печенѣги с. 238—240 и въ новомъ трудѣ г. Жданова: Пѣсни о князѣ Романѣ въ Журн. М. Н. П. 1890 кн. IV с. 289 сл. Извѣстныя нынѣ народныя преданія о Бунякѣ записаны въ Галичинѣ, на Волыни и въ старой Древлянской землѣ, въ селахъ Миропольѣ и Деревичахъ Новоградъ-Волынскаго уѣзда; они восходятъ къ XVII в.

[4]) Длугошъ объясняетъ (l. IV p. 306), что половцы, ни больше ни меньше, требовали невыплаченной дани (ср. Густин. л. с. 278).

[5]) Ист. Рос. II с. 148.

и потому запросили за миръ дорого, а новопришедшая дружина, незнакомая съ мѣстными отношеніями, на первыхъ порахъ была самонадѣянна. Между тѣмъ половцы, узнавъ о такомъ пріемѣ своихъ пословъ, начали грабить страну, осадили городъ кіевскихъ торковъ. Святополкъ теперь уже самъ предложилъ имъ миръ—предложеніе не было принято; тогда онъ сталъ готовиться въ походъ и „сбирати воѣ". Кіевское боярство отговаривало князя отъ похода: „не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой". Святополкъ отвѣчалъ, по лѣтописцу: „имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могуть противу имъ стати" [1]); смыслъ его словъ, кажется, тотъ, что онъ не нуждается въ земскомъ ополченіи, а слѣдовательно не стѣсняется и мнѣніемъ кіевлянъ. Нѣкоторые поддержали мнѣніе князя; лѣтописецъ называетъ ихъ „несмысленными"; неясно, была ли то туровская дружина, или кіевляне: среди послѣднихъ тоже были сторонники похода, предпочитавшіе войну большому окупу. Другіе говорили, что дружиной можно было бы обойтись, если бы ее было въ десять разъ больше, а на ополченіе дѣйствительно разсчитывать нельзя, потому что страна обѣднѣла („аще бы пристроилъ 8 тысящь, нелихо ти есть, наша земля оскудила есть отъ ратий и продажь") и совѣтовали обратиться, если ужъ итти на половцевъ, за помощью къ Мономаху. Святославъ послѣдовалъэтому совѣту и Мономахъ не только явился самъ съ ополченіемъ, но и призвалъ изъ Переяславля брата Ростислава. Встрѣча со Святополкомъ произошла въ фамильномъ монастырѣ Мономаха—Выдубицкомъ; между ними пошли тутъ распри и „которы"; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ настаивалъ на мирѣ съ половцами, Святополкъ хотѣлъ рати. „Смысленные мужи", по словамъ лѣтописи, совѣтовали князьямъ отложить свои споры: „почто вы распрю имата межи собою? а погании губять землю Рускую, послѣдѣ ся смирита; а нынѣ поидита противу имъ, любо с миромъ, любо ратью"; князья уладились и поцѣловали крестъ. Изъ послѣднихъ словъ лѣтописи („послѣдѣ ся смирита") явствуетъ, что спорили не только о походѣ: бывшіе соперники и вмѣстѣ самые крупные государи тогдашней Руси встрѣтились теперь впервые послѣ смерти Всеволода и весьма вѣроятно, что они именно въ это вре-

---

[1]) Въ Никон. (I. с. 120) невозможное чтеніе—27000 и вмѣсто дальнѣйшихъ 800—80000. Татищевъ поясняетъ, что половцевъ было не меньше 8000 (II с. 147).

мя опредѣлили свои дальнѣйшія отношенія и „урядились“ относительно спорныхъ пунктовъ. Союзъ Изяслава и Всеволода 1077 года былъ возстановленъ теперь ихъ сыновьями и преемниками [1]).

Размолвка Святополка съ кіевскимъ боярствомъ не помѣшала созыву ополченія: послѣднее собиралось на половцевъ охотно и, кажется, безъ вѣчевой санкціи: согласіе предполагалось; ниже мы видимъ, что масса кіевская желала биться съ половцами. Войска троихъ князей собрались у Кіева и отправились къ Треполю [2]). Подойдя къ Стугнѣ, князья остановились въ недоумѣніи и собрали ополченія на военный совѣтъ: очевидно, половцы были неподалеку. Мономахъ продолжалъ настаивать на мирѣ „у грозѣ сей“ [3]); его поддерживали „смысленные“ кіевскіе бояре, но кіевское ополченіе (Кияне) требовало битвы. Голосъ послѣдняго превозмогъ, войска перешли Стугну и за первымъ (сѣвернымъ) изъ двухъ валовъ, проходящихъ здѣсь, встрѣтили половцевъ. Послѣ продолжительной и кровопролитной битвы русскіе потерпѣли пораженіе; произошла паника; Ростиславъ и Мономахъ пустились въ бродъ чрезъ Стугну, при чемъ Ростиславъ

---

[1]) Ипат. с. 152—3 (Лавр. с. 211). Въ Никон. (I. с. 120): послѣди смиритеся, что есть вамъ обида между собою. Длугошъ (l. IV p. 306) и Татищевъ (II с. 147) объясняютъ, что Мономахъ упрекалъ Святополка за поимку половъ; въ Густинской л. (с. 278) по поводу этой поимки прибавлено: сего же не похвалиша ему братія. Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 166) полагаетъ, что Мономахъ требовалъ вознагражденія за помощь противъ половцевъ; но половецкія нашествія были общимъ бѣдствіемъ и едва ли за подобную помощь князья могли торговаться. Объ этомъ эпизодѣ см. еще Соловьева II. с. 41, Линниченка Вѣче с. 25.

[2]) Ростиславъ, можетъ быть, присутствовать при переговорахъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, но не вмѣшивался, какъ князь менѣе значительный и находившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ брата, или пришелъ послѣ переговоровъ (бояре обращаются къ спорящимъ князьямъ въ двойственномъ числѣ); что онъ однако присоединился къ войскамъ у Кіева, это видно изъ лѣтописи (и пойде Святополкъ и Владиміръ и Ростиславъ къ Треполю) и подтверждается житіемъ св. Григорія (Патерикъ с. 139—140), котораго Ростиславъ приказалъ утопить, встрѣтивъ на пути въ Печерскій монастырь за благословеніемъ.

[3]) Эти слова лѣтописи толкуютъ различно; одни, какъ Карамзинъ (II, с. 63), Арцыбашевъ (I, 2 с. 43), Иловайскій (I, с. 124), П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 139) и др. принимаютъ ихъ въ смыслѣ „грозя имъ“; другіе, какъ Соловьевъ (II, с. 42): „врагъ грозенъ“; и то и другое толкованіе равно возможны. Военный совѣтъ, несомнѣнно, происходилъ на сѣверномъ берегу Стугны, и русскіе послѣ него перешли на южный берегъ, въ первый разъ, почему лѣтописецъ и прибавляетъ: „бѣ бо тогда наводнилася вельми“. Объ этомъ походѣ см. еще выше, с. 29, также у П. В. Голубовскаго (ibid).

утонулъ, и его тѣло только потомъ было найдено и привезено въ Кіевъ, гдѣ покойника оплакали и погребли. Мономахъ поспѣшно ушелъ въ Черниговъ, не присутствовалъ, повидимому, даже на похоронахъ брата. Святополкъ отступилъ въ Треполь, затворился здѣсь и лишь ночью ушелъ въ Кіевъ [1]).

Послѣ этой побѣды (она случилась на Вознесеніе, 29 мая) часть половцевъ возвратилась къ осажденному Торческу, другая часть разсѣялась загонами по всей области, заходя даже за Кіевъ. Торки храбро оборонялись отъ половцевъ, но съѣстные припасы истощались, попытка доставить „брашна“ въ городъ не удалась: „не бѣ лзѣ украстися в городъ, множества ради ратныхъ.“ Святополкъ между тѣмъ сдѣлалъ еще одну попытку отразить врага—уже собственными силами; онъ выступилъ противъ половцевъ, грабившихъ окрестности Кіева, на Желань—но и эти загоны оказались сильнѣе его; Святополкъ потерпѣлъ еще большее пораженіе, чѣмъ у Треполя и лишь „самъ третьій“, по словамъ лѣтописца, вернулся въ Кіевъ (23 іюня). Кіевская область осталась совершенно беззащитною; торки, услыхавъ о пораженіи Святополка, сдались послѣ девятинедѣльной мужественной обороны; половцы хозяйничали, какъ хотѣли и сколько хотѣли, и удалились, забравъ и истребивъ все, что можно было забрать и истребить. Лѣтописецъ съ глубокою скорбію говоритъ о сожженныхъ церквяхъ и селахъ, опустѣвшихъ городахъ, истребленныхъ посѣвахъ, угнанныхъ стадахъ, въ особенности—о множествѣ плѣнныхъ, угнанныхъ половцами; я не буду приводить его прочувствованнаго, превосходнаго описанія страданій плѣнниковъ и глубоко благочестиваго заключенія—они слишкомъ извѣстны [2]).

Эти пораженія и страшныя опустошенія должны были ослабить силы Кіевской земли. Святополкъ вынужденъ былъ войти въ сношенія съ половцами: на слѣдующій годъ подарками онъ купилъ себѣ

---

[1]) Ипат. л. с. 152—154 (Лавр. с. 210—213), 1 Новг. с. 3. Объ этой битвѣ говоритъ, кажется, Мономахъ въ Поученіи (Лавр. с. 240): „и паки по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половцы до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ с Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими“; поправка Арцыбашева (т. I, 2 пр. 236): „на Стугнѣ“ вм. „на Сулѣ“ кажется вѣроятною.

[2]) Ипат. л. с. 154—157 (Лавр. 213—218).

миръ и женился на дочери хана Тугоркана—это былъ первый примѣръ подобныхъ браковъ [1]).

Между тѣмъ Олегъ, ободренный пораженіемъ князей, явился съ половцами и принудилъ Мономаха отказаться отъ Черниговской волости; Святополкъ не рѣшился подать помощи послѣднему. Переяславская волость была при этомъ, вѣроятно, также сильно опустошена, а на слѣдующій годъ явились къ Мономаху половецкіе ханы Китанъ и Итларь—торговаться о мирѣ, а въ случаѣ несогласія—снова опустошать волость. Подобный образъ дѣйствій, конечно, долженъ былъ страшно раздражать русскихъ. По совѣту дружины Мономахъ распорядился вѣроломно избить пришедшихъ къ нему половцевъ; однимъ изъ участниковъ этого дѣла былъ также бояринъ Святополка Славята, присланный за чѣмъ-то своимъ княземъ къ Мономаху. Вслѣдъ за тѣмъ Мономахъ со Святополкомъ напалъ врасплохъ на половецкія вежи и захватилъ богатую добычу; къ участью въ этомъ нападеніи приглашенъ былъ и Олегъ, но отказался [2]). Дѣятельное участіе Святополка показываетъ, что миръ, купленный у половцевъ, былъ совершенно непроченъ, что половцы либо нарушили его, либо дали поводъ ожидать нарушенія. Подъ этимъ же годомъ (1095) мы читаемъ въ лѣтописи, что половцы пришли въ Кіевскую область, осадили Юрьевъ и стояли подъ нимъ цѣлое лѣто; трудно только опредѣлить, предшествовало ли это вторженіе избіенію половцевъ, или оно послѣдовало уже за нимъ [3]). Святополкъ опять задобрилъ было

---

[1]) Ипат. с. 157; Татищевъ (II, с. 151) объясняетъ, что Мономахъ и другіе князья, „озлобленные“ Святополкомъ, отказали ему въ помощи, что онъ женился на дочери Тугоркана изъ скупости, чтобы не дорого купить миръ (ср. Соловьева Ист. отнош. князей с. 108). Подобная женитьба скорѣе увеличивала издержки, потому что требовала приличнаго калыма (ср. Погодинъ Древ. Рус. Ист. I, с. 110).

[2]) Ипат. с. 158—9, Лавр. с. 219—220 и 240; Татищевъ II, с. 153. Славята, правдоподобно, былъ однимъ изъ иниціаторовъ избіенія половцевъ (см. Соловьевъ II, пр. 105), но нѣтъ никакихъ основаній заключать, что Мономахъ дѣйствовалъ при этомъ въ угоду кіевскому населенію, какъ дѣлаетъ Костомаровъ (Монографія т. I, с. 194): это предположеніе явилось у него вслѣдствіе того, что онъ, ошибочно для этого времени, принялъ Ратибора за кіевскаго тысяцкаго. Полевой (II, с. 330—1) видѣлъ въ избіеніи половцевъ уступку со стороны Мономаха желанію Святополка.

[3]) Погодинъ, весьма обстоятельно разсуждающій объ этомъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (с. 71 сл., см. также с. 51), приходитъ къ заключенію, что осада Юрьева предшествовала избіенію половцевъ.

половцевъ подарками, но они потомъ все-таки вторглись въ Поросье [1]). Наконецъ жители Юрьева, соскучившись жить въ постоянномъ страхѣ половецкихъ разореній, улучивъ удобное время, бѣжали въ Кіевъ. Для нихъ и для прочаго порубежнаго населенія—поросскаго и заднѣпровскаго (засаковцевъ) [2]) былъ заложенъ новый городъ „на Вытечевьскомъ холмѣ", названный Святополчемъ; сюда переселился и юрьевскій епископъ, а Юрьевъ, оставленный жителями, былъ сожженъ половцами. Пограничное населеніе Кіевской области, очевидно, не могло выносить болѣе половецкихъ набѣговъ, которые уже не ограничивались опустошеніями, а сопровождались осадою и разрушеніемъ городовъ. По аналогіи Юрьева, значительнѣйшаго города Поросья, можно думать, что и другіе города были также оставлены жителями; поросская военная граница, устроенная Ярославомъ и его сыновьями, была такимъ образомъ разрушена и укрѣпленною границею снова, какъ при Владимірѣ Св., является область Стугны.

Такимъ образомъ враждебныя отношенія къ половцамъ возобновились съ новою силою; въ виду этого Святополку и еще болѣе Мономаху было особенно непріятно имѣть въ тылу половецкаго союзника въ лицѣ Олега. Они всѣми мѣрами стараются разстроить его союзъ съ половцами: такой смыслъ, надо думать, имѣло упомянутое выше предложеніе—принять участіе въ походѣ на половцевъ, сдѣланное ему Святополкомъ и Мономахомъ; они разсчитывали, вѣроятно, что Олегъ не захочетъ открыто признать свою солидарность съ половцами, которая и такъ сильно вредила ему во мнѣніи современнаго общества [3]). Но Олегъ, только что добывъ Черниговъ благодаря половцамъ и не упрочивъ еще своего положенія, не рѣшался портить свои отношенія къ послѣднимъ: онъ обѣщалъ прійти, но не исполнилъ обѣщанія [4]). Въ слѣдующемъ году Святополкъ и Мономахъ пригла-

---

[1]) О разночтеніяхъ этого мѣста говорилъ я выше (с. 36), при опредѣленіи мѣстоположенія Юрьева; въ данномъ случаѣ я принимаю чтеніе Ипат. л. и сходныхъ съ нею.

[2]) Въ Софійскомъ (I. 177) и Воскрес. (I. 8) сводахъ—„за Саковцемъ" (см. Арцыбашева I. 2, пр. 254), но это чтеніе не годится; яснѣе въ Лавр. с. 221 (и Никон. I, с. 124): „и засаковцемъ и прочимъ отъ инѣхъ градъ". Объ этомъ переселеніи и устройствѣ Святополча см. еще выше с. 30.

[3]) См. Ипат. с 158 (Лавр. с. 218–9).

[4]) Ср. Багалѣй, Ист. Сѣвер. з. с. 172.

шаютъ Олега явиться въ Кіевъ, чтобы въ присутствіи духовенства, дружины и горожанъ („людей градскихъ") уговориться относительно обороны Русской земли отъ поганыхъ [1]). Въ этомъ фактѣ нѣкоторые видѣли попытку установить новый государственный строй, образовавъ общее вѣче изъ представителей всѣхъ земель съ верховными правами [2]), но ничто не даетъ права дѣлать подобное предположеніе; я скорѣе готовъ думать, что Святополкъ и Мономахъ просто разсчитывали уладить отношенія къ Святославичамъ и прекратить ихъ союзъ съ половцами подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое непремѣнно должно было высказаться рѣшительно противъ дружбы съ половцами и поддержать Святополка и Мономаха противъ Святославичей; кіевское общество могло служить третейскимъ судьею въ этомъ дѣлѣ, какъ вслѣдствіе значенія этого города, такъ и потому, что онъ не былъ прямо замѣшанъ въ борьбу Мономаха и Олега, какъ Черниговъ и Переяславль. Но и эта попытка не удалась: Олегъ, „уснриемъ смыслъ буй и словеса величава", отказался явиться „на судъ епископовъ, чернецовъ и смердовъ"; онъ, конечно, предвидѣлъ, въ какомъ смыслѣ выскажется общественное мнѣніе и не хотѣлъ поступаться своею политикою въ угоду ему. Святополкъ и Мономахъ предприняли тогда походъ на Черниговъ, кончившійся сдачею Олега на волю братьевъ и выходомъ изъ волости. Но этотъ результатъ, конечно, былъ непроченъ и не удовлетворилъ Мономаха и Святополка: имъ во что бы то ни стало хотѣлось окончательно и прочно удалиться съ Святославичами. Половецкіе набѣги этого года достаточно объясняютъ это желаніе; Мономахъ уже не надѣялся отстоять Черниговъ и желалъ только развязать себѣ руки для борьбы со степью; Святополкъ, повидимому, вовсе не былъ заинтересованъ въ вопросѣ объ изгояхъ, и ему половецкія опустошенія должны были казаться особенно тягостными, своего рода на чужомъ пиру похмельемъ. Оба они не-

---

[1]) Ипат. с. 160 (Лавр. с. 222).

[2]) Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 196), также Кояловичъ (см. у г. Линниченка—Взаимн. отнош. с. 142). Нѣтъ основанія видѣть „въ людехъ градскихъ" и представителей всѣхъ городовъ, „какъ при Владимірѣ Святомъ", какъ думалъ Хлѣбниковъ и еще раньше Костомаровъ—Монографіи I. 195 (отмѣчу кстати варіантъ Тверскаго сборника с. 184: хотящи положити межи себе порядъ *предъ Кіяны*). См. еще Линниченка—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 24.

редъ тѣмъ рядились съ Давыдомъ Святославичемъ, но этотъ рядъ не имѣлъ окончательнаго значенія безъ участія Олега [1]). Потому, выпуская Олега изъ Стародуба, Мономахъ и Святополкъ берутъ съ него обѣщаніе явиться вмѣстѣ съ Давыдомъ въ Кіевъ—„снятися и порядъ положити“ [2]).

Дѣйствительно, союзники Олега дали себя сильно почувствовать пограничнымъ областямъ; въ то время какъ Святополкъ ходилъ съ Мономахомъ на Олега, напалъ на Кіевскую область знаменитый Бонякъ, проникъ до Кіева, опустошилъ его окрестности и сжегъ княжескій дворъ на Берестовомъ, а другой ханъ—Куря опустошалъ окрестности Переяславля. Черезъ недѣлю тесть Святополка, Тугорканъ, уже осадилъ Переяславль. Мономахъ въ это время, кажется, гонялся за Боняком̀ъ, вмѣстѣ съ Святополкомъ, но безуспѣшно [3]); теперь оба

---

[1]) Лавр. с. 245 (письмо Мономаха): „с братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся“ (двойственное число относится къ Мономаху и Святополку), ср. 241 (Поученіе): „и Смолиньску идохомъ, с Давыдомъ смирившеся“. Отношенія Мономаха и Святополка къ Давыду въ это время доселѣ остаются неясными, тѣмъ болѣе, что тутъ имѣемъ хронологическую путаницу: въ 1 Новг. подъ 1095 г. стоитъ: „иде Святополкъ и Володимиръ на Давыда Смоленьску и вдаша Давыду Новгородъ“ (с. 3); въ Начальной подъ тѣмъ же 1095 г.: „сего же лѣта исходяча иде Давыдъ Святославичь из Новагорода къ Смоленьску“, при чемъ новгородцы вызвали къ себѣ назадъ Мстислава Мономаховича, а Давыду отказали отъ стола (Ипат. с. 160, Лавр. с. 221); дѣйствительно, осенью 1096 г. Мстиславъ былъ уже въ Новгородѣ, какъ видно изъ описанія борьбы его съ Олегомъ. Между тѣмъ въ прибавленіяхъ къ Новгородской л. сказано, что Давыдъ сидѣлъ въ Новгородѣ два года: „и по двою лѣту выгнаша и“ (с. 67 и 439, также въ Лѣт. Авраамки с. 314); приходится такимъ образомъ переводъ Давыда въ Новгородъ передвинуть на 1094 или даже 1093 г. (ср. Карамзина II, с. 66 и пр. 179, Погодина Изслѣдов. V, с. 336—8). Въ Новгородъ Давыдъ, какъ видно, былъ переведенъ противъ воли; Соловьевъ объяснялъ, что сдѣлано это было для того, чтобъ его волость не соприкасалась съ Черниговскою волостью Олега (II, с. 46): это объясненіе очень вѣроятно, если только переводъ состоялся въ 1094 г. Затѣмъ Давыдъ, можно думать, хотѣлъ прихватить къ Новгороду и Смоленскъ, но потерялъ при этомъ Новгородъ, а передъ Любецкимъ съѣздомъ, по соглашенію съ Мономахомъ, очистилъ и Смоленскъ.

[2]) Ипат. с. 160—1 (Лавр. с. 222—3).

[3]) Въ Поученіи Мономаха (Лавр. с. 241), непосредственно за упоминаніемъ объ осадѣ Стародуба: „и на Богъ идохомъ, с Святополкомъ на Боняка за Рось“; я предпочитаю отнести эту погоню къ первому набѣгу Боняка 1096 г. потому, что послѣ осады Стародуба мы видимъ Мономаха въ Кіевской землѣ, откуда онъ явился, вмѣстѣ съ Святополкомъ, на выручку Переяславля (Ипат. с. 161, Лавр. с. 223).

отправились выручать Переяславль; половцевъ удалось застать врасплохъ, они были разбиты, самъ Тугорканъ былъ убитъ, Святополкъ отвезъ трупъ своего тестя въ Кіевъ и похоронилъ на пути въ Берестовое. Но пока Святополкъ ходилъ выручать Переяславль, Боняк, провѣдавъ, вѣроятно, объ отсутствіи его, уже успѣлъ вернуться; 19 іюня [1]) бились съ Тугорканомъ, а 20-го утромъ („въ первый часъ дня") половцы напали на Кіевъ и едва не ворвались въ верхній городъ; они зажгли предмѣстья (болонье), монастыри Стефановъ, Германовъ и Печерскую великую церковь, заставъ врасплохъ монаховъ, спавшихъ послѣ заутрени; поганые ругались надъ иконами и поносили христіанскую вѣру. Они зажгли также и Всеволодовъ „дворъ красный" у Выдубицкаго монастыря и затѣмъ удалились безнаказанно [2]).

Олегъ между тѣмъ все-таки не сдавался; онъ не рѣшался отдаться на судъ и волю братіи и попытался еще разъ отстоять свое дѣло оружіемъ. Результатомъ этой послѣдней его борьбы (за Муромъ и Ростовъ) было опять полное пораженіе и бѣгство. Мономахъ былъ утомленъ передрягами; смерть сына, павшаго въ борьбѣ съ Олегомъ, должна была также повліять на него; Олегу была возвращена Муромская волость немедленно, и онъ согласился наконецъ явиться на общій совѣтъ [3]). Осенью 1097 г. въ Любечѣ собрались наконецъ „на устроенье мира" Ярославичи послѣ столькихъ лѣтъ распрь и усобицъ. По сказанію, рѣшено было быть „по едино сердце" и „соблюдать Рускую землю", а какъ средства къ сохраненію впредь взаимнаго мира, были приняты: право всякаго князя на волость и принципъ отчинности при распредѣленіи столовъ (послѣдній впрочемъ не былъ проведенъ послѣдовательно) [4]). Этотъ фактъ имѣлъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе въ исторіи удѣльно-вѣчевого періода, закрѣпивъ стремленіе отдѣльныхъ племенъ къ обособленію. Въ частности, что

---

[1]) Въ Ипат., Лавр., Ник. (I. 125) и Воскр. (I. 9) стоитъ 19 іюля, но нужно читать „іюня", такъ какъ пятокъ приходился 20 іюня, а не іюля (см. Арцыбашевъ т. I. кн. 2, пр. 260), и это сообразнѣе съ обстоятельствами: Тугорканъ пришелъ 31 мая, а разбитъ 20 іюня.

[2]) Ипат. л. с. 161—163 (Лавр. с. 223—226); Карамзинъ (II, пр. 174) полагалъ, что Бонякъ поспѣшилъ удалиться, узнавъ о пораженіи Тугоркана.

[3]) Ипат. с. 164—167, Лавр. с. 228—232, 243—245 (письмо Мономаха).

[4]) Ипат. с. 167—8 (Лавр. с. 247).

касается до Кіева, это установленіе должно было въ сильной степени парализовать традиціонныя стремленія кіевскихъ князей къ собиранію земель.

Кіевъ, въ ряду другихъ отчинъ, былъ признанъ отчиною дома Изяслава. Въ пониманіи этого факта не сходятся историки. Сторонники теоріи родовыхъ отношеній видятъ въ установленіи Любецкаго съѣзда главнымъ образомъ уничтоженіе изгойства, кіевскій же столъ, по ихъ мнѣнію, на будущее время долженъ былъ переходить отъ князя къ князю по старшинству, „лѣствичнымъ восхожденіемъ“, и отчинность означала право сына на соотвѣтственную волость отца тогда только, когда онъ занималъ такую же позицію въ родѣ, какъ и его отецъ. Другіе же изслѣдователи понимаютъ отчинность въ точномъ смыслѣ и полагаютъ, что Кіевъ любецкими постановленіями былъ закрѣпленъ исключительно за потомствомъ Изяслава [1]). Такое разнорѣчіе происходитъ, кромѣ краткости и неопредѣленности лѣтописнаго извѣстія, еще и отъ того, что на практикѣ постановленіе Любецкаго съѣзда относительно Кіева не осуществилось: при первомъ же случаѣ наслѣдованія кіевскаго стола взаимные счеты князей были парализованы принципомъ народнаго избранія. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, болѣе согласнымъ съ послѣдующими фактами второе предположеніе: я думаю, что по любецкимъ постановленіямъ Кіевская земля, подобно другимъ, должна была обособиться и закрѣпиться за родомъ Изяслава, но послѣдующія обстоятельства помѣшали этому [2]).

Какъ извѣстно, Любецкій съѣздъ не прекратилъ усобицъ и раздоровъ среди князей, напротивъ—послужилъ исходнымъ пунктомъ для новой, еще болѣе ожесточенной борьбы. Изслѣдованію княжескихъ

---

[1]) Соловьевъ Ист. Россіи II, с. 51; Погодинъ Изслѣд. IV гл. V (с. 353 сл.); Сергѣевичъ—Вѣче и князь, с. 321—322; Бѣляевъ—Разсказы I, с. 148.

[2]) Возможно впрочемъ и такое объясненіе, что на Любецкомъ съѣздѣ князья имѣли въ виду распредѣленіе волостей только для даннаго времени, а не установленіе постояннаго закона для грядущихъ поколѣній; однако и въ такомъ случаѣ постановленіе его создавало бы весьма важный прецедентъ для послѣдующаго.

отношеній этихъ годовъ я посвятилъ отдѣльную работу [1]); не повторяя сказаннаго тамъ, я ограничусь краткою схемою событій и остановлюсь только на нѣкоторыхъ подробностяхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Кіевщинѣ.

Самое распредѣленіе волостей, утвержденное любецкими постановленіями, заключало въ себѣ причины для несогласій: Мономахъ, кромѣ исконныхъ волостей своего рода—Переяславской и Ростово-Суздальской, сохранилъ и Смоленскъ и Новгородъ, Святополкъ остался безъ Новгорода, а Давыдъ Игоревичъ долженъ былъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами. Повидимому, во время самаго съѣзда произошла размолвка между Святополкомъ и Мономахомъ, и результаты этого немедленно дали себя знать. Сказаніе нѣкоего Василя, включенное въ начальную лѣтопись, повѣствуетъ, что Давыдъ, введенный въ свою очередь въ заблужденіе своими боярами, объявилъ Святополку, будто Василько Ростиславичъ составилъ съ Мономахомъ коалицію противъ ихъ обоихъ, Святополка и Давыда; Василько имѣетъ въ виду завладѣть Волынью и отнять у Святополка Туровскую волость и Погорынье, а Мономахъ намѣренъ захватить Кіевъ. Въ виду этого Давыдъ совѣтовалъ схватить Василька, находившагося тогда въ Кіевѣ. Святополкъ отнесся ко всему этому нерѣшительно; помимо мотивовъ нравственныхъ онъ долженъ былъ опасаться послѣдствій этого поступка, да и поимка Василька преимущественно была интересна для Давыда, а не для Святополка. Приказавъ въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ Давыда, схватить Василька, Святополкъ пытается опереться на населеніе и заручиться его поддержкою. По сказанію, на другой день послѣ поимки Василька онъ созываетъ бояръ и людей кіевскихъ и передаетъ имъ слова Давыда, что Василько заключилъ союзъ съ Мономахомъ противъ него, Святополка, хочетъ его убить и захватить его города [2]).

---

[1]) Волынскій вопросъ 1097—1102 г.—см. въ Кіевской Старинѣ за 1891 г. кн. IV и V, и отдѣльно.

[2]) Хотя я вообще считаю сказаніе Василя не всегда безукоризненнымъ въ отношеніи исторической достовѣрности, но нижеприводимыя подробности объ отношеніяхъ кіевскаго населенія къ современнымъ событіямъ весьма интересны: сами по себѣ онѣ не возбуждаютъ подозрѣній относительно своей достовѣрности, но если и не придавать значенія деталямъ, не признавать даже самыя эти подробности фактически достовѣрными, все же

Возможность вооруженнаго захвата Кіева и его области со стороны Василька или Мономаха была, конечно, очень непріятна кіевлянамъ, и на это могъ разсчитывать Святополкъ. Но бояре и люди отвѣчали все же очень неопредѣленно: „тобѣ, княже, головы своеѣ достоитъ блюсти; да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли не право глаголалъ Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣщаеть предъ Богомъ.“ Вѣче такимъ образомъ находило, повидимому, справедливою поимку Василька, но въ то же время ничѣмъ не обѣщало поддержки Святополку и не рѣшало участи Василька [1]). Очевидно, къ Святополку кіевляне особенныхъ симпатій не имѣли и не желали связывать его дѣла съ дѣломъ земли: такого принципа невмѣшательства земство держалось обыкновенно и только для особенно излюбленныхъ князей дѣлало исключенія.

Вѣче уклонилось отъ участія въ дѣлахъ Святополка; кіевское же духовенство прямо выступило въ защиту Василька: за отсутствіемъ митрополита игумены, узнавъ о происходящемъ, „начаша молитися о Васильцѣ къ Святополку“ [2]). Святополкъ началъ колебаться и сваливать все на Давыда, хотѣлъ даже отпустить Василька, но въ концѣ концовъ настоянія Давыда взяли верхъ; въ слѣдующую же

онѣ сохраняютъ значеніе, какъ выраженіе представленія современника о роли кіевскаго земства въ политической жизни, современника при томъ хорошо знакомаго съ современными отношеніями.

[1]) Ипат. с. 168—9 (Лавр. 248—50). Въ переговорахъ Святополка съ народомъ Сергѣевичъ (Вѣче и князь с. 114) видитъ предложеніе со стороны Святополка народу суда надъ Васильком, но народъ, по его мнѣнію, предоставляетъ князю какъ изслѣдованіе дѣла, такъ и произнесеніе приговора; Полевой (II с. 348), авторъ изслѣдованія „Смерть Ярополка Изяславича“ (Современникъ т. XVI отд. II. с. 21), Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 375) въ отвѣтѣ вѣча видѣли смертный приговоръ Васильку. Мнѣ кажется, разсказъ сказанія надо понимать такъ, что вѣче находило справедливою поимку Василька, но къ „казни“ его не присуждало и не предоставляло даже на волю князя (какъ думалъ Костомаровъ Моногр. I. 196), а поставляло въ зависимость отъ виновности. Ср. Линниченка Вѣче с. 26. У Татищева (II, с. 175) послѣ приведенныхъ словъ вѣче говоритъ: „а доколѣ совершенно изслѣдовано и правда сыскана не будетъ, надлежитъ обоихъ (Василька и Давыда) удержать, и немедленно давъ знать прочимъ князьямъ, созвать ихъ для суда, чтобъ оное разсмотря, винному наказаніе положили“; но татищевскія рѣчи вообще заслуживаютъ сами по себѣ особенно мало довѣрія.

[2]) Ипат. с. 170 (Лавр. с. 250); Никон. I. с. 130: а митрополиту тогда сущу въ Синелищѣ градѣ.

ночь Василька тайкомъ отвезли въ Звенигородъ и немедленно ослѣпили—можетъ быть, въ Кіевѣ опасались вмѣшательства народа или духовенства; главную роль въ ослѣпленіи играли слуги Святополковы. Послѣ ослѣпленія Василько немедленно былъ отвезенъ во Владиміръ, подъ надзоръ Давыда [1]).

Въ упомянутой выше спеціальной работѣ я старался доказать, что общепринятый разсказъ объ отношеніи князей къ этому событію, источникомъ котораго служитъ упомянутое сказаніе Василя, во многомъ не выдерживаетъ критики. Мы не знаемъ, насколько справедливо было сообщеніе о союзѣ Мономаха съ Васильком (такое сближеніе послѣ размолвки Святополка съ Мономахомъ могло произойти, но не имѣло, вѣроятно, агрессивнаго характера), во всякомъ случаѣ извѣстіе о сближеніи Святополка съ Давыдомъ, направленномъ между прочимъ и противъ Мономаха, должно было сильно встревожить послѣдняго. Съ цѣлью разстроить этотъ новый союзъ, Мономахъ сближается со Святославичами и около февраля 1098 г., спустя три мѣсяца послѣ ослѣпленія, вмѣстѣ съ ними предпринимаетъ походъ на Кіевъ. Давыдъ, какъ видно, не оказалъ помощи Святополку, и послѣдній, не имѣя къ тому же поддержки и отъ населенія, хотѣлъ было, по примѣру отца, бѣжать изъ Кіева.

Но если населеніе раньше не высказало никакого желанія поддержать Святополка, съ другой стороны ему непріятна была и возможность вооруженнаго занятія Кіева союзниками: это привело бы къ новой борьбѣ изъ-за Кіева, новымъ преслѣдованіямъ и смутамъ, памятнымъ еще со времени изгнанія Изяслава; помимо того у Святополка все же могли быть и какіе-нибудь сторонники; этими причинами и соображеніями можно объяснить образъ дѣйствій населенія, какъ онъ представленъ въ сказаніи [2]). Вѣче вступаетъ въ этотъ мо-

---

[1]) Ипат. с. 170—171 (Лавр. 250—252).

[2]) Соловьевъ II с. 119; Сергѣевичъ—Вѣче и князь с. 118; Линниченко—Вѣче въ Кіевск. обл. с. 26. Татищевъ (II. с. 179) влагаетъ кіевлянамъ въ уста слѣдующія слова: „понеже ты самъ виненъ предъ братіею, и естьли уйдешь, большей себѣ вредъ и земли Руской, пачеже намъ неповиннымъ раззореніе учинишь: того ради оставь высокоуміе твое и проси у братіи прощенія". Очень сходны съ этимъ слова кіевлянъ въ Густин. л. (с. 283): „аще ты бѣжиши, то мы на плѣненіе останемъ; но мы вѣмы, яко Володымеръ многомилостивъ естъ, ты же токмо остави гордыню и послися къ Володымеру прося его о мирѣ.

ментъ въ свои верховныя права; оно удерживаетъ Святополка и отъ себя отправляетъ къ князьямъ—союзникамъ посольство изъ митрополита Николы и Анны, мачехи Мономаха, прося не губить Русской земли [1]). Послы, явившись въ станъ союзниковъ, „молистася ему (Мономаху) и повѣдаста молбу Кыянъ, яко створити миръ, и блюсти земли Руской и брань имѣти с погаными". Ходатайство было принято очень благосклонно. По всей вѣроятности, Мономахъ и не имѣлъ въ виду лишать Святополка Кіева, походъ его былъ лишь демонстраціей, и вмѣшательство земства дало удобный предлогъ перейти къ переговорамъ.

Княгиня, вернувшись въ Кіевъ, „повѣда всю рѣчь Святополку и Кияномъ, яко миръ будетъ". Дѣла такимъ образомъ уладились, и вѣче прекратило свою дѣятельность. Святополкъ вошелъ въ обычную роль и началъ дипломатическія пересылки съ союзниками, результатомъ которыхъ было обязательство, возложенное на Святополка—схватить или прогнать со стола Давыда за его преступленіе. Святополкъ обѣщалъ исполнить это порученіе и цѣловалъ въ томъ крестъ; на этомъ и былъ заключенъ миръ [2]). Въ сущности, поручая Святополку выгнать Давыда, князья тѣмъ самымъ предоставляли Святополку Волынь (его отчину), такъ что позже, когда онъ не совладалъ съ Давыдомъ, послѣдній былъ „выведенъ" рѣшеніемъ княжескаго съѣзда, и Волынь все таки передана Святополку.

Онъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру митрополита и жену Всеволожу". Обѣ рѣчи своимъ оригиналомъ имѣютъ, кажется, рѣчь черниговцевъ Всеволоду Ольговичу 1138 г. (Ипат. с. 216). Весь этотъ эпизодъ, заподозрѣвать который, какъ я замѣтилъ выше, нѣтъ основаній, довольно трудно примирить, не смотря на предложенныя учеными объясненія, съ предположеніемъ о большой популярности Мономаха у кіевлянъ въ это время; трудно допустить, чтобы они при столь выгодномъ стеченіи обстоятельствъ отказались отъ перспективы пріобрѣсть излюбленнаго князя въ лицѣ Мономаха, если бы послѣдній былъ такимъ, и стали удерживать Святополка.

[1]) Никон. (I. с. 132) представляетъ иниціаторомъ посольства митрополита (котораго ошибочно—за нею, вѣроятно, и Татищевъ—называетъ Никифоромъ): „рече митрополитъ Никифоръ ко Святополку: покайся яже злѣ сотворилъ еси, и молися въ мирѣ быти съ братіею твоею, и аще Богъ хощетъ, да иду азъ къ братіи твоей о мирѣ и о любви, и Анна княгиня Всеволожа да потружается со мною; и ради быша вси". Этотъ варіантъ еще Татищевъ подозрѣвалъ въ тенденціозности (II пр. 326—с. 448).

[2]) Ипат. с. 171—173 (Лавр. с. 252—255).

Такимъ образомъ Мономахъ достигъ своей цѣли: союзъ Давыда и Святополка былъ разрушенъ, послѣдній былъ натравленъ на своего союзника. Но подчинить Святополка своему вліянію Мономаху не удалось: Святополкъ успѣлъ сблизиться со Святославичами и опираясь на ихъ поддержку, занялъ самостоятельное положеніе въ современной политикѣ.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ волынской кампаніи Святополка. Заручившись поддержкою Святославичей и нейтралитетомъ в. князя польскаго Владислава Германа, Святополкъ успѣшно повелъ борьбу съ Давыдомъ, но затѣмъ, задумавъ округлить Волынь принадлежавшими къ ней нѣкогда волостями Ростиславичей, потерялъ всѣ свои завоеванія. Это заставило его снова обратиться къ дипломатіи; опираясь опять-таки на поддержку Святославичей и съ ихъ помощью оказывая давленіе на Мономаха, онъ успѣлъ добиться того, что на общемъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ Волынь была отнята у Давыда—за его преступленіе и передана Святополку, мало того—рѣшено было отобрать волость и у Василька, чтобы передать ее, правдоподобно, тому же Святополку [1]). Это послѣднее рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, Ростиславичи не подчинились ему, но оно очень любопытно потому, что ясно показываетъ, какое вліяніе пріобрѣла въ это время партія Святополка и какъ несправедливо общепринятое воззрѣніе, будто Святополкъ находился постоянно подъ снисходительною опекою Мономаха. То же вліятельное, независимое положеніе Святополка обнаруживается и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ переговорахъ его съ Мономахомъ объ обмѣнѣ Волыни на Новгородъ, очевидно больше интересовавшій Святополка: Мономахъ долженъ былъ уступить его желанію и если оно не осуществилось, то лишь благодаря сопротивленію новгородцевъ [2]). Святополку пришлось удовлетвориться обладаньемъ Волыни. Что касается Давыда, то онъ получилъ сначала города—Бужскъ, Острогъ, Дубенъ и Черторыйскъ, а потомъ, скорѣе въ обмѣнъ, чѣмъ въ придачу—Дорогобужъ, гдѣ и дожилъ свой вѣкъ [3]).

---

[1]) Ипат. с. 173—180, Лавр. с. 255—264 и 232—3 (Поученіе).

[2]) Ипат. с. 181—2 (Лавр. с. 265—6).

[3]) Ипат. с. 179 и 181 (Лавр. с. 263 и 264).

Ко времени волынской войны пріуроченъ еще одинъ, весьма интересный эпизодъ, относящійся уже ко внутренней жизни Кіевщины. По свидѣтельству печерскаго Патерика, во время похода Святополка на Давыда прекратился подвозъ соли въ Кіевъ изъ галицкихъ копей, и цѣна сильно поднялась. Печерскій подвижникъ св. Прохоръ безплатно снабжалъ населеніе солью, которую чудеснымъ образомъ добывалъ изъ золы. Это не понравилось кіевскимъ солянымъ торговцамъ, надѣявшимся обогатиться благодаря высокимъ цѣнамъ: по жалобѣ ихъ Святополкъ заграбилъ соль св. Прохора и поднялъ цѣну, чтобы выгоднѣе продать ее. Объ этомъ узнало населеніе начался ропотъ („проклинающе створшаго се“), а можетъ быть что-нибудь и большее; Святополкъ въ концѣ концовъ уступилъ и оставилъ въ покоѣ св. Прохора [1]).

Рѣшеніе волынскаго вопроса на нѣкоторое время прекратило усобицы князей. Послѣднія были особенно непріятны южнорусскому населенію еще потому, что давали половцамъ поводъ и возможность вмѣшиваться въ русскія дѣла и отвлекали князей отъ борьбы съ ними. Мотивъ—„творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ, и брань имѣти с погаными“ выступаетъ очень часто въ сказаніи, въ описаніи предшествующихъ событій: его приводятъ князья, улаживая черниговскій вопросъ на Любецкомъ съѣздѣ, его выставляетъ Мономахъ, призывая Святославичей на Святополка, о немъ напоминаютъ кіевляне, прося Мономаха заключить миръ со Святополкомъ [2]); я думаю, что таковы были и въ дѣйствительности желанія современнаго общества. Естественно, что возстановившимся наконецъ спокойствіемъ южнорусскіе князья и поспѣшили воспользоваться для борьбы противъ половцевъ; того требовалъ и ихъ интересъ, и общественное мнѣніе.

Въ 1001 г. Святополкъ, Мономахъ и Святославичи съѣхались подъ Кіевомъ на Золотчѣ; сюда пришли послы ото всѣхъ половецкихъ хановъ, „глаголюще и просяще мира“; судя по этому, можно думать, что князья съѣхались изъ-за дѣлъ половецкихъ, быть можетъ

---

[1]) Патерикъ с. 154—156.

[2]) Ипат. с. 167, 171, 172; Лавр. с. 247, 253, 254.

готовились къ походу въ степь. Они назначили половцамъ мѣстомъ для переговоровъ о мирѣ Саковъ; здѣсь былъ заключенъ миръ и обезпеченъ взаимно заложниками [1]).

Но саковскій миръ не надолго отсрочилъ походъ. Спустя два года Святополкъ и Мономахъ снова съѣзжаются у Долобскаго озера, чтобы обсудить вопросъ о походѣ на половцевъ; походъ въ принципѣ былъ рѣшенъ, какъ видно, заранѣе, не сходились только относительно времени его: дружина Святополка находила неудобнымъ итти немедленно, весною, отрывая смердовъ отъ полевыхъ работъ, Мономахъ стоялъ за немедленный походъ. Лѣтопись не говоритъ, чѣмъ было мотивировано это намѣреніе князей, подали ли къ тому поводъ половцы какимъ-нибудь набѣгомъ, что вѣроятно, или сами князья заблагоразсудили нарушить невѣрный миръ [2]). Мономахъ настоялъ на немедленномъ отправленіи; по приглашенію его и Святополка, въ походѣ приняли участіе Давыдъ Святославичъ и Давыдъ Игоревичъ, а Олегъ Святославичъ уклонился. Походъ былъ, какъ извѣстно, очень удаченъ; на подробностяхъ его я не буду останавливаться, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны. Князья прошли далеко на югъ и нанесли сильное пораженіе половцамъ гдѣ-то въ бассейнѣ Самары; было захвачено много скота и челяди, но гораздо болѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ для Руси были торки и печенѣги, которые были выведены изъ степей со всѣмъ хозяйствомъ и поселены по южнорусскимъ границамъ, въ томъ числѣ и на Поросьи. Въ связи съ этимъ стоитъ, очевидно, и возобновленіе Святополкомъ Юрьева на Роси, сожженнаго десять лѣтъ тому назадъ [3]). Поросская военная граница, разрушенная передъ тѣмъ половцами, такимъ образомъ начала снова возстановляться,

---

[1]) Ипат. с. 181 (Лавр. с. 265).

[2]) П. В. Голубовскій (Ист. Сѣв. з. с. 93 и 102) полагаетъ, что саковскій миръ былъ нарушенъ князьями безъ всякаго повода со стороны половцевъ, и ссылается на то, что лѣтопись, „никогда не пропускающая ни одного нападенія Половцевъ“, не упоминаетъ о нихъ въ промежутокъ 1001—1003 годовъ. Но молчаніе лѣтописи значитъ не много; это лучше всего показываетъ Поученіе Мономаха, упоминающее о рядѣ такихъ нападеній половцевъ, о которыхъ молчитъ лѣтопись. Бѣляевъ (Разсказы I с. 144) и Костомаровъ (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ I с. 58) полагали, что половцы сами нарушили саковскій миръ.

[3]) Ипат. с. 182—185 (Лавр. с. 267—9), 1 Новгор. с. 3; ср. выше с. 31.

благодаря появленію тюркскихъ насельниковъ и подъ вліяніемъ надеждъ, вызванныхъ побѣдою надъ половцами.

Но силы половцевъ не были еще сокрушены походомъ 1103-го г.; оправившись отъ пораженія, они предприняли въ отместку рядъ нападеній на русскія области. Въ 1005 г. знаменитый Бонякъ напалъ зимою на Поросье и разорилъ поселенія торковъ и берендѣевъ у Заруба; изъ Поученія Мономаха мы узнаемъ, что въ эти годы былъ еще и другой набѣгъ Боняка, не упомянутый въ лѣтописи [1]). Въ 1006 г. половцы вторглись въ Погорынье и разорили окрестности Зарѣчска; Святополкъ послалъ на нихъ войско—вѣроятно земское ополченіе, подъ предводительствомъ двухъ Вышатичей—Яна и Путяты. Иванка Захарьича и Казарина. Они погнались за половцами и настигли ихъ уже около Дуная, посѣкли самихъ и отобрали полонъ. Въ слѣдующемъ году тотъ же Бонякъ съ Шаруканемъ дважды нападали на Переяславское княженіе; во второй набѣгъ половцы понесли сильное пораженіе отъ соединенныхъ силъ русскихъ князей; Олегъ также принялъ участіе въ этомъ походѣ. Святополкъ, вернувшись въ Кіевъ, пришелъ съ вѣстью объ этой побѣдѣ въ Печерскій монастырь, и братія привѣтствовала его съ великою радостью [2]).

Мономахъ и Святославичи послѣ этого имѣли свиданіе съ половецкими ханами, заключили съ ними миръ и брачные союзы; но это не остановило военныхъ дѣйствій—половцы продолжали набѣги [3]), и два года спустя Мономахъ отправилъ на нихъ своего воеводу, который разгромилъ половецкія кочевья около Донца (въ лѣтописи—Дона). Затѣмъ снова упоминается совмѣстный походъ Святополка, Мономаха и Давыда; князья воротились однако съ дороги, а половцы опустошили за то окрестности Переяславля [4]). Новый походъ, въ большихъ размѣрахъ, былъ предпринятъ на слѣдующій (1111-й) годъ, „ду-

---

[1]) Лавр. с. 241: „И паки с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ но ли оли убиша, и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его“; эти погони происходили въ промежутокъ 1100—1107 г.

[2]) Ипат. с. 186—7 (Лавр. 270—2).

[3]) См. Поученіе Мономаха, Лавр. с. 241.

[4]) Ипат. л. с. 187, 188; Лавр. с. 241, 272, 273. О Донцѣ смотри Геогр. Нач. лѣтоп. Барсова прим. 269. По Татищеву (П. с. 206) князья вернулись изъ послѣдняго похода вслѣдствіе стужи и конскаго падежа.

мою и похотѣніемъ" Мономаха" [1]), съ участіемъ Святополка и Давыда Святославича съ ихъ сыновьями; походъ былъ совершенъ раннею весною, во время великаго поста; войска проникли за Донецъ и дважды на голову разбили половцевъ; слава этого похода, по словамъ лѣтописца, прошла по всѣмъ странамъ дальнимъ—къ грекамъ, уграмъ, ляхамъ и чехамъ, „дондеже и до Рима проиде" [2]).

Походъ 1111 года былъ блистательнымъ заключеніемъ общей борьбы съ половцами, которая наполняла это послѣднее десятилѣтіе. Никогда, быть можетъ, политика южнорусскихъ князей не согласовалась въ такой степени съ желаніями и симпатіями общества. Въ послѣднемъ борьба съ половцами возводилась на степень высокопатріотическаго подвига, получала религіозное освященіе: отзывы лѣтописца, думаю, служатъ въ этомъ отношеніи полнымъ отголоскомъ современнаго настроенія Кіевской земли [3]); наиболѣе удачнымъ походамъ (1103 и 1111 г.) предшествуютъ небесныя знаменія; мысль о походѣ влагаетъ князьямъ Богъ или ангелъ, ангелъ ведетъ войско на поганыхъ, ангелы невидимо побораютъ по русскихъ воинахъ, ссѣкая головы враговъ; побѣдителей радостно привѣтствуетъ духовенство, какъ героевъ христіанства [4]). Даже такого несимпатичнаго, нелюбимаго князя, какъ Святополкъ, освѣтилъ нѣсколько этотъ ореолъ борьбы съ погаными, и одинъ изъ лѣтописныхъ сводовъ замѣчаетъ о немъ, что онъ „много пострада за землю Русьскую с погаными Печенѣги" [5]). Но слава и популярность по преимуществу, почти исключительно, достались на долю Мономаха, самаго энергичнаго дѣятеля этой борьбы; его именно вдохновлялъ ангелъ на эту борьбу, онъ является ея представителемъ, носителемъ ея идеи; о его походахъ позже слагается эпосъ, дошедшій до насъ въ случайномъ отрывкѣ въ Галицко-волынской лѣтописи:

---

[1]) Воскресен. I. с. 21.

[2]) Ипат. с. 188—9, 191—193, 196; Лавр. с. 241, 275; 1 Новг. с. 4. Объ этомъ походѣ см. у Барсова Геогр. нач. л. пр. 269 и Аристова—О землѣ Половецкой, Извѣстія Нѣжинск. институт. за 1877 г. с. 214 сл.

[3]) Иначе смотритъ на нихъ П. В. Голубовскій—Печенѣги с. 159: „мы знаемъ лишь мнѣніе лѣтописцевъ, но это еще не есть голосъ народа". Объ отношеніи народа къ борьбѣ со степняками мы можемъ, хотя косвенно, судить потому, что всѣ наиболѣе популярные въ Кіевщинѣ князья относительно степи держатся агрессивной политики.

[4]) Ипат. с. 182, 187, 191, 192, 193, 196 (Лавр. с. 266, 272, 273, 274).

[5]) Софійск. I. с. 176.

Мономахъ погубилъ поганыхъ, загналъ хана Отрока „во Обезы за желѣзныя врата“ и пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, „приемшю всю землю ихъ“. Въ періодъ этой именно борьбы стяжалъ онъ славу „добраго страдальца за Русскую землю“, которая два года спустя побудила кіевлянъ такъ настойчиво призывать его къ себѣ на столъ [1]).

Особенное участіе, которое принималъ Мономахъ въ борьбѣ противъ половцевъ, независимо отъ врожденной энергіи этого князя, обусловливалось, съ одной стороны, его положеніемъ, какъ князя Переяславской волости, наиболѣе терпѣвшей отъ половецкихъ нападеній, съ другой стороны—той чуткостью къ общественному мнѣнію, стремленіемъ къ солидарности съ нимъ, которымъ отличался Мономахъ. Наконецъ эта борьба имѣла важное значеніе для Мономаха и въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Раньше, благодаря союзу Святополка со Святославичами, Мономахъ былъ оттѣсненъ на второй планъ и утратилъ вліяніе на современную политику; теперь, явившись представителемъ борьбы съ половцами, пропагандируя ее между князьями, завладѣвъ, такъ сказать, ея идеею, Мономахъ пріобрѣлъ снова видную роль: вслѣдствіе популярности этой идеи среди современниковъ, прочіе князья не могли устраниться, оставить безъ вниманія призывы Мономаха, и принимали такимъ образомъ участье въ борьбѣ, вождемъ которой являлся Мономахъ; и такъ какъ борьба съ половцами составляла главное содержаніе этого десятилѣтія, то Мономахъ, естественно, выдвинулся на первый планъ и занялъ очень авторитетное положеніе среди князей.

Но возникаетъ вопросъ, насколько плодотворна была эта борьба въ дѣйствительности, не была ли то показная, но дорого стоившая шумиха, пущенная для снисканія славы и популярности? Отвѣтъ на это должны дать послѣдующія отношенія Руси къ половцамъ. Просматривая извѣстія лѣтописи о русско-половецкихъ отношеніяхъ за послѣдующую четверть вѣка, извѣстія, можетъ быть, неполныя, но дающія все же достаточное представленіе о положеніи дѣлъ, находимъ слѣдующее: два раза (1112 и 1126 г.) половцы дѣлаютъ попытки вторженій при вѣсти о смерти кіевскаго князя, вѣроятно въ надеждѣ на безпорядки при наслѣдованіи стола, но неудачно; еще раза два

[1]) Ипат. с. 183—4, 191, 193, 208, 217—8, 480; Лавр. с. 241—242.

(1128—1135 г.) являются они по призыву Ольговичей противъ Мономаховичей; при этомъ только однажды кн. Мстиславу пришлось выдержать болѣе серьезную борьбу съ ними, но и та кончилась побѣдою Руси (около 1130 г.). Два раза Русь предпринимаетъ походы на Донъ и за Донъ (Донецъ), и половецкихъ кочевій здѣсь вовсе не оказалось. На Русь приходятъ для поселенія во множествѣ различные степные обитатели—торки, печенѣги, бѣловѣжцы (въ 1116, 1117 и 1121 г.) [1]). Положеніе дѣлъ, несомнѣнно, совершенно иное, чѣмъ было во вторую половину XI-го в.: половецкія кочевья далеко отодвинулись отъ границъ Руси; нападенія степняковъ рѣдки и слабы; ничего подобнаго половецкимъ вторженіямъ 1068 и 1093 г. мы не слышимъ. Очевидно, упорная борьба 1103 — 1111 годовъ не прошла даромъ, Русь одержала полную побѣду надъ степью, и только вражда князей снова дала возможность половцамъ принимать участіе въ русскихъ дѣлахъ въ качествѣ союзниковъ и грабить русскія земли.

Внѣ отношеній къ половцамъ мы за эти годы почти не имѣемъ фактовъ, принадлежащихъ къ исторіи Кіевщины. Вскорѣ послѣ перваго похода въ степь южнорусскіе князья приняли участіе въ усобицахъ полоцкихъ Всеславичей и ходили на Глѣба Минскаго, поддерживая его противника—Давыда Всеславича; Святополкъ также посылалъ Путяту съ войскомъ на Минскъ, но походъ этотъ не имѣлъ особенныхъ результатовъ [2]). Есть еще иностранное извѣстіе о войнѣ Болеслава Кривоустаго съ королемъ русскимъ; въ послѣднемъ нѣкоторые видѣли Святополка, но это предположеніе не выдерживаетъ критики: Святополкъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ какъ съ Владиславомъ Германомъ, такъ и съ преемникомъ его—Болеславомъ; внѣшнимъ выраженіемъ этихъ отношеній былъ бракъ послѣдняго на дочери Святополка—Сбыславѣ. Эта дружба была перенесена потомъ и на сына Святополка—Ярослава, котораго поляки поддерживали въ

---

[1]) Ипат. л. подъ годами 1113, 1116, 1117, 1120, 1121, 1126, 1128, 1135, 1140. Скептическій взглядъ на наступательную борьбу южнорусскихъ князей съ половцами былъ высказанъ П. В. Голубовскимъ—Ист. Сѣв. з. с. 92—94, Печенѣги с. 160. Позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго ученаго. Эта политика князей была не наилучшая изъ возможныхъ, но и она имѣла хорошіе результаты.

[2]) Ипат. с. 185 (Лавр. с. 270).

столкновеніи его съ Мономахомъ [1]). Съ другой стороны, бракъ Ярослава Святополчича на дочери Мстислава, сына Мономаха, заключенный незадолго до смерти Святополка, свидѣтельствуетъ о существованіи въ это время дружественныхъ отношеній между линіями Изяслава и Всеволода [2]).

Во вторую половину своего правленія Святополкъ, очевидно, сближается съ представителями духовенства, съ которымъ не ладилъ сначала. Посланіе Поликарпа, сообщающее о различныхъ насиліяхъ его: какъ онъ заграбилъ соль у св. Прохора для своей спекуляціи, какъ заточилъ въ Туровъ печерскаго игумена Іоанна, обличавшаго его „несытства ради богатства и насилія ради“, такъ что этотъ игуменъ былъ освобожденъ лишь по настоянію Мономаха, какъ сынъ Святополка—Мстиславъ замучилъ на смерть св. иноковъ печерскихъ Василія и Ѳеодора, выпытывая, гдѣ они спрятали варяжскій кладъ, какъ Кіевщина подвергалась различнымъ бѣдствіямъ за нечестіе своего властелина—это посланіе говоритъ затѣмъ, что Святополкъ во вторую половину своего правленія исправился и оказывалъ большое вниманіе къ Печерскому монастырю, передъ походомъ или охотою заходилъ сюда за благословеніемъ и поклонялся гробамъ святыхъ, „и тако добре строяшеся Богомъ набдимое княженіе его“ [3]). Дѣйствительно, и лѣтопись сообщаетъ факты, свидѣтельствующіе о перемѣнѣ въ отношеніяхъ Святополка къ церкви. Такъ при немъ была совершена канонизація св. Ѳеодосія: игуменъ Ѳеоктистъ „понужалъ“ объ этомъ Святополка и тотъ „повелѣ и вписати в сѣнаникъ (сѣнодикъ), еже створи митрополитъ“; печерскій игуменъ такимъ образомъ является стоящимъ ближе къ Святополку, чѣмъ къ митрополиту, и дѣйствуетъ при посредствѣ князя. Въ тотъ же годъ Святополкъ заложилъ церковь св. Михаила, своего ангела, „о пятинадесяти версѣхъ, и позлати ихъ златомъ и украси дивно“, какъ описываетъ позднѣйшій сводъ; это знаменитая „Златоверхая“ церковь. Этою перемѣною объясняется и имя „благовѣрнаго“, которое придаетъ лѣтописецъ

---

[1]) Ипат. с. 182 (Лавр. с. 266). Линниченко—Взаимн. отнош. Руси и Польши с. 135—138.

[2]) Ипат. с. 197, 1. Новг. с. 4.

[3]) Патерикъ с. 157.

Святополку, говоря о его смерти [1]). Но съ населеніемъ Святополкъ до конца находился въ недружелюбныхъ отношеніяхъ, это выразилось лучше всего по смерти его.

Въ мартѣ 1113-го г. произошло солнечное затменіе; конечно, оно было не на добро и именно обозначало смерть Святополка: послѣдній послѣ праздника Пасхи разболѣлся и умеръ гдѣ-то за Вышгородомъ, 16 апрѣля; его привезли въ лодьѣ въ Кіевъ и похоронили въ созданной имъ церкви св. Михаила. Княгиня Святополчая роздала по немъ небывало-богатую милостыню, „яко дивитися всѣмъ человѣкомъ". Князя оплакивали, по словамъ лѣтописца, бояре и дружина его; населеніе, очевидно, ничѣмъ не выразило сожалѣнія о немъ [2]).

На другой день по кончинѣ Святополка (17 апрѣля) собралось вѣче, на которомъ кіяне рѣшили посадить у себя Мономаха и послали къ нему пословъ съ приглашеніемъ явиться „на столъ отенъ и дѣденъ". Мономахъ отказался: „не поиде, жаляся по братѣ". Между тѣмъ въ Кіевѣ начались безпорядки, населеніе начало расправу

---

[1]) Патерикъ Печерскій с. 152—157, 171—173; Ипат. с. 187, 198; Никон. I с. 141.

[2]) Не то у Татищева (II. с. 211): „а народъ весь встрѣтя его за градомъ, провожали съ великимъ плачемъ и жалостію, тако утеснялся ко гробу, что весьма неудобно было провезти". Свое мнѣніе о характерѣ и политической роли Святополка я высказалъ выше. Татищевскую характеристику см. въ т. II, с. 211; этою характеристикою открывается у Татищева цѣлый рядъ подобныхъ же характеристикъ, очень интересныхъ, если бы можно было доказать ихъ подлинность. Карамзинъ безусловно отвергалъ ихъ, Соловьевъ придавалъ имъ нѣкоторое значеніе (см. напр. II с. 73), Хлѣбниковъ (Общество и госуд. с. 379) и Иловайскій (Ист. Р. I ч. 2, с. 522) считаютъ ихъ подлинными; Хлѣбниковъ думалъ, что онѣ были исключены изъ лѣтописей цензурою XV или XVI в., но дошли до Татищева въ какомъ-нибудь спискѣ. Мнѣ подлинность этихъ характеристикъ кажется очень подозрительною; подчасъ князья обрисовываются въ нихъ въ духѣ скорѣе XVIII, чѣмъ XII вѣка: таково напр. извѣстіе, что при Мстиславѣ Владиміровичѣ „подати хотя были великія, но всѣмъ уравнительны, и для того всѣ приносили безъ тягости" (II с. 243), что Михалко Юрьевичъ „о вѣрѣ никогда пренія имѣть не хотѣлъ, и не любилъ, наставляя, что всѣ прѣнія отъ гордости или невѣжества духовныхъ происходятъ, а законъ Божій всѣмъ единъ есть" (III с. 220), таковы наконецъ многочисленныя заключающіяся въ этихъ характеристикахъ извѣстія объ образованности князей и покровительствѣ просвѣщенію, на тенденціозность которыхъ справедливо указалъ проф. Голубинскій (Ист. Рус.

съ приспѣшниками нелюбимаго князя, разграбили дома Путяты, тысяцкаго кіевскаго, и сотскихъ, разграбили жидовъ [1]), которымъ, какъ думаютъ, покровительствовалъ изъ корыстолюбія Святополкъ [2]). Къ Мономаху отправилось новое посольство, прося его въ Кіевъ, потому что иначе расходившееся населеніе примется за дворы княгини Святополчей, бояръ и монастыри, и Мономаху придется за монастыри дать отвѣтъ предъ Богомъ. Тогда Мономахъ рѣшился принять предложеніе. 20 апрѣля явился онъ въ Кіевъ, митрополитъ Никифоръ съ епископами и со множествомъ населенія („со всими Кияне“) встрѣтилъ его, и Мономахъ „сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и вси людье ради бышя и мятежъ влеже“ [3]).

Таковъ разсказъ Кіевской лѣтописи объ этомъ замѣчательномъ моментѣ въ исторіи Кіевщины. Прежде всего спрашивается, кто по воззрѣніямъ князей долженъ былъ занять кіевскій столъ? Сторонники теоріи родовыхъ отношеній считаютъ законнымъ преемникомъ Давыда Святославича, какъ старшаго въ родѣ; если же принять постановленіе Любецкаго съѣзда объ отчинности въ собственномъ значеніи слова—въ смыслѣ преемства въ нисходящей линіи, то законнымъ преемникомъ будетъ старшій сынъ Святополка—Ярославъ; это послѣднее предположеніе я нахожу, какъ упоминалъ уже выше, болѣе справедливымъ: оно подтверждается послѣдующими отношеніями Мономаха къ Ярославу, съ одной стороны, и Святославичамъ—съ другой.

Святополкъ лишилъ свой родъ любви кіевлянъ. О самомъ Ярославѣ мы почти не имѣемъ извѣстій, которыя бы характеризовали

цер. I, пол. 1, с. 710 сл.); см. еще Бестужева-Рюмина О составѣ Рус. лѣт. с. 86. Конечно, нѣкоторыя черты въ нихъ, можетъ быть, отвлечены отъ дѣйствительныхъ фактовъ, намъ неизвѣстныхъ, но выдѣлить ихъ очень трудно.

[1]) Татищевскій сводъ прибавляетъ (II с. 212), что во время погрома жиды „собрався къ ихъ синагогѣ огородясь оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова“.

[2]) Карамзинъ II с. 87; Соловьевъ II с. 74; Иловайскій I с. 141 и другіе. Прямое свидѣтельство о покровительствѣ евреямъ—у Татищева, въ упомянутой характеристикѣ, но это, кажется, домыслъ, хотя и вѣроятный. Подробно о евреяхъ см. въ спеціальномъ изслѣдованіи проф. Малышевскаго—Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в., с. 101 сл. Доводы почтеннаго ученаго, что и Изяславъ Ярославичъ покровительствовалъ евреямъ (с. 77 сл.), кажутся мнѣ не достаточно вѣскими.

[3]) Ипат. с. 197—198; Лавр. с. 275—6 и 1 Новг.—кратко.

его, какъ человѣка. Знаемъ, что онъ вѣроломно схватилъ своего двоюроднаго брата, тоже Ярослава, бѣжавшаго изъ Кіева, отъ Святополка; знаемъ еще, что онъ дурно обращался со своей женой. Конечно, кіевляне могли знать и объ Ярославѣ что-нибудь такое, что отвращало ихъ отъ него, тѣмъ болѣе, что и сидѣлъ онъ по сосѣдству—на Волыни; характерно, что и во Владимірѣ Ярославъ не пользовался особенною популярностью, по крайней мѣрѣ среди бояръ: они отступились отъ него при столкновеніи съ Мономахомъ и перешли на сторону послѣдняго. Наконецъ духовенство кіевское, проводившее въ жизнь принципъ законнаго брака, могло не сочувствовать Ярославу, какъ незаконному сыну Святополка [1]).

Въ моментъ смерти Святополка Ярослава не было въ Кіевѣ; это обстоятельство имѣло вообще важное значеніе при наслѣдованіи столовъ: населеніе въ такихъ случаяхъ могло свободно воспользоваться своимъ правомъ избранія. Выборъ, какъ и слѣдовало ожидать, палъ на Мономаха, которому борьба съ половцами за послѣднее десятилѣтіе доставила необычайную популярность. Но Мономахъ—примемъ ли мы въ данномъ случаѣ преемство въ родѣ или въ нисходящей линіи, не имѣлъ права на столъ; ему, славившемуся своею легальностью, недостаточно было народнаго избранія [2]). Въ приглашеніи кіевлянъ обращаютъ на себя вниманіе слова „поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ“: народное избраніе само по себѣ не имѣло нужды искать себѣ оправданія въ княжескихъ родословныхъ, кіевляне давали въ этихъ словахъ Мономаху основаніе для принятія кіевскаго стола—отчинное право на него.

Мономахъ не удовольствовался этимъ. Татищевскій сводъ говоритъ, что онъ опасался Святославичей и снесся съ ними, желая „до-

---

[1]) Никон. I. с. 137; Татищевъ II с. 191.

[2]) Своеобразно объяснялъ уклончивость Мономаха Костомаровъ (Монографіи т. I. с. 200): онъ думалъ, что Мономахъ не хотѣлъ принимать на себя щекотливой роли—быть судьею нелюбимыхъ народомъ сторонниковъ Святополка и подождалъ, пока народъ самъ расправился съ ними. Но едва ли этотъ погромъ имѣлъ такой юридическій характеръ (потокъ и разграбленіе). Погодинъ замѣчаетъ: „изъ лѣтописи не видимъ, чтобъ Владимеръ отказывался: онъ только не шелъ немедленно; слѣдовательно, кажется, нѣтъ нужды и объяснять его отказъ“ (Изслѣд. IV с. 372, ср. Др. Рус. Ист. I. с. 122). Но если бы Мономахъ и не отвѣчалъ прямымъ отказомъ (который впрочемъ сообразнѣе съ обстоятельствами), а тянулъ время, уклонялся, то и это было, конечно, не спроста.

говоръ безссорной" учинить; въ Кіевѣ будто бы нѣкоторые тоже стояли за Святославичей, между ними тысяцкій Путята: за это народъ и разграбилъ его домъ [1]). Это, кажется, догадка Татищева, притомъ неособенно вѣроятная; движеніе въ Кіевѣ имѣло характеръ соціально-экономическій: грабятъ жидовъ—ростовщиковъ и единоплеменныхъ рѣзоимцевъ, грабятъ княжьихъ чиновниковъ и аристократовъ—капиталистовъ. Это была вспышка людей худыхъ и бѣдныхъ, воспользовавшихся отсутствіемъ центральной власти, чтобы проявить всегдашнее нерасположеніе къ сильнымъ и богатымъ. Вызванное ихъ буйствами новое посольство къ Мономаху, надо полагать, исходило преимущественно отъ высшихъ сословій, боярства и духовенства, это даетъ понять самая рѣчь ихъ: они говорятъ о безпорядкахъ, какъ о дѣлѣ чужомъ [2]). Мономахъ счелъ эти безпорядки достаточнымъ основаніемъ для принятія предложенія и явился въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Кіевскою волостью перешелъ въ его власть и Туровъ. Въ Переяславлѣ вмѣсто себя Мономахъ посадилъ сына Святослава, а по смерти его—Ярополка; старшій Мономаховичъ—Мстиславъ остался до времени въ Новгородѣ [3]).

Народное рѣшеніе, такъ настойчиво высказанное, и могущество Мономаха заставили воздержаться отъ вмѣшательства князей, которые имѣли какіе-нибудь виды на Кіевъ; по крайней мѣрѣ лѣтопись ничего не говоритъ ни прямо, ни косвенно о какомъ-либо протестѣ [4]).

---

[1]) Татищевъ II. с. 212 (ср. Соловьева II с. 74).

[2]) См. Вѣче въ Кіевск. обл. г. Линниченка с. 29. Позволю себѣ привести слова покойнаго Хлѣбникова (Общество и госуд. с. 266): „кіевляне, какъ разгулявшіяся дѣти, зовутъ Владиміра, грозя учинить въ Кіевѣ такіе грабежи, отъ которыхъ онъ ужаснется. Народъ здѣсь дѣйствуетъ не какъ сознательная, организованная сила, но какъ сила разрушительная, ищущая внѣ себя элементовъ примиренія" (ср. с. 203). Едва ли это такъ. Земство производитъ выборъ князя, повидимому, спокойно, но затѣмъ, пользуясь отсутствіемъ обычной власти, извѣстная часть населенія производитъ безпорядки противъ нелюбимыхъ людей—конечно, вовсе не съ цѣлью ускорить приходъ Мономаха; другая часть, не принимающая участія въ безпорядкахъ и испуганная ими, торопитъ Мономаха явиться и прекратить ихъ; явленіе вполнѣ естественное для всякой страны и народа.

[3]) Ипат. л. с. 206—7; Соловьевъ предполагалъ, что до своего назначенія въ Переяславль Ярополкъ находился при отцѣ (Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 191)—это вѣроятно. Что Туровъ перешелъ къ Мономаху, видно изъ эпизода о Глѣбѣ Минскомъ—Ипат. с. 203.

[4]) Въ Татищевскомъ сводѣ (II с. 213—214) разсказывается правда, что Олегъ пошелъ съ войскомъ добывать Кіевъ, „почитая себя старѣйшимъ Владимира", но былъ раз-

Но Мономахъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ оградить себя—именно со стороны Ярослава Святополчича: такой, вѣроятно, смыслъ имѣетъ женитьба его сына Романа на дочери Володаря Ростиславича, состоявшаяся немного спустя [1]); дѣйствительно, позже галицкіе Ростиславичи являются союзниками Мономаха въ войнѣ его съ Ярославомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Мономахъ породился и съ другимъ сосѣдомъ Ярослава—Всеволодкомъ, кн. городенскимъ [2]). Съ обоими Святославичами Мономахъ является въ дружественныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ они отразили нападеніе половцевъ, которые, узнавъ о смерти Святополка, подошли къ Посемью; половцы бѣжали уже при вѣсти о походѣ русскихъ. Ольговъ мужъ участвовалъ въ совѣтѣ вельможъ Мономаха при составленіи законовъ о процентахъ. Два года спустя послѣ вокняженія въ Кіевѣ, Мономахъ вмѣстѣ со Святославичами совершилъ перенесеніе (по счету третье) мощей св. Бориса и Глѣба въ новую каменную церковь, при чемъ сначала у Олега было „учрежденіе“ великое а затѣмъ, вѣроятно, и у прочихъ братьевъ; любопытно, что Ярославъ Изяславичъ въ этомъ торжествѣ участья не принялъ. Скоро послѣ этого Олегъ скончался; черниговскій столъ по прежнему занималъ Давыдъ († 1123), человѣкъ кроткаго характера, подпавшій сильному вліянію Мономаха [3]).

Первое столкновеніе произошло у Мономаха съ кн. минскимъ Глѣбомъ, который началъ разорять Туровскую волость Мономаха; была ли то традиціонная вражда „Рогволожихъ внуковъ противу Ярославлимъ внукомъ“, или Глѣбъ имѣлъ спеціальные поводы къ неудовольствію, лѣтописи не говорятъ. Мономахъ отправился на него очень грозно: съ сыновьями, съ Давыдомъ Святославичемъ и дѣтьми Олега. Глѣбъ принужденъ былъ смириться и „поклонился“ Мономаху, а тотъ, чтобы не проливать крови „въ дни постъныя великого поста“,

---

битъ Мстиславомъ на р. Колокшѣ и ушелъ въ Муромъ. Но уже Карамзинъ (II пр. 214) замѣтилъ, что это повтореніе извѣстія о войнѣ 1096—7 годовъ. Татищевъ, конечно, не выдумалъ этого извѣстія, но можетъ быть, на основаніи его онъ высказалъ и тѣ догадки относительно роли Святославичей при избраніи Мономаха, которыя я привелъ уже?

[1]) Ипат. с. 199 (1 сентября 1113 г.)

[2]) Ипат. с. 204 (подъ 1116 г.). Этого Всеволодка обыкновенно считаютъ сыномъ Давыда Игоревича.

[3]) Ипат. с. 198, 201—203; Лавр. с. 241, 276; 1 Новг. с. 4. Русская правда по пс. Карамзинск. ст. 66.

оставилъ за нимъ удѣлъ, „наказавъ его о всемъ". Однако спустя нѣсколько времени Глѣбъ снова поднялся, воспользовавшись, можетъ быть, распрею Мономаха съ Ярославомъ; на этотъ разъ Мономахъ уже лишилъ его удѣла и отвелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ [1]).

Родство Мономаха съ домомъ греческаго императора Романа Діогена вовлекло его въ войну съ Византіею: его родственникъ Леонъ Діогеновичъ, вѣроятно съ помощью Мономаха, попытался отвоевать себѣ Болгарію у Алексѣя Комнина. Попытка эта не удалась, Леонъ былъ убитъ; Мономахъ попробовалъ удержать за собою пріобрѣтенные имъ города по Дунаю: посажалъ тамъ посадниковъ, отрядилъ сына Вячеслава съ войскомъ, но отстоять ихъ не удалось. Съ этимъ фактомъ связывается извѣстное сказаніе о присылкѣ императоромъ регалій Мономаху и вѣнчаніи его на царство; сказаніе это, несомнѣнно, легендарно, но пріуроченье его къ личности Мономаха любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ, въ какомъ ореолѣ являлся позднѣйшему потомству Мономахъ и его власть [2]). Послѣ Леона остался сынъ, который жилъ въ Кіевѣ и былъ убитъ во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей [3]).

---

[1]) Ипат. с. 203 и 205; Лавр. с. 241, 276. Татищевъ (II с. 222) объясняетъ вторичный походъ Мономаха тѣмъ, что Глѣбъ сталъ воевать волости Новгородскую и Смоленскую. Объ отношеніи Мономаха и Мстислава къ полоцкимъ князьямъ см. еще у г. Довнара-Запольскаго ор. с. 95—97.

[2]) Ипат. с. 204; Лавр. с. 276; Ник. I с. 194; Воскр. I с. 23; Густ. с. 290; Синопсисъ (изд. 1823 г.) с. 70; Татищевъ II с. 221; Карамзинъ II пр. 220 и 221. Лѣтопись называетъ Леона зятемъ Мономаха; проф. Васильевскій (Русско-византійскіе отрывки Ж. М. Н. П. 1875. XII с. 300), основываясь на письмахъ Михаила Дуки, полагаетъ, что Леонъ былъ женатъ на сестрѣ Мономаха. Сказаніе о присылкѣ регалій въ современномъ своемъ видѣ было редактировано не раньше, во всякомъ случаѣ, XIII-го в. Г. Васильевскій въ упомянутой статьѣ (с. 312) указываетъ на то, что подробности сказанія анахронистичны и могутъ относиться только къ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ XII вѣкъ; въ старшихъ редакціяхъ сказанія регаліи посылаетъ Константинъ Мономахъ († 1053), и г. Васильевскій объясняетъ это такъ, что первоначально фактъ этотъ приписывался Константину Великому. Во всякомъ случаѣ нужно согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго, что „всякія попытки объяснить это сказаніе, какъ несомнѣнный историческій фактъ, относящійся къ Владиміру Мономаху, совершенно тщетны и не выдерживаютъ критики". См. объ этомъ еще статью г. Прозоровскаго въ Трудахъ III археол. съѣзда ч. II, приложенія с. 145 сл. и Ист. Россіи г. Иловайскаго (I с. 310—311). Достовѣрность сказанія защищалъ м. Макарій (Ист. р. церкви II с. 288); см. также Соборную грамоту изд. кн. Оболенскимъ с. 4 сл., 43 сл. Иной разсказъ о происхожденіи регалій—у Стрыйковскаго, I р. 188.

[3]) Ипат. л. с. 214 (подъ 1136 г.).

Гораздо любопытнѣе для насъ столкновеніе Мономаха съ Ярославомъ Святополчичемъ. Какъ уже упомянуто, у него именно, по всей вѣроятности, перебилъ кіевскій столъ Мономахъ; лишеніе Туровской волости, въ управленіи которой Ярославъ также принималъ участіе еще при жизни отца [1]), было ему, конечно, тоже чувствительно; не видно, чтобы взамѣнъ ея Мономахъ далъ ему что-нибудь. До времени однако Ярославъ счелъ за лучшее смириться, но не поддерживалъ дружескихъ отношеній съ Мономахомъ, не участвовалъ въ его походахъ и другихъ совмѣстныхъ предпріятіяхъ. Можетъ быть, онъ надѣялся получить кіевскій столъ хотя по смерти Мономаха, который былъ тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но Мономахъ, завладѣвъ Кіевомъ, повидимому, не желалъ уже упускать его, намѣревался примѣнить къ этому пріобрѣтенію принципъ отчинности и закрѣпить его за своимъ родомъ. Подъ 1117 г. читаемъ извѣстіе, что Мономахъ перевелъ сына Мстислава изъ Новгорода въ Бѣлгородъ [2]); нельзя предположить, чтобы Мономахъ желалъ имѣть при себѣ Мстислава только для помощи [3]): онъ имѣлъ много другихъ взрослыхъ сыновей, и роль подручника годилась скорѣе для одного изъ нихъ, чѣмъ для старшаго— Мстислава, который самъ уже имѣлъ взрослыхъ дѣтей и былъ такъ популяренъ и умѣстенъ въ Новгородѣ. Переводя Мстислава въ кіевскій пригородъ, Мономахъ, конечно, имѣлъ въ виду передать ему Кіевъ по смерти: Мстиславу слѣдовало находиться неподалеку какъ для того, чтобы въ случаѣ смерти отца оказаться господиномъ положенія, такъ, еще больше, для того, чтобы заблаговременно познакомиться съ кіевскою дружиною и земствомъ и пріобрѣсть ихъ расположеніе. Фактъ этотъ былъ очень прозраченъ и долженъ былъ возбудить неудовольствіе и тревогу въ Ярославѣ Святополчичѣ. Свое неудовольствіе Ярославъ, вѣроятно, проявилъ чѣмъ-нибудь: подъ тѣмъ же 1117 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Мономахъ ходилъ съ Да-

---

[1]) По крайней мѣрѣ онъ дѣйствуетъ иногда въ Туровской волости, см. Ипат. лѣт. с. 181 и 196 (Лавр. с. 265 и 275).

[2]) Ипат. с. 204, Лавр. с. 277; любопытно извѣстіе 1 Новг. (с. 4, подъ 1117 г.): иде Мьстиславъ Кыеву на столъ. У Татищева (II с. 219) вмѣсто Бѣлгорода—Вышгородъ.

[3]) Соловьевъ (II с. 77) предполагаетъ, что Мономахъ могъ вызвать Мстислава „вслѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава“, а послѣдній заподозрилъ въ этомъ намѣреніе передать кіевскій столъ Мстиславу.

выдомъ Святославичемъ и галицкими Ростиславичами на Ярослава, осадилъ его во Владимірѣ и принудилъ къ покорности: Ярославъ ударилъ челомъ дядѣ, который „наказалъ его обо всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову“ [1]). Никоновскій сводъ объясняетъ этотъ походъ дурнымъ обращеніемъ Ярослава съ женою, дочерью Мстислава, внукою Мономаха [2]); въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но характерно, что Мстиславъ, котораго въ такомъ случаѣ дѣло касалось ближайшимъ образомъ, совершенно не упоминается при этомъ. Истинная причина была, вѣроятно, политическая; можетъ быть, и дурное обращеніе съ женою было результатомъ неудовольствія Ярослава на Мстислава и Мономаха.

Но первая неудача не заставила еще Ярослава отказаться отъ своихъ намѣреній, и покорность его была вынужденная. Въ слѣдующемъ году онъ отослалъ отъ себя жену свою; это былъ открытый разрывъ, неизбѣжно предстояла новая война съ Мономахомъ, и Ярославъ отправился за помощью въ Польшу. Но дружина владимірская отказалась поддерживать его и подчинилась Мономаху, который посадилъ во Владимірѣ своего сына Романа, зятя Володаря Ростиславича. Романъ скоро скончался, и на его мѣсто Мономахъ посадилъ Андрея [3]). Ярославъ попытался вернуть свою волость сначала съ по-

---

[1]) Ипат. с. 204 (подъ 1117 г.), Лавр. с. 277 (подъ 1118 г.): „сварився на нь (Ярослава) много“; въ Поученіи (Лавр. с. 241): „ходихомъ къ Володимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его“.

[2]) Никон. I с. 150: „бяше бо негодуя внуку его Ярославець, Мстиславлю дщерь“, то же у Татищева (II. с. 219); послѣдній говоритъ, что поляки подущали Ярослава отнять у Мономаха Погорину, „и для того здѣлалъ союзъ съ Поляки, чтобъ первѣе Ростиславичевъ владѣнія лишить“. Соловьевъ (II с. 76) находитъ это извѣстіе очень вѣроятнымъ, но въ это время поляки вообще не вмѣшиваются дѣятельно въ русскія дѣла. Соловьевъ принимаетъ также извѣстіе Татищева (ibid), что Мономахъ призывалъ предварительно Ярослава на судъ князей, но подробность эта выведена, кажется, изъ наказа даннаго Мономахомъ Ярославу—приходить по зову, а тутъ между тѣмъ подразумѣвается скорѣе призывъ въ походъ. См. еще Ист. отнош. князей Рюрик. дома с. 126—7.

[3]) Ипат. с. 205; Лавр. с. 277; Воскр. I с. 24; Никон. I с. 150; Тверск. с. 192. Въ Ипат. л. бѣгству Ярослава предшествуетъ отправленіе во Владиміръ на княженіе Романа; г. Андріяшевъ (Очеркъ ист. Волынск. з. с. 117) полагаетъ, что Мономахъ послалъ во Владиміръ Романа, обезпокоенный сношеніями Ярослава съ поляками, еще до ухода послѣдняго въ Польшу; но это мѣсто Ипатской л., кажется, просто спутано, и я слѣдую лѣт. Лаврент., Воскр., Никон., Тверской. По Лавр. лѣт. Ярославъ бѣжалъ въ Ляхи, по Ипат.,

мощью поляковъ, потомъ составилъ большую коалицію изъ угровъ, поляковъ, чеховъ и галицкихъ Ростиславичей (послѣднимъ, очевидно, очень не понравилось соединеніе Волыни съ Кіевщиною въ рукахъ Мономаха)[1], но и этотъ походъ окончился неудачно вслѣдствіе неожиданной смерти Ярослава. Мономахъ остался обладателемъ Волыни и кромѣ того избавился отъ претендента на кіевскій столъ: теперь онъ могъ безпрепятственно закрѣпить его за своимъ родомъ[2]).

О половецкихъ отношеніяхъ за время правленія Мономаха я уже упомянулъ. Послѣ прихода половцевъ къ русскимъ границамъ при вѣсти о смерти Святополка, во все время княженія Мономаха въ Кіевѣ не упоминается ни одного набѣга на русскія земли. За то продолжались походы русскихъ въ степи. Ярополкъ Володимеричъ, сидѣвшій въ Переяславлѣ, два раза ходилъ на Донъ и за Донъ[3]). Въ это время въ степи происходила какая-то внутренняя борьба, о которой глухо упоминаетъ наша лѣтопись. Торки и остатки печенѣговъ бились съ половцами у Дона и послѣ двухдневной сѣчи торки и печенѣги пришли на Русь. Вѣроятно предположеніе, что вслѣдствіе ослабленія половцевъ, побѣжденные ими народы возстали противъ нихъ. Приходъ на Русь былъ, вѣроятно, результатомъ пораженія возставшихъ; побѣди они половцевъ, не бросили бы, конечно, привольныхъ донскихъ степей[4]). Переселенцы были, разумѣется, поселены вмѣстѣ съ прежними тюркскими колонистами по южнымъ границамъ, но спустя нѣсколько лѣтъ мы узнаемъ, что Мономахъ прогналъ бе-

---

Воскр., Ник., Тверск.— въ Угры; первое извѣстіе вѣроятнѣе, такъ какъ первоначально помощниками Ярослава выступаютъ только ляхи. Г. Линниченко (Взаимн. отнош. с. 142) высказываетъ предположеніе, что измѣна бояръ была причиною удаленія Ярослава въ Польшу.

[1]) Ср. Ист. Волын. з. Андріяшева с. 117. Другія объясненія перемѣны въ политикѣ Ростиславичей—см. у Зубрицкаго II с. 46, Линниченка Взаимн. отнош. с. 147.

[2]) Ипат. с. 205—207, Лавр. с. 277—8, Никон. I с. 151—2, Татищевъ II с. 223—225. Объ иностранныхъ извѣстіяхъ см. у г. Линниченка Взаимн. отнош. с. 143 сл.

[3]) Ипат. с. 204, Лавр. 276—277.

[4]) Ипат. с. 204, Воскр. I 23. Татищевъ (II с. 218) представляетъ дѣло иначе: у него половцы нападаютъ на печенѣговъ. Объ исходѣ борьбы древняя лѣтопись умалчиваетъ, Густин. (с. 291) прибавляетъ: „и ничто же имъ успѣша“, но она, по недоразумѣнію, представляетъ дѣло такъ, что борьбу съ торками вела Русь. См. Соловьевъ II с. 81, Иловайскій I с. 145, Погодинъ Древ. Рус. Ист. I с. 131.

рендичей изъ Руси, а торки и печенѣги сами бѣжали: можетъ быть, скопившись въ большомъ числѣ на русскихъ границахъ, инородцы эти начали обижать туземцевъ; ушла однако только часть этого населенія: тюркскіе поселенцы въ большомъ количествѣ продолжали жить на южныхъ границахъ, особенно въ Кіевской области. Любопытно, что несмотря на полную побѣду надъ половцами, Мономахъ не оставилъ однако политики браковъ и женилъ меньшаго сына—Андрея на внукѣ Тугоркана [1]).

Мономахъ достигъ небывалаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе, рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорію. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ перваго между равными; формулу великокняжеской власти „въ отца мѣсто“, формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія; такъ Ярославу онъ приказываетъ являться на зовъ, Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подъ условіемъ полнаго повиновенія (по всему послушати), а не просто спокойствія; черниговскіе князья участвуютъ въ походахъ, предпринимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха [2]). То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ [3]). Но при этомъ Мономахъ политику свою, по прежнему, облекаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служитъ столкновеніе его съ Ярославомъ: правда была едва ли не на сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стрыя и тестя (Мстислава), и по

---

[1]) Ипат. л. с. 205, Лавр. с. 177.

[2]) На эту особенность справедливо обратилъ вниманіе Лашнюковъ (Владиміръ Мономахъ с. 35), но онъ напрасно на основаніи этого видитъ въ Мономахѣ государственника въ духѣ московскихъ самодержцевъ.

[3]) 1 Новг. с. 4 (подъ 1118 г.): „приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся болри Новгородьскыя Кневу, и заводи я къ честьному хресту и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся“.

представленіямъ лѣтописца, Богъ помогалъ смиренному Мономаху противъ надменнаго Ярослава [1]).

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника—Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Мономахъ отличался необыкновенною внимательностію къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя—нарядника, который самъ входитъ во все, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славѣ, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономаха обращался радушно и привѣтливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку, онъ отличался большою щедростью: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ [2]). Имена Владиміра и Мстислава сдѣлались синонимами излюбленныхъ землею князей [3]), и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны. Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахѣ прибавленія къ „Русской Правдѣ“. Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона „о рѣзѣ“, которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по совѣщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича—вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ жидовъ [4]). Довольно вѣроятно предположеніе, что

---

[1]) Ипат. с. 207.

[2]) См. Лавр. с. 236—238, 241—242 (Поученіе), также 255, 279. Посланіе м. Никифора—Русскія Достопамятности I. 69—70.

[3]) См. особенно Ипат. с. 259.

[4]) Русская Правда по сп. Карамзинск., ст. 66—7. Впрочемъ современная духовная литература показываетъ, что рѣзоимство было распространено и между туземцами, и туземные ростовщики не далеко отставали отъ евреевъ.

Мономаху принадлежатъ еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями „о рѣзѣ“ [1]); первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и под.; Мономахъ шелъ на встрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ жидовъ и бояръ Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важные касаются холопства [2]).

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевскаго свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, кіяне просили у Мономаха управы на жидовъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ совращали въ жидовство; населеніе хотѣло побить жидовъ, но Мономахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На съѣздѣ у Выдобича князья постановили выслать всѣхъ жидовъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Жиды были немедленно высланы отовсюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными; „съ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда которой пріѣдетъ, народъ грабитъ и побиваетъ“ [3]). Проф. Малышевскій въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о евреяхъ считаетъ этотъ разсказъ сочиненнымъ на основаніи приведеннаго извѣстія лѣтописи о разграбленіи жидовъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ [4]). Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не

---

[1]) Изъ списковъ, изслѣдованныхъ Калачевымъ, въ такомъ порядкѣ статьи расположены въ II—IV фамиліяхъ, по его терминологіи, исключая Синодального I, сп. кн. Оболенскаго и Толстовскаго IV; въ сводномъ текстѣ Калачева статьи эти помѣщены подъ номерами XII, XV, XVII—XXI, Предварительныя I, см изслѣдованія о Русской Правдѣ.

[2]) Русская Правда по сп. Карамзинскому ст. 68—73 и 75. См. Костомарова Монографіи, т. I с. 202 сл., Хлѣбникова Общест. и госуд. с. 237 сл., Погодина Древн. Русск. Исторія I с. 129, Бѣляева Разсказы I с. 210 сл.

[3]) Татищевъ II с. 212—213.

[4]) Евреи въ Южной Руси с. 110 сл.

можемъ; вполнѣ вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже— это видно изъ существованія еврейскаго квартала—„Жидовъ“ [1]).

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напримѣръ, находился весь великій водный путь днѣпровско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено благодаря мосту чрезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мономахъ вскорѣ по вокняженіи [2]).

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтопись молчитъ. Это и понятно. Народъ проявлялъ свою правительственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то полагаясь на него, предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій [3]). Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались широкою властью въ землѣ, верша своею волею или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напримѣръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому ополченія, вѣроятно, участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125 г. скончался Мономахъ послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописца, „святителѣ жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие“ [4]). Мы не имѣемъ основаній заподозрить это описаніе всеобщаго сожалѣнія о смерти излюбленнаго князя.

---

[1]) Ипат. с. 208; Евреи въ Южной Руси с. 112 сл. Соловьевъ (II пр. 157) допускаетъ, что жидовскій кварталъ могъ удержать свое имя и послѣ изгнанія евреевъ; это могло быть съ жидовскими воротами, но съ кварталомъ—едва ли.

[2]) Ипат. с. 203 (Лавр. с. 279); см. выше с. 23.

[3]) Ср. Сергѣевича Вѣче и князь с. 113.

[4]) Ипат. с. 208.

Излагая событія, я имѣлъ случаи указывать на характеристическія черты дѣятельности Мономаха. О его характерѣ мы имѣли столько извѣстій, какъ рѣдко: кромѣ лѣтописныхъ характеристикъ есть у насъ еще автобіографія Мономаха и посланіе къ нему митр. Никифора, заключающее также обстоятельную характеристику Мономаха. Эти источники рисуютъ его идеальными чертами: онъ является образцовымъ христіаниномъ, одареннымъ всѣми добродѣтелями частнаго человѣка и государя, добрымъ страдальцемъ за землю Русскую, солнцемъ земли Русской, чуднымъ, великимъ, святымъ [1]). Но пользоваться этими свѣдѣніями нужно съ нѣкоторою осторожностію; я замѣчалъ уже, что Мономахъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и старался облекать свои дѣйствія въ благовидную форму; въ дѣйствительности можно указать нѣсколько фактовъ, которые не совсѣмъ согласуются съ традиціоннымъ обликомъ его. Несомнѣнно, онъ обладалъ яснымъ, практическимъ умомъ, отличался необычайною энергіею и дѣятельностію, замѣчательнымъ тактомъ; нельзя заподозрѣвать искренность его набожности, его любви къ Русской землѣ; несомнѣнно, онъ не былъ злымъ, лукавымъ человѣкомъ, но въ то же время собственная выгода неизмѣнно фигурируетъ въ его дѣятельности и ею обусловливаются его поступки. Характерно, что несмотря на набожность, чистоту жизни, усердіе къ духовенству, Владиміръ однако не былъ признанъ святымъ, какъ его сынъ Мстиславъ. Быть можетъ, духовенство, весьма уважавшее Мономаха, чувствовало однако, что дѣятельностію его руководятъ житейскіе расчеты [2]). Совершенно вѣрно замѣчено также, что Мономахъ не возвышался надъ своимъ вѣкомъ; было бы совершенно несправедливо считать его пролагателемъ новыхъ путей, провозвѣстникомъ новой жизни. Мономахъ не былъ чудомъ вѣка, какъ называютъ его нѣкоторые, а лишь однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ его представителей, и дѣятельность его, несомнѣнно, была, въ частности, во многомъ полезна для Кіевщины.

---

[1]) Ипат. с. 172—178, 203, 207, 210, 217; Лавр. с. 232 сл. (Поученіе), 279—180; 1 Новг. с. 5; Русскія Достопамятности I. 63 сл. Обзоръ различныхъ воззрѣній ученыхъ на характеръ и дѣятельность Мономаха см. въ упомянутой работѣ: Волынскій вопросъ 1093—1102 г. in fine.

[2]) Эта мысль какъ будто сквозитъ у м. Никифора въ его посланіи (Рус. Достоп. I. с. 69), гдѣ говоритъ онъ о Мономаховыхъ пирахъ; это замѣтилъ Хлѣбниковъ (Общество и государство с. 338).

Кіевскій столъ передалъ Мономахъ сыну Мстиславу. Препятствій къ тому не было: законными претендентами были Святополковичи, но старшаго—Ярослава не было въ живыхъ, а меньшіе, годившіеся въ сыновья Мстиславу, занимали какіе-нибудь незначительные удѣлы, если не были вовсе безъ удѣловъ, и, конечно, не дерзали претендовать на кіевскій столъ; вскорѣ они оба скончались [1]). Святославичи, если и имѣли какія-либо права на Кіевъ, не могли также заявить претензій: старшій представитель ихъ рода—Ярославъ Святославичъ самъ очень не прочно сидѣлъ въ Черниговѣ. Лѣтопись не сообщаетъ намъ подробностей передачи кіевскаго стола. Собственно княжеское завѣщаніе для населенія не имѣло обязательной силы: для того, чтобы дать ему дѣйствительное значеніе, необходимо было подкрѣпить его согласіемъ народа либо реальною силою. Такъ мы видимъ позже, что завѣщанію Мстислава какъ бы даетъ санкцію народъ, призывая на княженіе его брата Ярополка, что Всеволодъ Ольговичъ, передавая столъ Игорю, запасается согласіемъ вѣча. Конечно, Мономахъ могъ надѣяться, что воля его будетъ уважена кіевлянами, тѣмъ болѣе, что и Мстиславъ, живя въ Кіевской землѣ, успѣлъ, несомнѣнно, снискать расположеніе народа, но какъ князь народолюбецъ, уважавшій всегда мнѣніе народа, Мономахъ непремѣнно, надо думать, предварительно рекомендовалъ Мстислава народу, въ духѣ упомянутой рекомендаціи Всеволода Ольговича: „азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь.“ Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи стоитъ: „Мьстислава посадиша на столѣ отци.“ Это „посадиша,“ конечно, естественнѣе всего отнести къ кіевскому населенію [2]).

---

[1]) Ипат. с. 211, Лавр. с. 281 и 284. Погодинъ (Изслѣд. IV с. 394), весьма впрочемъ осторожно, указываетъ на то, что по московскимъ мѣстническимъ счетамъ Святополковичи не имѣли правъ на кіевскій столъ предъ Мстиславомъ. Такая развитая система родовыхъ счетовъ во всякомъ случаѣ врядъ ли тогда существовала.

[2]) Ипат. с. 212, 229; Лавр. с. 286; 1 Новгор. с. 5; Сергѣевичъ, Вѣче и князь с. 305; Лященко, Вѣче с. 31. Г. Самоквасовъ, отрицая участіе народа при вокняженіи Мстислава и Ярополка, указываетъ на позднѣйшія слова Всеволода Ольговича, который говоритъ: „и намъ Володимиръ посадилъ Мьстислова сына своего по собѣ въ Киевѣ, а Мьстиславь Ярополка брата своего, а се я мольвлю: оже ма Богъ поиметь, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Киевъ“ (Ипат. с. 227); но здѣсь идетъ рѣчь о завѣщаніи при передачѣ стола, которое, какъ я сказалъ, само по себѣ не имѣло обязательной силы для земства; что передача стола по завѣщанію не исключала участія народа, это лучше

Кромѣ Кіевской волости семья Мстислава владѣла Новгородомъ, гдѣ сидѣлъ старшій Мстиславичъ—Всеволодъ, и Смоленскомъ, который составилъ потомъ удѣлъ Ростислава, третьяго сына Мстислава; второй Мстиславичъ—Изяславъ сидѣлъ сначала въ Курскѣ, потомъ въ Полоцкѣ. Прочія волости—Переяславская, Туровская, Волынская и Ростово-Суздальская достались меньшимъ сыновьямъ Мономаха. Переяславль получилъ второй сынъ его, Ярополкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся кандидатомъ на кіевскій столъ и преемникомъ Мстислава. Позже лѣтопись сообщаетъ еще объ одномъ распоряженіи Мономаха: Ярополкъ, по повелѣнію его, заключилъ договоръ съ Мстиславомъ, что послѣ Ярополка Переяславль перейдетъ къ дѣтямъ Мстислава, такъ какъ Мономахъ далъ Переяславль Ярополку и Мстиславу вмѣстѣ (акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ) [1]). Смыслъ этого распоряженія не совсѣмъ ясенъ, хотя оно весьма интересно, такъ какъ имѣло очень важныя, тяжелыя послѣдствія. Передача Переяславля сыновьямъ Мстислава возбудила позже сильное противодѣйствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха не потому, что эта волость сама по себѣ была очень интересна, а потому, надо думать, что обладатель ея считался наслѣдникомъ кіевскаго стола. Такой смыслъ передача Переяславля должна была, очевидно, имѣть и въ договорѣ Мстислава и Ярополка: въ силу его послѣ Ярополка кіевскій столъ долженъ былъ перейти къ потомству Мстислава, а не къ младшимъ Мономаховичамъ. Возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли это рѣшеніе, внесшее такую смуту въ среду Мономаховичей, принадлежало Мономаху, или Мстиславъ съ Ярополкомъ пытались только подкрѣпить свой договоръ ссылкою на волю отца? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ, конечно, очень трудно. Но зная, съ одной стороны, прямой характеръ Мстислава, съ другой стороны—принимая во вниманіе, что ссылка на отцовское распоряженіе, никому не извѣстное, не могло нисколько помочь дѣлу, скорѣе можно думать, что такое рѣшеніе дѣйствительно принадлежало Мономаху; можетъ быть, онъ

всего показываетъ примѣръ самого Всеволода, который, передавъ, по примѣру Мономаха, кіевскій столъ Игорю, затѣмъ рекомендуетъ послѣдняго населенію.

[1]) Лавр. с. 286.

желалъ такимъ образомъ устранить отъ кіевскаго стола неспособнаго Вячеслава, которому принадлежало старѣйшинство послѣ Ярополка [1]).

Правленіе Мстислава отличалось тѣмъ же характеромъ, что и правленіе его отца. Къ прочимъ князьямъ мы видимъ такое же авторитетное, властное отношеніе, какъ и при Мономахѣ; Мстиславъ призываетъ въ свои походы не только братьевъ, но и князей другихъ вѣтвей и наказываетъ за неповиновеніе. Хотя волости, собранныя Мономахомъ, были раздѣлены между его сыновьями, но, какъ видѣли мы, владѣнія Мстиславовой семьи были все же велики и превосходили владѣнія всѣхъ другихъ князей; при томъ Мстиславъ пользовался большимъ авторитетомъ, благодаря своей энергіи, благородному характеру и государственнымъ талантамъ. Къ его содѣйствію обращаются въ своихъ спорахъ князья изъ другихъ родовъ; такъ онъ принимаетъ участіе въ распрѣ галицкихъ Володаревичей — Володимірка и Ростислава, по просьбѣ послѣдняго; не ясно впрочемъ, какое оно имѣло вліяніе на дѣла [2]). Другой, болѣе важный случай подобнаго же рода произошелъ черезъ годъ по вокняженіи Мстислава въ Кіевѣ. Ярославъ, кн. черниговскій, былъ лишенъ стола и схваченъ своимъ племянникомъ, знаменитымъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Мстиславъ вступился за Ярослава, которому раньше еще обѣщалъ поддержку, хотя Всеволодъ былъ его зятемъ, и сталъ готовиться къ походу. Всеволодъ призвалъ половцевъ, но не получивъ отъ нихъ помощи (половцы при-

---

[1]) Соловьевъ ссылку на это распоряженіе Мономаха считалъ „незаконнымъ предлогомъ“, а слова „бяше (Мономахъ) има далъ Переяславль со Мстиславомъ“ объяснялъ такъ, что „Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгорода въ Бѣлгородъ, считался княземъ переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу“ (Ист. отношеній с. 140—1, Ист. Россіи II пр. 177). На это можно возразить, что Ярополкъ получилъ Переяславль раньше, чѣмъ Мстиславъ былъ переведенъ въ Бѣлгородъ, да и старѣйшинство столовъ на которое Соловьевъ ссылается, не болѣе, какъ предположеніе. Полевой тоже думалъ, что передача Переяславля дѣтямъ Мстислава основывалась только на договорѣ послѣдняго съ Ярополкомъ (II с. 387). Наоборотъ, Погодинъ полагалъ, что Мономахъ, дѣлая распоряженіе о Переяславлѣ, дѣйствительно имѣлъ въ виду своихъ внуковъ (Изслѣд. IV с. 397—8).

[2]) См. Шараневичъ, Ист. Гал.-Волод. Руси с. 35. Объ этой распрѣ и участіи Мстислава говоритъ Стрыйковскій (I с. 189) и Татищевъ (II с 232); извѣстіе послѣдняго гораздо обстоятельнѣе, но трудно рѣшить, не разбавилъ ли онъ просто своими соображеніями короткое упоминаніе Стрыйковскаго. Карамзинъ цитуетъ для этого эпизода Кіевскую лѣтопись (II пр. 249); вѣроятно, это просто lapsus memoriae.

шли было къ Посемью, но испугавшись, бѣжали оттуда обратно), сталъ подкупать бояръ—совѣтниковъ Мстислава. Подъ вліяніемъ ихъ Мстиславъ медлилъ, Ярославъ напрасно приходилъ къ нему на поклонъ, подвигая его на Всеволода. Игуменъ монастыря св. Андрея, Григорій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у Мономаха и Мстислава и всего кіевскаго населенія, энергично противился войнѣ; за отсутствіемъ митрополита онъ созвалъ духовный соборъ, и послѣдній разрѣшилъ Мстислава отъ клятвы. Татищевъ считаетъ, повидимому, Григорія подкупленнымъ сторонникомъ Всеволода, но это едва ли справедливо; мнѣ кажется, что Григорій и созванный имъ соборъ священниковъ, помимо миротворства, были выразителями мнѣнія кіевскаго населенія [1]). Возобновленіе борьбы съ Ольговичами не могло быть пріятно послѣднему, особенно зловѣщимъ должно было казаться то обстоятельство, что Всеволодъ, хотя и неудачно, призывалъ къ участію половцевъ: это напоминало страшныя опустошенія, вызванныя борьбою Мономаха съ отцомъ Всеволода. Притомъ интересы Ярослава Святославича были совершенно чужды кіевлянамъ. Подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и такого общественнаго мнѣнія, Мстиславъ, скрѣпя сердце, отказалъ въ помощи Ярославу, но по словамъ лѣтописца, до смерти оплакивалъ свое клятвопреступленіе. Результатомъ участія Мстислава въ этой черниговской распрѣ было пріобрѣтеніе Посемья; оно было захвачено во время борьбы со Всеволодомъ и осталось за Мстиславомъ [2]).

Гораздо рѣшительнѣе дѣйствовалъ Мстиславъ по отношенію къ князьямъ полоцкимъ. Подъ однимъ годомъ съ упомянутымъ черниговскимъ эпизодомъ въ лѣтописи разсказывается о походѣ на Полоцкую волость; вѣроятно, полоцкіе князья не могли помириться съ потерею

---

[1]) Ср. Соловьевъ II с. 88.

[2]) Ипат. с. 209—210 (подъ 1128 г.), Лавр. 281—2 (подъ 1127 г.); Татищевъ II с. 233—235; Соловьевъ II с. 88; Погодинъ Изслѣд. IV с. 443, Хронолог. указат. с. 138, Др. Рус. Ист. I с. 135. Не нужно забывать при этомъ, что Всеволодъ былъ родственникъ Мстислава; что же касается пріобрѣтенія Посемья, то оно само по себѣ не можетъ быть принято за причину, побудившую Мстислава къ нейтралитету, такъ какъ онъ могъ бы получить какую-нибудь волость и отъ Ярослава за поддержку. Иначе объясняетъ поведеніе Мстислава П. В. Голубовскій (Ист. Сѣвер. з. с. 107): онъ полагаетъ, что Мстиславъ, занявъ столъ послѣ отца помимо дядей, потому самому долженъ былъ поддержать Всеволода, захватившаго свою отчину тоже помимо дяди.

Минска и пытались вернуть его. Мстиславъ одновременно двинулъ на нихъ княжескіе полки „четырми пути"; кромѣ Мономаховичей и Мстиславичей къ участію были призваны черниговскіе князья, Всеволодъ городенскій, Вячеславъ Ярославичъ клеческій; ходилъ и отрядъ кіевскихъ торковъ съ Иваномъ Войтишичемъ и кіевскій полкъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ [1]). Полочане вынуждены были смѣстить неугоднаго Мстиславу кн. Давыда Всеславича и просили вмѣсто него утвердить княземъ Рогволода, который, вѣроятно, при этомъ обязывался быть въ покорности у Мстислава. Просьба была уважена [2]). Вскорѣ однако, вѣроятно по смерти Рогволода, полоцкіе князья отказали въ повиновеніи Мстиславу: „не бяхуть его воли и не слушахуть, коли е зовяшеть въ Рускую землю в помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье". Мстиславъ не могъ немедленно наказать ихъ за ослушаніе, такъ какъ былъ занятъ борьбою съ половцами, но управившись, распорядился съ непокорными князьями весьма рѣзко: послалъ схватить ихъ и отправилъ съ женами и дѣтьми въ заточеніе въ Царьградъ (онъ приходился родственникомъ правившей династіи, такъ какъ дочь его была выдана „въ Грѣкы за царь"). Полоцкій удѣлъ Мстиславъ оставилъ за собою и вмѣстѣ съ Минскомъ отдалъ второму сыну—Изяславу, который до тѣхъ поръ сидѣлъ въ Курскѣ, на Посемьи [3]). Пріобрѣтеніе Посемья и Полоцкой волости было завершеніемъ традиціонной политики собиранія волостей; послѣдовавшія попытки кіевскихъ князей были слабы и неудачны.

Въ отношеніи половцевъ Мстиславъ съ честью поддерживалъ отцовскую славу. При вѣсти о смерти Мономаха, половцы навѣдались

---

[1]) Ипат. с. 210—211 (1123 г.), Лавр. 282—284 (1127 г.), Татищевъ II с. 235; Соловьевъ II с. 89. Фактъ утвержденія Мстиславомъ избраннаго народомъ Роговолода интересенъ въ томъ отношеніи, что устраняетъ относительно Мстислава подозрѣнія въ стремленіи къ какому-нибудь абсолютизму или централизаціи—подозрѣнія, къ которымъ можетъ пожалуй, подать поводъ послѣдующая расправа его съ полоцкими князьями.

[2]) Что торки были кіевскіе, видно изъ того, что ходили они съ кіевскимъ боярином и упоминаются рядомъ съ полкомъ Мстислава (г. Линниченко считаетъ этотъ полкъ Изяславовымъ—Вѣче с. 32).

[3]) Ипат. с. 211, 217—218, Лавр. с. 286, Тверск. сб. с. 195. По Татищеву (II с. 240) полочане добровольно выдали князей по требованію Мстислава, ср. Соловьева II с. 90; что Полоцкъ и Минскъ принадлежали Изяславу, видно изъ Ипат. с. 212, Лавр. с.

по обыкновенію: они пришли въ Переяславскую волость, желая захватить торковъ, ушедшихъ отъ нихъ на Русь, но были отбиты. Распря черниговскихъ князей и призывъ на помощь, сдѣланный Всеволодомъ, повидимому, ободрили половцевъ; хотя помощи они Всеволоду не оказали и бѣжали въ степи при первой тѣни опасности, но нѣкоторое время спустя, какъ узнаемъ мы изъ позднѣйшаго упоминанія, „налегли Половци на Русь и (Мстиславъ) стояшеть бьяся с ними ся перемогаяся“; весьма вѣроятно, что подъ Русскою землею здѣсь разумѣется Кіевская волость. Предводителемъ половцевъ былъ все тотъ же Бонякъ. По словамъ лѣтописца, эту борьбу Мстиславъ окончилъ побѣдоносно: онъ послалъ мужей своихъ, и тѣ загнали половцевъ за Донъ и за Волгу, за Яикъ; если это извѣстіе и преувеличено, оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ рѣшительные успѣхи въ борьбѣ со степняками [1]).

На другой окраинѣ русскихъ земель Мстиславъ велъ борьбу съ Литвою. Передъ смертью онъ ходилъ въ походъ на нее; судя по извѣстіямъ лѣтописи, это единственный случай за время княженія Мстислава въ Кіевѣ, когда онъ ходилъ въ походъ самолично; въ прочихъ случаяхъ онъ посылалъ вмѣсто себя другихъ князей или мужей своихъ. Походъ на Литву былъ предпринятъ, вѣроятно, въ интересахъ земли Полоцкой — волости Изяслава Мстиславича; въ немъ участвовали, кромѣ сыновей Мстислава, Ольговичи и Всеволодъ городенскій [2]).

Ко времени правленія Мстислава относится еще одинъ интересный фактъ, переданный въ Татищевскомъ сводѣ (подъ 1129) и самъ по себѣ довольно вѣроятный: поляки ограбили русскихъ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Моравіи, и Мстиславъ потребовалъ удовлетворенія отъ Болеслава, пригрозивъ войною [3]). Если извѣстіе это справедливо, то тутъ слѣдуетъ, конечно, разумѣть купцовъ главнымъ образомъ кіевскихъ.

286—7. О бракѣ Мстиславны—Ипат. с. 206, Татищевъ II с. 225, Карамзинъ II пр. 242, Арцыбашевъ т. I кн. 2, пр. 394.

[1]) Ипат. с. 208—209, 217—218, Лавр. 280—281.

[2]) Ипат. с. 212, Лавр. с. 286, Татищевъ (II. с. 241) говоритъ о двухъ походахъ на Литву; вѣроятно, онъ подумалъ, что Ипат. лѣт. подъ 1132 и Лавр. подъ 1131 г. говорятъ о двухъ разныхъ походахъ. Объ этомъ походѣ см. еще у г. Довнара-Запольскаго ор. с. с. 97.

[3]) Исторія Россійская II с. 241.

О характерѣ отношеній Мстислава къ кіевскому населенію я уже говорилъ; при отсутствіи прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописи, приходится обращаться къ косвеннымъ. Популярность Мстислава у новгородскаго населенія, гдѣ онъ княжилъ ранѣе и гдѣ имя его стало нарицательнымъ именемъ излюбленнаго князя; популярность Мономахова дома въ позднѣйшее время среди кіевскаго населенія; сочувственное, даже восторженное воспоминаніе о Мстиславѣ кіевскаго лѣтописца, позже занесенное въ лѣтопись,—все это даетъ право предполагать, что Мстиславъ пользовался великою народною любовью [1]). Вѣроятно, Мстиславъ унаслѣдовалъ отъ отца внимательное отношеніе къ земству и его желаніямъ, иначе нельзя себѣ объяснить его популярность; по словамъ Суздальской лѣтописи, онъ княжилъ „съ кротостію“ [2]): это выраженіе лѣтописца, кажется, слѣдуетъ понять именно въ смыслѣ радушнаго, внимательнаго отношенія къ населенію. Я высказалъ уже предположеніе, что отказавшись отъ поддержки Ярослава Святославича, Мстиславъ тѣмъ сдѣлалъ уступку кіевскому общественному мнѣнію.

О правительственной дѣятельности населенія за время его княженія нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Относительно упомянутаго выше литовскаго похода мы имѣемъ прямое указаніе, что въ немъ участвовало земское ополченіе Кіевской земли; на возвратномъ пути оно отстало отъ прочаго войска и потеряло много людей; по аналогіи можно предполагать, что земское ополченіе участвовало и въ другихъ походахъ [3]).

Для сужденія о самой личности Мстислава мы имѣемъ тоже очень мало данныхъ; насколько можно судить по нимъ, это былъ благородный, честный характеръ, вѣроятно безъ той корыстной, дипломатической подкладки, которая проглядываетъ въ Мономахѣ; намъ извѣстно, напримѣръ, его благородное поведеніе относительно Олега въ войнѣ 1096 г. и раскаяніе вслѣдствіе нарушенія обѣщанія, даннаго Ярославу [4]). Правда, въ обоихъ случаяхъ свѣдѣнія мы получа-

---

[1]) Ипат. с. 217—8, 259.

[2]) Лавр. с. 280.

[3]) Ипат. с. 212. Иначе думаетъ г. Линниченко—Вѣче с. 32.

[4]) Ипат. с. 165—167, 210; Лавр. с. 229—232, 243, 282. Татищевскую характеристику см. въ т. II с. 243.

емъ отъ людей, несомнѣнно расположенныхъ къ Мстиславу (въ первомъ случаѣ, вѣроятно—отъ новгородца, во второмъ—кіевлянина), но помимо того, что мы вообще не имѣемъ побудительныхъ причинъ сомнѣваться въ ихъ справедливости, относительно второго случая замѣчу, что Мстиславу вовсе не нужно было приписывать раскаяніе, чтобы оправдать его, такъ какъ онъ былъ разрѣшенъ отъ клятвы духовнымъ соборомъ.

Мстиславъ скончался 15 апрѣля 1132 г., еще не въ особенно преклонномъ возрастѣ (56 лѣтъ), и былъ погребенъ въ церкви св. Ѳеодора, своего патрона, которую самъ выстроилъ; другимъ памятникомъ его княженія въ Кіевѣ была начатая имъ церковь Богородицы [1]). Уже въ прологахъ XIII в. онъ причитается къ святымъ [2]). Въ кіевской и новгородской лѣтописяхъ ему, какъ и Мономаху, придается титло великаго [3]).

---

[1]) Ипат. л. с. 211, 212 (Лавр. с. 286, 1 Новг. с. 6). Мстиславъ родился въ 1076 г.—см. Лавр. 239 (Поученіе).

[2]) Русскіе святые IV с. 56 (1 изд.).

[3]) Ипат. с. 217: „Се бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго“; 1 Новг. с. 18.

Заразительна ли проказа?

(Отвѣтъ проф. Полотебнову).

II.

„Вѣдь то, что проф. Минхъ считаетъ „доказательствами“ заразительности проказы“,— говоритъ проф. Полотебновъ — „добыто не имъ самимъ, не путемъ личнаго непосредственнаго наблюденія, или опыта (прививки?)[1]), а *все* (буквально все) *основано*, какъ говоритъ и самъ авторъ, *на разсказахъ* различныхъ Приблудъ, очень „любознательнаго“ фельдшера Тамбіева и „старой очень умной“ повитухи Кепкѣевой“.

Вотъ оцѣнка, которую даетъ критикъ моему первому, будто бы, и, какъ онъ выражается, *„главному, основному доказательству заразительности проказы“*, т. е. тѣмъ частнымъ, отдѣльнымъ случаямъ или указаніямъ больныхъ и ихъ родственниковъ, примѣры которыхъ (стр. 534 и 535) онъ приводитъ въ своей критикѣ. Разсмотрѣвъ, по свбему, значеніе этого доказательства, критикъ переходитъ затѣмъ къ двумъ другимъ, надо полагать — не главнымъ, не основнымъ (а потому и менѣе существеннымъ) доказательствамъ, которыя находитъ въ моемъ докладѣ. А именно: вторымъ доказательствомъ, приводимымъ мною, онъ считаетъ семейныя заболѣванія; къ третьему же и послѣднему относитъ заболѣваніе пришельцевъ. Наконецъ, идя далѣе, критикъ указываетъ еще два основанія, а именно—народный инстинктъ и грандіозный средневѣковой опытъ, не относя ихъ, однако, къ доказательствамъ заразительности болѣзни, а къ доказательствамъ поставленной мною на видъ необходимости отдѣлять прокаженныхъ.

---

[1]) Очень жалѣю, если вкравшаяся у насъ ошибка въ знакѣ препинанія ввела въ обманъ критика и заставила его предполагать, что мы дѣлали больнымъ прививки. Чтобы избѣжать недоразумѣній, просимъ читать: „наблюденія или опыта“.

И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ и по другимъ поводамъ, ученый критикъ (умышленно или неумышленно,—это мы предоставляемъ рѣшить читателю) совершенно извращаетъ послѣдовательность моихъ мыслей и систему приводимыхъ мною основаній, извращаетъ и смыслъ указаній, которыя дѣлались мною.

Въ краткомъ докладѣ, который былъ сдѣланъ мною на съѣздѣ въ Петербургѣ, я имѣлъ въ виду не систематическое изложеніе ученія объ этіологіи проказы, а задавался цѣлью поставить только на видъ отдѣльные моменты изъ группы фактовъ, добытыхъ путемъ личнаго изслѣдованія или опыта,—фактовъ, доказывающихъ съ одной стороны заразительность проказы, съ другой—опровергающихъ установившееся мнѣніе о наслѣдственности болѣзни. Остановившись прежде всего на результатахъ отдѣленія прокаженныхъ у Астраханскихъ казаковъ, я изъ трехъ поставленныхъ мною на видъ положеній обратилъ спеціальное вниманіе на второе, а именно—на вопросъ о семейныхъ заболѣваніяхъ, которыя служили единственнымъ основаніемъ мнѣнія о наслѣдственности болѣзни, и коснулся третьяго положенія, т. е. заболѣванія пришельцевъ, не съ цѣлью поставить его на видъ, какъ доказательство заразности проказы,—такое значеніе указаннаго положенія очевидно само собою,—а съ цѣлью указать на нѣкоторыя частности, имѣющія отношеніе къ этимъ заболѣваніямъ.

Я считалъ себя вправѣ сократить такимъ образомъ свой докладъ, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями.

Всѣмъ извѣстно, что относительно этіологіи проказы существовало большое количество мнѣній. Одни смотрѣли на проказу, какъ на болѣзнь, развивающуюся подъ вліяніемъ извѣстныхъ общихъ и мѣстныхъ условій, между которыми мы видимъ, съ одной стороны указанія на бѣдность и нищету, съ свойственными послѣдней дурными гигіеническими и діэтетическими условіями, при чемъ нѣкоторые даже спеціализировали эти условія, считая причиною развитія проказы употребленіе въ пищу рыбы, свиного мяса, жирныхъ сѣмянъ araucariae и т. д., съ другой стороны мы находимъ указаніе на міазматическое происхожденіе болѣзни, основанное частью на существованіи проказы по близости моря, на островахъ, по теченію большихъ рѣкъ, или—приводимое безъ всякихъ основаній и въ формѣ совершенно неопредѣленной. Другіе авторы считали проказу болѣзнью, исключительно передающейся путемъ заразы. Третьи, наконецъ, не признавали ея

заразительности, а приписывали ея развитіе наслѣдственности. Между этими крайними мнѣніями слѣдуетъ помѣстить и мнѣнія авторовъ, усвоившихъ себѣ двойственную точку зрѣнія: одни—что проказа есть болѣзнь и наслѣдственная и находящаяся въ связи съ мѣстными условіями, другіе—что проказа развивается и наслѣдственно и передается также путемъ заразы.

Основаніями, которыя должны были руководить нами при оцѣнкѣ указанныхъ сейчасъ разнообразныхъ и противорѣчащихъ другъ другу мнѣній, должны были, несомнѣнно, служить прежде всякихъ другихъ фактовъ, выработанныя на основаніи многочисленныхъ наблюденій и неоспоримыя положенія, которыя и были приведены мною, какъ на Одесскомъ, такъ и на Петербургскомъ съѣздахъ врачей. Основанія эти слѣдующія:

1) *Проказа развивается при всевозможныхъ атмосферическихъ, теллурическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ*;

2) *Болѣзнь главнымъ образомъ держится семьи и родственныхъ связей*;

3) *Для своего развитія у даннаго лица, она требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго или короткаго пребыванія этого лица въ мѣстности, гдѣ проказа существуетъ.* Положеніе относящееся къ *заболѣванію пришельцевъ.*

Выводъ изъ этихъ положеній казался и кажется намъ и въ настоящее время совершенно яснымъ.

Первое положеніе совершенно устраняетъ мысль о значеніи общихъ и мѣстныхъ условій. Второе положеніе, не исключая возможности передачи болѣзни путемъ заразы, можетъ служить основаніемъ мнѣнія о наслѣдственности проказы. Третье положеніе (въ виду перваго) абсолютно говоритъ за заразительность болѣзни. Такимъ образомъ логическое и законное право на существованіе имѣютъ только два мнѣнія: наслѣдственность и заразительность проказы. Мы говоримъ—въ томъ случаѣ, если факты семейныхъ заболѣваній дѣйствительно доказываютъ наслѣдственность болѣзни, если же нѣтъ, то источникомъ развитія болѣзни можетъ служить только одна причина: передача ея заразою.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставили меня обратить въ моемъ докладѣ въ Петербургѣ существенное вниманіе на семейныя и родственныя заболѣванія и подвергнуть ихъ болѣе тщательной критикѣ.

Въ относящихся сюда указаніяхъ заключался весь центръ тяжести моихъ доказательствъ, но не въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, на которые указываетъ ученый критикъ, и на значеніи которыхъ мы въ свое время остановимся.

И такъ, исходною точкою нашей оцѣнки мнѣній о причинахъ развитія проказы служили приведенныя нами положенія, которыя мы не считали нужнымъ разъяснять, ибо, какъ сказали, значеніе ихъ казалось намъ совершенно яснымъ.

Обращаясь, послѣ всего сказаннаго, къ критикѣ проф. Полотебнова, мы, понятно, пойдемъ не тѣмъ путемъ, которымъ совершенно произвольно ведетъ насъ критикъ, а тѣмъ, которымъ несомнѣнно шли сами. Въ виду этого, мы вернемся къ приведеннымъ нами положеніямъ, съ цѣлью познакомиться съ мнѣніемъ объ этихъ положеніяхъ ученаго критика и прежде всего съ вопросомъ: какъ смотритъ онъ на мѣстныя и общія условія и чѣмъ объясняетъ онъ заболѣваніе пришельцевъ или лицъ, посѣтившихъ районъ эндеміи и заболѣвшихъ проказою по возвращеніи на родину?

Критикъ обходитъ первое положеніе полнѣйшимъ молчаніемъ и касается только заболѣванія пришельцевъ, по поводу котораго говоритъ слѣдующее:

„Я не понимаю, какимъ образомъ заболѣваніе пришельцевъ можетъ препятствовать наслѣдственности болѣзни? Заболѣваніе пришельцевъ можетъ только доказывать, что наслѣдственность *не единственная причина* распространенія проказы, что *безусловно всѣми* и принимается. Плаховъ допускаетъ проказу *идіопатическую* (помимо наслѣдственной)“, тоже дѣлаютъ и Козловскій и Danielssen. И затѣмъ далѣе (стр. 544). „Заболѣваніе пришельцевъ составляетъ самый важный и самый загадочный вопросъ въ этіологіи проказы“. И наконецъ (стр. 545). „*Конечно всего легче было бы объяснить эти случаи*“ (т. е. заболѣваніе пришельцевъ) „*зараженіемъ, но* тутъ невольно возникаютъ слѣдующія соображенія: французовъ, англичанъ, а въ послѣдніе годы и нѣмцевъ ежегодно отправляется въ мѣста эндемической проказы (въ Индію, Китай, Африку, Австралію, Южную Америку) тысячи, а случаи пріобрѣтенія проказы встрѣчаются чрезвычайно рѣдко“, и, въ подтвержденіе этого, критикъ указываетъ и на оффиціальные справки Леруа де Меликура, по которымъ „между войсками, по цѣлымъ го-

дамъ остающимися въ мѣстахъ проказы, болѣзнь эта *почти* совсѣмъ не встрѣчается".

И такъ, самъ критикъ находитъ, что случаи заболѣванія пришельцевъ всего „легче" (т. е. всего проще и естественнѣе) объясняются заразою, но, въ виду такихъ то и такихъ то соображеній, онъ долженъ отказаться отъ такого объясненія, присоединиться, надо полагать, къ мнѣнію Плахова, Козловскаго и Danielssen'a и признать, вмѣстѣ съ ними, существованіе, кромѣ наслѣдственной проказы, *„проказы идіопатической"*. Не останавливаясь, пока, на соображеніяхъ, которыя критикъ ститаетъ настолько вѣскими, что отказывается отъ *„легкаго"* объясненія въ пользу, надо полагать, тяжелаго, мы не можемъ не спросить критика: что же понимаетъ онъ подъ именемъ идіопатической проказы,—термина, который его авторитеты намъ не объясняютъ? Все, что мы можемъ думать, это—то, что подъ сказаннымъ именемъ критикъ понимаетъ проказу, не развивающуюся ни путемъ наслѣдственности, ни путемъ зараженія. Но какимъ же?

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ заболѣванія проказою не гарантированъ ни бѣдный, ни богатый; что она обнаруживается при самыхъ разнообразныхъ гигіеническихъ условіяхъ (сравнимъ наши русскія жилища на Волгѣ, на Дону и т. д. и жилища Карачаевцевъ); что ни рыбная пища, ни свинина (никогда не употребляемыя Саратами и Карачаевцами), ни вообще дурныя діэтетическія условія (мы не знаемъ худшихъ въ этомъ отношеніи условій, какъ тѣ, которыя существуютъ у Калмыковъ) не вызываютъ развитія проказы; что заболѣваніе послѣднею не можетъ быть приписано ни полярному холоду, ни тропическимъ жарамъ (ни того, ни другаго у насъ нѣтъ), ни сухости или влажности воздуха, ни высотѣ мѣстности (Карачай), ни близости моря или расположенію селеній по теченію большихъ рѣкъ (на которыя мы должны смотрѣть, какъ на пункты колонизаціи и пути сообщенія, всегда и вездѣ служившіе исходными точками развитія въ странѣ острыхъ эпидемическихъ, заразныхъ заболѣваній, а потому, можно думать, служившіе и служащіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ таковыми и для хроническихъ, т. е. проказы); что ни простуда, ни душевныя потрясенія (Zambaco) никогда не вызывали и не вызываютъ развитія проказы тамъ, гдѣ она не существовала уже прежде; принимая—говорю я—въ разсчетъ всѣ сдѣланныя указанія, подъ именемъ *„идіопатической проказы"* надо, слѣдовательно, понимать проказу, если не *совершенно безпри-*

чинную, то развивающуюся подъ вліяніемъ такихъ исключительныхъ и притомъ несомнѣнно мѣстныхъ условій, которыя совершенно недоступны нашему объективному представленію, основанному даже на аналогіи съ другими эндемическими заболѣваніями,—подъ вліяніемъ какой то загадочной міазмы, развивающейся въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ проказа.

Не говоря о томъ, что существованіе такой мѣстной причины, хотя бы въ формѣ міазмы, исключаетъ, несомнѣнно, всякія другія причины, даже и защищаемую критикомъ наслѣдственность, мы остановимся на томъ, что ученый нашъ критикъ предпочитаетъ указанное сейчасъ дѣйствительно *тяжелое* объясненіе заболѣванія пришельцевъ болѣе „*легкому*“, только на основаніи тѣхъ соображеній, что англичане, французы и нѣмцы вообще, точно также какъ и ихъ солдаты (по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Леруа де Меррикура) въ частности, почти не заболѣваютъ проказою въ лепрозныхъ мѣстностяхъ. Но приведенныя соображенія критика даютъ намъ, какъ разъ—наоборотъ, основанія, съ одной стороны—совершенно устраняющія возможность вліянія мѣстныхъ условій на развитіе проказы, съ другой стороны—вполнѣ подтверждающія нашу точку зрѣнія на этіологію проказы. И дѣйствительно! Еслибы, съ одной—какъ мы сказали—стороны, проказа развивалась у пришельцевъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, и спеціально міазмы, то мы, несомнѣнно, должны бы были ожидать, что количество заболѣвающихъ пришельцевъ или солдатъ, живущихъ въ лепрозной, чуждой имъ мѣстности, было бы настолько же часто, насколько оно часто у туземцевъ. Съ другой стороны, если проказа развивается вслѣдствіе сношеній съ прокаженными, то вопросъ сводится къ тому: насколько часто таковыя сношенія иностранцевъ съ мѣстными жителями могутъ имѣть мѣсто.

Дать точныя указанія относительно того, какія сношенія существуютъ между англичанами, французами, нѣмцами и мѣстными жителями, я не имѣю возможности, но могу объективировать эти отношенія на основаніи фактовъ, которые видѣлъ и знаю въ Россіи. Укажу прежде всего на Туркестанъ.

Относительно заболѣваній русскихъ, находящихся въ Туркестанѣ, я могу сказать только то, что имѣю свѣдѣнія о двухъ заболѣваніяхъ: одномъ—полковника N. (онъ умеръ въ клиникѣ В. М. Академіи въ Петербургѣ), который, впрочемъ, служилъ до заболѣва-

нія долго на Кавказѣ, а потому могъ легко пріобрѣсти болѣзнь тамъ; другомъ—солдата (указаніе Антропова, см. стр. 74 моихъ „Матеріаловъ“) и притомъ *пензенскаго татарина*. Существуютъ-ли, спросимъ мы теперь, и какія отношенія у нашихъ солдатъ съ туземцами?—Солдаты наши, полагаю, также и французскіе, и англійскіе (послѣдніе въ Египтѣ, я знаю—несомнѣнно), живутъ отдѣльно, въ своихъ казармахъ, а не постоемъ у мѣстныхъ жителей, какъ это практикуется у насъ къ Россіи; въ гости къ сартамъ наши солдаты не ходятъ, а еще менѣе въ пріюты для прокаженныхъ, и встрѣчаются съ мѣстными жителями, по преимуществу торговцами, на улицѣ, на базарахъ, на которые прокаженные не допускаются. Единственнымъ, впрочемъ, путемъ тѣснаго общенія съ туземцами можетъ быть только одна проституція, но и эта послѣдняя не можетъ имѣть значенія, ибо она находится подъ надзоромъ мѣстнаго, русскаго, знакомаго—понятно—съ проказою, врачебнаго персонала. Такимъ образомъ, въ виду отсутствія всякой возможности, а тѣмъ болѣе тѣснаго общенія или соприкосновенія нашихъ солдатъ съ прокаженными, мы и не видимъ между ними заболѣваній проказою, за исключеніемъ развѣ указаннаго нами солдата татарина (сомнѣваться въ указаніи Антропова мы едва ли можемъ), который, понятно, могъ входить съ своими единовѣрцами въ гораздо болѣе близкія общенія, чѣмъ наши солдаты.

Но такіе же примѣры, гдѣ отсутствіе заболѣваній среди населенія можетъ быть только объяснено отсутствіемъ необходимаго для передачи болѣзни общенія населенія съ прокаженными, мы, помимо Туркестана, встрѣчаемъ и у насъ въ Россіи.

Въ Астраханской губерніи я тщетно искалъ больныхъ проказою между татарами, селенія которыхъ находятся въ близкомъ разстояніи отъ нашихъ, русскихъ гнѣздъ проказы. Мало того. Я не могъ даже узнать татарскаго *мѣстнаго* названія болѣзни,—обстоятельство, которое явно указываетъ, что татары съ проказою даже и не знакомы. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о рассовомъ иммунитетѣ, о которомъ, до извѣстной степени, подъ вліяніемъ, можетъ быть, шовинизма, говорятъ нѣкоторые французскіе ученые, а только объ очень ограниченномъ общеніи между русскими и татарами. Почти исключительнымъ случаемъ такого общенія мы можемъ считать фактъ, переданный намъ д-ромъ Рождественскимъ изъ Краснаго Яра (см. мой докладъ въ Петербургѣ) и касающійся татарки съ двумя

дѣтьми, которая служила въ русской семьѣ. И что же? Случайно при этомъ, въ этой семьѣ находилась изолированная больная проказою, и въ результатѣ оказалось, что двое дѣтей татарки тоже заболѣли проказою.

Между калмыками точно также заболѣваніе проказою слѣдуетъ считать явленіемъ исключительнымъ (я не слыхалъ и не видѣлъ ни одного больнаго проказою калмыка), и у нихъ, точно также какъ и у татаръ, я не могъ добиться (даже у Ламы) калмыцкаго названія болѣзни.

Наконецъ, въ Терской области у Гребенскихъ и Кизлярскихъ козаковъ проказа совершенно не встрѣчается. Козловскій, констатировавшій этотъ фактъ еще въ 1864-мъ году, объясняетъ его съ точки зрѣнія наслѣдственности тѣмъ, что въ составъ этихъ козацкихъ войскъ не вошли ни донскіе, ни волжскіе предки переселенцы и что *„оба эти полки никогда не вступаютъ въ супружескія связи съ сосѣднимъ Моздокскимъ полкомъ“*. Такое объясненіе мы могли бы считать правильнымъ, если-бы наслѣдственность проказы была бы несомнѣнно доказана. Но если она не доказана, то мы можемъ дать этому факту и другое объясненіе, а именно, что Гребенскіе козаки, ближайшіе къ Моздокскимъ, считая себя—какъ мы вообще слышали—аристократіею, такъ сказать, козачества, не только не входятъ въ родственныя отношенія съ линейными козаками, но не поддерживаютъ даже съ ними никакого общенія, а потому не заражаются.

И такъ, соображенія, мѣшавшія критику примкнуть къ нашему объясненію заболѣванія пришельцевъ, неосновательны, ибо эти соображенія, наоборотъ, еще болѣе поддерживаютъ наше объясненіе и позволяютъ намъ еще тверже настаивать на томъ положеніи, что *для заболѣванія пришельца проказою необходимъ прокаженный, въ томъ же смыслѣ, какъ для развитія сифилиса, оспы, чесотки и т. д., нуженъ сифилитикъ, оспенный, чесоточный.*

Но этого мало. Не ограничиваясь соображеніями, касающимися заболѣванія пришельцевъ, мы, въ качествѣ доказательства, что *прокаженный самъ, т. е. его больное тѣло или продукты его отдѣленія, необходимы для развитія проказы*, привели еще и другое доказательство.

Мы указали, что *отдѣленіе прокаженныхъ уменьшаетъ или даже останавливаетъ развитіе проказы въ извѣстной мѣстности.*

Нашъ докладъ о проказѣ на Петербургскомъ съѣздѣ мы даже начали съ того, что указали на примѣръ Астраханскихъ казаковъ, у которыхъ строго практиковалась мѣра отдѣленія прокаженныхъ, и—крестьянскихъ селеній, гдѣ по совѣту гражданской администраціи больные проказою должны были принимать декокты, брать молочныя ванны и т. д. Мы поставили на видъ, что результаты такого отношенія къ проказѣ со стороны военной (казацкой) и гражданской администраціи обнаружились полнымъ отсутствіемъ въ настоящее время проказы въ казацкихъ станицахъ и существованіемъ болѣзни въ крестьянскихъ селеніяхъ. Мы ограничились только этимъ примѣромъ, хотя могли бы указать и на другіе: на отдѣленіе прокаженныхъ въ Сергіевскомъ и на отсутствіе тамъ больныхъ въ настоящее время; на уменьшеніе количества больныхъ въ Джамбаѣ, съ тѣхъ поръ, какъ народъ, по собственному почину, началъ отдѣлять больныхъ; на то, что такое же уменьшеніе количества прокаженныхъ, благодаря практикующемуся въ настоящее время отдѣленію больныхъ, обнаружилось на нашихъ глазахъ въ Тамбовкѣ. Я не могъ, по поводу приведенныхъ фактовъ, не отдать справедливости правильному во многихъ случаяхъ инстинкту населенія или здравому народному смыслу, и, въ заключеніе, счелъ умѣстнымъ указать также и на грандіозный средневѣковой опытъ, уничтожившій проказу въ Европѣ.

Игнорируя совершенно мои личныя указанія, проф. Полотебновъ изощряетъ сначала (и безъ всякихъ основаній) свое остроуміе надъ народной мудростью, а затѣмъ останавливается на средневѣковомъ опытѣ отдѣленія прокаженныхъ. Указавъ на то, что ссылки на средневѣковой опытъ встрѣчаются у всѣхъ авторовъ контагіонистовъ, что онѣ находятся во всѣхъ учебникахъ (ни у авторовъ контагіонистовъ, ни въ учебникахъ мы указаній на опытъ астраханскихъ казаковъ не находимъ) и что ихъ „*повторяютъ новѣйшіе радѣтели прокаженныхъ, желая, при помощи начальства, запрятать ихъ на всю жизнь чуть ли не въ одиночное заключеніе*,“—проф. Полотебновъ передаетъ (изъ тѣхъ же вѣроятно учебниковъ?) мрачную картину отдѣленія прокаженныхъ въ средніе вѣка и, въ заключеніе, говоритъ (стр. 38): „пока эти и многіе другіе вопросы относительно средневѣковой проказы не будутъ съ достаточной ясностью разработаны, слѣдовало бы пообождать дѣлать ссылки на грандіозный опытъ среднихъ вѣковъ, якобы оправдывающій заключеніе прокаженныхъ въ настоящее время.“

Какіе же вопросы предлагаетъ ученый критикъ, безъ разрѣшенія которыхъ средневѣковой опытъ не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой цѣны?

Онъ говоритъ, во 1-хъ: „если проказа заразительна и изолированіе больныхъ отъ здоровыхъ составляетъ радикальное и быстрое средство для ея уничтоженія, то какъ объяснить, *что для прекращенія проказы потребовалось болѣе пяти сотъ лѣтъ*? И, далѣе, указавъ на то, что по его разсчету „100 лѣтъ“ было бы въ данномъ случаѣ „слишкомъ достаточно для того, чтобы уничтожить съ корнемъ проказу,“ онъ ссылается на опытъ Норвегіи, гдѣ, какъ онъ говоритъ, „на нашихъ глазахъ *одно правильное призрѣніе прокаженныхъ въ прекрасно устроенныхъ госпиталяхъ, въ теченіи только 27 лѣтъ понизило число больныхъ на половину.*“

Отвѣтъ на предлагаемый критикомъ вопросъ не представляетъ большихъ затудненій, если мы примемъ только въ разсчетъ извѣстный историческій фактъ, а именно: общій строй средневѣковаго общественнаго управленія. При существовавшихъ въ средніе вѣка феодальной и общинныхъ системахъ управленія, т. е. множественныхъ совершенно самостоятельныхъ административныхъ единицахъ, само собою разумѣется, мы не имѣемъ никакого права разсчитывать на то, что мѣры противъ проказы принимались одновременно и равномѣрно, а только при такихъ условіяхъ проказа могла исчезнуть повсемѣстно и быстро. Ходить за примѣрами не далеко, и приведенный уже мною опытъ отдѣленія прокаженныхъ въ Астраханской губерніи какъ нельзя лучше иллюстрируетъ намъ справедливость сказаннаго: казацкая администрація, вѣрующая въ заразительность проказы, заботилась и поощряла отдѣленіе прокаженныхъ; наоборотъ, гражданская—приписывая болѣзнь климатическимъ и другимъ условіямъ—не заботилась о мѣрахъ отдѣленія; въ результатѣ проказа не исчезла въ Астраханской губерніи и будетъ существовать тамъ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, пока мѣра отдѣленія прокаженныхъ не будетъ санкціонирована правительствомъ, какъ мѣра общая, распространяющаяся и на крестьянское населеніе Астраханской губерніи, и на З. В. Донскаго, и на Терскую, и Кубанскую область, и на Остзейскіе провинціи, и, наконецъ, на тѣхъ лицъ, которыя или возвращаются изъ лепрозныхъ мѣстностей на родину больными проказою, или заболѣваютъ послѣднею уже дома. Что касается указанія критика на Норвегію, то мы только до-

полнимъ его компетентнымъ сообщеніемъ *Armauer Hansen'a*, одного изъ почтенныхъ *„любителей"* изслѣдованія проказы, дѣятельности котораго Норвегія во многихъ отношеніяхъ обязана уменьшеніемъ количества въ ней прокаженныхъ. *Hansen* (Virch. Arch. Bd. 120 p. 482) говоритъ: „Къ счастью, наше населеніе, которое прежде нисколько не стѣснялось въ своихъ сношеніяхъ съ прокаженными, начало бояться проказы настолько, что изолируетъ въ настоящее время, и довольно сносно, прокаженныхъ и у себя дома." Комментировать указаніе почтеннаго автора мы считаемъ совершенно излишнимъ.

Во 2-хъ. Ученому критику извѣстно, „что въ средніе вѣка *людей заживо хоронили*, но за что собственно хоронили, т. е. *какими признаками руководствовались при опредѣленіи, что данный субъектъ страдаетъ проказою,—объ этомъ можно составить себѣ довольно неясныя представленія.*"

Отвѣтъ и на этотъ вопросъ критика не особенно затруднителенъ. Мы не знаемъ только, о комъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь: о населеніи ли, или о врачахъ?

На вопросъ—какими признаками для опредѣленія проказы руководствовалось въ средніе вѣка населеніе, — мы отвѣтимъ, что не знаемъ, да и не считаемъ особенно нужнымъ знать, а вполнѣ довольствуемся тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, существующимъ у насъ предъ глазами и въ настоящее время, а именно: что, не смотря на отсутствіе въ народѣ экспертовъ, долженствующихъ спеціализироваться два года въ дерматологической клиникѣ ученаго критика, мы находимъ и въ лачугахъ или хлѣвахъ, куда семья отдѣляетъ больнаго у насъ въ Россіи (передъ которыми средневѣковые пріюты были, можетъ быть, дворцами), равно какъ и въ пріютахъ, существующихъ въ Туркестанѣ и Палестинѣ, только однихъ прокаженныхъ. Что касается вопроса—какими признаками руководствовались въ теченіи среднихъ вѣковъ врачи—то отвѣтъ на этотъ вопросъ критикъ можетъ найти у авторовъ XIII и XIV столѣтія, а именно: у Константина Африканскаго, Platearius'a, Theodoricus'a, Lanfrancus'a, Gordon'a, Gilbert'a, De Furno, Arnoldus de Villa Nova, Gadesden'a, Guido de Chauliac'a, Valescus'a Largellat'a и др. Критикъ, если бы ближе познакомился съ приведенными авторами, могъ почерпнуть у нихъ указанія и нетолько на развитую вполнѣ болѣзнь (signa infaillibilia, signa univoca), но и на начальныя, подозрительныя явленія (signa occulta, signa aequivoca), не

влекущія еще за собою отдѣленія больныхъ, а только осторожное общеніе съ ними окружающихъ; такимъ образомъ, критикъ могъ бы найти у средневѣковыхъ авторовъ свѣдѣнія, никакъ не ограничивающіяся испытаніемъ крови, на которую онъ почему-то обращаетъ исключительное вниманіе [1]). Изъ приводимыхъ описаній мы можемъ вынести несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что болѣзнь, распространенная въ среднихъ вѣкахъ во всей Европѣ,—болѣзнь, противъ которой Европа вела борьбу, помощью мѣръ изоляціи, была дѣйствительно проказа, а не какая либо иная болѣзнь—сифилисъ, сухія сыпи и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ историческихъ трудовъ, трактующихъ о проказѣ, мы видимъ, что къ отдѣленію прокаженныхъ въ средніе вѣка относились далеко не такъ легкомысленно, какъ полагаетъ критикъ, и что признаніе больнаго прокаженнымъ обставлялось нерѣдко очень строгими правилами [2]). Указаніе критика на то, что нѣкоторые авторы не находили въ лепрозаріяхъ прокаженныхъ, а чешуйчатыя сыпи (греческую лепру), можетъ развѣ указывать только на то, что въ данное время и въ данной мѣстности проказа успѣла исчезнуть и быть забыта, и лепрозаріи стали пріютомъ для другихъ болѣзней, что и было на самомъ дѣлѣ. Что же касается, наконецъ, злоупотребленій, на которыя указываетъ критикъ, то таковыя всегда и вездѣ бывали и будутъ, и указанія на нихъ имѣютъ такое же отношеніе къ данному вопросу, какое имѣютъ для психіатріи указанія на злоупотребленія, касающіяся заключенія психическихъ больнымъ.

Въ 3-хъ. Критикъ дѣлаетъ въ сноскѣ еще одно указаніе, а именно на то, что духовенство и высшіе классы не вѣрили де въ заразительность проказы, и основываетъ это свое мнѣніе на томъ, что

---

[1]) Не мѣшало бы и въ настоящее время обратить должное вниманіе на изслѣдованіе крови при проказѣ съ химической стороны. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что при современныхъ методахъ изслѣдованія спеціалисты химики найдутъ въ сокахъ организма прокаженнаго болѣе, чѣмъ нашли средневѣковые и даже новѣйшіе авторы (Danielssen). Изслѣдованіе это можетъ быть объяснитъ намъ и тотъ специфическій запахъ, на которой указывали и старые авторы и который въ настоящее время возбудилъ иронію проф. Полотебнова.

[2]) Читателю, желающему познакомиться съ мѣрами отдѣленія прокаженныхъ, практиковавшимися во Франціи, мы можемъ рекомендовать прочесть изложенную въ сжатой формѣ, но очень обстоятельную статью—„Призрѣніе прокаженныхъ во Франціи“—В. Ѳ. Дерюжинскаго, напечатанную въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, сентября 1889 года.

они „навѣщали больныхъ, раздавали имъ милостыню, ухаживали за ними, принимали у себя, даже обмывали и цѣловали руки", что это дѣлалось не только духовенствомъ, но и „принцами крови, *чтобы прослыть святыми*". Сознаемся, мы не понимаемъ, какое значеніе среди вопросовъ, ограничивающихъ значеніе средневѣковаго опыта отдѣленія прикаженныхъ, можетъ имѣть приведенное соображеніе критика, который несомнѣнно беретъ на себя нѣсколько смѣлую задачу проникать—безъ основательныхъ мотивовъ—во внутреннія побужденія указываемыхъ имъ лицъ и право копаться въ ихъ совѣсти. Вѣрили ли или нѣтъ эти лица въ заразительность прокази, побуждало ли ихъ къ особенному сочувствію къ прокаженнымъ глубокое религіозное чувство (что гораздо вѣроятнѣй и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже несомнѣнно), или указанныя лица желали только рисоваться и прослыть святыми,—намъ, въ сущности, все равно. Намъ важно для нашихъ цѣлей только то, на что критикъ собственно и не указываетъ, а именно, что рядомъ съ указаннымъ отношеніемъ къ прокаженнымъ, мы видимъ большое количество заболѣваній проказою и между духовенствомъ, и между высшими классами,—заболѣваній, которыя даже вызывали необходимость устройства лепрозарій, спеціально назначенныхъ для духовенста и высшихъ классовъ.

Какіе еще другіе (слово, которые ученый критикъ употребляетъ довольно часто) вопросы, умаляющіе значеніе грандіознаго, по нашему мнѣнію, средневѣковаго опыта мѣръ противъ прокази, имѣлъ въ виду проф. Полотебновъ,—мы угадать и слѣдовательно и говорить о нихъ не можемъ, а потому пойдемъ далѣе, подведя предварительно всему сказанному нами до сихъ поръ общій итогъ.

На основаніи фактовъ и вытекающихъ изъ нихъ и высказанныхъ нами соображеній, мы, *во первыхъ*, не имѣемъ ни малѣйшаго права приписывать развитіе прокази въ извѣстной мѣстности прямому вліянію какихъ бы ни было мѣстныхъ атмосферическихъ, теллурическихъ, соціальныхъ и экономическихъ условій, или какой либо міазмѣ, развивающейся въ данной мѣстности; *во вторыхъ*, считаемъ себя вполнѣ вправѣ утверждать, что заболѣваніе проказою пришельцевъ —по крайнѣй мѣрѣ—находится въ непосредственной связи и зависимости отъ общенія ихъ съ прокаженными.

Покончивъ съ вопросомъ о значеніи заболѣванія пришельцевъ, мы разсмотримъ теперь другой вопросъ, а именно: какое значеніе мо-

жетъ имѣть въ дѣлѣ возникновенія и распространенія проказы *наслѣдственность?* Съ этой цѣлью мы внимательно отнеслись и отнесемся теперь ко второму изъ поставленныхъ нами на видъ положеній —*семейнымъ и родственнымъ заболѣваніямъ*,—служащему, какъ мы сказали, единственнымъ аргументомъ, на которомъ построено все ученіе о наслѣдственности проказы.

Здѣсь мы прежде всего должны поставить на видъ тотъ фактъ, что семейныя и родственныя заболѣванія никакимъ образомъ не свойственны исключительно наслѣдственнымъ болѣзнямъ, а составляютъ точно также несомнѣнную, неотъемлемую принадлежность и заразныхъ болѣзней. Ходить за примѣрами намъ не далеко. Изъ родословныхъ ветлянскихъ семействъ, собранныхъ и представленныхъ мною по поводу исторіи развитія чумы въ Ветлянкѣ, мы видимъ, что отъ чумы болѣли и умирали главнымъ образомъ лица, связанныя другъ съ другомъ семейными и родственными отношеніями; мы видимъ, напримѣръ, что вымерла почти вся обширная семья Хритоновыхъ и Бѣловыхъ, и большое количество семействъ, связанныхъ съ ними близкимъ родствомъ. Но, не смотря на это, никому не приходила и не могла придти въ голову мысль о томъ, что чума есть болѣзнь наслѣдственная. И это понятно. Ветлянская чума развилась и протекала быстро, передъ нашими глазами. Развитіе хронической заразной болѣзни, какова проказа, идетъ медленно, и исторія возникновенія ея въ данной мѣстности легко теряется и исчезаетъ, за отсутствіемъ научной хроники, изъ памяти людей. Въ результатѣ мы видимъ рядъ безконечныхъ споровъ, хотя бы о томъ, занесена ли проказа, напримѣръ, на Сандвичьевы острова китайцами, или она существовала тамъ и прежде.

Вотъ основная мысль, которая и понудила насъ поставить вопросъ: слѣдуетъ ли, на основаніи данныхъ, добытыхъ нами при изслѣдованіи проказы на югѣ Россіи, смотрѣть на семейныя и родственныя заболѣванія при проказѣ, какъ на явленія, доказывающія наслѣдственность болѣзни, или, наоборотъ, какъ на доказательства ея заразительности.

Какъ на характерныя черты заразнаго свойства семейныхъ и родственныхъ заболѣваній проказою, мы указали: на послѣдовательность этихъ заболѣваній во времени, на ихъ—противорѣчащій наслѣдственности—порядокъ, и наконецъ, на то обстоятельство, что между семейными заболѣваніями попадаются случаи заболѣванія лицъ,

которыя, будучи связаны съ семьею совмѣстной жизнью, не связаны съ нею кровными узами, или даже, въ смыслѣ родства,—лицъ семьѣ совершенно постороннихъ. Мы сгруппировали эти случаи въ извѣстномъ порядкѣ, отмѣтивъ при этомъ особенными знаками тѣ, которые относятся къ заболѣвающимъ пришельцамъ.

Смыслъ приведенныхъ нами указаній вполнѣ ясенъ, также какъ и ихъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о наслѣдственности или заразности семейныхъ заболѣваній.

Критикъ, съ своей стороны, обходитъ всѣ наши указанія полнѣйшимъ молчаніемъ, а, возражая намъ, ставитъ прежде всего на видъ доказывающія—будто бы—наслѣдственность проказы таблицы Козловскаго и Danielssen'a, причемъ таблицы послѣдняго приводитъ цѣликомъ, цитируя также выводы, которые дѣлаютъ изъ этихъ таблицъ норвежскіе ученые. Затѣмъ, критикъ провупоставляетъ нашему мнѣнію указаніе на то, что „*никто въ настоящее время не сомнѣвается въ наслѣдственности проказы,*“ что въ наслѣдственность болѣзни вѣрятъ *Virchow*, *Hansen*, *Neisser*, что ее допускаютъ даже „наиболѣе убѣжденный контагіанистъ *Видаль*“ и такой „архиконтагіонистъ,“ какъ *Бенье*.

„Если всмотрѣться въ таблицу Козловскаго“ (его родословныя?) „и въ особенности въ таблицу Danielssen'a и Boeck'a,“ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 56) ученый критикъ, „то легко можно убѣдиться, какую роль играетъ наслѣдственность въ боковыхъ линіяхъ.“ (А тѣмъ болѣе, понятно, она должна имѣть значеніе въ прямыхъ). „Вѣдь эта таблица,“ увѣряетъ далѣе критикъ, „не фантазія, не гипотеза, даже не теорія; вѣдь это фактъ, непосредственно взятый изъ жизни.“

Прежде чѣмъ мы остановимся на той, нѣсколько восторженной оцѣнкѣ, которую даетъ указанной таблицѣ проф. Полотебновъ, мы должны указать, что не знаемъ кѣмъ, какъ, на основаніи какихъ источниковъ эта таблица составлена. D. и B., по поводу представляемой имъ таблицы говорятъ: что касается наслѣдственности, то мы постараемся выяснить послѣднюю—передаемъ далѣе дословно —„par des indications tabulaires, empruntées a l'Hopital de St. Georges.“ Сознаемся, мы не понимаемъ ясно значенія этой фразы. Воспользовались ли авторы готовыми таблицами, существовавшими въ больницѣ, или онѣ составлены ими самыми на основаніи фактовъ,

собранныхъ въ больницѣ св. Георгія, т. е. на основаніи своихъ личныхъ наблюденій."

Съ цѣлью разъяснить этотъ вопросъ, мы обратились къ личнымъ наблюденіямъ D. и B., которыя находимъ въ количествѣ 68 случаевъ въ монографіи норвежскихъ авторовъ. Наблюденія эти тоже сдѣланы въ больницѣ св. Георгія, а потому, мы полагали, онѣ должны были войти въ число 213 случаевъ, на основаніи которыхъ составлена указанная таблица. Мы полагали, что, разобравъ обстоятельно эти наблюденія, мы найдемъ ключъ къ таблицамъ, которыя безъ необходимыхъ разъясненій со стороны авторовъ казались и кажутся намъ совершенно неясными.

Результатъ нашего анализа этихъ наблюденій мы предадимъ здѣсь, прежде чѣмъ постараемся дать себѣ отчетъ въ значеніи указанныхъ выше таблицъ. Для удобства, мы распредѣлимъ соотвѣтствующіе наблюденіямъ D. и B. случаи на три категоріи.

Во 1-хъ. *Случаи, въ которыхъ семейныя и родственныя заболѣванія авторами не констатированы.* Сюда относятся 27 случаевъ (изъ 68), въ которыхъ больными даны отрицательныя указанія, выраженныя авторами въ формѣ: или „personne dans la famille n'a été spédalsque," или—„elle" (т. е. больная) prétend que personne dans sa famille n'a été spédalsque," или—„personne dans la famille, autant qu'il" (больной) „sache, n'a été spédalsque." При этомъ нѣкоторые больные, какъ на причину своей болѣзни, указывали на простуду (совершенно тождественно съ нашими). Къ этой же категоріи случаевъ слѣдуетъ отнести еще 2 случая, въ которыхъ описаніе умалчиваетъ о томъ, были ли или нѣтъ у больныхъ семейныя и родственныя заболѣванія, въ одномъ случаѣ—потому, что больной былъ глухо-нѣмой.

Во 2-хъ. *Случаи, въ которыхъ семейныя и родственныя заболѣванія наблюдались.* Они констатированы въ 36 изъ 39 остающихся случаевъ и притомъ или въ формѣ одиночныхъ (т. е. двойственныхъ—принимая въ разсчетъ самаго больнаго) или множественныхъ заболѣваній. Изъ этого числа случаевъ, оставляя въ сторонѣ одинъ, относительно котораго указанія авторовъ очень неопредѣленны („il"—больной—„a découvert que la famille de son père avait été spédalsque"), мы находимъ въ 12 случаяхъ одиночныя заболѣванія, а именно—больнаго и кого либо изъ его родственниковъ: въ 1-мъ случаѣ дѣда, въ

2-хъ—отца, въ 2-хъ—матери, въ 2-хъ—тетки, въ 2-хъ—брата и сестры, въ 3-хъ—племянника.

Въ 23-хъ случаяхъ отмѣчены множественныя заболѣванія, которыя для удобства мы раздѣлимъ на нѣсколько группъ.

Первая группа, гдѣ есть указанія на заболѣванія предковъ: въ 1-мъ случаѣ—предокъ (?) и дядя, въ 1-мъ—бабка и сестра больнаго, въ 1-мъ—братья дѣда, отецъ и мать.

Вторая группа, гдѣ въ восходящей линіи заболѣванія ограничиваются только родителями. Здѣсь мы видимъ: 1 случай—отецъ, мать, пять братьевъ и сестеръ; 1—отецъ, мать, сестра больнаго; 1—отецъ дядя, братъ; 1—отецъ, братъ, племянникъ; 1—мать, дядя и тетка; 1—мать, тетка, племянникъ; 1—мать и двѣ сестры; 1—мать и братья больнаго (сколько?); 2—мать и четверо братьевъ и сестеръ больнаго; 1—мать и ея племянница, и, наконецъ, 1—мать и двоюродный братъ больнаго. (И того, замѣтимъ, у 12 родителей было около 29 или болѣе дѣтей, болѣвшихъ проказою).

Третья группа, гдѣ заболѣванія мы находимъ у дядей и тетокъ: 1 случай— двое дядей, 1 двое дядей и два брата больнаго.

Четвертая группа, наконецъ, гдѣ заболѣванія ограничиваются только братьями и сестрами, родными или двоюродными. Здѣсь мы видимъ: въ 1-мъ случаѣ болѣли пять братьевъ и сестеръ, въ 2-хъ—три брата и сестры, въ 2-хъ—два брата и въ 1-мъ—нѣсколько двоюродныхъ братьевъ.

Въ 3-хъ. Сюда относятся 3 случая, *которые должны быть поставлены особнякомъ*, такъ какъ, при отсутствіи семейныхъ и родственныхъ заболѣваній, мы находимъ относительно этихъ трехъ случаевъ нѣкоторыя спеціальныя указанія, а именно: въ одномъ случаѣ, больная (Andersdatter p. 390) указываетъ, что спала годъ въ одной постели съ прокаженной; въ другомъ случаѣ, больная (Larsdatter p. 481) воспитывалась женщиною, страдавшею проказой; въ третьемъ случаѣ (Mikelsen p. 501) у больнаго была прокаженная жена, хотя, оговаривается Danielssen, „больной, уже прежде женитьбы, замѣтилъ свою болѣзнь въ ногахъ“ (?!).

Мы позднѣе воспользуемся еще нѣкоторыми данными, добытыми на основаніи внимательнаго изслѣдованія наблюденій, приводимыхъ Danielssen'омъ и Boeck'омъ, а теперь поставимъ на видъ только то, что мы не находимъ въ этихъ наблюденіяхъ никакой точки опоры для

оцѣнки таблицъ, представленныхъ норвежскими авторами; что наблюденія авторовъ намъ этихъ таблицъ нисколько не разъясняютъ, и, наконецъ, что данныя, добытыя изъ наблюденій, не могли войти въ таблицы уже по одному тому, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ мы находимъ въ нихъ указанія даже на три, а не только четыре послѣдовательныхъ поколѣнія. Далѣе, скажемъ, что во многихъ случаяхъ мы не находимъ указаній на принадлежность родства къ мужской или женской линіямъ. Наконецъ, видимъ въ наблюденіяхъ и таблицахъ явныя противорѣчія другъ другу въ отношеніи частоты наслѣдственныхъ заболѣваній къ идіопатическимъ. Такъ, въ послѣднемъ отношеніи, мы находимъ въ таблицахъ—на 213 случаевъ—185 наслѣдственныхъ и 28 идіопатическихъ заболѣваній, т. е. около 13% послѣднихъ; между тѣмъ какъ на 68 заболѣваній, взятыхъ изъ наблюденій D. и B., мы имѣемъ только 36 наслѣдственныхъ, а остальные 32, т. е. 47%, идіопатическихъ. Правда, намъ могутъ поставить на видъ, что въ 36-ти указанныхъ наслѣдственныхъ заболѣваніяхъ—считая относящихся сюда лицъ, связанныхъ другъ съ другомъ родствомъ,—заинтересовано около 120 человѣкъ (мы говоримъ—около, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цифра больныхъ родственниковъ, напримѣръ —братьевъ и сестеръ, точно не опредѣлена). Слѣдовательно 68 наблюденій соотвѣтствуютъ 156 человѣкамъ, а потому % идіопатическихъ заболѣваній долженъ уменьшиться до 20. Но мы не имѣемъ никакого права вести такимъ образомъ разсчетъ относительной частоты семейныхъ и идіопатическихъ заболѣваній, а именно—брать для сравненія, съ одной стороны, количество идіопатическихъ заболѣваній въ данную минуту, съ другой стороны—число семейныхъ и родственныхъ (по D. наслѣдственныхъ) заболѣваній за періодъ времени 2-го, 3-го и 4-го поколѣній.

И такъ, познакомившись съ данными, почерпнутыми изъ наблюденій D. и B., мы обратимся къ оцѣнкѣ, которую даетъ таблицамъ норвежскихъ ученыхъ проф. Полотебновъ.

Все, что мы можемъ сказать по поводу этой оцѣнки, это—то, что считаемъ возможнымъ согласиться съ критикомъ, что таблицы эти не фантазія, а основаны на фактахъ, взятыхъ изъ жизни, т. е. оттуда же, откуда черпали факты и я, и другіе изслѣдователи. Можемъ, далѣе, согласиться съ нимъ, что эти факты не гипотеза и не теорія, но—согласиться—только потому, что фактъ самъ по себѣ и не мо-

жетъ быть теоріею или гипотезою, а таковыми могутъ быть только выводы изъ фактовъ. И вотъ, съ выводами-то изъ этихъ фактовъ критика, а именно—что представленныя въ таблицахъ цифры имѣютъ какъ доказательства наслѣдственности проказы очень важное значеніе, мы и не можемъ согласиться, и именно потому, что не знаемъ какъ, изъ какихъ наблюденій почерпнуты факты, фигурирующіе въ формѣ голыхъ цифръ въ таблицахъ D. и B., и не имѣемъ, такимъ образомъ, возможности точно опредѣлить взаимное отношеніе фактовъ между собою.

На основаніи представленныхъ нами свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ наблюденій норвежскихъ ученыхъ, мы должны были признать, что факты, добытые изъ этихъ наблюденій не могли войти въ составъ таблицъ, а потому должны думать, что находящіеся въ этихъ послѣднихъ 213 случаевъ составляютъ отдѣльную серію наблюденій, гораздо болѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, которыя представлены авторами,—наблюденій, можетъ быть, собранныхъ ими самими, или существовавшихъ въ больницѣ раньше. Во всякомъ случаѣ, этихъ послѣднихъ наблюденій въ монографіи D. и B. мы не находимъ, а въ силу этого не имѣемъ въ рукахъ самаго главнаго, а именно—тѣхъ матерьяловъ, на основаніи которыхъ могли бы отнестись къ таблицамъ критически. А безъ такой критики не мыслима и оцѣнка того значенія, которое могутъ имѣть цифры этихъ таблицъ въ качествѣ доказательствъ наслѣдственности проказы.

Что касается, прежде всего, вопроса о томъ,—какъ, какимъ способомъ составлялись таблицы,—мы, руководствуясь въ качествѣ комментарія къ нимъ тѣми выводами, которые дѣлаютъ изъ таблицъ авторы („Par ces tableaux ont voit que“ и т. д.),—выводами, которые также, какъ и таблицы, цитируются критикомъ,—должны думать, что способъ, которымъ пользовались авторы, былъ слѣдующій:

Норвежскіе ученые, взявъ за исходную точку извѣстное количество лицъ, принадлежащихъ къ 1-му поколѣнію, прослѣдили затѣмъ участь потомковъ этихъ лицъ въ нисходящемъ направленіи до 4-го колѣна, которое такимъ образомъ должно быть самымъ младшимъ. Или—поясняя сдѣланное указаніе примѣромъ, для котораго мы воспользуемся таблицею авторовъ, касающеюся наслѣдственной передачи узловатой проказы по *прямой* нисходящей линіи,—авторы, взявъ за исходную точку 13 человѣкъ (отцевъ или матерей), больныхъ проказою, констатировали далѣе заболѣваніе 25-ти дѣтей этихъ 13 человѣкъ; затѣмъ 1 случай заболѣванія внука, и, наконецъ, 4 заболѣ-

ванія правнуковъ. Такой способъ составленія таблицъ вполнѣ согласуется: съ одной стороны, съ выводомъ, который дѣлаютъ авторы изъ этихъ таблицъ, а именно—что „болѣзнь обнаруживается во 2-мъ и 4-мъ поколѣніяхъ съ большею силою, чѣмъ въ 1-мъ и 3-мъ;“ съ другой стороны,—съ тѣми колебаніями, которыя мы дѣйствительно видимъ на таблицахъ въ заболѣваніяхъ лицъ, соотвѣственно указаннымъ сейчасъ генераціямъ.

И такъ, установивъ наиболѣе вѣроятный, по нашему мнѣнію, способъ составленія таблицъ, мы прейдемъ къ оцѣнкѣ выводовъ изъ нихъ и, прежде всего,—вопроса объ относительной частотѣ наслѣдственныхъ (по D.) и идіопатическихъ заболѣваній.

Здѣсь уже съ перваго разу намъ представляется цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. И дѣйствительно. Принимая во вниманіе, что общая сумма больныхъ проказою (т. е. сумма, относящаяся и къ обѣимъ формамъ болѣзни, и къ прямой и боковой линіямъ), служившихъ исходною точкою послѣдующихъ заболѣваній (т. е. 129-ти человѣкъ), равняется 58 лицамъ,—мы не можемъ не задать вопроса: почему эти 58 человѣкъ включены въ цифру наслѣдственныхъ, а не идіопатическихъ заболѣваній? Вѣдь сами авторы допускаютъ, что болѣзнь, возникающая идіопатически, можетъ передаваться по наслѣдству слѣдующимъ поколѣніямъ, а въ виду этого мы имѣемъ полное право допустить и то, что если не всѣ, то извѣстная часть больныхъ отцовъ и матерей 1-го поколѣнія могли принадлежать къ случаямъ идіопатическаго заболѣванія. Второй вопросъ: какое значеніе имѣетъ и къ какому времени относится цифра 28-ми идіопатическихъ или ненаслѣдственныхъ заболѣваній, которую мы находимъ въ таблицахъ? Относятся ли эти 28 человѣкъ къ современникамъ 1-го или послѣдующихъ поколѣній, или—можетъ быть—ко всѣмъ лицамъ, заболѣвшимъ случайно въ теченіи времени, соотвѣтствующаго 1-ой и 4-ой генераціи наслѣдственныхъ заболѣваній? Не находя разъясненія этихъ вопросовъ, цифры D. и B., обозначающія сравнительную частоту наслѣдственныхъ и идіопатическихъ заболѣваній, не имѣютъ для насъ никакого значенія; указанное отношеніе можетъ быть въ значительной степени преувеличено и спеціально на счетъ наслѣдственныхъ и въ ущербъ идіопатическимъ заболѣваніямъ.

Еще большая масса вопросовъ несомнѣнно возникаетъ при оцѣнкѣ значенія таблицъ D. и B. по отношенію къ наслѣдственности заболѣваній при проказѣ.

Остановимся на 1-мъ и 2-мъ поколѣніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что цифры, соотвѣтствующія 1-й генераціи (мы будемъ пользоваться въ данномъ случаѣ только одной таблицей, а именно, касающейся наслѣдственности узловатой проказы по прямой линіи), соотвѣтствуютъ отцамъ или матерямъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (какимъ образомъ D. и B. могли опредѣлить въ этомъ послѣднемъ случаѣ передачу болѣзни по мужской и женской линіи?), болѣвшимъ проказою. Цифры же 2-й генераціи относятся къ дѣтямъ, которые родились отъ этихъ родителей, можетъ быть до ихъ заболѣванія, можетъ быть и послѣ заболѣванія и спеціально матерей, такъ какъ заболѣваніе отца, какъ мы полагаемъ, исключаетъ дѣторожденіе. Основываясь на этомъ, указанія D. и B. могутъ быть переданы въ такой формѣ: у 13 родителей, отцевъ или матерей, болѣвшихъ проказою, родилось, неизвѣстно когда, неизвѣстное количество дѣтей, изъ числа которыхъ 25 человѣкъ заболѣло проказою, точно также неизвѣстно когда. Можетъ ли имѣть какое либо значеніе такое указаніе? По нашему мнѣнію—никакого, ибо заболѣванія эти (точно также какъ и 29 заболѣваній дѣтей у 12 родителей больныхъ проказою въ наблюденіяхъ D. и B.) могутъ быть одинаково объяснены какъ наслѣдственной передачей болѣзни, такъ и заразою, и послѣднею тѣмъ болѣе, если, какъ это нерѣдко бываетъ, заболѣваніе дѣтей предшествовало заболѣванію родителей.

Имѣютъ ли, далѣе, какое либо значеніе для доказательства наслѣдственности факты заболѣваній въ слѣдующихъ 3-мъ и 4-мъ поколѣніяхъ, а именно рѣзкія колебанія въ цифрахъ, которыя мы здѣсь видимъ?

Обращаясь къ выводамъ авторовъ, мы видимъ, что указанныя колебанія ставятъ въ большое затрудненіе самихъ авторовъ и заставляютъ ихъ прибѣгать къ хитроумной гипотезѣ: „Tout *surprenant et tout inexplicable* que semble ce *peroblème*“—говорятъ они—„il a cependant de la ressemblence avec celui des générations alternatives chez certaines espècs de mollusques“ — (у сальповъ? отчего же не указать и на солитера и т. д.?) Изъ этого указанія ясно, что сами авторы никакъ не думаютъ доказывать заболѣваніями въ 3-мъ и 4-мъ поколѣніи наслѣдственность болѣзни, а приводятъ относящіеся сюда случаи только въ качествѣ фактовъ, для нихъ въ высокой степени загадочныхъ. Проф. Полотебновъ, дающій большое значеніе таблицамъ D. и B., почему то обходитъ приведенное сейчасъ указаніе норвежскихъ ученыхъ молчаніемъ и не цитируетъ его рядомъ съ другими.

Но въ этомъ самомъ указаніи и сказывается именно, съ одной стороны, вся недостаточность голыхъ цифровыхъ таблицъ для объясненія извѣстнаго явленія, съ другой стороны—полная необходимость оправдательныхъ документовъ, или матерьяловъ, на которыхъ таблицы основаны и которые давали бы возможность отнестись къ указаннымъ цифрамъ критически, т. е.—возможность разобрать ихъ значеніе съ различныхъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе можетъ имѣть для насъ голое указаніе, что у 25 человѣкъ (родители которыхъ, въ количествѣ 13 человѣкъ, болѣли проказою) заболѣлъ проказою только 1 сынъ или дочь, если рядомъ съ этимъ указаніемъ, мы не имѣемъ другаго, а именно—опредѣляющаго возрастъ, въ которомъ эти 25 человѣкъ болѣли проказою?

Въ нашемъ докладѣ въ Петербургѣ мы въ качествѣ рѣзко выдающихся фактовъ, поставили на видъ, что изъ различныхъ видовъ родственныхъ отношеній чаще всего заболѣванія встрѣчаются между братьями и сестрами, а, затѣмъ, что по годамъ половина заболѣваній принадлежитъ возрасту отъ 1 до 20 лѣтъ, другая же половина падаетъ на осталные возрасты. Указанные факты мы точно также констатируемъ и у норвежскихъ ученыхъ. А именно, разбирая 68 приведенныхъ ими наблюденій, мы видимъ, что между нашими и ихъ указаніями существуетъ чуть ли не полное тождество: у насъ заболѣваніе братьевъ и сестеръ равняется 45% общей цифры родственныхъ заболѣваній, у D. и B. процентъ этотъ даже больше, а именно равняется 50; заболѣванія въ возрастѣ отъ 1—20 лѣтъ по нашимъ вычисленіямъ, какъ мы сейчасъ указали, встрѣчается въ половинѣ случаевъ заболѣваній всѣхъ возрастовъ [1]), у Д. и В. немного менѣе, чѣмъ въ половинѣ. Мудрено ли, въ виду привенныхъ фактовъ, что указанные 25 чело-

---

[1]) Поправка, которую дѣлаетъ критикъ по поводу нашего указанія, ставя (стр. 543) въ скобкахъ, что „*тахітит забольваній приходится отъ 20—30 лѣтъ, а не отъ 1—20, какъ полагаетъ авторъ*,“ совершенно не основательна, такъ какъ въ разсчетъ слѣдуетъ принимать не тотъ возрастъ, въ которомъ больной случайно представился изслѣдователю, а, понятно, возрастъ, въ которомъ субъектъ заболѣлъ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что указанія больныхъ на время заболѣванія относятся къ вполнѣ уже развитой болѣзни, и что продолжительность болѣзни, на основаніи этихъ указаній, будетъ всегда короче дѣйствительной, поправка въ 3 года, которую мы внесли, вполнѣ законна. Вычисляя указанія Danielssen'a, я таковой поправки не дѣлалъ, а бралъ только въ разсчетъ время заболѣванія по указанію автора.

вѣкъ болѣли въ относительно раннемъ возрастѣ, и не вполнѣ ли естественно, что 25 больныхъ юношей не оставили ни одного потомка, или остался, можетъ быть, одинъ взрослый членъ, который передалъ болѣзнь 4-мъ дѣтямъ. Но какъ передалъ, или какъ пріобрѣлъ ее самъ: наслѣдственнымъ ли путемъ, или путемъ заразы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не можемъ найти въ таблицахъ, но, a priori, можемъ допустить и тотъ и другой путь.

Нѣкоторыя, впрочемъ, указанія по поводу этого пути мы находимъ у D. и B., а именно—между выводами, которые дѣлаютъ норвежскіе ученые изъ представленныхъ ими таблицъ. Обращая вниманіе на то, что дѣти прокаженныхъ остаются иногда здоровыми, проводя жизнь при самой дурной обстановкѣ, авторы оговариваются, что они видѣли „*много примѣровъ*“ заболѣванія проказою „дѣтей этихъ дѣтей, т. е. внуковъ, нисколько не страдавшихъ отъ нужды и всегда хорошо питавшихся“ (духовенство и рыцари въ среднихъ вѣкахъ питались несомнѣнно лучше этихъ внуковъ!) „и изъ которыхъ *многіе жили въ отдаленіи отъ родины*—éloignés de leurs pays“ („страны,“ какъ переводитъ проф. Полотебновъ).

Не касаясь того, что „многіе примѣры,“ которые видѣли авторы, не имѣютъ никакого отношенія къ цифрамъ таблицъ, мы должны сказать, что не вполнѣ ясно понимаемъ даже значеніе послѣднихъ указаній авторовъ, ибо слово „pays“ обозначаетъ и страну и провинцію или округъ.

Слѣдуетъ ли подъ этимъ указаніемъ понимать дѣйствительно эмигрантовъ, какъ спрашиваетъ и проф. Полотебновъ, притомъ въ страну, гдѣ проказы не существуетъ? — Сомнительно!—можемъ мы отвѣтить, ибо въ заграничныхъ наблюденіяхъ D. и B. мы не находимъ указаній ни на одного такого эмигранта. Но если-бы авторы и дѣйствительно имѣли въ виду послѣднихъ, то ихъ голословное, не оправдываемое никакими точными фактическими данными указаніе не можетъ имѣть значенія, и проф. Полотебнову тѣмъ менѣе слѣдовало на немъ останавливаться, что ему должны бы были, когда онъ писалъ свою критику, быть извѣстны указанія Arm. Hansen'a, не напечатанныя, правда, въ докладахъ Парижской Академіи, относительно норвежскихъ эмигрантовъ въ Америку. Вотъ что говоритъ по поводу этихъ эмигрантовъ—прокаженныхъ и ихъ семействъ—Hansen [1]): „изъ 160 прокажен-

[1]) Virch. Arch. Bd. CXIV p. 561. 1888.

ныхъ (переселенцевъ въ Америку) осталось въ живыхъ только 13, которыхъ я видѣлъ самъ, и, можетъ быть, еще 3, 4 человѣка, всѣ же остальные умерли; что же касается потомковъ прокаженныхъ, видѣнныхъ мною, то ни одинъ не страдаетъ проказою, а я видѣлъ такихъ потомковъ до правнуковъ," т. е. до 4-й генераціи по Danielssen'у. Такимъ образомъ проказа если не совершенно исчезла, то несомнѣнно исчезаетъ между норвежскими эмигрантами и, какъ указываетъ Hansen, полагаемъ совершенно правильно, благодаря тому обстоятельству, что, подчинившись американской цивилизаціи, эмигранты живутъ гораздо чище, чѣмъ жили въ Норвегіи, что *„каждый прокаженный имѣетъ свою отдѣльную комнату и постель,"* т. е. до извѣстной степени изолированъ.

И такъ, больные, принадлежащіе къ 3-му и 4-му поколѣніямъ въ таблицахъ D. и B., могли точно также пріобрѣсти болѣзнь и путемъ непосредственнаго зараженія или отъ своихъ же больныхъ родныхъ—отца, матери, дѣда, бабки,—или даже случайно отъ лицъ, имъ постороннихъ. Голыя цифры въ этомъ отношеніи намъ ничего не указываютъ.

Сказаннаго нами, мы полагаемъ, совершенно достаточно для оцѣнки значенія таблицы наслѣдственныхъ заболѣваній D. и B. по прямой линіи, и мы совершенно свободно можемъ обойти молчаніемъ таблицы заболѣванія въ боковыхъ линіяхъ, какъ менѣе существенныя въ дѣлѣ доказательства наслѣдственности болѣзни. Считаемъ излишнимъ указывать также и на другія комбинаціи, которыя по поводу тѣхъ же таблицъ приходили намъ въ голову. Всѣ эти комбинаціи, какъ ни выгодно старались мы обставить ихъ въ пользу наслѣдственности, давали намъ, по отношенію къ вопросу о доказательствахъ послѣдней, такіе же отрицательные результаты, какіе дала и поставленная нами на видъ и разобранная сейчасъ комбинація.

Къ чему же сводится значеніе указанныхъ таблицъ, которое такъ старательно подчеркиваетъ ученый критикъ, указывая на то, что таблицы эти—факты, взятые изъ жизни, а не гипотезы и теоріи. Чтобы найти въ нихъ доказательства наслѣдственности, вѣдь недостаточно похвалъ, хотя бы и въ формѣ очень громкихъ словъ и т. д., необходимъ строгій критическій разборъ, котораго критикъ и не счелъ даже нужнымъ сдѣлать, хотя таковой разборъ прямо лежалъ на его обязанности, ибо многія изъ его возраженій противъ нашей точки зрѣнія на заразительность проказы основаны именно на этихъ таблицахъ.

Мы съ своей стороны, какъ уже сказали, считаемъ эти таблицы, точно также какъ и критикъ, фактами, но фактами неосвѣщенными даже настолько, чтобы дать намъ возможность выяснить себѣ элементарныя отношенія приводимыхъ цифръ, а не только дѣлать изъ нихъ какіе либо выводы, т. е. строить на нихъ не только теорію, но даже и гипотезу. Повторяемъ то, на что точно также уже указали, а именно: что таблицы D. и B. безъ оправдательныхъ документовъ не имѣютъ и не могутъ имѣть для науки никакого значенія.

Говоря о наблюденіяхъ, находящихся въ монографіи D. и B., мы сказали, что не нашли въ нихъ основаній для объясненія представленныхъ норвежскими учеными таблицъ. Но мы точно также не нашли въ нихъ и основаній, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о наслѣдственности или заразительности проказы. И въ самомъ дѣлѣ: что можно вывести изъ того, что у такого то больнаго болѣли отецъ, мать, дѣдъ, или что у него болѣли братья родные, или двоюродные, или дядя и тетка. Больной могъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ или заразиться отъ своихъ родныхъ, или могъ унаслѣдовать болѣзнь въ смыслѣ D. и B., но во второмъ случаѣ, понятно, только тогда, если у больнаго и его братьевъ, или у больнаго же и его дяди и тетки былъ общій, страдавшій проказою предокъ.

Точкою опоры въ данномъ случаѣ для оцѣнки вопроса—имѣемъ ли мы дѣло съ наслѣдственностью или заразою,—должны несомнѣнно служить, какъ мы указали и объяснили въ нашемъ докладѣ, слѣдующія основанія: послѣдовательность заболѣваній во времени, ихъ порядокъ и, наконецъ, заболѣваніе въ семьѣ лицъ, не связанныхъ съ нею кровнымъ родствомъ, или лицъ, живущихъ въ семьѣ, но совершенно ей постороннихъ. Никакихъ указаній въ сказанномъ направленіи у норвежскихъ авторовъ мы не находимъ и не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыми могли бы воспользоваться съ цѣлью найти у нихъ эти основанія: авторы перечисляютъ только родныхъ прокаженнаго, болѣвшихъ проказою, не указывая на время заболѣванія или смерти данныхъ лицъ.

Съ своей стороны мы представили всѣ необходимыя для постановки этихъ основаній факты, передавъ ихъ въ нашемъ докладѣ на Петербургскомъ съѣздѣ въ удобной для бѣглаго осмотра формѣ. Выводъ, къ которому мы пришли, пользуясь этими фактами, собранными нами совершенно безпристрастно и *безъ всякой предвзятой мысли*,—на

чемъ мы настаиваемъ и теперь,—былъ тотъ, *что проказа несомнѣнно заразительна.* Значеніе этихъ фактовъ казалось намъ настолько очевиднымъ, что мы даже не коснулись какихъ либо возможныхъ противъ него возраженій, а тѣмъ болѣе возраженія, которое, какъ увидимъ, представлено критикомъ, хотя и не прямо по поводу семейныхъ заболѣваній, куда относятся переданные нами сейчасъ и совершенно игнорируемые критикомъ факты, а—косвенно, т. е. по другому поводу.

Мы хорошо знали, что при поверхностномъ отношеніи къ нашимъ указаніямъ, намъ могли бы въ качествѣ возраженій поставить, хотя и не безъ грубой натяжки, на видъ, что послѣдовательность заболѣваній одного члена семьи за другимъ во времени, не свойственная наслѣдственнымъ заболѣваніямъ, можетъ быть объяснена случайностью, точно также какъ и порядокъ, или правильнѣе, безпорядокъ заболѣваній (болѣзнь дѣтей, предшествующая болѣзни родителей) и даже заболѣванія живущихъ въ семьѣ постороннихъ лицъ (не кровныхъ родныхъ, работниковъ и т. д.). Мы знали, что намъ могли бы указать, что проказа, гнѣздящаяся въ семьѣ наслѣдственно, т. е.—существовавшая у предковъ, могла въ позднѣйшихъ генераціяхъ обнаруживаться у членовъ семьи въ различномъ возрастѣ и иногда одновременно или послѣдовательно у нѣсколькихъ членовъ, не разбирая притомъ старшинства этихъ послѣднихъ. Тѣже самыя возраженія могли быть сдѣланы и относительно постороннихъ лицъ: вѣдь эти послѣднія точно также могли имѣть прикаженныхъ предковъ и, позднѣе, случайно заболѣть въ семьѣ, гдѣ существуетъ свой прокаженный. Такимъ образомъ, повторяемъ мы, всѣ приведенныя нами основанія могли бы быть объяснены случайностью.

Какъ ни мало правдоподобно такое объясненіе, мы, пожалуй, могли бы даже допустить, что оно основательно, а именно—принимая въ разсчетъ, что въ мѣстности, гдѣ проказа гнѣздится давно, гдѣ притомъ не существуетъ и не существовало списковъ больныхъ проказою за нѣсколько, по крайней мѣрѣ, поколѣній,—списковъ, которыми бы мы могли пользоваться съ цѣлью контроля предшествовавшихъ заболѣваній,—мы не можемъ отрицать того, что у того или другого прокаженнаго не существовало больнаго предка.

Но указанное нами сейчасъ возраженіе могло быть сдѣлано только при поверхностномъ знакомствѣ съ представленными нами фактами. Оно падаетъ само собою, разъ мы обратимся къ отмѣчен-

нымъ въ нашемъ спискѣ спеціальными знаками пришельцамъ. И дѣйствительно: мы видимъ, что „у пришельцевъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста сомнѣнію, что предки ихъ были здоровы, т. е. не болѣли проказою, эта послѣдняя, точно также какъ и у мѣстныхъ жителей, обнаруживается въ формѣ семейныхъ и родственныхъ заболѣваній, которыя представляютъ притомъ у первыхъ и послѣднихъ совершенно тождественный характеръ: ту же послѣдовательность заболѣваній во времени, тотъ же безпорядокъ заболѣваній, тѣ же, наконецъ, случаи заболѣваній въ лепрозной семьѣ постороннихъ лицъ, но на этотъ разъ не мѣстныхъ уроженцевъ, а необремененныхъ, понятно, наслѣдственностью выходцевъ изъ здоровыхъ губерній.

Выводъ, который долженъ быть сдѣланъ изъ представленныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ, можетъ быть только одинъ, а именно—тотъ, что семейныя и родственныя заболѣванія свойственны проказѣ и не имѣютъ ничего общаго съ наслѣдственностью; что, не имѣя ни малѣйшихъ основаній приписывать развитіе болѣзни въ семьѣ какой либо міазмѣ, которая точно также могла бы поражать нѣсколькихъ членовъ (что она дѣлала бы, понятно, одновременно),—указанныя семейныя заболѣванія какъ у мѣстныхъ жителей, такъ и у пришельцевъ могутъ быть объяснены только однимъ путемъ, а именно—путемъ заразы.

Казалось бы, что послѣдній рядъ фактовъ, представленныхъ нами, достаточно убѣдителенъ. Но критикъ видимо смотритъ и на эти факты нѣсколько иначе, чѣмъ смотримъ мы. Говоримъ это, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, которыя дѣлаетъ критикъ не по поводу моего втораго доказательства заразности проказы, т. е. семейныхъ заболѣваній, а въ другомъ мѣстѣ, а именно—сопоставляя свои личныя наблюденія (съ которыми мы познакомимся позднѣе) съ фактомъ заболѣванія Ирландца, пріобрѣвшимъ себѣ недавно вполнѣ заслуженную извѣстность въ литературѣ проказы. Это заболѣваніе, описанное Hawtrey-Benson'омъ, представляетъ несомнѣнно огромный интересъ. Ирландецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ Индіи, вернулся на родину, въ Ирландію, съ развитой проказою, отъ которой и умеръ; братъ его, пахарь, никогда не выѣзжавшій изъ предѣловъ Ирландіи, спалъ съ больнымъ въ одной постели и, спустя нѣкоторое время, точно также заболѣлъ проказою, не существующей въ настоящее время въ Ирландіи и исчезнувшей тамъ уже 2, 3 столѣтія. Переданный сей-

часъ случай, тождественный съ указанными нами случаями семейныхъ и родственныхъ заболѣваній у пришельцевъ, представляется еще болѣе доказательнымъ, чѣмъ приведенные нами, такъ какъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ возможности вліянія мѣстныхъ условій (міазмы) на развитіе болѣзни. Но и этотъ случай проф. Полотебновъ не находитъ возможнымъ объяснить заразою.

„*Для объясненія этого зараженія*," говоритъ критикъ, „*необходимо громоздить одну гипотезу на другую и создавать цѣлое фантастическое зданіе*"..... „А между тѣмъ заболѣваніе Ирландца съ неменьшимъ основаніемъ," утверждаетъ далѣе ученый дерматологъ, „*весьма удовлетворительно можетъ быть объяснено наслѣдственностью. Вѣдь заболѣли два родныхъ брата.*"

Основаніемъ указаннаго „*весьма удовлетворительнаго объясненія*" служатъ для проф. Полотебнова таблицы норвежскихъ ученыхъ, а именно, вытекающая изъ нихъ роль, которую играетъ наслѣдственность въ боковыхъ линіяхъ.

Я не касался таблицы D. и B., передающей цифры наслѣдственности въ боковой линіи, такъ какъ, съ одной стороны, таблица эта по отношенію къ доказательствамъ наслѣдственности проказы должна имѣть второстепенное значеніе, т. е. можетъ имѣть значеніе только тогда, когда доказана наслѣдственность въ прямой линіи; съ другой стороны—потому, что оцѣнка относящихся къ этой таблицѣ цифръ еще болѣе, чѣмъ по отношенію къ цифрамъ прямой линіи, требуетъ оправдательныхъ документовъ. Но, оставляя въ сторонѣ критику цифровыхъ указаній D. и B. на наслѣдственность въ боковой линіи, я никогда не думалъ, чтобы почтенные норвежскіе ученые понимали такую наслѣдственность буквально, а думалъ и думаю, мало того—убѣжденъ въ томъ, что, установивши или, вѣрнѣе, убѣдившись на томъ или другомъ основаніи (правильно или нѣтъ?—здѣсь все равно) въ наслѣдственности проказы въ прямой линіи, они относили къ наслѣдственнымъ заболѣваніямъ и случаи, гдѣ эти заболѣванія встрѣчались и въ боковыхъ линіяхъ, само собою разумѣется *предполагая при этомъ* существованіе у тѣхъ и другихъ членовъ боковой линіи общаго, болѣвшаго проказою предка. Мы не допускаемъ возможности, чтобы ученые изслѣдователи могли высказать такое, близко граничащее съ полнымъ непониманіемъ законовъ наслѣдственности положеніе, что братъ можетъ *унаслѣдовать* болѣзнь у брата, или, все

равно, отецъ и мать у сына или дочери (каковые примѣры мы находимъ въ нашихъ „Матерьялахъ“).

Разобравъ возраженіе, которое дѣлаетъ критикъ, противупоставляя нашимъ указаніямъ таблицы D и B., останавливаться ли намъ еще и на другомъ его указаніи, а именно—томъ, что *„въ настоящее время никто не сомнѣвается въ наслѣдственности проказы“*, что ей вѣрятъ и Virchow, и Hansen, и Neisser, и другіе. Такое указаніе нельзя собственно считать за возраженіе. На факты возражаютъ фактами же, а не именами. Критикъ же, приводя имена ученыхъ, не сомнѣвающихся въ наслѣдственности проказы, не приводитъ фактовъ, на основаніи которыхъ они не сомнѣваются въ этой наслѣдственности. Опровергать мнѣніе, не зная на чемъ оно основано,—невозможно, а мы лично основаній мнѣній приводимыхъ проф. Полотебновымъ ученыхъ не знаемъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя находимъ у Hansen'a. Но, указывая на Hansen'a, какъ на одного изъ ученыхъ, не сомнѣвающихся въ наслѣдственности проказы, проф. Полотебновъ не совсѣмъ осторожно положился на Vidal'я, у котораго, т. е. въ докладахъ и преніяхъ Парижской Академіи, критикъ заимствовалъ указаніе на Hansen'a, а потому впалъ въ ошибку самъ и могъ въ нее ввести читателя. Hansen уже въ 1874 году, послѣ своего путешествія въ Норвегіи, гдѣ онъ *на мѣстѣ* изслѣдовалъ гнѣзда проказы, сомнѣвался въ наслѣдственности послѣдней, а послѣ открытія имъ лепрознаго бацилла выступилъ явнымъ противникомъ мнѣнія о наслѣдственности, вначалѣ — въ 1884 году—на основаніи только теоретическихъ соображеній а именно—паразитарной натуры болѣзни, позднѣе-же,—въ 1888 году, послѣ путешествія въ Америку,—и на основаніи прямыхъ наблюденій, на результаты которыхъ мы указали выше.

Говоря о наслѣдственности, мы, понятно, не относимъ сюда мнѣній о наслѣдственномъ предрасположеніи къ заболѣванію проказою, въ смыслѣ воспріимчивости къ заразѣ. Такая воспріимчивость никакъ не можетъ быть отождествляема съ понятіемъ о наслѣдственности болѣзни. Несомнѣнно, что воспріимчивость и невоспріимчивость (иммунитетъ) къ заразѣ существуетъ у человѣка по отношенію ко всѣмъ инфекціоннымъ заболѣваніямъ; возможно, что эти качества пріобрѣтаются и наслѣдственнымъ путемъ, а потому можетъ быть поставленъ вопросъ и о наслѣдственной воспріимчивости къ зараженію проказою, и спеціально о томъ, на сколько эти качества, въ положительномъ или

отрицательномъ смыслѣ, передаются потомству прокаженными родителями. Но отвѣчать на всѣ эти вопросы и даже касаться ихъ, въ виду ихъ сложности и массы необходимыхъ для ихъ рѣшенія точныхъ указаній, мы въ настоящее время не только что не можемъ, но и не имѣемъ права. Знаемъ же мы пока только то, что заражаются проказою и дѣти прокаженныхъ родителей, и лица, у которыхъ въ роду никто и никогда не болѣлъ проказою.

Въ заключеніе я не могу обойти молчаніемъ еще одного указанія критика, которое собственно я не знаю куда отнести: къ числу ли возраженій противъ моего мнѣнія относительно семейныхъ заболѣваній, или—къ упреку, адресованному мнѣ критикомъ въ невѣжественномъ отношеніи къ біологическимъ законамъ.

Указывая на объясненіе, которое я даю констатированному мною факту частыхъ (относительно) заболѣваній въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, также какъ и заболѣваній между братьями и сестрами,—объясненіе, для котораго я предпочелъ искать болѣе естественныя основанія въ явленіяхъ повседневной жизни, чѣмъ въ какихъ либо „метафизическихъ," какъ я выразился, соображеніяхъ,—Проф. Полотебновъ говоритъ: „Да, я согласенъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ „метафизическимъ соображеніямъ," и въ силу этого законы о наслѣдственности выбросимъ изъ біологіи, какъ метафизическій балластъ. *Такъ что ли?*"

Нѣтъ, не такъ! позволимъ мы себѣ скромно отвѣтить критику. Высоко цѣня біологическіе законы (къ числу которыхъ одинаково относятся и наслѣдственность, и заразность болѣзней) и полагая въ силу этого, что мы должны относиться къ примѣненію этихъ законовъ съ большою осторожностью, я не позволялъ и не позволяю себѣ злоупотреблять ими въ такой степени, какъ это дѣлаетъ защищающій эти законы критикъ, допуская возможность наслѣдственности безъ наслѣдственности!

По поводу дальнѣйшаго, относящагося сюда же указанія критика, а именно—что, „слѣдуя логикѣ автора" (т. е. моей), можно „*естественно*" объяснить зараженіемъ психическія и нервныя заболѣванія, и что „можно провести точную до мелочей параллель между нервными страданіями и проказою,"—намъ остается высказать только глубокое сожалѣніе, что ученый критикъ не провелъ таковой параллели, ибо насъ очень интересовало, какимъ образомъ онъ справился бы съ такой логической задачей.

Мы кончили съ вопросомъ о семейныхъ и родственныхъ заболѣваніяхъ. Мы ясно, полагаю, изложили наши основные доводы, построенные на фактахъ, достовѣрность которыхъ не можетъ быть опровергаема, такъ какъ факты эти относятся къ группѣ несложныхъ, элементарныхъ, не требующихъ даже повѣрки указаній. Эти послѣднія могутъ быть, правда, недостаточно полны, въ смыслѣ большаго или меньшаго количества отрицательныхъ свѣдѣній, причину которыхъ можно, до извѣстной степени, искать въ неполнотѣ изслѣдованія, могущаго, въ свою очередь, зависѣть или отъ невыгодныхъ условій изслѣдованія, или отъ недостатка времени у изслѣдователя, который посвящалъ изслѣдованію только свободное отъ занятій время, а не бросилъ совсѣмъ, ради интересующаго его вопроса, своей профессіи. Но на значеніе отрицательныхъ указаній мы уже обратили вниманіе: они нисколько не измѣняютъ значенія положительныхъ фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ! Что изъ того, что мы констатировали 3, 4 случая заболѣванія дѣтей прежде родителей, а не 10: фактъ заболѣванія дѣтей прежде родителей все таки существуетъ; точно также фактъ существованія семейныхъ заболѣваній у пришельцевъ нисколько не теряетъ своего значенія, наблюдался ли онъ у пришелцевъ въ 20-ти ли, въ 50-ти, или 100 случаяхъ; не теряетъ значенія и отъ того, что въ такомъ же количествѣ случаевъ семейныя заболѣванія у другихъ пришельцевъ не констатированы. Выводъ изъ этихъ заболѣваній остается тѣмъ не менѣе тотъ же, а именно: что семейныя заболѣванія одинаково свойственны проказѣ, существовала ли прежде болѣзнь въ семьѣ у кого либо изъ ея предковъ, или вся семья состоитъ изъ пришельцевъ и притомъ даже 1-го и 2-го поколѣнія, вышедшихъ изъ мѣстности, гдѣ проказы нѣтъ и никогда не было.

Перейдемъ теперь къ частнымъ случаямъ, которыхъ ищетъ у насъ критикъ, предполагая, что они „*составляютъ*“ наше „*главное и основное доказательство заразительности проказы*“.

Понимая подъ частными случаями, приводимыми въ доказательство заразительности проказы, такіе случаи, которые сами по себѣ, независимо отъ другихъ фактовъ и соображеній, рѣшали бы вопросъ въ положительномъ смыслѣ, я, сознаюсь, недоумѣваю: кто изъ насъ—критикъ или я—не знакомъ съ литературою проказы, т. е. не знаетъ того, что существуютъ сотни частныхъ случаевъ или такъ называемыхъ „анекдотовъ“ проф. Полотебнова, которые передавались различными

авторами въ качествѣ фактовъ, доказывающихъ заразительность проказы. Понятно, если бы мы хотѣли сосредоточить весь центръ тяжести своихъ доказательствъ заразительности проказы на частныхъ случаяхъ, то развѣ только полнымъ нашимъ незнакомствомъ съ литературою этой болѣзни можно бы было объяснить то, что мы не воспользовались имѣющимися въ литературѣ указаніями, тѣмъ болѣе, что между ними встрѣчаются нѣкоторыя очень поучительныя и принадлежащія очень серьезнымъ авторамъ. Но мы не пользовались этими указаніями, хотя очень хорошо знали о ихъ существованіи, а отсюда, очевидно, слѣдуетъ то, что мы не давали частнымъ случаямъ того главнаго, основнаго значенія, которое, по мнѣнію ученаго критика, они имѣли въ нашихъ глазахъ. Мы сказали, что многіе частные случаи извѣстны, т. е. опубликованы, а неопубликованныхъ, понятно, существуетъ и еще больше. Несомнѣнно, что на этихъ случаяхъ, а не на статистическихъ таблицахъ было основано средневѣковое представленіе о заразности проказы, также какъ и таковое же народное мнѣніе, а именно, существующее тамъ, гдѣ населеніе изолируетъ своихъ больныхъ. Обстоятельный во многихъ отношеніяхъ трудъ норвежскихъ ученыхъ заслужилъ себѣ почтенную и вполнѣ заслуженную извѣстность и далъ авторамъ тотъ авторитетъ, который пользуется нерѣдко правомъ стоять внѣ контроля, т. е. внѣ критики,—авторитетъ, мнѣніе котораго, хотя и голословное, принимается на вѣру. Въ силу этого, одно изъ мнѣній почтенныхъ ученыхъ, касающееся этіологіи проказы, а именно—наслѣдственности семейныхъ заболѣваній,—мнѣніе, какъ мы видѣли, далеко не мотивированное фактами, а потому голословное,—было санкціонировано, какъ научная истина, и, понятно, должно было дискредитировать значеніе частныхъ случаевъ. И въ самомъ дѣлѣ! Что изъ того, что тотъ или другой здоровый субъектъ заболѣвалъ проказою послѣ того, какъ сталкивался такъ или иначе съ прокаженнымъ, если самыя выгодныя для заразы условія—семейная проказа—не зависятъ отъ зараженія, а отъ наслѣдственной передачи. Указанные частные случаи имѣли бы еще значеніе, еслибы болѣзнь обнаруживалась знаками инфекціи, если бы обладала короткимъ, по крайней мѣрѣ, инкубаціоннымъ періодомъ. Вліяніе указанныхъ нами соображеній ясно обнаруживается, хотя бы на примѣрѣ въ Англіи. Въ обширномъ докладѣ англійской коммиссіи 1867 года мы видимъ рядомъ съ мнѣніемъ лицъ, хотя почти и не знакомыхъ съ проказою, но утверждающихъ,

безъ всякихъ мотивовъ, что они вѣрятъ въ наслѣдственность болѣзни, —мнѣнія болѣе компетентныхъ авторовъ, высказывающихся, хотя и робко, въ пользу заразительности на основаніи частныхъ случаевъ; въ результатѣ же, читаемъ выводъ коммиссіи, высказывающейся въ пользу наслѣдственности и противъ заразности проказы. Будучи хорошо знакомы съ этими историческими фактами, не было ли бы съ нашей стороны совершенно непроизводительнымъ трудомъ прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ доказательства заразительности проказы, т. е. пользоваться въ качествѣ доказательствъ частными же случаями, не постаравшись предварительно выяснить самаго главнаго вопроса—значенія семейныхъ заболѣваній и ихъ отношенія къ наслѣдственности и заразительности проказы. Ученый нашъ критикъ слишкомъ поверхностно отнесся къ нашему докладу, если поставилъ эти частныя случаи или, какъ онъ называетъ, „анекдоты“ въ главѣ или въ основѣ доказательствъ защищаемаго нами мнѣнія.

И такъ, на частныхъ случаяхъ мы нашего мнѣнія о заразительности проказы не основывали, хотя нѣкоторыя изъ сообщенныхъ нами наблюденій и могли, сами по себѣ, имѣть до извѣстной степени доказательную силу.

Мы сказали—до извѣстной степени, и имѣемъ право это сказать, нисколько не умаляя этимъ достоинства случаевъ. Доказательность частнаго случая опредѣляется условіями, его обстанавливающими. Какъ при рѣшеніи какой либо теоритической экспериментальной задачи вся забота экспериментатора должна сосредоточиваться на томъ, чтобы поставить опытъ въ условія, наиболѣе выгодныя для цѣлей наблюдателя, т. е. въ условія, не допускающія возможности толковать результаты опыта какими либо другими, независящими отъ послѣдняго вліяніями. Такъ точно и при рѣшенія задачи, гдѣ экспериментъ зависитъ не отъ воли изслѣдующаго, этотъ послѣдній можетъ пользоваться для своихъ цѣлей, т. е. выводовъ, только тѣми случаями, которые обставлены наиболѣе выгодными условіями. Въ противномъ случаѣ его наблюденія не будутъ имѣть надлежащей цѣны или будутъ имѣть значеніе ограниченное, —условное. Перенося эти общія правила изслѣдованія на интересующій насъ вопросъ—доказательство заразительности проказы на основаніи частныхъ случаевъ—намъ ясно представляется рѣдкая, относительно, возможность наблюдать указанные абсолютно чистые—такъ сказать—факты. Но количество этихъ послѣднихъ должно еще болѣе умень-

шиться, если мы примемъ въ разсчетъ, что объектъ наблюденія въ данномъ случаѣ не находился и не находится постоянно передъ глазами наблюдателя, что указаніями, касающимися этого объекта, изслѣдующій долженъ пользоваться или отъ него самого, или отъ знающихъ его свидѣтелей, которымъ можно вѣрить только въ ограниченныхъ, такъ сказать, элементарныхъ предѣлахъ наблюденія. Въ виду этого, требованія доказательности случая, кромѣ извѣстныхъ условій его обстановки, опредѣляются еще и качествомъ самого наблюденія, не допускающаго сложныхъ, внушающихъ мало довѣрія комбинацій; эти послѣднія, чтобы удовлетворить указаннымъ требованіямъ, должны быть возможно просты. Такимъ образомъ, при критической оцѣнкѣ частныхъ случаевъ, приводимыхъ въ доказательство заразности проказы мы, не сомнѣваясь даже въ совершенно объективномъ отношеніи изслѣдователя къ своей задачѣ, можемъ признать за большинствомъ и этихъ рѣдкихъ случаевъ доказательную силу только *до извѣстной степени.*

Какъ на лучшій примѣръ абсолютно доказательнаго частнаго случая мы, съ полнымъ правомъ, можемъ указать на случай заболѣванія Ирландца, переданный Hawtrey Benson'омъ. По своему содержанію онъ простъ, въ немъ положительно исключается всякая возможность вліянія какъ наслѣдственнаго момента, такъ и мѣстныхъ условій (міазмы?), такъ что даже самъ критикъ сознается, что „этотъ случай *безспорно говорилъ бы въ пользу заразительности*“ проказы, „еслибы,“ торопится однако ограничить доказательность этого наблюденія критикъ „quasi заразившійся былъ не роднымъ братомъ заразившаго, а постороннимъ для него человѣкомъ.“ Въ нашихъ „Матерьялахъ“ нѣтъ наблюденій, которыя могли бы конкурировать съ случаемъ Benson'а по отношенію къ возможности исключить всякое вліяніе мѣстныхъ условій; всѣ наши наблюденія были собраны или въ самихъ гнѣздахъ проказы, или въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ ними; но, въ замѣнъ этого, онѣ должны представлять для критика тѣмъ большій интересъ, что, въ противуположность съ случаемъ Ирландца, въ нашихъ случаяхъ нельзя найти никакихъ признаковъ наслѣдственности, ибо заразившіеся были люди, совершенно посторонніе для заразившаго и притомъ пришельцы изъ мѣстности, гдѣ проказы нѣтъ и не было. Какъ на доказательныя въ этомъ отношеніи наблюденія, мы можемъ указать на случай заболѣванія Сущевича, выходца и уроженца Минской губерніи, переселившагося въ

станицу Сторожевую, когда въ ней былъ всего только одинъ, тогда еще первый въ станицѣ прокаженный, а именно—казакъ Гнѣдой, у котораго Сущевичъ и поселился въ качествѣ квартиранта и любовника его жены [1]). Если рядомъ съ заболѣваніемъ Сущевича мы поставимъ заболѣваніе Святохиной, уроженки Харьковской губерніи, не связанной съ Гнѣдымъ никакимъ родствомъ (Гнѣдой приходился двоюроднымъ братомъ ея мужа),—то едва ли, имѣя въ виду категорическое указаніе самой больной, что Гнѣдой пріѣзжалъ къ нимъ въ Исправную, ночевалъ, ѣлъ съ ними за однимъ столомъ и изъ одной посуды,—мы вправѣ отрицать связь заболѣнія Святохиной, не видавшей до того никакихъ другихъ больныхъ проказою, съ посѣщеніемъ прокаженнаго, и рядомъ съ заболѣваніемъ Сущевича не считать и этотъ случай доказательнымъ. Къ таковымъ же случаямъ мы смѣло можемъ отнести и заболѣваніе, напримѣръ, Свириденковой, уроженки Харьковской губ., оставившей родину 26-ти лѣтъ и вышедшей замужъ въ семью, въ которой по порядку болѣли братъ мужа, самъ мужъ и, наконецъ, падчерица и сама Свириденкова. Или заболѣваніе Ветхаловой, хотя и мѣстной уроженки, но у которой изъ родныхъ болѣла только *жена дяди*, которую, какъ совершенно правдиво разсказываетъ сама больная, она ежедневно посѣщала, не смотря на то, что прокаженная была изолирована и т. д.

Рядомъ съ этими случаями, которые мы можемъ признать абсолютно доказательными, мы имѣемъ рядъ наблюденій, доказательное значеніе которыхъ можетъ быть признано только условно, т. е. тогда, если наши доводы противъ наслѣдственности проказы дѣйствительно убѣдительны. Здѣсь мы имѣемъ не малое количество точно констатированныхъ случаевъ, какъ, напр., заболѣваніе Лукиныхъ, дочери и матери, дѣтей Бабакъ, Еровченкова, Сундіева и многихъ другихъ.

---

[1]) Проф. Полотебновъ, по поводу заболѣванія Сущевича, а именно того обстоятельства, что проказою заболѣла не жена Гнѣдаго, которая не раздѣляла съ нимъ супружескаго ложа, а ея любовникъ,—задаетъ довольно странный для насъ вопросъ: „какимъ же образомъ примѣръ этотъ долженъ пояснить незаразительность или безвредность половыхъ сношеній?“ Я совершенно не понимаю, откуда могъ почерпнуть критикъ мысль, что мое указаніе на Сущевича имѣло цѣлью отвѣчать на предлагаемый имъ вопросъ. Я указалъ на Сущевича, какъ на примѣръ того, что брачная жизнь съ прокаженнымъ мужемъ импотентомъ сводится на простое сожительство въ одной семьѣ и что при такихъ условіяхъ риску заразы жена подвергнута на столько-же, насколько и другіе члены семьи, или живущій, напримѣръ съ нею любовникъ.

Но, помимо указаннаго нами значенія частныхъ случаевъ, какъ аргументовъ, говорящихъ абсолютно или условно за заразительность проказы, эти случаи, и именно тѣ, на которыхъ останавливается и цитируетъ критикъ, имѣютъ еще и другое значеніе. А именно: разъясняя отношеніе больнаго къ заразившему его субъекту, случаи эти даютъ намъ возможность судить объ условіяхъ передачи болѣзни. И здѣсь, понятно, мы встрѣчаемся съ фактами, имѣющими или абсолютное значеніе, или только условное, т. е. случаями, представляющимися только въ формѣ извѣстныхъ возможностей. Оцѣнка этого значенія, точно также какъ и доказательности заразы, должна зависѣть и отъ обстановки случая, и отъ той степени довѣрія, которое заслуживаетъ указаніе даннаго лица. Оставляя въ сторонѣ семейныя заболѣванія, гдѣ условія передачи болѣзни путемъ заразы, если больной не изолированъ, наиболѣе выгодны, мы имѣемъ, напримѣръ, указанія, что то или другое лицо болѣе или менѣе часто посѣщало того или другаго прокаженнаго, или находилось съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, или слышимъ даже такія неопредѣленныя указанія, какъ—то, что больной только видѣлъ прокаженныхъ. Выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этихъ указаній, будетъ, понятно, сообразоваться прежде всего съ тѣмъ, имѣло ли данное лицо сношеніе съ другими больными, кромѣ прокаженнаго, котораго это лицо посѣщало, или встрѣчалъ ли данный субъектъ другихъ больныхъ, кромѣ своего друга, или дѣйствительно ли сказанное лицо видѣло только больныхъ проказою, но не вступало съ ними въ болѣе тѣсное общеніе. Если мы можемъ положительно отвѣчать на эти вопросы (въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы вправѣ это сдѣлать), то, не входя въ неуловимыя для насъ частности этихъ отношеній, мы совершенно вправѣ сдѣлать выводъ, что, помимо болѣе тѣсныхъ семейныхъ отношеній, и временное даже посѣщеніе больныхъ, и дружескія отношенія къ нимъ, и даже случайныя встрѣчи (понятно, не ограничивающіяся только однимъ зрѣніемъ) могутъ служить исходною точкою заболѣванія проказою. Но если въ томъ или другомъ случаѣ мы не можемъ исключить сношеній даннаго лица съ другими больными, то, само собою разумѣется, не имѣемъ никакого права утверждать, что данный субъектъ непремѣнно заразился отъ того-то, а можемъ только руководствоваться степенью наибольшей вѣроятности, т. е. допускать извѣстный источникъ зараженія въ формѣ возможности. Несомнѣнно,

что заболѣваніе субъекта въ семьѣ, гдѣ есть прокаженный, мы скорѣе всего можемъ и должны приписать сношеніямъ субъекта съ близкимъ больнымъ, и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мы будемъ правы, но даже и здѣсь не всегда, и я вполнѣ раздѣляю, напримѣръ, сомнѣнія родныхъ Калантая относительно источника заболѣнія послѣдняго, такъ какъ, кромѣ больной сестры, которую онъ навѣщалъ, ему вылизывала соринку изъ глазъ (фактъ, сообщенный мнѣ недавно) искусная въ этомъ дѣлѣ больная проказою бабка дѣтей Бабакъ. Я не могу точно также утверждать, отъ кого заразился такъ полюбившійся критику Приблуда? Не подлежитъ сомнѣнію, что—отъ своего патрона, если этотъ патронъ былъ единственный прокаженный, съ которымъ Приблуда вступалъ въ сношенія. Но, какъ заболѣванія Калантая, такъ и Приблуды, такъ, наконецъ, и фактъ, на который мы указали на съѣздѣ врачей въ Москвѣ, а именно—относительно кровососныхъ банокъ, которыя фельдшеръ ставилъ прокаженному, употребляя скарификаторъ, которымъ могъ немедленно же сдѣлать насѣчки и здоровому субъекту, во всѣхъ этихъ указаніяхъ мы видимъ и можемъ видѣть извѣстныя возможности, объясняющія намъ случайныя заболѣванія проказою. Если-бы Приблуда заразился не отъ своего патрона, а отъ кого либо другаго, то и тогда переданный нами случай былъ бы крайне поучителенъ, въ виду того обстоятельства, что патронъ Приблуды былъ человѣкъ, завѣдующій промышленнымъ учрежденіемъ, собирающимъ въ своихъ стѣнахъ массу мѣстнаго и пришлаго рабочаго люда.

Давая нашимъ указаніямъ буквальное значеніе, проф. Полотебновъ иронизируетъ по поводу этихъ указаній, высказывая, что по нашему мнѣнію „оказывается достаточнымъ *посѣщать* по временамъ прокаженнаго, *посидѣть съ нимъ рядомъ и побесѣдовать*, достаточно даже только *видать* прокаженнаго (чего не боялись даже въ средніе вѣка), чтобы заболѣть проказою.“ На такое толкованіе нашихъ указаній со стороны ученаго критика,—толкованіе, на которое мы смотримъ, какъ на одну изъ тѣхъ шутокъ, которыми, не могу сказать къ достоинству научной критики, изобилуетъ критическій трудъ проф. Полотебнова,—мы можемъ отвѣтить положеніемъ вовсе не шуточнымъ, а выработаннымъ на основаніи фактовъ, добытыхъ трудомъ, а именно: что *тотъ, кто никогда не посѣщалъ прокаженнаго, или не сидѣлъ съ нимъ рядомъ и не бесѣдовалъ, или, наконецъ, тотъ, кто даже*

не видалъ прокаженнаго,—никогда и навѣрное не заболѣетъ проказою.

Но приведенная сейчасъ шутка проф. Полотебнова, которой мы, пожалуй, и не коснулись бы, служитъ для критика источникомъ соображеній, имѣющихъ характеръ доводовъ противъ заразительности проказы.

„Если проказа *такъ легко* передается отъ больныхъ здоровымъ", говоритъ критикъ (стр. 536), „то какъ объяснить, что здоровыя лица, которыя помѣщаются въ одномъ зданіи съ прокаженными, ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ съ ними, стираютъ ихъ гнойные бинты, остаются при такихъ условіяхъ многіе годы, до 10-ти лѣтъ, и все таки не заражаются?" Задавъ приведенный сейчасъ вопросъ, критикъ ссылается затѣмъ, на указанія Плахова, Козловскаго, Ольдекопа, Zambaco, Danielssen'a, свидѣтельствующихъ, что они видѣли случаи болѣе или менѣе тѣснаго, но безнаказаннаго общенія съ больными, а также на обильные факты, почерпнутые изъ моихъ „Матерьяловъ", а именно—указывающіе, что нѣкоторые больные проказою члены семьи, заразившіеся иногда сами на сторонѣ, не вносили въ семью заболѣваній, или если вносили, то только—отдѣльныхъ членовъ. Далѣе критикъ указываетъ на то, что ни Плаховъ, ни Ольдекопъ, ни Козловскій, ни даже контагіонистъ Паульсонъ не наблюдали заболѣваній обоихъ супруговъ, не смотря на долгое сожительство. Наконецъ (въ другомъ мѣстѣ (стр. 54), указавъ на то, что никто въ Парижѣ не наблюдалъ ни одного случая зараженія ни въ госпиталяхъ, ни въ школахъ, ни гостинницахъ, ни въ частныхъ жилищахъ," критикъ въ доказательство положенія, что „случаевъ, гдѣ здоровый спитъ съ прокаженными въ одной постели цѣлая масса," что такіе случаи „неизбѣжно встрѣчаются въ каждой бѣдной семьѣ, гдѣ есть прокаженный," приводитъ и собственныя свои наблюденія.

Прежде, чѣмъ мы разсмотримъ эти возраженія по существу, мы обратимся къ критикѣ фактовъ и начнемъ съ тѣхъ, которые представлены ученымъ дерматологомъ, исходя изъ того сознанія, что переданные спеціалистомъ, имѣвшимъ притомъ полную возможность обслѣдовать ихъ обстоятельно и не стѣснявшимся временемъ чтобы повѣрять ихъ, и не одинъ, а нѣсколько разъ, — факты эти должны имѣть несомнѣнно большое значеніе.

Съ цѣлью познакомиться съ этими фактами, которые мы нашли у критика въ 3-хъ мѣстахъ, мы считаемъ нужнымъ передать ихъ дословно.

I. „Вотъ уже два года, какъ я въ клиникѣ наблюдаю прокаженную (амбуляторная), у которой типическая, съ высшей степени развитая бугорчатая проказа, съ язвами на лицѣ, кистяхъ рукъ, колѣнахъ; проказа длится около 8 лѣтъ. Эта больная имѣетъ (декабрь 1889 года) дѣвочку 6-ти лѣтъ, мальчика 4-хъ лѣтъ и дѣвочку 4-хъ *мѣсяцевъ*“ (случай этотъ, стр. 539, приведенъ въ качествѣ возраженія на мое мнѣніе, что супружеское сожительство съ больной, находящейся въ періодѣ маразма, язвъ, мутиляцій и т. д., едва ли мыслимо).

II. „Въ теченіи всего прошлаго 1888—89 учебнаго года клинику мою навѣщала каждые 7—14 дней больная Татьяна Иванова, 33 лѣтъ, жена сапожника, страдающая бугристой проказой (lepra tuberosa). Болѣзнь тянется уже 8 лѣтъ, многіе узлы на лицѣ, кистяхъ рукъ и ногахъ распались. Больная имѣла 9 дѣтей, изъ которыхъ 6 умерло, живые 14, 6 и 4-хъ лѣтъ; 10-го ребенка больная родила 4 мѣсяца назадъ (въ сентябрѣ 1889 года). Мужъ и не думаетъ прогонять отъ себя жены, не смотря на высшую степень развитія процесса, продолжаетъ имѣть съ нею половыя сношенія и увеличивать свое потомство. Въ прошломъ году товарищъ мой, бывшій ассистентъ моей клиники, д-ръ К. Л. Сирскій, навѣстилъ больную въ ея жилищѣ, на окраинѣ Петербурга. Вотъ что онъ видѣлъ: вся семья живетъ въ одной комнатѣ, 3—4 куб. саж. объемомъ, помѣщеніе грязное; мужъ и жена спятъ на одной кровати, ѣдятъ всѣ изъ одной посуды. Мужъ и дѣти совершенно здоровы, а мужъ спитъ въ одной постели не $1^1/_2$ года“ (какъ Ирландецъ, въ случаѣ Benson'a), „а уже нѣсколько лѣтъ“ (стр. 56).

III. „Почти въ такихъ же условіяхъ живетъ вторая прокаженная, которая на дняхъ также должна родить. Впрочемъ эта больная, которую мѣсяцъ тому назадъ я видѣлъ послѣдній разъ вмѣстѣ съ д-ромъ П. Д. Энько, страдаетъ чистой“ (первичной?) „нервной проказой, не выдѣляетъ, слѣдовательно бациллъ, т. е. заразы и потому можетъ считаться безопасною для окружающихъ“ [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что первая забота каждаго изслѣдователя, опирающагося на личный опытъ, должна заключаться въ томъ, чтобы гарантировать другимъ возможность, если не контроля, то до-

[1]) Поправокъ въ знакахъ препинанія въ указаніяхъ критика мы не дѣлали.

полненія передаваемыхъ изслѣдователемъ свѣдѣній. Исходя изъ этого сознанія, мы въ нашихъ „Матерьялахъ“ приняли всѣ необходимыя для этого мѣры. Мало того. И въ вступленіи къ этимъ „Матерьялам,“ и въ другихъ статьяхъ по проказѣ мы просили о повѣркѣ и дополненіяхъ, считая контроль надъ нашими указаніями нисколько для себя не оскорбительнымъ, а—наоборотъ—также какъ и дополненія крайне желательными. Нѣсколько въ иной формѣ переданы личныя наблюденія нашего ученаго критика: въ нихъ не достаетъ даже самыхъ элементарныхъ указаній, на основаніи которыхъ кто либо изъ желающихъ могъ повѣрить или дополнить приводимыя имъ безимянныя наблюденія. Отсюда вытекаетъ то, что мы даже не знаемъ, какому количеству случаевъ соотвѣтствуютъ передаваемые критикомъ наблюденія, такъ какъ не можемъ разобрать въ описаніи относится ли первое и второе наблюденіе къ одному и тому же лицу [1]). Но, помимо этого, въ самомъ описаніи мы не находимъ даже и самыхъ элементарныхъ свѣдѣній относительно интересующихъ насъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проказы вопросовъ. Такъ, мы не знаемъ, были ли указанные три или два случая наслѣдственными заболѣваніями, или идіопатическими (въ смыслѣ Плахова, Козловскаго и др.); уроженцы ли больные Петербурга, или пришельцы; не болѣлъ ли кто изъ умершихъ дѣтей Татьяны Ивановой проказою? Далѣе, мы не знаемъ, на какомъ основаніи сдѣлано проф. Полотебновымъ указаніе, что Татьяна Иванова спала съ мужемъ въ одной постели: потому ли, что такъ *„неизбѣжно“* должно быть у мужа и жены, или потому, что у нихъ въ комнатѣ была только одна кровать? Наконецъ, мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ производился осмотръ членовъ семьи Татьяны Ивановой: такъ же ли, какъ производилъ его Козловскій,—

---

[1]) Первое и второе наблюденіе критика представляютъ, съ одной стороны,—поразительное сходство, съ другой—значительную разницу. Такъ, что касается послѣдней, мы видимъ: въ I-мъ случаѣ форму проказы критикъ называетъ *типической бугорчатой*, во II-мъ *бугристой* (названія, которыя могутъ соотвѣтствовать двумъ различнымъ понятіямъ, ибо проказа можетъ обнаруживаться и въ формѣ бугорковъ, т. е. поверхностныхъ узелковъ и узловъ, и въ формѣ бугровъ, вызываемыхъ разлитыми, или узловатыми инфильтратами кожи); далѣе,первую больную критикъ наблюдалъ два года, вторую только въ теченіи академическаго года; наконецъ, первая больная имѣетъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ послѣднему въ декабрѣ 1889 года было 4 мѣсяца, у второй (не считая умершихъ) четверо дѣтей, а именно—кромѣ трехъ дѣтей того же возраста, какъ и у первой (послѣдній ребенокъ родился въ Сентябрѣ 1889 г.), еще одинъ, сынъ или дочь, 14-ти лѣтняго возраста.

способъ осмотра котораго критикъ одобряетъ, упрекая насъ въ томъ, что мы не слѣдовали его примѣру,—или такъ, какъ это рекомендовали и рекомендуемъ мы?

Возраженія критика, что онъ имѣлъ въ виду только общія указанія,—неумѣстно. Вѣдь онъ противупоставлялъ свои личныя, нигдѣ не напечатанныя наблюденія, имѣющія въ его глазахъ очень большое значеніе,—наблюденіямъ, которыя самъ упрекаетъ въ недостаткѣ точности. Точно также неумѣстно было бы его указаніе на то, что объемъ критики не позволилъ ему передать свои наблюденія in extenso, ибо, во 1-хъ, интересующія насъ, и полагаю—каждаго, указанія и не требуютъ много мѣста (подробное описаніе явленій болѣзни, такъ какъ вопросъ касается этіологіи, авторъ могъ бы и опустить, тѣмъ болѣе, что тому факту, что больная страдала проказою, и притомъ въ *регрессивномъ*, по моему, *періодѣ* болѣзни, мы повѣрили бы ему и безъ описанія); во 2-хъ потому, что критикъ, съ цѣлью выгадать мѣсто для необходимыхъ этіологическихъ свѣдѣній, могъ бы совершенно свободно сократить обильныя, занимающія добрую половину его критическаго труда, подстрочныя выписки указаній различныхъ авторовъ и, пожалуй, даже свой разсказъ о мѣрахъ противъ средневѣковой проказы, о которыхъ каждый, интересующійся дѣломъ, можетъ почерпнуть свѣдѣнія или у того же Danielssen'a и Boeck'a, или, подробнѣй, у Hensler'a, или, для русскихъ читателей, еще лучше у Дерюжинскаго.

Такимъ образомъ, съ внѣшней, такъ сказать, стороны наблюденія проф. Полотебнова въ той формѣ, какъ они переданы, не удовлетворяютъ требованіямъ точности, а потому и не представляютъ для насъ особеннаго интереса, кромѣ развѣ указанія на два или на три новые случаи проказы, которыми можетъ быть пополнено число случаевъ проказы, указанныхъ д-ромъ Петерсеномъ въ Петербургѣ. Но также мало интереса представляютъ для насъ наблюденія критика и по своему внутреннему содержанію.

И въ самомъ дѣлѣ! Что изъ того, что проф. Полотебновъ нашелъ членовъ семьи Татьяны Ивановой въ 1889 году совершенно здоровыми? (Если они только были здоровы на самомъ дѣлѣ, такъ какъ у нихъ могли существовать, требующія рекомендуемаго мною осмотра, начальныя явленія: въ формѣ продромальныхъ пятенъ на скрытыхъ одеждою частяхъ тѣла, пузырей pemphigus или ихъ рубцовыхъ слѣдовъ). Можетъ ли, въ правѣ ли поручиться авторъ наблю-

деній, что въ 1890 или 91 году, если не всѣ, то нѣкоторые изъ членовъ семьи Татьяны Ивановой и другихъ безимянныхъ больныхъ были или будутъ больны проказою, что очень и очень возможно, если семьи, какъ указываетъ критикъ, дѣйствительно неряшливы и нечистоплотны. Въ результатѣ съ критикомъ очень легко можетъ повториться тоже, что, какъ мы видѣли, случилось съ Леруа де Мерикуромъ *по отношенію къ отцу Даміену*, который, въ то время, когда ученый антиконтагіонистъ указывалъ на него, какъ на рѣзкій примѣръ безнаказаннаго общенія съ прокаженными,—уже болѣлъ проказою. Но разница между указаніями Мерикура и проф. Полотебнова въ данномъ случаѣ будетъ та, что имя отца Даміена извѣстно, именъ же трехъ или двухъ прокаженныхъ критика мы не знаемъ, а потому, въ случаѣ заболѣванія кого либо изъ членовъ ихъ семьи, если больные даже и не скроютъ источника своей болѣзни, мы все таки не узнаемъ, были ли это именно тѣ случаи, на которые указывалъ проф. Полотебновъ.

Познакомившись съ фактами, представленными ученымъ критикомъ, останавливаться ли намъ на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ цитируемыми имъ авторами, т. е. на голословныхъ указаніяхъ Плахова, Ольдекопа, Козловскаго, а также нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ, которые выдѣли, *но не наблюдали*, больныхъ проказою въ пансіонахъ, гостиницахъ и т. д., или на указаніяхъ Zambaco (объ этіологическихъ изслѣдованіяхъ котораго на востокѣ вообще мы имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Іерусалимѣ и Бейрутѣ), почерпнутыхъ имъ въ Скутарійскомъ пріютѣ, который самъ авторъ живописуетъ какъ вертепъ, въ которомъ очень трудно, если не совершенно невозможно добраться истины, чему мы вполнѣ вѣримъ, такъ какъ сами видѣли таковые пріюты въ Туркестанѣ и Іерусалимѣ (спеціально—арабскій пріютъ) и менѣе всего считали бы себя вправѣ дѣлать какіе либо этіологическіе выводы на основаніи почерпнутыхъ тамъ данныхъ. Не въ правѣ ли мы думать, скажу болѣе,—утверждать, что поставленное на видъ критикомъ и основанное на неизбѣжности и голословныхъ указаніяхъ положеніе, что здоровые сплошь и рядомъ спятъ съ прокаженными въ одной постели, ѣдятъ изъ одной посуды, пожалуй даже—одною ложкою, и дѣлаютъ все это безнаказанно, основано болѣе на апріористическихъ соображеніяхъ, чѣмъ на строго констатированныхъ фактахъ, а потому въ значительной степени преувеличено? Мы говоримъ толь-

ко преувеличено, слѣдовательно ограничиваемъ, но не отрицаемъ совершенно положенія проф. Полотебнова, такъ какъ не считаемъ себя въ правѣ отрицать значеніе даже и апріористическихъ соображеній, если не имѣемъ въ рукахъ точныхъ фактовъ, которыми могли бы ихъ опровергнуть. Считаемъ же себя въ правѣ и въ значительной степени ограничить положеніе проф. Полотебнова, на основаніи констатированнаго нами и указаннаго въ докладѣ отношенія населенія къ прокаженнымъ вообще и—въ частности—отношеній, существующихъ между здоровымъ и болнымъ супругомъ, т. е. на основаніи отношеній, которымъ, кромѣ боязни заразы, не можетъ не способствовать и извѣстное чувство брезгливости, котораго не лишенъ даже и простой человѣкъ.

И такъ, мы допускаемъ возможность самого тѣснаго и въ нѣкоторыхъ (полагаемъ—исключительныхъ) случаяхъ безнаказаннаго общенія здоровыхъ съ больными, также какъ и, съ другой стороны, допустили возможность заболѣванія проказою при условіяхъ кратковременнаго соприкосновенія съ прокаженными. Такимъ образомъ контрасты существуютъ, мы ихъ не отрицаемъ. Но вопросъ въ томъ: доказываетъ ли существованіе такихъ контрастовъ незаразительность той или другой болѣзни вообще и въ частности проказы?

Что касается заразныхъ болѣзней вообще, то едвали кто нибудь станетъ оспаривать положеніе, что указанные контрасты существуютъ при всѣхъ заразныхъ заболѣваніяхъ. Каждая заразная болѣзнь даетъ намъ и семейныя, и случайныя заболѣванія, которыя служатъ исходною точкою новыхъ заболѣваній, т. е. распространенія болѣзни. И при тѣхъ, и другихъ мы встрѣчаемъ: съ одной стороны—примѣры вполнѣ безнаказаннаго тѣснаго общенія, съ другой стороны—въ высшей степени загадочныя иногда случайныя заболѣванія. Ходить ли намъ за примѣрами? Искать ли ихъ въ такихъ несомнѣнно заразныхъ заболѣваніяхъ, какъ чума, сапъ, или въ хроническихъ—какъ хорошо извѣстный критику сифилисъ?—Мы могли бы въ качествѣ таковыхъ примѣровъ указать, изъ исторіи Ветлянской чумы, на дочь (Дмитріеву въ Старицкомъ), которая безнаказанно спала двѣ ночи рядомъ съ больной матерью и ухаживала, также безнаказанно, за всѣми членами поголовно вымершей семьи; на оставшагося единственно въ живыхъ изъ числа 17-ти фельдшера (Васильева въ Ветлянкѣ), который, ухаживая за больными, цѣловалъ ихъ, чтобы убѣдить родныхъ въ томъ, что болѣзнь незаразительна, и побудить ихъ къ ухо-

ду за брошенными на произволъ судьбы больными. Далѣе, могъ бы указать на всѣмъ извѣстный въ Петербургѣ случай зараженія сапомъ одной интеллигентной особы, которая—на вопросъ врача—могла бы, конечно, только отвѣтить, что видала лошадей, но въ соприкосновеніе съ ними не приходила. Наконецъ, могъ бы поставить на видъ, что сотни сифилитиковъ живутъ въ семьяхъ и вращаются въ обществѣ, что ни одинъ, а много разъ каждому несифилитику приходится обѣдать съ сифилитикомъ, употребляя общую посуду, пить изъ одного стакана, можетъ быть, цѣловаться, или спать рядомъ, напр. въ ночлежныхъ домахъ, казармахъ и т. д., и при всемъ этомъ не заражаться сифилисомъ, а съ другой стороны—пріобрѣтать болѣзнь путемъ иногда крайне загадочнымъ. Чтоже удивительнаго, что такіе случаи встрѣчаются и при проказѣ, и какое право имѣемъ мы требовать, чтобы при проказѣ ихъ не было, или—основывать на ихъ существованіи мнѣніе о незаразительности болѣзни?!

Но можетъ возразить намъ критикъ: мы пользуемся аналогіями, а аналогіи не суть доказательства. Отвѣтимъ: во 1-хъ, что мы и не пользуемся аналогіями для доказательства заразительности проказы, а доказывали эту заразительность другими путями; во 2-хъ—факты, представленные нами, какъ примѣры не суть даже аналогіи, а наглядные случаи изъ области явленій, которыя должны быть отнесены къ общимъ всѣмъ заразнымъ болѣзнямъ законамъ, опредѣляющимъ взаимныя отношенія между заразою и организмомъ, гдѣ въ качествѣ факторовъ мы видимъ предрасположеніе и иммунитетъ, пути или способы передачи или проникновенія заразы.

Само собою разумѣется, что указанные факторы имѣютъ и должны имѣть по отношенію къ объясненію условій зараженія огромное значеніе. Понятно также и то, что вліяніе этихъ факторовъ должно быть въ каждой заразной болѣзни строго разграничено. Это одна изъ нашихъ прямыхъ научныхъ задачъ, такъ успѣшно разработываемыхъ въ послѣднее время по отношенію къ нѣкоторымъ заразнымъ заболѣваніямъ, но еще далеко не разработанныхъ вообще и въ частности по отношенію къ проказѣ. Чтоже удивительнаго, что въ данномъ случаѣ относительно послѣдней и многихъ другихъ заразныхъ формъ мы должны вращаться еще въ сферѣ предположеній! Одно изъ таковыхъ мы поставили на видъ относительно способа передачи проказы. А именно. Основываясь на случайномъ, нерѣдко, характерѣ заболѣваній

проказою, мы высказали „*чрезвычайно важное,*“ по увѣренію критика „*и интересное мнѣніе*“—но, замѣтимъ съ своей стороны, нисколько не парадоксальное, а вполнѣ естественное,—что проказа передается путемъ инокуляціи. Вопроса о предрасположеніи и иммунитетѣ мы не касались. Оцѣнка значенія этого фактора по отношенію къ условіямъ зараженія потребовала бы, съ одной стороны, цѣлой массы фактовъ, точнѣе опредѣляющихъ взаимное отношеніе больныхъ и здоровыхъ, т. е. массу точныхъ семейныхъ хроникъ; съ другой стороны—гораздо болѣе точнаго знакомства съ явленіями того, совсѣмъ еще не разработаннаго и потому темнаго для насъ промежутка времени, который протекаетъ между моментомъ зараженія или сношенія съ прокаженнымъ и явнымъ развитіемъ болѣзни. Значеніе предрасположенія имѣетъ несомнѣнно въ послѣднемъ отношеніи огромное значеніе. И дѣйствительно! Едва ли можно оспаривать, что между предрасположеніемъ съ одной стороны и иммунитетомъ съ другой должны существовать извѣстныя градаціи, которыя мы объективно можемъ выразить въ формѣ опредѣленныхъ возможностей. Не говоря о полномъ отсутствіи воспріимчивости, могущемъ въ крайности объяснить намъ тѣ случаи, которые мы допустили скорѣе въ формѣ апріористической возможности, чѣмъ строго и *всесторонне* констатированныхъ фактовъ,—мы можемъ дальше допустить и имѣемъ на это извѣстное фактическое право, что, оставаясь или даже развиваясь на мѣстѣ, зараза можетъ не генерализироваться, пока не встрѣтитъ благопріятныхъ для того условій; можемъ—наконецъ—допустить, что генерализація, въ виду условій со стороны организма, можетъ происходить вяло, медленно, обнаруживаясь въ неясной, нетипической, такъ сказать, формѣ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на фактическихъ, имѣющихся у насъ основаніяхъ представленныхъ возможностей, ибо сдѣлаемъ это въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же считаемъ достаточнымъ указать только на извѣстную всѣмъ крайне разнообразную продолжительность инкубаціоннаго періода, продолжающагося иногда 10, 15 лѣтъ.

Значеніе, которое имѣетъ инкубаціонный періодъ для правильной оцѣнки условій зараженія, т. е. этіологіи проказы,—мы хорошо сознавали, и это-то собственно сознаніе заставило насъ выдвинуть необходимость тщательнаго и повторнаго осмотра всей, если возможно,

семьи прокаженнаго [1]). Мы были убѣждены и въ настоящее время убѣждены еще болѣе, что только этотъ путь дастъ намъ возможность разъяснить темныя стороны, не говорю—паталогіи начальныхъ явленій проказы,—это разумѣется само собою,—но и этологіи послѣдней.

Критикъ, видимо, совершенно не уяснившій себѣ цѣли указаннаго нами пути (иначе онъ не противупоставлялъ бы нашимъ требованіямъ осмотра указаній на осмотръ Козловскаго), не можетъ и не имѣетъ никакого права упрекать насъ въ томъ, что мы не воспользовались имъ. Здѣсь, дѣйствительно, недостаточно кратковременнаго изслѣдованія, а мало, можетъ быть, десятковъ лѣтъ и даже цѣлой жизни, посвященной тщательному и упорному труду по этому вопросу, и притомъ не въ ограниченномъ только районѣ, если изслѣдователь на сочтетъ себя только въ правѣ экспериментировать надъ этимъ райономъ, т. е. не будетъ совѣтовать, мало того, настаивать на томъ, чтобы больные проказою были изолированы.

Какъ бы то ни было, недостатокъ детальныхъ разъясненій отношеній указанныхъ сейчасъ факторовъ къ заразѣ не имѣетъ значенія „conditionis, sine qua non“ по отношенію къ рѣшенію вопроса, который былъ поставленъ цѣлью нашего доклада, а именно—вопроса: заразительна ли проказа, или нѣтъ? А потому мы были совершенно правы, что отдѣлили этотъ вопросъ, отвѣтъ на который является требованіемъ практической жизни, отъ требованій строгой науки, которыя—понятно—безконечны.

И такъ, контрасты, поставленные на видъ критикомъ, не могутъ служить возраженіемъ противъ заразительности проказы, уже по одному тому, что они свойственны всѣмъ заразнымъ болѣзнямъ и объясняются тѣми разнообразными отношеніями, которыя могутъ существовать между ядомъ заразы съ одной и организмомъ съ другой стороны. Но помимо факторовъ, которые опредѣляютъ эти отношенія и на которые мы указали, мы встрѣчаемся при проказѣ еще съ однимъ, до извѣстной степени обособляющимъ эту болѣзнь отъ другихъ. Факторъ этотъ: исключительныя внѣшнія условія или отношенія къ окружающимъ, въ которыя поставленъ прокаженный.

---

[1]) Мы говоримъ съ теоритической стороны; въ практическомъ отношеніи—для цѣлей отдѣленія больныхъ—таковой осмотръ не имѣетъ большаго значенія, ибо ранніе формы проказы, какъ мы полагаемъ, незаразительны. Примѣры отдѣленія, практиковавшагося только по отношенію къ развитымъ формамъ болѣзни, указываютъ намъ, что проказа все таки прекращалась.

Останавливаясь на значеніи этого послѣдняго фактора, мы не можемъ не поставить на видъ и не выяснить характерныхъ пріемовъ ученаго критика по отношенію къ оцѣнкѣ нашихъ указаній.

Мы ранѣе привели выводъ, который дѣлаетъ критикъ изъ шутки, относящейся къ случайнымъ заболѣваніямъ. Выводъ этотъ начинается указаніемъ, что „если проказа *передается такъ легко*“ и т. д. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 41), критикъ говоритъ уже: „Та *необычайная легкость, съ которою по его*“ (т. е. нашему) „*мнѣнію передается* проказа *отъ здороваго больному* (?!), вызвала и т. д. Наконецъ, тамъ же (стр. 42), указавъ на то, что „прежде чѣмъ требовать такой ужасной мѣры, какъ обязательное заключеніе больныхъ, слѣдуетъ опредѣлить *степень* заразительности проказы“, — критикъ говоритъ: „На основаніи приведенныхъ примѣровъ *преемственности* заболѣваній, слѣдовало бы, конечно, думать, что проф. Минхъ *считаетъ проказу едва ли не болѣе заразительною, чѣмъ сифилисъ*. Но разобравши семейныя заболѣванія, *авторъ, къ своему, вѣроятно, великому удивленію замѣтилъ*, что цифры, имъ же самымъ представленныя, говорятъ совершенно другое. Вотъ этотъ *удивительный* выводъ“. Слѣдуетъ выписка изъ моего доклада, а именно: „Въ представленныхъ мною таблицахъ собранъ рядъ заболѣваній, разсѣянныхъ въ семействахъ, состоящихъ изъ извѣстнаго количества здоровыхъ членовъ, сумма которыхъ—поставленная рядомъ съ цифрою больныхъ—*несомнѣнно даетъ намъ отношеніе, низводящее заразность болѣзни на степень очень рѣдкой случайности.*“

Можно ли безцеремоннѣе, если не болѣе, обходиться съ чужимъ мнѣніемъ, чѣмъ это дѣлаетъ ученый критикъ? Онъ приписываетъ намъ мнѣніе, которое едва ли можетъ придти въ голову человѣку, мало-мальски знакомому съ заразными болѣзнями, а именно—что *степень* заразности болѣзни можетъ быть измѣряема на основаніи существованія или отсутствія случайныхъ заболѣваній; далѣе, заставляетъ насъ сравнивать заразительность проказы съ сифилисомъ и думать, что первая болѣе заразительна, чѣмъ второй, и, наконецъ, заставляетъ *удивляться* тому, что цифры, собранныя нами же самими, указываютъ обратное, т. е. удивляться тому, что мы ранѣе думали или высказали научную нелѣпость!—Но этого мало. Вѣрный своимъ критическимъ пріемамъ, ученый критикъ, приводя дальнѣйшее развитіе высказаннаго нами положенія, а именно, что „о степени зараз-

ности проказы мы не можемъ судить только на основаніи данныхъ" (т. е. цифръ) „въ нашихъ русскихъ селеніяхъ", потому что здравый смыслъ народа заставляетъ его остерегаться прокаженныхъ и т. д.,— ученый критикъ, говоримъ мы, видитъ въ этомъ ограниченіи значенія цифръ не строго опредѣленное и достаточно мотивированное съ нашей стороны мнѣніе, а спекулятивную цѣль: „ослабить значеніе" вывода, сдѣланнаго нами изъ цифръ, и желаніе поддержать такимъ образомъ прежнее мнѣніе о „*легкой*" заразительности проказы.

Строго и совершенно безпристрастно разобравшись въ вопросѣ о томъ, кому принадлежитъ и какое мнѣніе, мы можемъ отвѣтить, что мысль о томъ, что проказа, въ виду встрѣчающихся при ней случайныхъ заболѣваній, должна передаваться „*легко*," и что она на томъ же основаніи должна быть болѣе заразительна, чѣмъ сифилисъ, *всецѣло принадлежитъ критику*; намъ же принадлежитъ только мнѣніе, что *степень заразности* проказы, какъ и заразныхъ болѣзней вообще, *должна опредѣляться цифрами заболѣваній*, хотя съ извѣстными ограниченіями, а именно—что касается проказы,—принимая въ разсчетъ то отношеніе, въ которое поставленъ прокаженный къ своимъ окружающимъ, и не только у насъ, на югѣ Россіи, но и во многихъ другихъ странахъ.

И дѣйствительно! Боязнь проказы есть фактъ, санкціонированный исторіею (документально) съ II-го стол. по Р. Хр. (Аретей),—фактъ, который затѣмъ выдвинулся на видное мѣсто въ средніе вѣка во всей Европѣ,—фактъ, передъ которымъ долженъ былъ преклониться даже фатализмъ ислама, оправдывающій свою боязнь проказы и удаленіе прокаженныхъ изъ общества актомъ своего учителя, т. е. самого Магомета, который—какъ гласитъ преданіе—протянулъ присоединяющемуся къ его ученію больному проказою прозелиту не руку, какъ того требовалъ обычай, а только конецъ своего копья [1]).

Проф. Полотебновъ возражаетъ намъ указаніями на Плахова и Козловскаго, которые не констатировали указанной нами боязни про-

---

[1]) Утверждая, что жена мусульманка не смѣетъ оставить своего прокаженнаго мужа, проф. Полотебновъ утверждаетъ то, чего не знаетъ. Проказа на Востокѣ есть законный поводъ къ разводу, что подтверждается и массою указаній, которыя критикъ можетъ найти въ моихъ „Матерьялахъ." Ни въ Туркестанѣ, ни въ Іерусалимѣ жены не слѣдуютъ за своими больными мужьями, а бросаютъ ихъ.

каженныхъ ни въ Терской области, ни въ З. В. Донскаго. Оставляя въ сторонѣ Плахова, не изслѣдовавшаго проказы на мѣстѣ, мы, по поводу указанія Козловскаго, можемъ сказать, что и въ нашихъ селеніяхъ несомнѣнно могутъ встрѣчаться примѣры вполнѣ индифферентнаго отношенія къ больнымъ, тѣмъ болѣе когда существовали пріюты, въ которые лица, опасающіеся проказы, могли удалять своихъ больныхъ. Но, судя по тѣмъ даннымъ, которые мы имѣемъ, мы можемъ сказать, что населеніе вообще боится проказы и въ Астраханской губерніи, и на Терекѣ, и на Кубани, и на Дону, ибо вездѣ я встрѣчалъ примѣры отдѣленія прокаженныхъ, практикуемаго тѣмъ энергичнѣй, чѣмъ болѣе возрастаетъ цифра больныхъ въ данномъ селеніи или мѣстности, какъ это мы видѣли, напр., въ Тамбовкѣ (Астр. губ.), въ Александрійской станицѣ (Терская обл.) и другихъ мѣстахъ [1]). Другое возраженіе проф. Полотебнова, а именно его указаніе на Норвегію, блистательно опровергается указаніями Arm. Hansen'a, мнѣніе котораго объ отдѣленіи прокаженныхъ въ Норвегіи мы уже цитировали.

Значеніе боязни проказы, какъ фактора, имѣющаго и очень значительное ограничивающее вліяніе на цифру заболѣваній, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. А имѣя въ виду указанное вліяніе, намъ, понятно, никакимъ образомъ не могла придти въ голову мысль сравнивать заразность проказы съ заразностью другихъ хроническихъ болѣзней, какъ напр. сифилиса или бугорчатки. Такая

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь еще одно изъ указаній критика, явно расчитанное на эффектъ и на то, что читатель, можетъ быть, и не знакомый съ нашими трудами не станетъ повѣрять критика. Цитируя мое указаніе, что „попытка устроить себѣ лучшую обстановку изслѣдованія встрѣчалась съ большими препятствіями и даже съ противодѣйствіемъ мѣстныхъ жителей," критикъ, указывая въ сноскѣ на Лелуара, который съ цѣлью имѣть доступъ къ больнымъ въ Норвегіи, гдѣ изслѣдовалъ проказу, долженъ былъ увѣрять ихъ, что не вѣритъ въ заразительность болѣзни,—замѣчаетъ съ своей стороны: „Не потому ли проф. Минхъ встрѣтилъ противодѣйствіе не только больныхъ, но и мѣстныхъ жителей, что слишкомъ громко заявлялъ о своей вѣрѣ въ заразительность болѣзни, *вопреки* мнѣнію народа?" Прежде чѣмъ критикъ задавалъ сказанный вопросъ, онъ не могъ же не прочесть слова, непосредственно слѣдующія за нашимъ указаніемъ на противодѣйствіе мѣстныхъ жителей, а именно: „такъ, въ одномъ случаѣ (Тамбовка),—съ угрозою хозяина сжечъ свою хату, если я буду въ ней осматривать больныхъ *„опасною"* болѣзнью." Представляемъ читателю самому отвѣтить: насколько совмѣстимъ указанный пріемъ съ достоинствомъ серьезной научной критики, трактующей о вопросѣ, несомнѣнно заслуживающемъ самого глубокаго интереса и серьезнаго вниманія?

попытка съ нашей стороны равнялась бы желанію сравнивать между собою два объекта, поставленные въ совершенно различныя условія, не принимая совершенно въ разсчетъ при таковомъ сравненіи разницы этихъ условій. Едва ли и самъ критикъ станетъ оспаривать то, что еслибы больные сифилисомъ или бугорчаткой носили на лицѣ такую же вывѣску, какъ прокаженный, еслибы эти болѣзни внушали людямъ такую же боязнь, а частью—отвращеніе, какъ проказа, то количество случаевъ зараженія сифилисомъ, можетъ быть и бугорчаткой,—уменьшилось бы въ значительной степени. Въ виду сказаннаго, само собою разумѣется, что о степени заразности, опредѣляемой цифрами заболѣваній, мы можемъ только судить тамъ, гдѣ проказы не боятся или не боялись, какъ это было въ Норвегіи, какъ это, можетъ быть, и есть въ Индіи, гдѣ количество прокаженныхъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, достигаетъ цифры въ 250 тысячъ человѣкъ.

Мы разобрали критику проф. Полотебнова, касающуюся основаній, на которыхъ мы поставили свое мнѣніе о заразительности проказы. Подводить общіе итоги этой критики мы считаемъ излишнимъ, а потому перейдемъ къ послѣднему пункту возраженій критика: необходимости обязательной мѣры отдѣленія прокаженныхъ, на которой мы настаивали и настаиваемъ въ настоящее время.

Этого пункта мы коснемся, впрочемъ, въ короткихъ словахъ, такъ какъ отвѣтъ на нѣкоторыя возраженія критика противъ необходимости обязательнаго отдѣленія читатель можетъ найти въ нашихъ доводахъ въ пользу заразительности проказы.

Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь на гуманныхъ чувствахъ автора критики, обнаруживающихся заботами о несчастныхъ больныхъ,—заботами, выраженными въ формѣ эффектныхъ фразъ; не будемъ останавливаться на его негодованіи къ новѣйшимъ радѣтелямъ прокаженныхъ, точно также какъ и на его указаніяхъ, касающихся полуварварскихъ мѣръ, которыя эти радѣтели рекомендуютъ. На гуманность мы смотримъ съ своей точки зрѣнія и, руководствуясь ею, полагаемъ, что система отдѣленія больныхъ, помимо географическихъ условій (обширныхъ пространствъ, отличающихъ Россію отъ Норвегіи), должна сообразоваться съ желаніемъ больныхъ, которые предпочтутъ—это наше мнѣніе, критикъ, знающій, можетъ быть, лучше насъ крестьянскій бытъ, можетъ быть другаго,—переносить свои страданія

вблизи своихъ селеній, въ сносной обстановкѣ,—несомнѣнно лучшей все-таки той, которой они пользуются на заднихъ дворахъ,—чѣмъ помѣщаться въ раскошныхъ палатахъ прекрасно устроенныхъ госпиталей. Въ качествѣ новѣйшихъ радѣтелей прокаженныхъ, мы, считая заботу о нихъ одною изъ нашихъ строгихъ обязанностей, принимаемъ въ разсчетъ и здоровое населеніе и опять повторяемъ, что сказали и прежде, что считаемъ кощунствомъ надъ гуманностью оставлять прокаженнаго въ его семьѣ и подвергать такимъ образомъ риску заразы и притомъ ни въ чемъ неповинныхъ и непонимающихъ опасности общенія съ больными дѣтей. Рекомендуя мѣры изоляціи, мы не стѣснялись и не будемъ стѣсняться ни громкими фразами критика, которыя насъ удивить не могутъ, ни указаніями на примѣры „цивилизованныхъ“ и „полуварварскихъ народовъ.“ Намъ до этихъ примѣровъ нѣтъ никакого дѣла, намъ есть дѣло только до того, какимъ образомъ организовать лучше мѣры отдѣленія прокаженныхъ у насъ въ Россіи. Ссылаясь по этому поводу на наши указанія, касающіяся выгодъ и невыгодъ существовавшихъ и существующихъ у насъ системъ изоляціи, на наше письмо къ покойному директору Мед. Департамента Н. Е. Мамонову, мы еще будемъ имѣть случай подробно поговорить объ этомъ вопросѣ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же укажемъ только на то, что ждать, какъ предлагаетъ критикъ, съ мѣрами отдѣленія до того времени, пока не выяснится вопросъ, увеличивается, или уменьшается количество прокаженныхъ у насъ въ Россіи, или пока не опредѣлится *степень* (?!) заразности и условія передачи болѣзни,—мы съ своей стороны считаемъ актомъ непозволительнымъ ни съ научной, ни съ гуманной стороны, такъ какъ признаемъ этотъ актъ равносильнымъ праву экспериментировать надъ сотнями—все таки—семействъ, въ которыхъ есть прокаженные, и надъ лицами, приходящими съ ними въ соприкосновеніе.

Говоримъ все это на основаніи мотивированнаго фактами убѣжденія въ заразительности проказы,—убѣжденія, которое не могли поколебать: ни похвальные отзывы и огромное значеніе, которое даетъ критикъ таблицамъ наслѣдственности Danielssen'a и Boeck'a, не мотивируя при этомъ своихъ похвалъ и указаннаго значенія; ни объясненія критикомъ заболѣванія Ирландца; ни безимянныя наблюденія проф. Полотебнова; ни, наконецъ, его указанія на контрасты, указывающіе, что пути передачи проказы и отношенія къ заразѣ организ-

ма—(предрасположеніе послѣдняго къ заразѣ, или иммунитетъ),—еще далеко не выяснены.

Въ заключеніе кончаемъ тѣмъ, съ чего началъ проф. Полотебновъ.

„У насъ," говоритъ онъ въ вступленіи, „находятся *нетронутыя еще залежи проказы*, а потому вопросъ о заразности этой болѣзни имѣетъ для насъ огромное значеніе. Мнѣ *думается*, что недалеко то время, когда наше общество и наше правительство предъявитъ *русскимъ* врачамъ требованіе отвѣтить на вопросъ: *„заразительна ли проказа*? да или нѣтъ?—И *русскіе* врачи обязаны будутъ дать такой отвѣтъ не съ *чужихъ словъ*, а на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій, къ этому обязываетъ насъ наше національное достоинство и честь русской науки."

Читая цитированное сейчасъ указаніе критика на залежи проказы, на будущія требованія общества и правительства, наконецъ, его горячее воззваніе къ національному достоинству и къ чести русской науки,—намъ невольно приходитъ въ голову рядъ вопросовъ, возбуждаемыхъ не чувствомъ мелкаго личнаго самолюбія, а требованіями—и совершенно правильными—строгой справедливости.

Откуда почерпнулъ критикъ свѣдѣнія о залежахъ—да и притомъ еще не тронутыхъ—проказы въ Россіи?

Далѣе. Что внушило ему мысль о томъ, что общество и правительство предъявитъ вопросъ русскимъ врачамъ: заразительна ли проказа, или нѣтъ?—Мысль, замѣчу, совершенно неправильную, ибо иниціатива постановки такого вопроса всецѣло должна принадлежать врачамъ.

Наконецъ. Развѣ не было кого либо изъ *русскихъ* врачей, который, уважая и національное достоинство, и честь русской науки никакъ не менѣе, если не болѣе проф. Полотебнова, уже поднялъ этотъ вопросъ и притомъ тогда, когда онъ не былъ, какъ выразился одинъ изъ спеціалистовъ, ни *„модными,"* ни *„животрепещущимъ,"* и старался отвѣтить на него не съ *чужихъ* (дѣйствительно) словъ, какъ это дѣлаетъ спеціалистъ же критикъ, а на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій? Или проф. Полотебновъ считаетъ эти наблюденія и изслѣдованія точно также *чужими* словами?

Если мы вѣрно поняли мысль проф. Полотебнова (а понять ее иначе мы не могли), мы должны напомнить ему, что критика, какова бы она ни была, должна имѣть предѣлы, далѣе которыхъ она не должна осмѣливаться идти.

Feci quod potui, faciant meliora potentes!

Проф. Г. Минхъ.

Кіевъ, 15 февраля 1891 года.

Гомеопатія какъ медико-философская система въ ея прошломъ и въ настоящемъ.

Глава II.

Избирать предположенія и недоказанныя гипотезы въ руководители при леченіи — было бы глупостью, даже преступленіемъ и злымъ умысломъ противъ человѣчества. **С. Ганеманнъ.**

(Reine Arzneimittellehre. Dresden. 1824. II, 7.).

Самуилъ Ганеманнъ родился въ 1755 г. въ Мейссенѣ, въ семьѣ рисовальщика на фарфорѣ. Въ 1779 г. онъ получилъ степень доктора въ Эрлангенѣ и занялся врачебной практикой сначала въ Дессау, затѣмъ въ Гаммернѣ, близь Магдебурга, но скоро оставилъ ее и принялся за ученыя работы. Переводя въ 1790 г. съ англійскаго „Materiam medicam" Cullen'a, Эдинбургскаго профессора, онъ остановилъ свое вниманіе на дѣйствіи хинной корки при лихорадкѣ. Какъ хорошо знакомый съ исторіей медицины врачъ, Ганеманнъ не могъ не знать ученія Парацельса, Кардануса и др., принимавшихъ „законъ подобія." На основаніи этого онъ сдѣлалъ предположеніе, что препараты хинной коры потому *излечиваютъ перемежающуюся лихорадку*, что они способны вызвать у здороваго состояніе, *подобное* послѣдней. Принимая въ продолженіи нѣсколькихъ дней два раза въ сутки *по полъ-унца* (!) хиннаго порошка, онъ получилъ симптомы, похожіе на перемежающуюся лихорадку (Wunderlich's Geschichte der Medicin. S. 271.). Опытъ съ хиной самъ Ганеманнъ называетъ „первой зарей" новаго ученія. Распространивъ свои взгляды на дру-

гія лекарственныя вещества, онъ въ 1796 г. опубликовалъ первые результаты своихъ работъ въ только что начавшемъ свое существованіе „Журналѣ Гуфеланда", а въ слѣдующемъ году уже сообщилъ о многочисленныхъ гомеопатическихъ излеченіяхъ. Примѣняя сначала большія дозы, онъ получалъ всегда ухудшеніе болѣзни и потому для уменьшенія силы *подобнаго* лекарства пришлось давать его въ *малыхъ* дозахъ, что въ первый разъ было сдѣлано имъ въ 1799 г. при назначеніи белладонны во время лѣтней эпидеміи скарлатины. Какъ *лекарство*, онъ давалъ белладонну по $^1/_{432000}$ грана на пріемъ; съ цѣлью же предохранить отъ зараженія скарлатиной предписывалось по $^1/_{1000000}$ гр. того же средства. Во время возникшей по этому поводу полемики, Ганеманнъ началъ рѣзко нападать на школьную медицину того времени. Въ 1810 г., въ только что вышедшемъ 1-мъ изданіи „Органона", онъ назвалъ свое ученіе *гомеопатіей* (ὅμοιον πάθος—подобное страданіе), противопоставляя его школьной медицинѣ—*аллеопатіи*. Второе „умноженное" изданіе *Органона* появилось въ 1819 г., 3-е—„улучшенное" въ 1824 г., 4-е и 5-е—„умноженныя и улучшенныя" въ 1829 и въ 1833 г.г. Съ 1811—21 г.г. онъ выпустилъ 6 томовъ „*Чистаго Лекарствовѣденія*" (Reine Arzneimittellehre), которое въ теченіи 1822—27 гг. появилось вторымъ „умноженнымъ" изданіемъ. Въ 1813 г. *въ общей прессѣ* напечатана была его статья „Духъ гомеопатической медицины", цѣликомъ помѣщенная потомъ во второмъ изданіи „Reine Arzneimittellehre, подъ заглавіемъ „Geist der homöopatischen Heillehre". Эта статья, изложеніемъ и разборомъ которой мы сейчасъ займемся, вмѣстѣ съ „Опытной медициной" (*Heilkunde der Ertahrung.* Hufeland's Neues Journal der pract. Arznei—u. Wundarznei—kunde 1805. XXII. 3 St, 1—99), представляетъ, по выраженію самого Ганеманна, „систематическое изложеніе" гомеопатическаго ученія (Reine Arzneim. III, S. 5.). Съ 1821 г. основатель гомеопатіи переселяется въ Köthen и въ 1828 г. издаетъ 3 тома „Хроническихъ болѣзней" (Die Chronischen Krankheiten, ihre eigenthümliche Natur und homöopatische Heilung. Dresden u. Leipzig. 1828. I—III.). Въ 1834 г. Ганеманнъ поселяется въ Парижѣ, гдѣ умеръ въ 1843 г.

Послѣдователи гомеопатіи, даже стремящіеся быть найболѣе объективными, какъ Р. Юзъ, при оцѣнкѣ дѣятельности Ганеманна, различаютъ въ ней *два* періода. Все написанное имъ съ 1790 по 1821 гг., по словамъ Юза, „отличается положительностію, логично-

стію, основательностію и потому всегда будетъ имѣть цѣну". Дѣятельность втораго періода представляетъ лишь относительное значеніе. „Переселившись въ 1821 г. изъ Лейпцига въ Кётенъ, Ганеманнъ промѣнялъ дѣятельную общественную жизнь на уединеніе и узкость. Въ умѣ его началось царство гипотезъ—физіологическихъ, патологическихъ, фармакологическихъ". Разнаго рода прибавленія, сдѣланныя имъ за этотъ періодъ въ *Органонъ*, по Юзу, удачно называются „романтизмомъ гомеопатіи" (*Юзъ* „Ганеманнъ какъ врачъ-философъ", перев. съ англійскаго. Спб. 1882 г., стр. 38—39). При этомъ англійскій гомеопатъ страннымъ образомъ заявляетъ, что „гипотеза о происхожденіи многихъ хроническихъ болѣзней отъ псоры *впервые* является только *въ 4-мъ изданіи* Органона", т. е. въ 1829 г., теорія *о динамизаціи* лекарствъ приведена имъ *только въ 5 изданіи*, а ученіе о *жизненной силѣ* „впервые упоминается въ 4 изд. и развивается лишь въ 5 изданіи (§§ 9—16)" (Юзъ, стр. 6—7). „Эти философскіе взгляды Ганеманна въ его *послѣ*—Лейпцигскій періодъ (1821—43 г.г.), въ томъ числѣ и позднѣйшее ученіе его о „динамизаціи", по словамъ г. Бразоля, не раздѣляются въ настоящее время большинствомъ врачей—гомеопатовъ и во всякомъ случаѣ не имѣютъ ничего общаго съ фактическою, опытною и экспериментальною стороной гомеопатической терапіи" (Отвѣтъ С.П.Б. Общества врачей—гом. Кіев. мед. факультету. 1887 г., стр. 7). На мой взглядъ, историческая справка г. Юза рѣшительно грѣшитъ противъ точности. Гипотеза *о псорѣ* впервые зараждается и назрѣваетъ въ головѣ Ганеманна, по его собственнымъ словамъ, въ 1816—1817 г., т. е. еще въ Лейпцигѣ, и только опубликована имъ въ 1828 г. (Die Chronischen Krankheiten. I, S. 7.). Ученіе *о динамизаціи* или о возрастаніи силы лекарствъ при взбалтываніи и растираніи, по словамъ того же Юза (стр. 46), упоминается уже въ 3-мъ изд. *Органона*, а въ 1827 г., въ статьѣ „Какимъ образомъ малыя дозы столь разведеннаго лекарства, какое предписываетъ гомеопатія, могутъ имѣть еще силу и притомъ большую силу" (Reine Arzneimittellehre. Bd. VI.), оно признается уже существеннымъ предметомъ (Hauptsache) въ гомеопатіи. Говоря о приготовленіи *антипсорныхъ* средствъ, Ганеманнъ приписываетъ гомеопатіи пріоритетъ открытія динамизаціи и подъ вліяніемъ ея допускаетъ измѣненіе физико-химической натуры лекарствъ до того, что нерастворимыя въ водѣ и въ спиртѣ вещества становятся растворимыми по-

слѣ растиранія. „Открытіе, которое я здѣсь въ первый разъ публикую", заявляетъ Ганеманнъ (Die chr. Krankheiten. 1828. Th. II, 1.). Несостоятельность этого рода теорій и гипотезъ основателя гомеопатіи, выступившей съ протестомъ *противъ всякаго* теоретизированія, послѣдователи Ганеманна стараются объяснить его дряхлостію и замкнутостію въ Кётенскій періодъ его дѣятельности. На сколько это мнѣніе основательно—увидимъ ниже.

Исходнымъ пунктомъ гомеопатической доктрины является *эмпиризмъ* и положенія *Книдской* школы, скрашенныя воздѣйствіемъ на нихъ современныхъ Ганеманну ученій. „Только злоупотребленіемъ свойственными человѣческому духу стремленіями къ высшимъ цѣлямъ—постигнуть безконечное—объясняется то дерзкое вторженіе въ область невозможнаго, тѣ спекулятивныя умствованія о *внутренней сущности* врачебно-дѣйствующаго вещества въ медикаментахъ, о самой *жизненности*, о внутреннемъ, *невидимомъ* складѣ организма въ *здоровомъ* состояніи и объ измѣненіи этой сокровенной внутренности, *обусловливающемъ болѣзнь*, т. е. о *внутренней природѣ и сущности болѣзни*, ложно называемой „ближайшей внутренней причиной". Все это, по его словамъ, не больше, какъ „игра фантазіи и остроумія" (physiogenische und pathogenische Poësie). Далѣе, вмѣстѣ съ *Сталемъ*, онъ, вопреки ятрофизикамъ и химіятрикамъ, признаетъ, что всѣ открытія въ области физики и химіи не могутъ годиться для объясненія „даже малѣйшей функціи живаго, здороваго или больнаго организма". „Всѣ вымышленныя теоремы относительно функцій, внутреннихъ формъ и составныхъ частей живаго *мозга* въ здоровомъ и въ болѣзненномъ состояніи, всѣ безчисленныя спекуляціи о природѣ воспаленій, всѣ гипотезы о природѣ воды и теплорода, пока существуетъ свѣтъ, не въ состояніи ни разгадать, ни назвать специфическое лекарство при *phrenitis* отъ солнечнаго удара" (Organon der rationellen Heilkunde. Dresden. 1810. §§ 13 u. Anmerkung).

Отвергая всякое значеніе физико-химическихъ процессовъ при объясненіи явленій жизни, Ганеманнъ въ сущности является усерднымъ виталистомъ. „*Что такое жизнь*—можно знать только эмпирически, по ея *обнаруженіямъ и проявленіямъ*, посредствомъ же мета-

физическихъ спекуляцій, a priori, совершенно немыслимо. Что такое жизнь сама по себѣ и по своей внутренней сущности—никогда смертному не узнать и не дойти посредствомъ предположеній. Жизнь человѣка, также какъ и его двоякое состояніе (здоровье и болѣзнь), продолжаетъ Ганеманнъ далѣе, не можетъ быть истолкована посредствомъ положеній, употребительныхъ при объясненіи другихъ предметовъ, не можетъ быть ни съ чѣмъ въ мірѣ сравнена, какъ только сама съ собой—ни съ механическимъ приборомъ, ни съ гидравлической машиной, ни съ химическимъ процессомъ, ни съ разложеніемъ, или съ развитіемъ газовъ, ни съ гальванической баттареей, ни съ чѣмъ мертвымъ. Человѣческая жизнь протекаетъ *безъ всякаго отношенія* къ чисто-физическимъ законамъ, имѣющимъ значеніе только въ неорганической природѣ. Матеріальныя вещества, изъ которыхъ составленъ человѣческій организмъ, въ живомъ своемъ соединеніи *не слѣдуютъ болѣе* тѣмъ законамъ, которымъ подчинены матеріальныя вещества въ безжизненномъ состояніи, а слѣдуютъ лишь *собственнымъ* законамъ жизненности (Vitalität). *Онъ также воодушевлены и оживлены, какъ воодушевлено и оживлено цѣлое.* Здѣсь господствуетъ безъименная, всемогущая сила (Grundkraft), которая уничтожаетъ всякую наклонность *составныхъ частей* организма слѣдовать законамъ давленія, удара, силѣ инерціи, броженія, гніенія и т. д. и подчиняетъ ихъ удивительнымъ законамъ жизни, т. е. удерживаетъ ихъ въ состояніи ощущенія и дѣятельности, относящихся къ поддержанію живаго цѣлаго,—въ состоянін почти духовно-динамическомъ („in einem fast *geistig* dynamischen Zustande"—Geist der homöop. Heillehre, S. 4—5).

До сихъ поръ Ганеманнъ вполнѣ слѣдуетъ туманнымъ воззрѣніямъ *виталистовъ*, принимающихъ за *жизненную силу* въ сущности лишь тѣ *формы*, въ которыхъ проявляется жизнь организма и его отдѣльныхъ тканей. Роль объединителя и регулятора жизненныхъ отправленій онъ отводитъ *духовному* началу, устраняя вовсе вмѣшательство законовъ, которымъ подчиняется матерія—основа организма. Въ „Опытной медицинѣ", говоря о динамическомъ дѣйствіи лекарствъ, онъ выражается такимъ образомъ: „это динамическое дѣйствіе *почти совершенно духовно* также, какъ и сама *жизненность* (Vitalität), посредствомъ которой оно рефлектируется на организмъ." Въ позднѣйшіе годы своей дѣятельности основатель гомеопатіи, от-

тѣняя еще рѣзче духовную природу жизненности, уже признаетъ ее за „силу *аналогичную* физическимъ дѣятелямъ", безъ которой матеріальный организмъ былъ бы лишенъ чувствительности и отправленій, такъ какъ сила эта воодушевляетъ и возбуждаетъ его дѣятельность при жизни и покидаетъ его по смерти". „Эта-то *жизненная сила* (Lebenskraft) первично и разстраивается во время болѣзни и на нее-то и дѣйствуютъ, чрезъ посредство нервовъ чувствъ, болѣзнетворныя силы, какъ натуральныя, такъ и лекарственныя (*Юзъ* „Ганеманнъ какъ врачъ—философъ", стр. 40—41). При своемъ взглядѣ на природу жизненнаго начала, какъ *нематеріальнаго* дѣятеля, Ганеманнъ однако допускаетъ, что „живой человѣческій организмъ первоначально можетъ измѣняться при дѣйствіи *физическихъ потенцій,* но это измѣненіе въ немъ не остается и не продолжается, какъ въ неорганическихъ веществахъ. Напротивъ, живой человѣческій организмъ, посредствомъ антагонизма, стремится проявить прямую противоположность съ внѣшнимъ раздраженіемъ. Это—законъ природы, по которому употребленіе каждаго лекарства уже съ перваго начала возбуждаетъ въ живомъ человѣческомъ организмѣ извѣстныя *динамическія* измѣненія и болѣзненные симптомы (первичное дѣйствіе или перводѣйствіе лекарствъ). Въ отвѣтъ на эти измѣненія организмъ, въ силу собственнаго антагонизма (который во многихъ случаяхъ можно бы назвать стремленіемъ съ самосохраненію), проявляетъ состояніе, прямо противоположное первоначальному (вторичное дѣйствіе или слѣдствіе), какъ напримѣръ при наркотическихъ средствахъ является потеря чувствительности въ первичномъ—и болѣзненность во вторичномъ дѣйствіи" (Geist der homöop. Heillehre, S. 15.).

Какимъ образомъ, *посредствомъ чего*, безъименная, всемогущая основная *жизненная сила*, при ея свойствахъ, можетъ вліять на *матеріальныя* части организма и удерживаетъ ихъ въ „почти динамическомъ состояніи" и на оборотъ, какимъ образомъ „физическія потенціи" вызываютъ въ организмѣ *динамическія* измѣненія и возбуждаютъ въ немъ *стремленіе* къ самосохраненію (Selbsterhaltungs—Trieb) безъ участія матеріальныхъ превращеній,—Ганеманнъ, сочинивъ новый законъ, предпочитаетъ не затруднять себя этими вопросами, столь прямо поставленными, какъ мы знаемъ, еще Лейбницемъ Сталю. Мы можемъ вполнѣ согласиться съ Р. Юзомъ, что „осуждать Ганеманна за такой взглядъ (на сущность жизненнаго процесса) ед-

ва ли справедливо, такъ какъ въ его время этотъ взглядъ, въ той или иной формѣ, былъ повсемѣстно распростаненъ". Но, кажется, каждый вправѣ требовать побольше самостоятельности отъ „реформатора терапіи" и поменьше увлеченія туманными и неосновательными теоріями и гипотезами—отъ человѣка, выступившаго съ обличеніемъ послѣднихъ. Требованіе это тѣмъ болѣе справедливо и законно, что эти воззрѣнія свои творецъ гомеопатіи кладетъ краеугольнымъ камнемъ этіологіи, патологіи и „реформированной" терапіи.

Утверждая, что сущность жизненнаго процесса можно познавать только лишь на основаніи его внѣшнихъ проявленій, отрицая всякое участіе *физико-химическихъ* процессовъ въ физіологической дѣятельности организма, Ганеманнъ подробнѣе развиваетъ свои воззрѣнія. „Такъ какъ внутреніе процессы и отправленія живаго организма непостижимы и—пока мы только люди, а не боги—въ сущности они не могутъ быть познаваемы нами ни въ здоровомъ, ни въ больномъ состояніи, далѣе—такъ какъ всякое *заключеніе отъ внѣшняго къ внутреннему обманчиво*, то познаваніе болѣзни не можетъ быть ни метафизической проблемой, ни измышленіемъ фантазіи. Болѣзнь есть чисто опытный предметъ чувствъ, разъ она, какъ явленіе, можетъ быть воспринята только наблюденіемъ. Каждому безпристрастному человѣку понятно, что всякій болѣзненный случай въ природѣ, при тщательномъ наблюденіи, окажется *отличнымъ отъ другаго*. Ни одно названіе, заимствованное изъ человѣческой патологіи, признающей постоянство болѣзней, не можетъ быть пристегнуто къ столь различнымъ въ дѣйствительности случаямъ и не можетъ дать даже гипотетическаго представленія о болѣзни, которое не было бы воображаемымъ, ложнымъ и невѣрнымъ" (Reine Arzneimittellehre. IV. 14.). За исключеніемъ міазматическихъ болѣзней, причиненныхъ *постоянно одинаковой* причиной (какъ бѣшенство, чума, желтая горячка, оспа, корь и пр.), всѣ остальные болѣзненные случаи до такой степени отклоняются въ своихъ проявленіяхъ другъ отъ друга, что „число ихъ также велико, какъ число словъ, какія можно составить изъ 24 буквъ алфавита. Кто же можетъ сосчитать множество *неоднородныхъ* болѣзней, при безчисленномъ вліяніи большею частью еще неизвѣстныхъ внѣшнихъ агентовъ и почти при такомъ же числѣ ихъ потенцій, поражающихъ организмъ?" („Опытная Медицина", стр. 18—19). „Каждая болѣзнь почти встрѣчается только одинъ разъ въ

мірѣ и каждый случай ея должно разсматривать и пользовать какъ индивидуальную болѣзнь, которая еще нигдѣ не встрѣчалась, какъ только теперь, въ данной особѣ и при данныхъ обстоятельствахъ и, точно также, никогда въ мірѣ болѣе не повторится". *Примѣч.*—„Какимъ же образомъ возможно такія несоединимыя вещи (Inconjugabilia) распредѣлять на классы, порядки, роды, породы, виды и подвиды, подобно органическимъ существамъ и давать *названія* столь невѣроятно сложнымъ состояніямъ духовно-тѣлеснаго микрокосма, которыя способны къ безконечно разнообразнымъ модификаціямъ и оттѣнкамъ и возбуждаются безчисленными и разнообразными потенціями! Милліоны встрѣчающихся почти только одинъ разъ въ мірѣ болѣзненныхъ случаевъ не нуждаются ни въ какомъ названіи, а только въ помощи. По нѣкоторому внѣшнему подобію, по кажущемуся подобію причинъ одного или другаго симптома, соединяютъ болѣзни въ пари, чтобы можно было лечить ихъ подобными лекарствами съ меньшимъ трудомъ" („Оп. мед.", 23.). Еще рѣзче высказывается Ганеманнъ противъ *классификаціи* болѣзней въ §§ 45 и 46 Органона, признавая всякую попытку въ этомъ родѣ покушеніемъ на *индивидуальность* болѣзни, на „уродованіе божьяго творенія". [1])

Болѣзнь, по мнѣнію Ганеманна, есть выраженіе измѣненія *духовной* дѣятельности организма, а *не анатомическаго субстрата*. „Такъ какъ состояніе организма и его здоровье зависитъ только отъ состоянія оживляющей его жизни, то отсюда слѣдуетъ, что измѣненное здоровье, которое мы называемъ болѣзнью, есть равнымъ образомъ нарушеніе не въ химическихъ, физическихъ или механическихъ отношеніяхъ. Первоначально это есть только разстройство жизненныхъ чувствованій и дѣятельностей, т. е. динамически измѣненное состояніе человѣка, измѣненное бытіе, посредствомъ (*durch*) котораго потомъ разстраивается въ своихъ свойствахъ матеріальныя составныя части тѣла, въ зависимости отъ состоянія живаго цѣлаго въ каждомъ разѣ. И вліяніе болѣзнетворныхъ *вредностей*, которыя по

[1]) Странными и тенденціозными кажутся намъ, послѣ этого, усилія Р. Юза толковать столь ясно выраженныя положенія патологіи Ганеманна въ томъ смыслѣ, что онъ допускаетъ существованіе отдѣльныхъ *типовъ* болѣзни и „не противится попыткамъ врачей различать и классифицировать болѣзни" (*Юз.* „Ганеманнъ какъ врачъ-философъ", 25—27.).

большей части *извнѣ* возбуждаютъ въ насъ различныя зараженія, обыкновенно, *столь невидимо и нематеріально* (за исключеніемъ хирургическихъ болѣзней и обремененій кишечника неудобоваримой пищей), что эти вредности рѣшительно не въ состояніи *непосредственно* механически разстроить или измѣнить форму и матерію составныхъ частей нашего организма или же способствовать изліянію въ наши жилы какой нибудь острой жидкости, чѣмъ могла бы измѣняться или портиться масса нашихъ соковъ—какъ это неумѣстно, бездоказательно и грубо представляютъ себѣ *механическія* головы. Болѣзнетворныя причины посредствомъ своего *виртуальнаго* свойства дѣйствуютъ преимущественно на состояніе нашей жизни (на наше здоровье) только *динамическимъ способомъ, очень подобнымъ духовному.* Измѣняя ближайшимъ образомъ органы высшаго порядка и жизненную силу, эти причины посредствомъ нарушенія бытія, посредствомъ разстройства жизненнаго цѣлаго, вызываютъ измѣненія чувствованія (неудовольствіе, боль) и измѣненіе дѣятельности (ненормальная функція) отдѣльныхъ и всѣхъ вообще органовъ. А результатомъ этого (*wodurch*) потомъ *вторично* необходимо должно явиться *измѣненіе соковъ* въ нашихъ сосудахъ и отдѣленіе *ненормальныхъ веществъ*, какъ неизбѣжное слѣдствіе нарушеннаго, уклонившагося отъ нормы, характера жизни [1]). Эти *ненормальныя вещества*, появляющіяся при болѣзни, представляютъ собой только *продукты* самой болѣзни, которые, коль скоро послѣдняя удерживаетъ свой настоящій характеръ, необходимо должны отдѣлиться и такимъ образомъ развить часть болѣзненныхъ признаковъ—*симптомы.* Они составляютъ только *эффектъ* и *послѣдовательное проявленіе* наличнаго внутренняго нездоровья и, часто

---

[1]) Нельзя не отмѣтить здѣсь нелогичности и противорѣчія виталистическихъ разсужденій автора: рѣшительно утверждая, что *невидимая и нематеріальная* болѣзнетворная причина не въ состояніи вызвать механическихъ или химическихъ разстройствъ въ организмѣ, а нарушаетъ лишь ходъ динамическихъ процессовъ, Ганеманнъ въ тоже время признаетъ за измѣненными чувствованіемъ и функціей,—т. е. *за динамическими же, нематеріальными*, нарушеніями жизненнаго процесса—способность причинять *матеріальныя* разстройства, вызывать появленіе болѣзненныхъ продуктовъ. Затѣмъ, принявъ, что эти послѣдніе способны образовать *часть больныхъ симптомовъ*, посредствомъ которыхъ въ сущности, по воззрѣніямъ Ганеманна, только и можетъ проявиться болѣзнь, онъ въ тоже время старается убѣдить читателя, будто эти матеріальныя измѣненія не служатъ *причиной болѣзни*, т. е. въ томъ числѣ и части *вызванныхъ* ими симптомовъ.

заключая въ себѣ заразу для другихъ, эти вещества вовсе не дѣйствуютъ на больной, выдѣлившій ихъ организмъ, какъ вызывающее или поддерживающее болѣзнь вещество, т. е. *не дѣйствуетъ, какъ матеріальная причина болѣзни*“ (Reine Arzneimittellehre. II, 5—6).

Въ 4-мъ изданіи *Органона*, которое гомеопатъ Гиршель признаетъ наилучшимъ, Ганеманнъ выражается такъ: „въ угоду нашей глупости, болѣзни не могутъ перестать быть (духовными) динамическими извращеніями нашей духовной жизни въ чувствахъ и въ дѣятельностяхъ, т. е. *нематеріальнымъ* измѣненіемъ нашего состоянія . . . . Матеріальными же не могутъ быть причины нашихъ болѣзней, такъ какъ самое ничтожное постороннее вещество (*примѣч.*, жизнь находится уже въ опасности, когда немного воды впрыскивается въ вену), хотя оно и кажется намъ нѣжнымъ, послѣ впрыскиванія въ сосуды, быстро удаляется жизненной силой, какъ ядъ, или, гдѣ этого не случается, наступаетъ смерть . . . . Если бы даже приложеніе какого нибудь матеріальнаго вещества къ кожѣ или въ рану и вызвало болѣзнь чрезъ зараженіе, то кто можетъ доказать, что изъ этого вещества въ наши соки поступило что нибудь матеріальное или всосалось? Никакое, даже самое тщательное и быстрое омовеніе половыхъ частей не защищаетъ отъ зараженія венерической болѣзнью. Уже вѣтерокъ, переходящій отъ больнаго оспой, можетъ вызвать эту ужасную болѣзнь у здороваго ребенка. Много ли матеріальнаго вещества на вѣсъ могло всосаться такимъ образомъ? Можно ли здѣсь и во всѣхъ этихъ случаяхъ думать о матеріальномъ, переходящемъ въ кровь, веществѣ болѣзни“ (Köppe's „Die Homöopathie Hahnemann's u. die der Neuzeit“. Berlin. 1881, S. 9—10) [1]).

Отрицая и порицая „спекулятивныя умствованія“ о внутренней цѣлебной сущности лекарствъ, о сущности жизни и здоровья, о причинахъ болѣзней, Ганеманнъ въ свою очередь, какъ мы видимъ, необузданно предается „физіогенетической и патогенетической поэзіи“, принявъ за основу своей медицины одну изъ самыхъ односторонних современныхъ ему теорій—витализмъ Сталя. Отвергнувъ значеніе фи-

[1]) Очевидно, что и *міазмы*, лежащіе въ основѣ такихъ болѣзней *однородныхъ* (gleichartige), какъ корь, чума, бѣшенство, и пр., [о которыхъ мы упоминали по цитатѣ изъ „Опытной Мед.“ стр. 18—19), понимаются Ганеманномъ въ *нематеріальномъ* смыслѣ.

зико-химическихъ законовъ въ происхожденіи и направленіи процессовъ здороваго и больнаго организма, онъ признаетъ основой и сущностью жизни *духовное начало*. Вмѣсто ятрохимическихъ и ятромеханическихъ заблужденій, слишкомъ рано пытавшихся обосновать отправленія человѣческаго организма на *матеріальныхъ* измѣненіяхъ его твердыхъ и жидкихъ частей, Ганеманнъ ставитъ туманную „жизненную силу", надѣляетъ ее фантастическими свойствами, по которымъ она самостоятельно, независимо отъ матеріи, способна подвергаться *качественнымъ* измѣненіямъ, заболѣваніямъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ, которыя онъ въ другомъ мѣстѣ (Reine Arzneimittel. II, 19) признаетъ „то физическими, то психическими силами (Potenzen) природы." Отдѣливъ такимъ образомъ произвольно и безъ малѣйшаго основанія *духовное*, количественное отъ *матеріальнаго*, качественнаго, онъ отводитъ первому исключительно активную роль и вездѣ игнорируетъ *матерію* организма. Результатомъ этого является обычная туманность и ничѣмъ неустранимое противорѣчіе его патологическихъ воззрѣній. И если бы онъ ограничился своимъ мистически-философскимъ опредѣленіемъ *понятія* болѣзни, какъ первоначально только динамическаго нарушенія характера жизни организма, причиненнаго „почти только духовно-динамическимъ и виртуальнымъ дѣйствіемъ болѣзнетворныхъ вредностей", то его ученіе испытало бы участь другихъ безпочвенныхъ мистическихъ доктринъ. Но основатель гомеопатіи ставитъ своему ученію болѣе широкія практическія задачи—„пріятное, скорое и прочное возстановленіе здоровья или устраненіе и уничтоженіе болѣзни въ цѣломъ ея объемѣ" (Organon. 1810., § 2). Соотвѣтственно этому, „для *практическихъ цѣлей*" (Юзъ. „Ганеманнъ какъ врачъ—философъ", стр. 23), онъ нѣсколько *иначе* опредѣляетъ *понятіе* болѣзни. „Невидимое внутреннее и видимое внѣшнее болѣзненныя измѣненія здоровья (совокупность симптомовъ) вмѣстѣ представляютъ то, что называется болѣзнью. Оба вмѣстѣ они составляютъ болѣзнь" (Organon. § 6.). „Безпристрастный наблюдатель, сознающій ничтожество абстрактныхъ спекуляцій, даже самый остроумный, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ болѣзни ничего другаго не воспринимаетъ, какъ только доступныя чувствамъ измѣненія въ состояніи тѣла и души, т. е. замѣченныя самымъ больнымъ, врачемъ и окружающими уклоненія отъ прежняго здороваго состоянія. Всѣ *замѣченные признаки вмѣстѣ* образуютъ форму болѣзни" (Org., § 8.). „Такъ какъ въ болѣзняхъ

только они и бываютъ видимы, то *единственно только симптомы и опредѣляютъ отношеніе болѣзни къ потребному лекарству* и указываютъ на помощь. Слѣдовательно, *этотъ симптомокомплексъ, эта наружу отраженная картина внутренней сущности болѣзни* единственно только и въ состояніи—со стороны болѣзни—открыть для нея лекарство, единственно только и можетъ опредѣлить выборъ соотвѣтствующаго средства" (Org., § 9.). „Только комплексъ всѣхъ вмѣстѣ симптомовъ какой нибудь болѣзни представляетъ эту болѣзнь въ цѣломъ ея объемѣ" (Org., § 10). „Нельзя полагать, да и никакой опытъ въ мірѣ не докажетъ, что, съ устраненіемъ всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ (*всего объема видимыхъ признаковъ*), что нибудь другое остается, или можетъ оставаться, кромѣ здоровья, и чтобы внутреннее болѣзненное измѣненіе организма было не уничтожено" (Org., § 11). Почти буквально это положеніе повторяется на стр. 7—8 его Reine Arzneimittellehre II. и въ „Опытной мед.", стр. 24.

Такимъ образомъ, для *практическихъ* цѣлей, для распознаванія и устраненія болѣзни, существенную роль, по Ганеманну, играетъ только *комплексъ симптомовъ*. Поэтому не безъинтересно вспомнить, изъ чего образуется комплексъ по смыслу патологіи Ганеманна. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, явленія, составляющія послѣдствіе *первичнаго* измѣненія *жизненной* силы (Lebenskraft) и органовъ высшаго порядка, т. е. разстройства въ сферѣ движенія и чувствованій подъ вліяніемъ динамически-нематеріальной причины. Затѣмъ, „какъ неизбѣжное слѣдствіе нарушенія уклонившагося отъ нормы характера жизни" является „*вторичное* измѣненіе соковъ въ сосудахъ и отдѣленіе ненормальныхъ веществъ." Образованіе этихъ продуктовъ болѣзни, какъ мы уже знаемъ, въ свою очередь сопровождается развитіемъ „части болѣзненныхъ признаковъ (*симптомовъ*"), какъ результатъ нарушеннаго органическаго „внутри" (das Innere), картина котораго, по смыслу § 9 Органона, и отражается наружу въ комплексѣ симптомовъ. Въ виду столь важнаго значенія этихъ измѣненій „внутри", мы вправѣ ожидать, что Ганеманнъ признаетъ ихъ значеніе при оцѣнкѣ *симптомовъ*. Между тѣмъ не только въ *діагностическомъ* отношеніи, но и для терапевтическихъ цѣлей онъ считаетъ достаточнымъ опредѣленіе лишь наличной совокупности симптомовъ. Съ устраненіемъ „отраженнаго наружу" *изображенія*, по мнѣнію Ганеманна, исчезаетъ и самый предметъ, дававшій это изображеніе, т. е. всѣ *внут-*

ренніе динамическія и матеріальныя измѣненія организма. Это крупное недоразумѣніе Ганеманновскаго витализма въ значительной степени содѣйствовало *упрощенію* гомеопатической діагностики и терапіи, но вмѣстѣ съ симъ послужило причиной многочисленныхъ противорѣчій, приведшихъ основателя гомеопатіи въ концѣ концовъ *къ теоріи псоры*. Но разладъ теоріи съ практическими положеніями Ганеманновской гомеопатіи еще нагляднѣе иллюстрируются при сопоставленіи выдержки изъ его „Опытной медицины" стр. 24 съ § 6 *Органона*. „Къ обоснованію леченія, говоритъ онъ въ „Оп. Мед.", принадлежитъ вѣрная картина болѣзни въ ея признакахъ и затѣмъ, гдѣ это возможно, знаніе предрасполагающей и возбуждающей причины, дабы рядомъ съ лекарственнымъ леченіемъ можно было и ихъ устранить—посредствомъ регулированія образа жизни—и избѣгнуть возврата." Здѣсь Ганеманнъ смотритъ совершенно трезво на вещи. Но прошло нѣсколько лѣтъ. Въ качествѣ „реформатора" практической медицины, онъ порвалъ всякую связь съ раціональной медициной. Воззрѣнія его перемѣнились (впрочемъ, съ этимъ намъ прійдется не разъ встрѣчаться въ изложеніи системы Ганеманна). Опредѣливъ понятіе о болѣзни, какъ совокупности симптомовъ въ § 6, авторъ *Органона* философствуетъ такъ: „я, поэтому, не понимаю, какъ могли признавать измѣненное при болѣзни „внутри" за нѣчто постороннее и самостоятельное, за *условіе болѣзни*, за внутреннюю ближайшую первую причину ея (prima causa). Для появленія извѣстнаго предмета или состоянія необходима первая ближайшая причина, но разъ они существуютъ, то теперь нѣтъ уже надобности въ первой и ближайшей причинѣ ихъ возникновенія. Точно также продолжаетъ свое существованіе и разъ возникшая болѣзнь, независимо отъ ея ближайшей причины возникновенія и безъ того, чтобы нуждаться въ присутствіи послѣдней. Какимъ же образомъ устраненіе этой причины можно считать главнымъ условіемъ излеченія болѣзни? Невозможно, чтобы въ *летящей пулѣ* была присуща первая причина ея полета. Видимое измѣненіе ея представляетъ лишь видоизмѣненіе ея существованія, *измѣненное состояніе*. Полагаю, было бы болѣе чѣмъ смѣшно утверждать, что невозможно основательно устранить это состояніе, что пулю возможно привести въ состояніе покоя не иначе, какъ только изслѣдованіемъ сначала первой причины ея полета, а затѣмъ устраненіемъ этой метафизически распознанной причины (primae causae) или

удаленіемъ лежащихъ въ основѣ этого полета измѣненій, возникшихъ *во внутреннемъ существѣ* пули (какъ выражаются иные).—Вовсе нѣтъ! Одинъ единственный толчекъ равной противодѣйствующей силы, противопоставленной полету пули, моментально останавливаетъ ее безъ всякаго невозможнаго метафизическаго изслѣдованія внутренней сущности *состоянія* пули при полетѣ. Достаточно знать только *симптомы полета* этой пули, т. е. силу и направленіе ея поступательнаго движенія, чтобы противопоставить этому состоянію прямо противоположное равной силы противодѣйствіе и такимъ образомъ получить моментальную остановку."

Стараясь втиснуть свою доктрину въ рамки *практическаго* эмпиризма, Ганеманнъ поступается на этотъ разъ своимъ строгимъ витализмомъ: Онъ допускаетъ аналогіи, неумѣстность и странность которыхъ бросается въ глаза каждому. Разсматривая жизненныя явленія, какъ процессъ sui generis, не имѣющій аналогіи съ „мертвой" природой, авторъ *Органона* уподобляетъ человѣческій организмъ *пулѣ*, полетъ которой сравнивается съ *процессомъ*, вызваннымъ какой нибудь болѣзнетворной причиной! Стóитъ знать *силу* и *направленіе полета*, достаточно только найти равное противодѣйствіе и пуля останавливается въ своемъ движеніи. Этимъ примѣромъ Ганеманнъ хочетъ сказать, что для излеченія болѣзни достаточно знать только *симптомы ея*, а *причина*, вызвавшая появленіе ихъ, равно какъ и самыя *измѣненія* „внутри" организма (отчасти лежащія въ основѣ симптомовъ, по его же собственнымъ словамъ) метафизическій вздоръ. Впрочемъ, самъ Ганеманнъ, какъ-бы спохватившись, по поводу приведеннаго сейчасъ примѣра говоритъ: „Это—мимоходомъ сказать—есть между прочимъ подходящій образчикъ измѣненія ненормальнаго состоянія *физическихъ* тѣлъ,—именно посредствомъ прямо противоположнаго. Такъ, кипящая вода принимаетъ умѣренную температуру послѣ прибавленія къ ней извѣстной порціи снѣга, кислота подъ вліяніемъ щелочи теряетъ свою кислотность и становится нейтральной солью, чрезъ-чуръ растянутое можно сократить, сжатое—расширить, слишкомъ сухое притягиваетъ влагу изъ воздуха и т. д. Такимъ образомъ большая часть перемѣнъ ненормальнаго состоянія физическихъ тѣлъ совершается природой извнѣ посредствомъ *противоположенія*. Но живой животный организмъ, напротивъ, для устраненія своего болѣзненно измѣненнаго состоянія нуждается въ совершенно отличныхъ

отъ этого законахъ: тутъ не имѣетъ значенія законъ противоположенія, примѣнимый къ измѣненію состоянія *неживой* природы." Другими словами—то, что имѣетъ значеніе для неорганической и вообще мертвой природы, совершенно не примѣнимо къ органическому и живому. Для чего же, послѣ этого, Ганеманнъ приводилъ свою ничего неразъясняющую аналогію между двумя *несравниваемыми* и даже *противоположными* предметами—живымъ организмомъ и пулей. Очевидно, эта странная аналогія служила для Ганеманна предлогомъ прямо и категорически отрицать *принципіальное значеніе* причиннаго показанія и паталого-анатомическихъ измѣненій для цѣлей практической медицины. Сравненіе полета пули съ больнымъ организмомъ предназначено было наглядно пояснить столь часто и разнообразно формулированный девизъ его практической терапіи: *съ устраненіемъ симптомовъ болѣзни, въ организмѣ ничего другаго не остается, какъ только здоровье.*

Защитники Ганеманна усиливаются ослабить категорическое значеніе этихъ сужденій учителя. Они приводятъ раньше цитированную нами выдержку изъ „Оп. Мед.", или ссылаются на 5-е изданіе его *Органона* (Лекціи Бразоля. I. 47), въ которыхъ Ганеманнъ признаетъ необходимымъ устраненіе *очевидныхъ* возбуждающихъ или поддерживающихъ болѣзнь *причинъ* (causa occasionalis), считая въ тоже время излишнимъ доискиваться ихъ въ случаяхъ *чисто динамическихъ* заболѣваній, когда причины нематеріальны и невидимы (ср. „Опытная Мед.", стр. 25. Примѣчаніе). Единственный выводъ, какой можно сдѣлать изъ сопоставленія этихъ выдержекъ, принадлежащихъ къ различнымъ періодамъ авторской дѣятельности Ганеманна, тотъ—что Ганеманнъ не смущался противорѣчіемъ теоретическихъ сужденій съ практическими положеніями своего ученія и не стѣснялся при случаѣ замѣнять или пополнять ихъ одно другимъ. Съ своей стороны Юзъ, въ его апологіи ученія Ганеманна, оправдываетъ отрицательное отношеніе послѣдняго къ *паталого-анатомическимъ* измѣненіямъ въ организмѣ не только съ точки зрѣнія терапевтической, но и діагностической. „Ганеманна обвиняютъ преимущественно въ томъ, что онъ игнорируетъ патологію и въ особенности патологическую анатомію, но при этомъ упускаютъ изъ виду его цѣль. Онъ излагаетъ *цѣлительныя показанія* къ болѣзни, т. е. то, что врачъ можетъ и долженъ знать, чтобы излечить ее. При чемъ тутъ посмертныя патоло-

гическія изслѣдованія? Они даютъ намъ *результаты*, къ тому же въ большинствѣ случаевъ конечные результаты, болѣзненнаго дѣйствія, когда уже процессъ развился настолько, что не уступаетъ никакимъ средствамъ. Для излеченія необходимо захватить его ранѣе, до наступленія того „распаденія внутреннихъ частей", которое Ганеманнъ признаетъ „непреодолимымъ препятствіемъ къ выздоровленію". А какъ распознать это, если не по симптомамъ? Никакой микроскопъ не способенъ обнаружить первые признаки цирроза печени или склероза мозга, между тѣмъ больной не только *ощущаетъ*, но даже иногда проявляетъ ихъ. Нерѣдко еще задолго до появленія патогномическихъ физическихъ признаковъ такихъ болѣзней наступаетъ безпокойное ощущеніе въ печени, покалываніе, или замѣчается измѣненіе въ расположеніи духа и въ походкѣ. Невозможно оцѣнить всю пользу, которую могутъ принести данныя въ это время соотвѣтствующія лекарства, то вліяніе, которое они оказываютъ на прекращеніе болѣзненнаго процесса" („Ганеманнъ какъ врачъ—философъ, стр. 24—25). Читаешь эту курьезную апологію *ученаго* гомеопата и не знаешь, чему болѣе дивиться: произвольному ли толкованію словъ его учителя—который, въ вышеприведенной аналогіи больнаго организма съ летящей пулей, категорически высказывается противъ самаго *принципа* изученія внутреннихъ измѣненій безразлично, находятся ли они на лицо у живаго больнаго или у мертваго человѣка—дивиться ли чрезъчуръ *тонкому* и смѣлому діагнозу гомеопата, распознающаго и *излечивающаго*(!) циррозъ печени и склерозъ мозга по „безпокойнымъ(?) ощущеніямъ печени" или по измѣненію въ *расположеніи духа* и въ *походкѣ пациента*, или же, наконецъ,—грубому непониманію сущности и основныхъ задачъ патологической анатоміи. Юзъ съ серьезной миной говоритъ о „патологическихъ результатахъ", о патологическихъ измѣненіяхъ *въ трупѣ*, игнорируя умышленно или по невѣденію изслѣдованія *экспериментальной* патологіи и методъ *непосредственнаго* наблюденія, выяснившихъ сущность матеріальныхъ измѣненій при такихъ болѣзненныхъ процессахъ, какъ воспаленіе, тромбозъ и эмболія, заживленіе ранъ, заразительность разнаго рода заболѣваній и пр. въ *живомъ* организмѣ. Авторъ апологіи Ганеманна, вмѣстѣ съ цитированнымъ у него Клотаръ Миллеромъ, забываютъ, что „изученіе болѣзней въ свѣтѣ окончательныхъ органическихъ результатовъ и патологическій *экспериментъ*, если не всегда создаютъ показанія

ченіе болѣзней въ свѣтѣ окончательныхъ органическихъ результатовъ и патологическій *экспериментъ*, если не всегда создаютъ показаніе для леченія, то во всякомъ случаѣ даютъ намъ возможность правильно оцѣнивать значеніе симптомовъ при распознаваніи и контролируютъ въ каждомъ разѣ эффектъ предпринятаго нами леченія. Изученіе матеріальныхъ измѣненій въ паталого-анатомической картинѣ болѣзней гарантируетъ врача отъ того, чтобы онъ могъ принять „покалываніе въ печени“ или „измѣненіе походки“ за серьезное питательное разстройство тканей такихъ важныхъ и сложныхъ органовъ, какъ печень или мозгъ, и приписывать исчезновеніе этихъ симптомовъ эффекту своего мнимаго леченія. Ганеманну, стремившемуся вогнать всѣ свои представленія въ рамки односторонняго витализма и симптоматическаго эмпиризма, излишне было доискиваться всего того, что могло бы пролить хоть малѣйшій свѣтъ на причину заболѣванія, способствовать выясненію сущности процессовъ, лежащихъ въ основѣ *динамическихъ* жизненныхъ отправленій и болѣзненныхъ формъ. Его узко-симптоматическая патологія, діагностика и терапія не нуждалась въ данныхъ анатоміи, физіологіи и патологіи. Изъ боязни впасть въ ненавистное (не всегда, впрочемъ!) для него теоретизированіе, въ изложеніи всей своей доктрины онъ тщательно избѣгаетъ задавать себѣ вопросы—*отчего? почему? какимъ образомъ?* [1]) Для него достаточно констатировать существованіе факта отличія процессовъ жизненныхъ отъ процессовъ, совершающихся въ мертвой природѣ, указать наличность *видимыхъ* измѣненій, а на всѣ остальные вопросы у него всегда готовъ одинъ отвѣтъ (да и то, если вопросъ слишкомъ уже прямо и неизбѣжно ставится): такъ угодно Творцу. Отсюда вытекаетъ простота его философскихъ воззрѣній. Здѣсь кроется причина его поверхностныхъ аналогій и несложности требованій, предъявляемыхъ врачу при распознаваніи и леченіи болѣзни. Задача врача, по Ганеманну, сводится къ простѣйшему *копированію* замѣченныхъ или продиктованныхъ больнымъ и окружающими внѣшнихъ

[1]) Вопросъ о *причинѣ* появленія болѣзни при снятіи экзамена у больнаго Ганеманнъ рекомендуетъ предлагать подъ конецъ. Довѣряя безъ разсужденій всѣмъ остальнымъ показаніямъ пацієнта и окружающихъ, онъ слишкомъ скептически относится къ ихъ объясненію причинъ заболѣванія (Опытная Мед., стр. 31).

симптомовъ и разстройствъ самочувствія и къ отысканію опять таки внѣшнихъ аналогій и различій между симптомами болѣзненными и лекарственными. Но при этомъ Ганеманнъ упустилъ изъ виду, что *на дѣлѣ* задача врача можетъ значительно усложняться тѣмъ, что больные нерѣдко преувеличиваютъ, извращаютъ и даже сочиняютъ симптомы (умышленно, какъ симулянты или неумышленно—истеричные). Затѣмъ всякому извѣстно, что существуетъ рядъ страданій, которыя *не проявляются* ни внѣшними (объективными), ни субъективными признаками, какъ медленно растущія раковыя и другія опухоли внутреннихъ органовъ, острыя или хроническія воспаленія послѣднихъ, напр. острое воспаленіе легкихъ у пьяницъ, начало чахотки, аневризмы внутреннихъ сосудовъ, заболѣванія печени, сердца, панкреатической железы, случаи эпилепсіи (особенно ночной) и пр. Очевидно, признавать во всѣхъ такихъ случаяхъ „полное здоровье“ только потому, что мы *не слышимъ* жалобъ больнаго, *не видимъ* разстройствъ въ чувствованіи и въ дѣятельности человѣка, не позволяетъ логика вещей точно также, какъ признать наличность страданія *у притворяющихся*. Далѣе, противъ отождествленія симптомовъ „для практическихъ цѣлей“ съ сущностью болѣзни говоритъ существованіе *сходныхъ* болѣзненныхъ формъ, въ основѣ которыхъ лежатъ *различныя* причины, напр. сходство картины начинающагося *менингита* съ острой *катарральной* лихорадкой у дѣтей, или симптомовъ острой просовидной *бугорчатки* съ *тифомъ*, подобіе *лекарственныхъ* и *натуральныхъ* болѣзней въ гомеопатіи и проч. Наконецъ, теченіе болѣзней развѣ не доказываетъ на каждомъ шагу, что игнорировать причину и матеріальныя разстройства организма мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. Вѣдь, вообще говоря, разстройство въ организмѣ продолжается до тѣхъ поръ, пока *причина* болѣзни находится въ тѣлѣ. Особенно это примѣнимо къ той группѣ заболѣваній (динамическихъ по Ганеманну), причина которыхъ *не очевидна*, т. е. къ такъ называемымъ инфекціоннымъ (заразнымъ) болѣзнямъ, ходъ развитія которыхъ зависитъ какъ отъ энергіи внѣшней болѣзнетворной причины, такъ и отъ условій жизненной сопротивляемости организма. Впрочемъ это впослѣдствіи призналъ и самъ Ганеманнъ для *хроническихъ* болѣзней, на которыхъ онъ воочію убѣдился, что устраненіе отдѣльныхъ симптомовъ недостаточно для полнаго излеченія болѣзни.

Резюмируемъ кратко положенія физіологіи и патологіи человѣческаго организма по философскимъ воззрѣніямъ Ганеманна.

Прочное знаніе объ окружающемъ мірѣ человѣкъ получаетъ лишь изъ опыта посредствомъ органовъ чувствъ. Теоретическія умствованія о внутренней сущности вещей вообще, и въ частности о сущности жизненнаго процесса, о внутренней природѣ лекарствъ, о сущности болѣзни составляютъ злоупотребленіе присущими человѣческому духу стремленіями къ высшимъ цѣлямъ. Въ краткой и характерной оцѣнкѣ Ганеманна они называются „игрой фантазіи и остроумія“. Эти немногими словами авторъ *Органона* устанавливаетъ свою философски-эмпирическую точку зрѣнія на медицину. Все, что мы знаемъ о сущности жизненнаго процесса, ограничивается получаемыми нами чувственными воспріятіями. Никакія аналогіи этого процесса съ явленіями окружающаго міра не могутъ объяснить сущности жизни. Законы физическіе, химическіе и механическіе, которымъ подчиняется видимый неодушевленный міръ, не управляютъ явленіями живаго организма. Организованная *живая* матерія подчиняется законамъ жизненности (Vitalität), которая, такъ сказать, *одухотворяетъ* матерію составныхъ частей организма, не допускаетъ ее слѣдовать законамъ мертвой природы, удерживаетъ ее въ духовно динамическомъ состояніи, необходимомъ для поддержанія живаго цѣлаго. Жизненность, или основная жизненная сила, о существованіи которой мы узнаемъ по ея обнаруженіямъ или проявленіямъ въ формѣ чувствованій и движенія, подъ вліяніемъ различныхъ, воздѣйствующихъ на нее снаружи причинъ, можетъ разстраиваться, заболѣвать—слѣдовательно измѣнять форму своихъ наружныхъ проявленій, характеръ сначала *духовной* дѣятельности, а потомъ и *составъ* матеріальныхъ составныхъ частей организма. Очевидно, что разстроенная внѣшними вреднымя *потенціями* основная жизненная сила *сама себѣ* помочь не въ состояніи. Чтобы привести ее въ нормальное состояніе, чтобы возстановить здоровье больнаго организма, необходимо вмѣшательство *внѣшней измѣняющей силы* (Umstimmungskraft). Мотивы, представленные Генеманномъ для этого его основнаго положенія, очень интересны. „Старая медицинская школа, говоритъ онъ, въ своихъ скудно вознаграждающихся усиліяхъ—да и то только при умѣренныхъ *острыхъ* заболѣваніяхъ—слѣдовала процессу грубой природы [она подражала только предоставленной самой

себѣ въ болѣзняхъ жизненной силѣ (Lebenerhaltungskraft), которая, то основываясь на органическихъ законахъ тѣла, то дѣйствуя по этимъ органическимъ законамъ, неспособна поступать разумно и обдуманно], той грубой природы, которая не въ состояніи привести въ соприкосновеніе другъ съ другомъ края зіяющей раны и излечить ее, подобно разумному хирургу, которая не умѣетъ направить и приладить другъ къ другу криво стоящіе обломки кости, хотя она и производитъ выпотъ костяной студени (часто въ избыткѣ), не можетъ перевязать поврежденную артерію, но своей энергіей доводитъ раненнаго до смертельнаго истеченія кровью, она не умѣетъ вправить вывихнутую плечевую головку и даже мѣшаетъ искусству вправленія посредствомъ быстраго образованія опухоли. Чтобы удалить занозившійся въ роговицу осколокъ, она разрушаетъ весь глазъ нагноеніемъ, а ущемленную паховую грыжу, при всемъ своемъ усиліи, можетъ освободить только омертвѣніемъ кишекъ и смертью“ (Organon, §§ 25—28). *Körpe*, у котораго я заимствую эти строки считаетъ излишнимъ „тратить слова на разборъ этихъ своеобразныхъ понятій и наивныхъ представленій, для которыхъ не существуетъ неизмѣнныхъ законовъ природы“, и только недоумѣваетъ, почему Ганеманнъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не считаетъ отвѣтственнымъ за недостатки въ строеніи организма Творца, Который обо всемъ промышляетъ (Körpe, S. 13—14). Впрочемъ, въ предисловіи къ „Опытной Медицинѣ“ Ганеманнъ *удивляется* этой цѣлебной силѣ организма. Указавъ на безпомощность человѣка среди остальныхъ твореній Божіихъ, разсчитанную Творцомъ на энергію и изобрѣтательность человѣческаго духа, онъ говоритъ: „только незначительна и очень ограничена должна быть самопомощь, какую могъ бы оказывать самъ себѣ организмъ въ устраненіи болѣзни, и потому человѣческій духъ тѣмъ болѣе принужденъ научиться выискивать вспомогательныя силы и примѣнять ихъ къ излеченію, если Творцу благоугодно было вложить ихъ въ органическія образованія“. Онъ далъ человѣку способность къ безконечному совершенствованію искусства леченія болѣзней. Но пока только одна хирургія воспользовалась искусственною помощью, вмѣсто того, чтобы предоставлять излеченіе медленнымъ, труднымъ и опаснымъ пріемамъ—природы, какъ лихорадки, нагноенія, омертвѣнія. „Однако навсегда будетъ достойнымъ глубочайшаго удивленія то, какимъ образомъ природа безъ хирур-

гическихъ пріемовъ, безъ подходящаго наружнаго средства, часто предоставленная только себѣ, совершаетъ въ себѣ самой невидимыя приспособленія для устраненія—хотя съ огромнымъ трудомъ, съ болями и опасностію для жизни, но вѣрно—болѣзней и разнаго рода разстройствъ. Но она не должна служить предметомъ подражанія. Мы не можемъ и не должны подражать ей, такъ какъ существуетъ безконечно болѣе легкая, скорая и прочная помощь, предназначенная для того, чтобы примѣнить присущую нашему духу силу открытій для надобностей необходимѣйшей и почетнѣйшей изъ земныхъ наукъ—медицины".

Какъ бы то ни было, но разсчитывать на процессъ самопомощи организма, на основаніи выше изложеннаго, врачъ не можетъ и не долженъ, по Ганеманну. „Такъ какъ болѣзни суть только разстройства нашего состоянія и жизненнаго характера, то онѣ *иначе не могутъ быть уничтожены*, какъ посредствомъ *потенцій и силъ*, могущихъ вызывать равнымъ образомъ динамическія разстройства въ состояніи человѣка, т. е. болѣзни излѣчиваются лекарствами *виртуально и динамически*, а не посредствомъ яко-бы *разрѣшающихъ*, или механически расчленяющихъ, опоражнивающихъ и изгоняющихъ силъ въ лекарственныхъ веществахъ, ни посредствомъ ихъ воображаемой *специфически выдѣляющей* materiam morbi (кровочистительной или улучшающей соки) дѣятельности, ни посредствомъ ихъ *антисептической* (дѣйствительной въ мертвомъ, гниломъ мясѣ) силы, ни посредствомъ *химическаго* или *физическаго* дѣйствія и иного *вымышленнаго* способа, подобно мертвымъ матеріальнымъ тѣламъ—какъ это воображается и мечтается врачамъ другой школы" (Reine Arzneimittellehre II, S. 8 u. Anmerk.). Но это *категорическое* сужденіе Ганеманна относительно способа дѣйствія лекарствъ выражено въ болѣе условной формѣ на стр. 74 „Опытной медицины". „Во врачебномъ искусствѣ—немного веществъ, которыя дѣйствуютъ *почти только химически*, одни—*уплотняя* и мертвыя и живыя волокна (напр. дубильная кислота растеній), или разрыхляя ихъ и уменьшая плотность ихъ связей (какъ жиры), другія—химически связываютъ вредныя вещи, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ путяхъ организма (какъ щелочныя земли, щелочныя соли, нѣкоторые вредные окислы металловъ или острыя кислоты въ желудкѣ), или же разлагаютъ ихъ (какъ щелочныя соли, сѣрная печень, вредныя соли металловъ), и *химически*

(?) разрушаютъ части организма (каленое желѣзо). *За исключеніемъ* этихъ немногихъ тѣлъ и употребительныхъ въ хирургіи механическихъ пріемовъ для сокращенія ампутаціи и для кровеизвлеченія, рядомъ съ попавшими въ организмъ механически вредными и нерастворимыми веществами,—*дѣйствіе остальныхъ лекарствъ по преимуществу чисто динамическое*". Въ § 254 *Органона* это дѣйствіе объясняется такъ: „дѣйствіе лекарствъ на живой человѣческій организмъ столь сильно, оно распространяется съ такой непостижимой быстротой и экстензивностью по всѣмъ частямъ живаго индивида, исходя изъ пункта аппликаціи, снабженнаго чувствительными волокнами нервовъ, что это дѣйствіе можно назвать *почти духовнымъ*, именно столь же духовнымъ, какъ сама жизненность, *отъ которой отражается ихъ дѣйствіе*; одаренный раздражимостью и воспріятіемъ организмъ, перципирующій ихъ специфическое впечатлѣніе, придаетъ этому дѣйствію родъ жизни". Это почти буквальное повтореніе изложеннаго въ „Опытной Мед." на стр. 75.

Этотъ взглядъ Ганеманна напоминаетъ намъ ученіе Villanova о „потенціальномъ сложеніи" лекарствъ, а также воззрѣнія Парацельса и особенно van-Helmont'a, который, принимая болѣзнь за „нѣчто духовное", признаетъ въ лекарствахъ особенную почти *духовную* сущность, независимую отъ химическаго состава („динамическое дѣйствіе" van—Helmont'a). „Что въ лекарствахъ, говоритъ Ганеманнъ въ § 7 *Органона*, должно находиться *цѣлебное начало*, разумъ это чувствуетъ, но *сущность его намъ вовсе неизвѣстна*, только его проявленія и дѣйствія постигаются опытомъ". Въ своемъ трактатѣ „Ueber Chinasurrogate" (Hufeland's n. Journal Bd. XXIII, 43), онъ заявляетъ, что „виртуально лишь дѣйствующее лекарственное начало растеній обитаетъ скорѣе всего и въ большей концентраціи въ эфирномъ маслѣ, чѣмъ въ смолѣ, а въ послѣдней чаще, чѣмъ въ слизи; но оно только находится въ нихъ. Это не есть ни эфирное масло, ни смола, ни слизь, ни съѣдобная или пахучая часть растенія, а только лишь „нѣчто", присутствующее въ съѣдобномъ или въ пахучемъ. *Оно живетъ въ растеніи почти какъ духъ въ тѣлѣ.* Въ каждомъ сильномъ лекарственномъ растеніи находится собственная цѣлебная сила, *специфическое* лекарственное начало, не обрѣтающееся ни въ какой другой породѣ растенія". Параграфы 96—97 Органона подтверждаютъ эту мысль автора.

Заключеніе Ганеманна относительно *специфичности* лекарствъ непосредственно вытекаетъ изъ его телеологическаго міросозерцанія, но не представляетъ ничего оригинальнаго. Мы знаемъ,--еще *Герофилъ* училъ, что для каждой болѣзни существуетъ специфическое лекарство. *Парацельсъ* признавалъ, что лекарства созданы Богомъ сообразно съ болѣзнями и считалъ необходимымъ и достаточнымъ для успѣховъ леченія, для уничтоженія духовнаго „нѣчто" болѣзни, знать только внѣшнія *свойства* лекарствъ. Ганеманнъ слѣдуетъ этимъ воззрѣніямъ и формулируетъ ихъ въ своей „Опытной Мед." такъ: „такъ какъ Мудрый и Благій Создатель допустилъ существованіе безчисленныхъ болѣзней, то онъ *долженъ* былъ въ тоже время указать намъ *опредѣленный способъ* пріобрѣтенія познанія о болѣзняхъ и лекарствахъ, необходимыхъ для устраненія послѣднихъ, а равно и *способъ* открывать въ лекарствахъ свойства, дѣлающія ихъ цѣлебными". Отсюда, только изъ этой вѣры въ *предопредѣленную* цѣль явленій и назначеніе вещей въ мірѣ, вытекаетъ рядъ странныхъ положеній, возведенныхъ Ганеманномъ на степень аксіомъ и законовъ природы, чтобы доставить торжество *практическимъ* положеніямъ своего ученія.

„Каждая болѣзнь имѣетъ въ основѣ своей особаго рода противоестественное *раздраженіе*, нарушающее отправленія и благосостояніе нашихъ органовъ. Но единство жизни и согласованіе послѣднихъ для *общей цѣли* *) не допускаетъ, чтобы два дѣйствія, произведенныя *общимъ* (?) противоестественнымъ раздраженіемъ, могли существовать рядомъ и одновременно другъ съ другомъ въ человѣческомъ организмѣ. Отсюда вытекаетъ

Первая опытная истина:

„Если *два* противоестественныя общія раздраженія дѣйствуютъ одновременно, то, въ случаѣ *неоднородности* ихъ обоихъ, дѣйствіе одного (болѣе слабаго) пріостанавливается и отсрочивается другимъ (болѣе сильнымъ)." Напротивъ

---

*) Не понятно, откуда могло явиться это „единство" и цѣлесообразность жизни при *неразумной* жизненной силѣ (Lebenerhaltungskraft), страдающей недостаткомъ цѣлесообразности, по воззрѣніямъ автора гомеопатической доктрины.

Вторая опытная истина:

„Если *оба раздраженія имѣютъ значительное сходство* другъ съ другомъ, то одно изъ нихъ (болѣе слабое) вмѣстѣ съ своимъ эффектомъ совершенно тушится и уничтожается со стороны другаго, болѣе сильнаго.“ (Оп. Мед. стр. 37). Такъ, при одновременномъ зараженіи организма *міазмомъ кори и оспы*, первая, развившись раньше, исчезаетъ съ высыпаніемъ оспы, затѣмъ снова появляется и обычно протекаетъ по прекращеніи послѣдней. Въ случаѣ присоединенія къ существующей уже *хронической* болѣзни новой *неоднородной*, возможно образованіе такъ называемой *осложненной* (complicirte) болѣзни, которая, вслѣдствіе образованія обѣими „средняго состоянія“ (ein Mittelzustand von beiden), разсматривается и лечится какъ *одна* болѣзнь, по *совокупности* смѣшанныхъ симптомовъ. Такъ, *чесотка*, присоединившаяся къ *неизлеченной* венерической болѣзни, симптомы которой лишь пріутихли, можетъ быть излечена свойственнымъ ей средствомъ. Но съ возвратомъ симптомовъ венерической болѣзни (измѣненной чесоткой), когда произошло *смѣшеніе обѣихъ болѣзней* и образовалась „осложненная“ болѣзнь, высыпь не можетъ уже быть излеченной посредствомъ сѣры. Компликаціи *цынги* венерической болѣзнью, *колтуна* и прочее—не рѣдки (Organon. § 22 u. Anmerk.). Медицинскія болѣзни, возникающія при леченіи палліативами, Ганеманнъ тоже относитъ къ числу *осложненныхъ* (Org., §§ 20—31). Между тѣмъ, при зараженіи организма очень *подобной* болѣзнью, находящаяся уже въ немъ—болѣе слабая—совершенно уничтожается. Такъ, коровья оспа уничтожается и совершенно прекращается при заболѣваніи натуральной человѣческой оспой. „Эти пари противоестественныхъ раздраженій не могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ же организмѣ, каждое послѣдующее раздраженіе уничтожаетъ раньше существовавшее и при томъ, въ случаѣ аналогіи, не на время только, а на всегда: оно тушитъ, уничтожаетъ и излечиваетъ вполнѣ. Также обстоитъ дѣло и при леченіи лекарствами“ („Опытная Мед.“, стр. 38). „Чтобы лечить, нужно только имѣть *подходящее наличному болѣзненному раздраженію лекарство*, т. е. *нужно противопоставить проявляющейся болѣзни другую болѣзнетворную силу съ очень подобнымъ дѣйствіемъ*“ (тамъ же, стр. 42). „Но лекарства никогда не могутъ быть цѣлебны сами по себѣ и безусловно, а только относитель-

но. Цѣлебнымъ называется лишь свойство лекарствъ вызывать въ здоровомъ организмѣ рядъ *специфическихъ* симптомовъ болѣзни, т. е.— прекратить и тушить болѣзнь въ организмѣ можно только посредствомъ соотвѣтствующаго противораздраженія" (стр. 43). „Достойна удивленія та истина, что нѣтъ лекарства, которое при цѣлебномъ своемъ примѣненіи (т. е. первичные симптомы котораго совпадаютъ съ припадками болѣзни) было бы слабѣе, чѣмъ болѣзнь, при которой оно умѣстно" (стр. 51).

Чтобы понять эту „достойную удивленія" истину, нужно обратиться къ такъ называемому *„первому несомнѣнному закону природы"*, который, по Ганеманну, гласитъ: *„возбудимость живаго организма со стороны натуральныхъ болѣзней несравненно меньше, чѣмъ отъ лекарствъ"*. Мы видимъ, говоритъ Ганеманнъ, что ежедневно и ежечасно на насъ дѣйствуетъ масса болѣзнетворныхъ причинъ, не разстраивая нашего равновѣсія, не дѣлая здороваго больнымъ. Дѣятельность жизненной силы (не разумной и нецѣлесообразной? !) въ насъ старается большинству изъ нихъ противодѣйствовать и человѣкъ остается здоровымъ. Если бы враждебныя „отчасти психическія, отчасти физическія силы природы" обладали способностью безусловно разстраивать организмъ, то мы всѣ должны бы болѣть. Между тѣмъ для заболѣванія человѣка необходимо стеченіе различныхъ условій и обстоятельствъ, какъ со стороны болѣзнетворной причины, такъ и со стороны организма. По этому, обыкновенно *„человѣкъ столь мало раздражается этими вредностями, что онѣ никогда не могутъ сдѣлать его безусловно больнымъ и человѣческій организмъ, по меньшей мѣрѣ, только при особенно благопріятномъ расположеніи* (Dysposition) [1]) *становится способнымъ разстраиваться до болѣзни*. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ *„искусственными"* (?) динамическими силами—съ лекарствами. Каждое истинное лекарство дѣйствуетъ *во всякое* время, при *всѣхъ* обстоятельствахъ, на *каждый* живой воодушевленный организмъ и возбуждаетъ въ немъ свойственные ему симптомы (само собой разумѣется, *если доза достаточно велика*). Такъ что, очевидно, *каждый человѣческій организмъ во всякое время и непремѣнно можетъ быть пораженнымъ и, такъ сказать, зараженнымъ лекар-*

[1]) Непонятно, что хочетъ Ганеманнъ, признавая нематеріальность болѣзни и динамичность жизненной силы, выразить терминомъ „предрасположеніе."

ственной болѣзнью, чего, насколько извѣстно, совершенно не случается съ натуральными (даже самыми заразительными) болѣзнями).“ [1]) „Изъ всѣхъ опытовъ безспорно слѣдуетъ, что лекарственныя потенціи обладаютъ *абсолютной*, а болѣзненныя вліянія только очень относительной и уступающей первымъ силой измѣнять человѣческое здоровье. *Отсюда уже* вытекаетъ возможность леченія болѣзней лекарствами *по преимуществу* („überhaupt“), т. е. очевидно, что болѣзненное вліяніе можетъ быть уничтожено при участіи соотвѣтствующаго лекарства. Но для дѣйствительности излеченія необходимо выполнить *второй естественный законъ*: *Болѣе сильное динамическое раздраженіе въ живомъ организмѣ прочно устраняетъ слабѣйшее лишь тогда, когда первое по роду подобно второму*“ (Reine Arzneimittellehre II, 19—21). Этотъ „вѣчный общій законъ“, какъ выражается Ганеманнъ въ § 19—20 Органона, имѣетъ въ своемъ основаніи извѣстную уже опытную истину, что въ *организмѣ всегда можетъ существовать только одна болѣзнь и потому непремѣнно одна болѣзнь должна уступить другой.* Отсюда понятна *разница* въ значеніи палліативовъ и истинныхъ лекарствъ. При употребленіи палліатива (лекарство, первичные симптомы котораго противоположны съ болѣзнью) получается временное, кажущееся улучшеніе болѣзни, вскорѣ смѣняющееся послѣдовательнымъ ухудшеніемъ. „Но въ легкихъ случаяхъ *острыхъ* болѣзней вредъ палліатива не очень значителенъ и не очень замѣтенъ. Главные припадки послѣ каждой дозы средства большею частью прекращаются, до окончанія натуральной болѣзни и организмъ, не очень разстроенный отъ послѣдствій палліатива, снова вступаетъ въ свои права и вообще преодолѣваетъ какъ послѣдствія болѣзни, такъ и послѣдовательное лекарственное разстройство. Но если онъ выздоравливаетъ при палліативѣ, то совершенно также и въ тотъ же срокъ онъ могъ бы выздоровѣть и безъ лекарства (палліативы не сокращаютъ естественнаго теченія острыхъ болѣзней) и легче бы потомъ справился съ вышеуказанными причинами. Единственно, сколько нибудь еще рекомендующее врача обстоятельство,

[1]) Не смотря на такую *категоричность* положеній Ганеманна, слѣдуетъ замѣтить, что эти же качества, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ приписываются имъ міазму *псоры*, какъ мы увидимъ ниже (Die Chronischen Krankheiten. I. 66).

это то, что онъ отъ времени до времени *купируетъ* своимъ палліативомъ тяжкіе припадки и придаетъ этому леченію въ глазахъ послѣдователей и больныхъ нѣкоторое преимущество предъ нелекарственнымъ самоисцѣленіемъ, но ничего реальнаго.—Цѣлебная и положительная помощь гомеопатическаго средства даже въ остро протекающихъ болѣзняхъ доказываетъ особенное преимущество его предъ палліативнымъ облегченіемъ: при надлежащемъ выборѣ врачебнаго средства, оно укорачиваетъ натуральный періодъ острыхъ болѣзней и дѣйствительно излечиваетъ ихъ еще до истеченія этого періода, не оставляя послѣдовательныхъ заболѣваній. („Опытная Мед.“, 61—62). „При *хроническихъ* болѣзняхъ—*настоящемъ пробномъ камнѣ истиннаго искусства*—вредъ палліативовъ часто сказывается въ высшей степени, такъ какъ, если они даже даютъ обманчивый эффектъ и видъ скоропреходящаго улучшенія, съ повтореніемъ ихъ въ возрастающихъ все дозахъ, жизнь подвергается опасности и нерѣдко наступаетъ смерть“ (Reine Arzneimittellehre II, S. 17.). О значеніи же гомеопатическихъ лекарствъ при леченіи хроническихъ болѣзней говорится въ концѣ настоящей главы.

Такимъ образомъ, если слѣдить за ходомъ логики Ганеманна, мы можемъ формулировать его теоретическія воззрѣнія въ слѣдующемъ видѣ: разсматривая болѣзнь какъ духовную сущность, способную неизвѣстнымъ образомъ вызывать въ организмѣ сначала динамическія, а вторично и матеріальныя разстройства, онъ почти совершенно игнорируетъ значеніе этихъ матеріальныхъ разстройствъ при распознаваніи, теченіи и особенно при леченіи болѣзней. Роль организма съ его процессами, т. е. роль жизненной силы (Lebenerhaltungskraft)—которой Гиппократъ и его послѣдователи подъ именемъ φύσις придавали и придаютъ столь важное значеніе,—въ глазахъ Ганеманна ничтожны. Если она при *извѣстныхъ* условіяхъ въ состояніи еще противодѣйствовать „болѣзнетворнымъ потенціямъ“, то въ *актѣ* устраненія болѣзненныхъ разстройствъ, въ излеченіи болѣзни, роль жизненной силы почти сводится къ нулю. Неспособная поступать разумно и цѣлесообразно, дѣйствуя по органическимъ законамъ, она скорѣе можетъ принести въ этихъ случаяхъ вредъ, чѣмъ пользу. И во всякомъ разѣ, хирургъ или назначающій гомеопатическое средство врачъ поступаютъ несравненно разумнѣе и основательнѣе ея, особенно если принять во вниманіе, что организмъ во всѣхъ случа-

яхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ подчиняется дѣйствію лекарствъ или, выражаясь словами Ганеманна, „лекарственныя потенціи обладаютъ абсолютной силой", предъ которой здоровый, а еще скорѣе, конечно, больной организмъ только преклоняется. Такъ какъ это положеніе, возведенное на степень закона, составляетъ основу, на которой зиждется не только Ганеманнова, но и современная гомеопатія, мы должны обратить на него особенное вниманіе. Откуда Ганеманнъ вывелъ это положеніе? Мы уже знакомы съ „опытными истинами" автора „Опытной медицины." Свое мнѣніе, что изъ *двухъ раздраженій, дѣйствующихъ одновременно на организмъ, слабѣйшее временно или на всегда купируется болѣе сильнымъ*, Ганеманнъ иллюстрируетъ примѣрами изъ патологіи человѣка: временная остановка развитія кори или совершенное прекращеніе дѣйствія вакцины при зараженіи натуральной оспой не только возводятся имъ на степень всеобщаго, обязательнаго для всѣхъ заболѣваній, закона [1]), но примѣняются и *къ дѣйствію лекарствъ* на больной организмъ. При этомъ лекарственныя потенціи онъ разсматриваетъ какъ болѣзнетворныя причины, обладающія чрезвычайно сильнымъ, почти *абсолютнымъ*, дѣйствіемъ на человѣка. Приведши тотъ общеизвѣстный фактъ, что для заболѣванія человѣка, при дѣйствіи на него вредныхъ внѣшнихъ дѣятелей, необходимы благопріятныя условія со стороны организма (*расположеніе*) или высокая спепень напряженія болѣзнетворной причины, Ганеманнъ въ тоже время прибавляетъ, что лекарственныя вещества, напротивъ, дѣйствуютъ *безусловно* измѣняющимъ образомъ на всякій организмъ и при *всѣхъ* обстоятельствахъ, если . . . . „доза достаточно велика." Другими словами—„*абсолютное* дѣйствіе" лекарства на организмъ въ сущности также *относительно* (въ „Опытной медицинѣ" онъ прямо признаетъ это), какъ и вліяніе внѣшнихъ болѣзнетворныхъ (психическихъ и физическихъ) потенцій: при гро-

---

[1]) Дѣйствительно, клинической опытъ показываетъ, что нѣкоторыя болѣзни встрѣчаются очень рѣдко *одновременно* въ организмѣ, напр. ракъ и бугорчатка, эта послѣдняя и вполнѣ развитыя формы нѣкоторыхъ заболѣваній сердца; тифъ обыкновенно непоражаетъ старыхъ ревматиковъ и чахоточныхъ. Но обширная казуистическая литература *исключеній* изъ этого правила доказываетъ, что оно никакъ неможетъ быть признано общимъ закономъ.

мадной силѣ напряженія послѣднихъ человѣкъ также неминуемо заболѣваетъ, какъ и отъ лекарственныхъ дѣятелей. Ганеманнъ самъ впослѣдствіи убѣдился и сознался въ этомъ (Die Chr. Krankheiten. 1828. I, 66). Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно серьезно увѣрять сколько нибудь знакомаго съ дѣломъ человѣка, что *паразиты* (трихины, глисты, чесотка) или *животные яды*, какъ трупный, змѣиный, бѣшенныхъ животныхъ, или механическія причины, атмосферныя вліянія и пр., съ *меньшимъ успѣхомъ* вызываютъ разстройства въ организмѣ, т. е. свойственныя имъ специфическія заболѣванія, чѣмъ напр. фосфоръ, мышьякъ и пр., не говоря о ликоподіи, графитѣ, и другихъ гомеопатическихъ *сильно дѣйствующихъ* спецификахъ. Гдѣ и въ чемъ полагаетъ Ганеманнъ мѣру для *абсолютнаго* въ лекарствѣ и *относительнаго* въ болѣзни? Онъ не можетъ представить ни одного сколько нибудь убѣдительнаго реальнаго основанія для своихъ увѣреній, что лекарство, вызывающее симптомы, подобные натуральной болѣзни, сильнѣе послѣдней и всегда неизмѣнно „тушитъ“ ее. Единственную опору этого важнаго у него положенія составляетъ вѣчно хромающій направо и налѣво *личный опытъ его*, да неправильныя и произвольныя *аналогіи*. Когда онъ беретъ для сравненія свои динамическія потенціи, вызывающія заболѣваніе оспой или корью, аналогія еще допустима. Но усиливаясь распространить свои широкія обобщенія на сферу дѣйствія лекарствъ, Ганеманнъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и впадаетъ въ противорѣчія. Сравненіе динамически—нематеріальной *болѣзнетворной* причины съ матеріальной, „*достаточно большой*“ дозой лекарства и признаніе за первой относительнаго, а за второй абсолютнаго дѣйствія на организмъ со всѣми дальнѣйшими выводами и обобщеніями изъ этой аналогіи—слишкомъ очевидно противорѣчитъ и здравому смыслу и фактамъ, чтобы считаться *вѣчнымъ закономъ природы*.

Между тѣмъ, признавъ изобрѣтенное имъ отношеніе болѣзнетворной причины и лекарственной потенціи къ здоровому и больному организму *закономъ природы*, Ганеманнъ строитъ на немъ всѣ свои дальнѣйшія разсужденія, выводы и „неизмѣнные законы природы.“ „Излеченіе болѣзни, какъ и болѣзненное пораженіе у здороваго встрѣчаются нераздѣльно при всѣхъ лекарствахъ и, очевидно, обѣ дѣятельности происходятъ изъ одного и того же источника,—а именно изъ способности *динамически* разстраивать здоровье человѣка—и по-

тому онѣ не могутъ дѣйствовать по другому закону природы, чѣмъ у здороваго. Слѣдовательно, одна и таже сила лекарства, которая излечиваетъ болѣзнь у больнаго, здоровому причиняетъ болѣзненные симптомы" (Reine Arzneimittellehre II, 9—10). Далѣе, „такъ какъ динамическія раздраженія организма (со стороны болѣзни или лекарства) становятся видимы только посредствомъ обнаруженія измѣненій въ дѣятельностяхъ и въ чувствованіяхъ, то и *подобіе* этихъ динамическихъ раздраженій другъ съ другомъ можетъ выражаться только посредствомъ *подобія симптомовъ*. Но организмъ гораздо болѣе склоненъ разстраиваться лекарствомъ, чѣмъ болѣзнью, онъ долженъ скорѣе уступать раздраженію лекарственному (и имъ измѣняться), чѣмъ подобнымъ же болѣзненнымъ раздраженіямъ и *потому* онъ долженъ освободиться отъ болѣзненнаго разстройства, коль скоро на него дѣйствуетъ лекарство, *отличное отъ болѣзни по своей природѣ* и вмѣстѣ съ симъ, по возможности, къ ней *близкое по симптомамъ*, т. е. гомеопатическое" (тамъ же, стр. 21—22). Ганеманнъ особенно подчеркиваетъ это отношеніе между лекарствомъ и болѣзнью и ставитъ его conditio sine qua non излеченія: „Безъ этого различія въ природѣ болѣзнетворнаго и лекарственнаго раздраженія совершенно невозможно было бы излеченіе. Если бы они оба были не *только подобны*, но и *одинаковы по своей природѣ*, идентичны, то не получилось бы ничего (или даже усиленіе болѣзни), такъ какъ, если шанкерную язву увлажнять постороннимъ шанкернымъ ядомъ, отъ того никогда не послѣдуетъ излеченіе" (тамъ же, Anmerkung zur S. 22). Очевидно, что такъ называемая *изопатія*, леченіе болѣзней по закону „равное равнымъ" (aequalia aequalibus curentur), нашедшая себѣ блестящее примѣненіе въ предохранительныхъ прививкахъ оспы, сибирской язвы, а также въ леченіи водобоязни *по способу Пастера*, въ недавнихъ попыткахъ Коха и пр.—совершенно чужда гомеопатическому закону леченія. Между тѣмъ, современные гомеопаты очень нерѣдко ссылаются на работы Пастёра, Коха и др., какъ на доказательство справедливости закона подобія. Этимъ господамъ можно рекомендовать прочесть статью Ганеманна „Nota bene für meine Recensenten" (Reine Arzneimittellehre III, S. 3—4), гдѣ онъ въ обычной своей очень рѣзкой формѣ устанавливаетъ различіе между ὁμὸν (gleich, dasselbe)- -„равнымъ" и ὅμοιον (ähnlich)—„подобнымъ" принительно къ понятіямъ гомеопатіи.

Въ дальнѣйшемъ, не упуская изъ виду своего основнаго закона природы, Ганеманнъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ человѣческій организмъ уже въ *здоровомъ* состояніи легче поражается лекарствомъ, чѣмъ болѣзнію, то онъ несравненно еще легче поражается гомеопатическимъ, чѣмъ какимъ нибудь другимъ (хотя бы аллопатическимъ или энантіопатическимъ) лекарствомъ. *Онъ въ высшей степени раздражимъ*, такъ какъ уже болѣзнь настроила и направила его къ извѣстнымъ симптомамъ и онъ тѣмъ легче склоненъ измѣниться гомеопатическимъ лекарствомъ, въ направленіи *подобныхъ* симптомовъ (также, какъ *подобныя* собственныя душевныя страданія дѣлаютъ сердце необыкновенно воспріимчивымъ къ *подобнымъ* исторіямъ страданій). И потому, для излеченія, т. е. для превращенія состоянія больнаго организма въ подобную лекарственную болѣзнь, *необходимы и полезны* только малыя, *а не большія* дозы, такъ какъ *духовная* сила лекарства достигаетъ здѣсь своей цѣли не количествомъ, а потенціальностью, качествомъ (динамическая соразмѣрность, гомеопатія). Бо́льшая доза *не полезна*, но вредна здѣсь и потому, что не представляя большаго динамическаго согласованія съ болѣзненнымъ раздраженіемъ, чѣмъ сравнительно меньшая доза, она въ тоже время замѣщаетъ его (болѣзненное раздраженіе) усугубленной лекарственной болѣзнью, которая всегда есть зло, хотя и преходящее въ опредѣленный срокъ“ (Reine Arzneimittellehre II, 24—25). „На этомъ доказанномъ нашимъ опытомъ законѣ человѣческой природы, что болѣзни уничтожаются и излечиваются только однородными болѣзнями, покоится великій гомеопатическій законъ леченія: *болѣзнь можетъ быть уничтожена и излечена только лекарствомъ, способнымъ вызвать однородную и подобную болѣзнь, такъ какъ эффекты лекарствъ сами по себѣ суть ничто иное, какъ только лекарственныя болѣзни*“ (Organon. § 31). Другими словами—это есть тотъ знаменитый законъ, который составляетъ отличительную черту гомеопатіи, сокращенная формула котораго гласитъ: „*Similia Similibus curentur.*“

Читатель внимательно слѣдившій за развитіемъ теоретическихъ положеній, приведшихъ Ганеманна къ этому „великому закону“, могъ убѣдиться, какъ много произвольныхъ предположеній и недоказанныхъ обобщеній легло въ основу этого закона, начиная съ ученія *о динамичности* отправленій здороваго организма, о *духовной*

сущности болѣзнетворныхъ и лекарственныхъ началъ, при полномъ игнорированіи болѣзненныхъ разстройствъ „внутри“ организма (патолого-анатомическія измѣненія) и цѣлительной роли его процессовъ и кончая гипотетическимъ, совершенно неосновательнымъ закономъ природы, формулирующимъ подчиненную роль организма и болѣзнетворныхъ агентовъ въ отношеніи „лекарственныхъ потенцій“. Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что Ганеманнъ не ограничился только теоретическими соображеніями, обобщеніями фактовъ, выхваченныхъ изъ патологіи и перенесеніемъ ихъ въ область терапіи. Его *знаменитый* „опытъ съ хиной“ (Organon § 32), „заря его ученія“ долженъ былъ служить съ другой, *экспериментальной* стороны, опорой и доказательствомъ „великаго гомеопатическаго закона леченія“. Г. Бразоль (Публичныя лекціи о гомеопатіи II. стр. 2) заявляетъ: „Ганеманнъ наведенъ на мысль о существованіи въ природѣ всеобщаго терапевтическаго закона или принципа испытаніемъ на самомъ себѣ, будучи въ здоровомъ состояніи, дѣйствія хинной корки, которая въ большихъ пріемахъ, а именно два раза въ день по 240 гранъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, вызывала у него комплексъ симптомовъ лихорадочнаго свойства, въ высшей степени сходныхъ съ тою лихорадкою, которою *онъ самъ страдалъ прежде* и которая излѣчивалась малыми дозами той же самой хинной корки“. Сколько нибудь точнаго опредѣленія колебаній температуры, продолжительности и типа лихорадки не было сдѣлано при этомъ. Точно также ни слова не говорится о состояніи органовъ пищеваренія, селезенки и пр. до испытанія лекарства и во время его дѣйствія. Въ виду фундаментальнаго значенія этого опыта для закона подобія, какъ это признавалъ самъ Ганеманнъ и всѣ его послѣдователи, провѣрка его производилась неоднократно какъ сторонниками, такъ и противниками гомеопатіи. Такъ, *Jörg* съ 4-мя своими учениками въ 1821 г. повторилъ его безъ всякихъ результатовъ въ смыслѣ Ганеманна. Извѣстный профессоръ *Munk* въ Бёрнѣ продѣлалъ опыты съ хиной надъ многими студентами и получилъ отрицательные результаты также, какъ и *Körpe. C. Binz*, выдающійся изъ современныхъ фармакологовъ, совмѣстно съ учениками своими, произвелъ многочисленные опыты надъ *различными дозами хинина*, начиная съ малыхъ и кончая громаднѣйшими, изслѣдовалъ при этомъ каждый разъ выдѣленіе лекарства въ мочѣ и не получилъ *ни разу даже намека* на

симптомы Ганеманновской „хинной лихорадки“. *Sick*, теперешній директоръ госпиталя діаконисъ въ Штутгардтѣ, одинъ изъ относительно наименѣе односторонннихъ гомеопатовъ, говоритъ: „что хиной или хининомъ удается вызвать въ *отдѣльныхъ случаяхъ* настоящіе пароксизмы лихорадки,—несомнѣнно, но также вѣрно и то, что это происходитъ отнюдь не во всѣхъ случаяхъ, а только въ очень немногихъ“. Для иллюстраціи этихъ „отдѣльныхъ случаевъ“, Sick приводитъ *два* наблюденія: въ одномъ—работникъ на *южно-германской* хинной фабрикѣ будто бы получилъ приступы, похожіе на перемежающуюся лихорадку, которые исчезли послѣ удаленія его изъ фабрики. Другой случай наблюдалъ самъ авторъ въ Тюбингенѣ, у Гризингера. Больная, послѣ прогрессивно большихъ дозъ хинина, кромѣ обычныхъ симптомовъ отравленія, представляла очень значительное, *констатированное термометромъ*, повышеніе температуры, исчезнувшее послѣ прекращенія лекарства. При этомъ—ни время наблюденія, ни *родъ болѣзни* у наблюдаемой, что особенно важно, не указаны авторомъ: онъ, подобно Ганеманну, ограничивается общимъ поверхностнымъ замѣчаніемъ о *повышеніи температуры*, и провѣрить правдивость факта нѣтъ возможности. Кöрре, у котораго я заимствую эту цитату (въ русскомъ переводѣ сочиненія Зикка ея нѣтъ), спрашиваетъ, что доказываетъ этотъ фактъ при тысячахъ наблюденій и экспериментовъ съ отрицательными результатами, можно ли *исключеніе* возводить въ общее правило, приписывая хинину цѣлебное дѣйствіе при перемежающейся лихорадкѣ только *потому*, что онъ въ „отдѣльныхъ случаяхъ“, быть можетъ разъ на тысячу, вызываетъ у здороваго нѣчто подобное своему эффекту у постели больнаго? Что касается *хинной лихорадки*, то она *никогда* не наблюдалась на знаменитой въ Германіи хинной фабрикѣ С. Циммера въ Франкфуртѣ—на Майнѣ. Д-ръ Кернеръ вотъ что пишетъ по этому поводу: „такъ называемая *хинная* болѣзнь, которою у насъ иногда страдали отдѣльные рабочіе (особенно сильные блондины съ очень бѣлой нѣжной кожей), есть *менѣе всего похожее* на перемежающуюся лихорадку страданіе, подъ которымъ охотно могли бы подписаться гомеопаты. Относящіяся сюда явленія начинаются легкими эрозіями на непокрытыхъ частяхъ кожи (лицо, руки, плечи), послѣ чего, спустя нѣсколько дней, появляется почти *специфическая экзема*, которую я могъ наблюдать въ году нѣсколько разъ, особенно у вновь посту-

пившихъ рабочихъ. Чаще страданіе является въ жаркую лѣтнюю пору или же въ суровую зиму, когда не каждымъ выполняются тщательныя требованія чистоты. Сначала мало тягостная экцема у людей съ лимфатической конституціей легко подаетъ поводъ *вторично* къ разлитой рожѣ, эдематознымъ опухолямъ и обширнымъ воспаленіямъ большихъ участковъ кожи, ведущихъ, смотря по индивидуальной раздражительности, къ легкимъ или тяжелымъ *лихорадочнымъ* явленіямъ (безъ всякаго ритмическаго характера). *Никогда* я не видѣлъ, чтобы страданіе, даже при возвратахъ, становившихся съ годами все рѣже и рѣже у каждаго отдѣльнаго индивида, наступало *первично съ лихорадкой*, которая вообще рѣдко осложняетъ дѣло, если вовремя примѣнено подходящее леченіе. Легкія проносныя (Species lignorum cum fol. Sennae), теплая ванна и обмыванія глицериновымъ мыломъ способствовали образованію струпа и устраняли общіе симптомы большею частью въ нѣсколько дней. Въ случаяхъ очень быстраго и интенсивнаго повышенія раздражительности кожи и возбужденія имъ лихорадки, я примѣнялъ, какъ *antipyretica*, повторно chininum muriaticum въ одной большой и послѣдовательныхъ малыхъ дозахъ съ соотвѣтствующимъ результатомъ. Нѣсколько иначе проявлялась *идіосинкразія* къ препаратамъ хинной коры у женщинъ. Это—большею частью тѣ женщины, у которыхъ уже чрезъ нѣсколько минутъ послѣ употребленія земляники и раковаго супа показывается крапивница. Явленія на кожѣ у нихъ совершенно отличны отъ опредѣленно выраженной экцемы работающихъ съ хиной, purpura или *крапивница* у нихъ наступаетъ гораздо скорѣе и можетъ распространиться по всему тѣлу. Одна дама, напр., реагировала на малыя дозы хинина также быстро и интенсивно, какъ на малѣйшія количества раковаго блюда. Повторные опыты, съ цѣлью пріучить ее къ употребленію хинина, какъ лекарства, были безуспѣшны, такъ какъ постоянно наступали одни и тѣже явленія, доходившія при форсированіи дозъ до purpura haemorrhagica, но не дававшія образованія экцемы“ (Körre. 15—17). [1])

[1]) *Примѣч.* Интересно, что гомеопаты приводятъ „отчетъ о здоровьѣ работниковъ на хинной фабрикѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ“, въ *пользу* закона подобія. Юзъ (Фармакод., стр. 466—7), указавъ на появленіе *приступовъ лихорадки* послѣ малыхъ пріемовъ хинина у ребенка—*больнаго* трехдневной лихорадкой и у *тифика*—реконвалесцента, цитируетъ

Случаи крапивной лихорадки, даже съ значительнымъ повышеніемъ температуры, нерѣдко встрѣчаются въ женской практикѣ при назначеніи хинина. Но *перемежающаяся* форма лихорадки въ такихъ случаяхъ никѣмъ изъ достовѣрныхъ практическихъ врачей не наблюдалась. Далѣе, повышеніе температуры при *огромныхъ* пріемахъ хинной корки въ опытахъ Ганеманна тоже не представляетъ ничего новаго и удивительнаго, въ виду возможности *разстройствъ пищеваренія* (гастрическая лихорадка). Самъ Ганеманнъ, во введеніи въ *Органонъ* (S. XXI), въ числѣ доказательствъ закона подобія приводитъ рядъ наблюденій авторовъ, констатировавшихъ *„при употребленіи хинной корки* давленіе въ желудкѣ, рвоту и поносъ, значительную слабость, желтуху, горечь во рту, сильное вздутіе живота,—и наличностью этихъ симптомовъ при *перемежающейся лихорадкѣ*, по Torti и Cleghorn'у, *особенно* (angelegentlich) показуется примѣненіе хинной корки", прибавляетъ Ганеманнъ. [1]) Но съ одинаковымъ правомъ, мы полагаемъ, можно бы назначать въ такихъ случаяхъ .... раковый супъ, баранье мясо, разныя овощи, которыя способны даже въ очень малыхъ количествахъ вызывать у лицъ съ извѣстнымъ предрасположеніемъ (идіосинкразія)

этотъ „отчетъ" по Ланге́йнцу, какъ содержащій въ себѣ „опыты въ болѣе обширныхъ размѣрахъ". „Изъ него видно, говоритъ онъ, что большинство подвергающихся вліянію *пыли* отъ хинной коры рано или поздно получаютъ припадокъ лихорадки, состоящій изъ одного сильнаго пароксизма озноба и жара, послѣ котораго воспріимчивость ихъ, по видимому, прекращается".

[1]) Юзъ по поводу патогенеза хины у Ганеманна говоритъ въ своей Формакодинамикѣ (стр. 458 - 9): „можно удивляться, что такое огромное количество дурныхъ послѣдствій врачи приписывали веществу вовсе неядовитому, но большинство ихъ—просто механическія дѣйствія большихъ количествъ измельченной коры, вводимыхъ въ то время въ желудокъ, и проходили по принятіи рвотнаго. Всѣ подобнаго рода явленія не слѣдуетъ признавать за патогенетическія дѣйствія этого средства, да и большинство остальныхъ—тоже, хотя по другой причинѣ.... Всѣ эти явленія (въ томъ числѣ астма, желтуха и водянка), какъ отягощеніе пароксизмовъ (перемежающейся лихорадки), ихъ переходъ въ другія формы или результаты остановки ихъ, Ганеманнъ принимаетъ въ число симптомовъ патогенеза Хины. Подъ вліяніемъ своей тогдашней теоріи гомеопатическаго леченія, онъ считалъ *все это симптомами хинной болѣзни,* возбужденіемъ которыхъ въ легкой формѣ можно излѣчивать *подобные* же случаи. На это можно возразить, что такого рода хинная болѣзнь возбуждалась только на лихорадочныхъ субъектахъ, такъ что явленія эти суть *соединенныя вліянія лекарства и болѣзни,* а еще вѣроятнѣе одной послѣдней, кора же дѣйствовала какъ постороннее тѣло".

крапивницу или гастрическую лихорадку со всѣми ея симптомами. Неопредѣленность и чрезвычайная *растяжимость* понятія о *чисто внѣшнемъ подобіи* симптомовъ болѣзненныхъ и лекарственныхъ представляетъ широкое поле для произвольныхъ обобщеній и предвзятыхъ толкованій разнаго рода наблюденій въ пользу гомеопатіи. Доказательства этого можно въ изобиліи найти въ „патогенезахъ“ и въ приводимыхъ Ганеманномъ примѣрахъ излеченій по закону подобія. Такъ, въ своемъ введеніи въ *Органонъ* 1810 г., Ганеманнъ указываетъ рядъ случаевъ изъ древней и современной ему литературы, въ которыхъ, по его мнѣнію, излеченіе болѣзни наступало вслѣдствіе безсознательнаго примѣненія закона подобія. „*Muralto* видѣлъ— и это наблюдается ежедневно—, что *ялаппа* вызываетъ, кромѣ *болей въ животѣ*, значительное *безпокойство* и *метаніе*. Изъ этого свойства ея, совершенно понятно для всякаго мыслящаго врача, вытекаетъ благодѣтельная сила ялаппы—часто помогать маленькимъ дѣтямъ при боляхъ въ животѣ, безпокойствѣ и крикѣ и доставлять имъ спокойный сонъ, и S. W. Wedel по справедливости хвалитъ ее въ такихъ случаяхъ“. „Такъ же мало слѣдуетъ удивляться Störk'у, что онъ вылечилъ *жгучкой* (Brenn-Waldrebe) родъ мокрой и ѣдкой затяжной *чесоточной высыпи*, такъ какъ онъ самъ замѣтилъ, что эта трава способна сама по себѣ вызвать *чесоточныя пустулы по всему тѣлу*“. Далѣе, Ганеманнъ признаетъ *китайскій чай* превосходнымъ *гомеопатическимъ* средствомъ при *усталости* отъ изнуренія и при болѣзненной *спячкѣ*, благодаря его свойству якобы вызывать общую слабость и сонливость. Я ограничусь этими примѣрами: желающіе могутъ познакомиться съ разборомъ другихъ подобныхъ доказательствъ гомеопатическаго закона у Körpe, S. 27—31. Читатель, котораго стараются убѣдить, что *успокаивающее* дѣйствіе такихъ сильныхъ *слабительныхъ* средствъ, какъ ялаппа и сенна, зависитъ отъ примѣненія ихъ по закону подобія, или эффектъ *чая* при усталости и сонливости—отъ его способности вызывать это дѣйствіе у нормальнаго человѣка, съ удивленіемъ спрашиваетъ: что это—наивность и отсутствіе способности критически отнестись къ наблюдаемому явленію, или же умышленно превратное толкованіе фактовъ у *геніальнаго* наблюдателя—философа? Кажется, и то—и другое.

До сихъ поръ мы говорили *объ экспериментальныхъ* доказательствахъ закона подобія. Переходимъ теперь къ исторіямъ испытаній

лекарствъ надъ *здоровымъ* человѣкомъ („*патогенезы*"). Задача патогенезовъ—указать данныя, на основаніи которыхъ можно было бы примѣнить законъ подобія у постели больнаго. Они должны открыть намъ наиболѣе *подобные* симптомы, по которымъ составляется „показаніе" къ леченію болѣзни. Слѣдовательно, *патогенезы* съ своей стороны представляютъ доказательство гомеопатическаго закона. „Съ цѣлью узнать дѣйствіе лекарственныхъ веществъ, говоритъ Ганеманнъ по поводу метода составленія патогенезовъ, нужно дать умѣренному и здоровому человѣку только одну довольно сильную дозу [1]); лучше всего давать вещество въ растворѣ. Желая опредѣлить остальные симптомы, не появившіеся при первомъ опытѣ, мы можемъ дать другому лицу или тому же самому, но только спустя нѣсколько дней, когда исчезло дѣйствіе перваго пріема, *такую же* или болѣе сильную дозу, подмѣчая производимые ею симптомы самымъ тщательнымъ и скептическимъ образомъ. При испытаніи *слабо-дѣйствующихъ* лекарствъ, слѣдуетъ давать болѣе значительную дозу и при томъ производить опытъ не только на особахъ здоровыхъ, но и весьма впечатлительныхъ, нѣжнаго сложенія („Опытная Мед.", стр. 46). „Выбранныя лица должны быть способны выражать свои ощущенія опредѣленно и ясно. При отбираніи отъ нихъ лекарственныхъ симптомовъ, должно также тщательно избѣгать всякихъ намековъ, какъ и при изслѣдованіи симптомовъ болѣзни. Это по большей части долженъ быть только добровольный разсказъ объекта опыта о томъ, что желаютъ описать, какъ истинное состояніе. При этомъ не должно быть ничего предполагаемаго, ничего гадательнаго и по возможности по меньше *выспрашиваемаго*. Но менѣе всего допустимы выраженія ощущеній, заранѣе внушенныхъ объекту опыта, или вопросы, на которые отвѣчаютъ „да" или „нѣтъ" (Organon, §§ 114—115).

Патогенезы лекарствъ, помѣщенные Ганеманномъ въ „Чистомъ лекарствовѣдѣніи", получены имъ при содѣйствіи 37 лицъ—сотрудниковъ. Гомеопатъ Юзъ въ своемъ „Руководствѣ къ Фармакодинамикѣ" говоритъ: „Изъ того, что намъ извѣстно объ этихъ лицахъ,

---

[1]) Прим. Въ § 103 *Органона* онъ нѣсколько ближе опредѣляетъ величину дозы, прибавивъ „какія принято въ обыкновенной практикѣ употреблять при болѣзни".

мы, *кажется*, вправѣ вполнѣ полагаться на сообщенные ими симптомы. Изъ немногихъ исключеній, главнѣйшія составляютъ умственные и душевные симптомы Ланггаммера. Этотъ испытатель, обиженный природою и фортуною, былъ, по заявленію знавшихъ его, такого *угнетеннаго* и *болѣзненнаго расположенія* духа, что психическое состояніе его никогда нельзя приписать всецѣло дѣйствію принимаемаго имъ лекарства. На самомъ дѣлѣ, приводимые имъ симптомы, какъ показалъ д-ръ Ротъ, почти *постоянно одинаковы*, какое бы средство онъ не испытывалъ, и потому, мнѣ кажется, они должны быть признаваемы сомнительными, пока не получатъ подтвержденія изъ болѣе вѣрныхъ источниковъ. Нужно также отмѣтить, что всѣ лекарства, которыя испытывали Штапфъ и фонъ—Герсдорфъ, возбуждали въ первомъ эротическія проявленія, а во второмъ пученіе отъ вѣтровъ, такъ что *подобные* симптомы у этихъ лицъ едвали имѣютъ связь съ принимаемыми ими лекарствами".—О стараніяхъ Ганеманна обезпечить вѣрность своихъ списковъ симптомовъ существуютъ обильныя доказательства. Самъ онъ пишетъ въ предисловіи къ послѣднему изданію 1-го тома „Чистаго лекарствовѣдѣнія", на стр. 5: „въ тѣхъ опытахъ, которые были произведены мною и моими учениками, приложено всякое стараніе, чтобы получить вѣрное и полное дѣйствіе лекарствъ. Мы испытывали на лицахъ *вполнѣ* здоровыхъ и живущихъ въ довольствѣ. Когда во время испытанія возникало какое нибудь особенное обстоятельство — испугъ, огорченіе, ушибъ, излишество въ какомъ-либо удовольствіи, или какое нибудь важное событіе—то послѣ такого событія не было обозначаемо никакого симптома, дабы не допустить занесенія ложныхъ симптомовъ. Когда такія обстоятельства были маловажны и едва ли могли помѣшать дѣйствію лекарства, то симптомы помѣщены въ скобкахъ, чтобы читатель могъ узнать, что ихъ нельзя считать вполнѣ вѣрными".

Впрочемъ Ганеманнъ, какъ и позднѣйшіе гомеопаты, не ограничивался испытаніемъ дѣйствія лекарствъ на *здоровыхъ*, онъ во всѣ свои патогенезы вносилъ и лекарственные симптомы, полученные *другими* авторами, часто не гомеопатами, при наблюденіи *больныхъ* или же случаевъ отравленія. Въ томъ же предисловіи къ I тому „Чистаго лекарствовѣдѣнія" на стр. 4 онъ заявляетъ: „въ числѣ наблюденій другихъ встрѣчаются симптомы, полученные на больныхъ; но такъ какъ это были *хроническіе случаи* съ хорошо извѣстными признаками, то эти признаки *не*

мѣшаютъ(?) дѣйствію, производимому лекарствами, какъ ясно показалъ Гредингъ. Поэтому, симптомы, замѣченные у такихъ паціентовъ, не лишены значенія, *и могутъ всегда служить подтвержденіемъ такихъ же* симптомовъ, появляющихся въ числѣ чистыхъ дѣйствій лекарствъ у *здоровыхъ*." Замѣтимъ мимоходомъ, что приведенныя здѣсь увѣренія Грединга и замѣчаніе Ганеманна, будто симптомы лекарственные, полученные на *хроническихъ больныхъ*, „всегда могутъ служить подтвержденіемъ" *чистаго* дѣйствія лекарствъ на здоровыхъ, совершенно противорѣчитъ понятію о *комплицированныхъ* болѣзняхъ, изложенному въ § 22 Органона, и „*опытнымъ истинамъ*", въ силу которыхъ лекарство, какъ *противоестественное раздраженіе*, не можетъ относиться безразлично къ наличной *болѣзни*: въ случаѣ *однородности* или подобія съ послѣдней оно обязательно должно „тушить" ее (послѣ предварительнаго усиленія болѣзненныхъ симптомовъ), или же, при различіи природы болѣзни и лекарства, симптомы ихъ сливаются (*verschmelzen*) и образуютъ „среднее состояніе", такъ называемую *комплицированную* болѣзнь. Казалось бы нелегко, при „милліонахъ болѣзненныхъ случаевъ, встрѣчающихся почти только одинъ разъ въ свѣтѣ", при „разнообразіи ихъ модификацій и оттѣнковъ", отличать у *больныхъ* лекарственные симптомы, въ особенности же въ компликаціяхъ! Но Ганеманнъ надѣется на свой геній, когда говоритъ на стр. 47 „Опытной мед." и въ § 119 Органона: „отличать симптомы лекарствъ отъ симптомовъ натуральной болѣзни составляетъ предметъ высшаго разсужденія и предоставляется только мастерамъ искусства наблюдать." Самъ себя онъ причислялъ къ такимъ „мастерамъ", и его патогенезы, помѣщенные въ „Die chronischen Krankheiten", состоятъ изъ симптомовъ, „источникомъ которыхъ служили предполагаемыя дѣйствія лекарствъ, прописываемыхъ имъ страждущимъ хроническими болѣзнями". Юзъ тоже признаетъ Ганеманна лицомъ, „вполнѣ опытнымъ въ искусствѣ наблюдать" (Фармакодинамика, стр. 30, 32). Но прежде, чѣмъ представить *образцы* его искусства, слѣдуетъ замѣтить, что, по смыслу примѣчанія въ 5 изд. Органона, къ *лекарственнымъ симптомамъ* онъ относитъ такіе, „которые появлялись уже очень давно или *никогда прежде не появлялись* и, слѣдовательно, представляютъ *новые* симптомы, свойственные лекарствамъ". Между тѣмъ въ § 138 онъ, вопреки представленному сейчасъ опредѣленію, утверждаетъ, что „всѣ страданія, случайности и измѣненія

въ здоровьѣ у испытателя во время дѣйствія лекарства (если только соблюдены всѣ необходимыя условія) составляютъ исключительно слѣдствія этого лекарства и должны быть признаны и записаны, какъ присущія этому лекарству, какъ симптомы этого лекарства, хотя бы даже испытатель *задолго до того замѣчалъ у себя такія явленія*"! Даже болѣе того—онъ придерживался тѣхъ же воззрѣній относительно лекарствъ, назначаемыхъ *во время болѣзни*, и полагалъ, что „всѣ страданія, случайности и измѣненія въ здоровьѣ у больнаго составляютъ *исключительно* слѣдствія принимаемаго лекарства" (Фармакодинамика Юза, стр. 32, 35—36). Какъ примирить эти противорѣчія? Относить ли къ *лекарственнымъ симптомамъ* только *новые* симптомы, или же считать всѣ страданія, случайности и измѣненія въ состояніи больнаго *исключительно слѣдствіемъ* принятаго лекарства? Вопросъ далеко не праздный. Судя по изложеннымъ раньше понятіямъ Ганеманна относительно „абсолютной" силы лекарствъ, въ особенности основываясь на его *патогенезахъ*, этотъ вопросъ разрѣшается „мастерами искусства наблюдать" въ пользу второй редакціи его. По словамъ Юза, „большинство симптомовъ, приписываемыхъ *Арникѣ*, были наблюдаемы у принимавшихъ ее лицъ, страдавшихъ отъ ушибовъ или паралича, и относятся до ихъ страданій. Антимонію приписываются многія явленія, очевидно представляющія механическія *послѣдствія* возбужденной имъ сильной рвоты. Всѣ дурныя послѣдствія, приписываемыя подавленію перемежающихся лихорадокъ *хинною коркою*, каковы *водянка*, *желтухи*, *чахотка* и т. п. признаются *чистыми дѣйствіями лекарства*, тогда какъ они появлялись только у особъ, расположенныхъ къ этимъ лихорадкамъ. Всѣ критическія явленія, сопровождавшія излеченіе Каррером посредствомъ *Дулькамары* случаевъ подагры, ревматизма, накожныхъ болѣзней, каковы сыпи, поносъ, потъ, признаются Ганеманномъ за *чистыя болѣзнетворныя дѣйствія лекарства* [1]) (Фармакодинамика, стр. 35).

Ганеманнъ до того остается строгимъ послѣдователемъ принципа

---

[1]) Не естественнѣе ли, послѣ этого, такъ наз. хроническія *лекарственныя* болѣзни,—которыя Ганеманнъ *часто* и безъ всякаго основанія ставитъ въ вину врачамъ раціональной медицины,—просто объяснить неумѣніемъ толковать явленія или же, пожалуй, умышленнымъ извращеніемъ фактовъ у „мастера наблюдать"?

„post hoc, ergo propter hoc", что нерѣдко расходится въ своихъ взглядахъ на происхожденіе симптомовъ съ *Гредингомъ*, „котораго онъ ставитъ въ *примѣръ* умѣнья тщательно отличать симптомы лекарствъ отъ симптомовъ болѣзни". „Такъ, одинъ изъ эпилептиковъ, пользуемыхъ *мѣдью*, проглотивъ пилюлю, немедленно впалъ въ бесознательность, а у другаго, страдавшаго геморроемъ, открылось кровотеченіе, продолжавшееся 4 дня сряду. Гредингъ полагаетъ, что эти припадки явились *независимо отъ лекарства*. Ганеманнъ же, несмотря на это, въ патогенезѣ Cuprum'a (симптомы 15 и 208) приводитъ эти явленія, какъ *слѣдствія лекарства*. Затѣмъ тотъ же авторъ описываетъ леченіе 23 *эпилептиковъ и маніаковъ* помощью *Белладонны*. Казалось бы, что въ этихъ случаяхъ слѣдовало бы строго избѣгать приведенія симптомовъ, *уподобляющихся* эпилепсіи и помѣшательству. Между тѣмъ Ганеманнъ приводитъ бывшій у одного изъ нихъ симптомъ (1322—„внезапный крикъ съ дрожаніемъ рукъ и ногъ"), а д-ръ *Руссель* въ своихъ „клиническихъ лекціяхъ" признаетъ это доказательствомъ *гомеопатичности Белладонны къ эпилепсіи*. Такимъ же образомъ формы умственнаго помѣшательства, выражаемыя симптомами 1375—1378, взяты всѣ у сумасшедшихъ и меланхоликовъ. Далѣе, Гредингъ пользуетъ 3 случая желтухи Белладонною. У двоихъ изъ больныхъ появляются зеленыя испражненія нанизъ при переходѣ изверженій отъ цвѣта глины *въ натуральный оттѣнокъ*, и это явленіе занесено въ число дѣйствій лекарства (симптомы 703—704) . . . . „Все это, говоритъ Юзъ, достаточно доказываетъ, что Ганеманнъ *слишкомъ свободно* пользовался отчетами Гредингa". Возьмемъ другаго автора, извѣстнаго барона Штёрка. Въ одномъ изъ случаевъ его леченія *Аконитомъ* „значительная опухоль въ лѣвой подвздошной области" уменьшилась въ объемѣ и наконецъ исчезла *подъ вліяніемъ* лекарства, причемъ изъ влагалища вышло обильное количество клейкой желтоватой матеріи. Ганеманнъ записываетъ однимъ изъ симптомовъ (251) Аконита: „обильныя тягучія желтоватыя бѣли"! Но всего замѣчательнѣе у Штёрка описываемые имъ факты относительно употребленія Коніума при ракѣ. Онъ постоянно утверждаетъ, что не наблюдалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ прописываемыхъ имъ дозъ. Но Ганеманнъ *не можетъ этому повѣрить*, и патогенезъ Коніума содержитъ въ себѣ 33 симптома, съ обозначеніемъ фамиліи Штёрка. Вотъ нѣсколько примѣровъ. У больной, страждущей груд-

нымъ ракомъ, появляется передъ смертью кашель съ изверженіемъ гноя. Какъ и можно было ожидать, легкія у нея оказываются пораженными болѣзнью, а между тѣмъ патогенезъ Коніума обогащается изъ этого случая симптомами: „отдѣленіе гноевидной мокроты“ (155) и „стрѣляющая боль въ язвѣ во время кашля“ (207). Другая женщина, страдающая тою же болѣзнью, продавщица плодовъ, простужается на улицѣ и у нея появляется колика, поносъ, а за тѣмъ дизентерія, отъ которой она и умираетъ. Изъ этого случая извлекаются симптомы: „сильная боль въ животѣ съ ознобомъ“ и „ослабляющій поносъ“, и приписываются дѣйствію Коніума. У одной больной были всѣ признаки отягощенія желудка пищею, исчезнувшіе послѣ дачи рвотнаго, но и эти признаки вносятся въ патогенезъ Коніума“! (Фармакодинамика Юза, стр. 33—35).

Таковы качества Ганеманна, какъ „мастера“ *толковать* чужія наблюденія, по словамъ одного изъ найболѣе ревностныхъ современныхъ защитниковъ Ганеманна. Посмотримъ теперь его умѣніе и опытность при *личномъ* его наблюденіи надъ дѣйствіемъ лекарствъ. Въ видѣ иллюстраціи я позволю себѣ привести здѣсь патогенезъ *Ликоподія*, одного изъ сильнѣйшихъ гомеопатическихъ *антипсорныхъ* средствъ, подлинными словами сочиненія Ганеманна о „хроническихъ болѣзняхъ“ (Die chronischen Krankheiten. Dresden u. Leipzig. 1828. II, S. 199—264).

„Обработавъ плауновый порошокъ (Bärlapp-Staub) по способу, данному гомеопатіей для сырыхъ веществъ и указанному раньше руководству (ст. тамъ-же „Anleitung“) для приготовленія антипсорическихъ средствъ, если возьмемъ 1 гранъ его, доведенный до *милліоннаго разведенія* и потенцированный 3-хъ—часовымъ растираніемъ каждый разъ со 100 гр. молочнаго сахару, то получимъ столь удивительно сильное лекарство, что *одинъ гранъ* его, растворенный въ 100 капляхъ воднаго спирта, послѣ *двукратнаго* встряхиванья представляетъ еще сильно дѣйствующую въ соотвѣтствующихъ болѣзняхъ лекарственную жидкость, даже въ самыхъ минимальныхъ дозахъ (одна или двѣ гранюльки—Streukugelchen—величиной въ маковое зерно). Но пользоваться хоть малѣйшими дозами этой, разведенной до *биллiоннаго* потенцированья, жидкости больному невозможно, въ виду ея еще чрезвычайной силы. Только въ *секстилліонномъ* динамизированномъ растворѣ (VI) это лекарство становится годнымъ къ употребленію—

съ тѣмъ однако, что для слабыхъ и раздражительныхъ больныхъ примѣняется еще высшее разведеніе въ *октилліонной* (VIII) или децилліоной (X) динамизаціи—одна, maximum двѣ смоченныя имъ гранюльки pro dosi."

„Въ такомъ видѣ *Ликоподій* есть одно изъ необходимѣйшихъ антипсорическихъ лекарствъ, преимущественно въ случаяхъ хроническихъ болѣзней, когда налицо слѣдующіе *тягостные симптомы*: головокруженіе, особенно при наклоненіи, приливы крови къ головѣ, жаръ въ головѣ, тяжесть головы; связанные съ лежаньемъ приступы ломоты въ головѣ, во лбу, въ вискахъ, въ глазахъ, въ носу, до зубовъ; подергиванья во лбу каждый полдень; внѣшняя ночная головная боль, дерганье, сверленіе и скобленіе; давящая напряженная головная боль; *плъшивость*, раздраженіе глазъ свѣтомъ свѣчи; колотье въ глазахъ вечеромъ при свѣтѣ; *давленіе въ глазахъ*; *рубцы на глазахъ* (Schründen); *гноеніе глазъ; воспаленіе съ ночнымъ гноеніемъ и дневнымъ слезотеченіемъ*; слезы въ глазахъ на свѣжемъ воздухѣ; дальнозоркость (Presbyopie); *неясность зрѣнія—словно перья предъ глазами*; мерцанье и потемнѣніе предъ глазами; болѣе частые приступы жара въ лицѣ; зудящая сыпь на лицѣ (Ausschlag), опухоль и напряженіе въ лицѣ; (веснушки на лицѣ); повышенная воспріимчивость слуха; усталость отъ музыки, звона, органа; звонъ въ ушахъ; *тугость слуха*; носовыя крови, гноеніе носовой полости по ночамъ; корки въ носу; нарывы въ носу; твердыя опухоли на одной сторонѣ горла; одеревенѣлость одной стороны шеи; неподвижность затылка; *отсутствіе жажды съ сухостью у рта и во рту*, такъ что эти части напряжены, языкъ трудно подвиженъ и рѣчь неясна; потеря вкуса, обложенный и нечистый языкъ; утромъ слизистый вкусъ; Schleim-Rahksen; продолжительная головная боль; утромъ горечь во рту съ тошнотой; чрезмѣрный голодъ; *жгучій голодъ* (Heisshunger); *безаппетитіе*; аппетитъ пропадаетъ при первомъ кускѣ; отвращеніе отъ вареной теплой пищи; отвращеніе отъ чернаго хлѣба или отъ мяса; чрезмѣрная охота къ сладкому; изжога (Sood-Brennen); мочеиспусканье при глистахъ (Würmerbeseigen); болѣе частая, постоянная тошнота; утромъ мягковатость (Weichlichkeit) въ желудкѣ; *давленіе въ желудкѣ*; *давленіе въ желудкѣ послѣ ѣды;* опухоль подъ ложечкой и боль при дотрогиваньи; *полнота въ желудкѣ и въ нижней части живота*; *тягостныя вздутія живота*; *недостаточное отхожденіе вѣт-*

ровъ; урчанье въ животѣ; затвердѣніе въ нижней части живота; ущемленія въ животѣ; рѣзи въ животѣ; рѣзи въ верхней—, жженіе въ нижней части живота; напряженіе въ подреберьѣ, какъ отъ обруча; боли въ печени послѣ сытной ѣды; сердцебіеніе при пищевареніи; затрудненный и съ напряженьемъ стулъ; *многодневный запоръ*; запоръ; боли въ заднемъ проходѣ послѣ ѣды и стула; рѣзь въ прямой кишкѣ и въ пузырѣ; *почечный песокъ*; *позывъ мочиться* (Drängen zum Harnen); очень частое и затрудненное мочеиспусканье; зудъ въ мочевомъ каналѣ во время—и послѣ мочеиспусканья; кровотеченье изъ мочеиспускательнаго канала; слабая эрекція penis; недостатокъ эрекціи; недостатокъ поллюцій (Mangel an Pollutionen); недостатокъ половаго стремленія; многолѣтняя импотенція; неохота ad coitum; очень легкое побужденіе ad coitum уже при мысли о немъ; необузданное стремленіе ad coitum по ночамъ; быстрое отхожденіе сѣмени; продолжительныя и сильныя регулы; продолжительное подавленіе регулъ отъ испуга; бѣли, съ предшествующими рѣзями въ нижней части живота; *бѣли*; насморкъ; насморкъ и кашель; очень сильный насморкъ (Stockschnupfen); *закупорка обѣихъ ноздрей*; кашель послѣ питья; сухой дневной и ночной кашель; многолѣтній сухой утренній кашель; кашель и мокрота; (кашель съ гнойной мокротой); *колотье въ лѣвой груди*; жженіе въ груди, (какъ изжога); постоянное давленіе въ груди, всякая работа затрудняетъ дыханье; колотье въ крестцѣ послѣ нагибанія при выпрямленіи; ночная боль въ спинѣ; ломота въ плечахъ; стягиванье въ затылкѣ до задней части головы, днемъ и ночью; тянущая боль въ рукахъ; ночная боль въ костяхъ руки; онѣменіе руки при поднятіи ея; безсиліе руки; ночная боль въ костяхъ локтя; подагрическая одеревенѣлость сочлененія рукъ, онѣменіе руки; разстройство пальцевъ при работѣ; ломота въ пальцевыхъ сочлененіяхъ; краснота, опухоли и подагрическая ломота въ сочлененіяхъ пальцевъ; одеревенѣлый отъ подагрическихъ узловъ палецъ; ночная ломота въ голеняхъ; ломота въ колѣнѣ; *одеревенѣлость колѣна*, опухоль его; жженіе въ нижней части бедра; *стягивающая боль въ икрахъ при ходьбѣ*; опухоль лодыжки; оцѣпенѣлость ногъ; холодныя ноги; холодныя потныя ноги; сильный ножной потъ; опухоль подошвы; боль въ подошвѣ при ходьбѣ; слабость пальцевъ при ходьбѣ; оцѣпенелость пальцевъ; *мозоли*; боль мозолей; дневной потъ при умѣренной работѣ; дневной потъ при маломъ движеніи, особенно на лицѣ; *сухость ко-*

жи рукъ; кожа трескается въ разныхъ мѣстахъ; зудъ днемъ при согрѣваніи; зудъ вечеромъ предъ сномъ; болѣзненная высыпь на шеѣ и на груди; кровяныя опухоли; *старые* нарывы на бедрахъ съ ночной ломотой, зудомъ и жженіемъ; оцѣпенѣлоть пальцевъ и икръ; судорожныя искривленія пальцевъ рукъ и ногъ; ломота въ рукахъ и въ ногахъ; ломота въ колѣняхъ, ногахъ и въ пальцахъ; тянущая боль въ членахъ; преходящій жаръ; желваки, *варикозныя измѣненія сосудовъ у беременныхъ*; (легкій надрывъ); простужаемость; недостатокъ въ тѣлесной теплотѣ; онѣменіе членовъ плечъ, рукъ, ногъ днемъ и ночью; нечувствительность плеча и ноги; послѣ незначительной прогулки усталость ногъ и жженіе въ подошвѣ; *внутреннее безсиліе*; слабость членовъ; усталость при пробужденіи; частая зѣвота и сонливость; дневная сонливость; безпокойный сонъ ночью съ частымъ пробужденьемъ; полный сновидѣній сонъ; безпокойныя (ängstliche) сновидѣнія; устрашающія сновидѣнія; частое пробужденье ночью; *позднее засыпанье*; онъ не можетъ отъ мыслей заснуть; трехдневная лихорадка съ кислой рвотой послѣ зноба, обрюзглости лица и рукъ; усталость; боязнь одиночества; *свсенравіе*, чувствительность, боязливость съ унынъемъ и плаксивостью; *вспыльчивость.*“

„Умѣренная доза, если она правильно выбрана, *хорошо дѣйствуетъ въ теченье 40, 50 дней и даже больше*“.

Нѣкоторые изъ 891 симптома Ликоподія, послужившіе къ установленію сейчасъ приведенныхъ *показаній*, не безъ интереса.

1. „Наблюдаемый получаетъ головокруженіе въ *жаркой* комнатѣ (на 23 день)“.

2. „Утромъ, при вставаніи съ постели и послѣ него, головокруженіе, такъ что наблюдаемый шатался (на 30 день)“.

9. „Онъ можетъ говорить порядочно о высокихъ, даже объ абстрактныхъ вещахъ, но путаетъ повседневныя, напр., онъ говоритъ *сливы*—вмѣсто груши“.

10. „При мышленіи голова у него, какъ пустая; онъ не можетъ удержать ни одной мысли“.

60. „Влѣво на головѣ у него ощущеніе, какъ будто выдергиваютъ по одному волоску.

62. „Ужасно выпадаютъ волосы на головѣ“.

77. „Много угрей и веснушекъ, все лицо ими покрыто“.

78. „Болѣе веснушекъ на лѣвой сторонѣ лица и на носу“.

80. „*Блѣдный жалкій цвѣтъ лица*“.

112. „*Колотье въ глазахъ безъ красноты* весь день, но особенно утромъ (на 34 день)“.

118. „*Глаза вечеромъ полны гнойной слизи* (масло), съ буравящей болью (32 день)“.

168. „Вечеромъ, на прогулкѣ сильное носовое кровотеченье изъ маленькой раны въ носу (на 32 день)“.

172. „Мелкая высыпь у рта (на 18 день)“.

173. „Зудящая краснота на верхней губѣ (на 14 день)“.

242. „Вкусъ сыра во рту (на 13 день)“.

244. „Утромъ вкусъ сахарной воды“.

446. „Онъ спитъ при coitus'ѣ безъ изліянія сѣмени (на 12 день)“.

475. „Днемъ 15 разъ чихнулъ безъ насморка (на 5 день)“.

473. Хрипота на 25, на 48 день.

481. Сильный насморкъ (на 10 день).

488. Жестокій насморкъ съ припухлостью носа и т. д.

Такимъ же образомъ составились показанія по закону подобія и для другихъ средствъ, напр.

Фосфоръ, описанный въ 3-й части „Die chronischen Krankheiten“, устраняетъ: выпаденіе волосъ, дурной запахъ изъ носу, геморроидальные узлы, паховыя грыжи, ленточныя глисты, боязнь работы. Децилліонное разведеніе его найболѣе употребительно.

Сыра, употребляемая уже много столѣтій при чесоткѣ, рекомендуется Ганеманномъ (Reine Arzneimittellhre. IV, 275—318) при боязливости, религіозныхъ idées fixes, близорукости, тугости слуха, зубной боли, жгучемъ голодѣ, кровяномъ кашлѣ и желтыхъ пятнахъ на тѣлѣ, при чесоткѣ, сонливости, импотеціи, выпаденіи прямой кишки, при холодныхъ потахъ.

Время и размѣры предпринятаго мной Очерка философіи Ганеманна не позволяютъ привести здѣсь огромную массу другихъ примѣровъ изъ Ганеманновскихъ *патогенезовъ*. Да въ этомъ нѣтъ и надобности: по типу приведеннаго патогенеза *Ликоподія* составлены у него и всѣ другія исторіи испытаній лекарствъ. *Симптомы* лекарствъ расположены въ нихъ въ анатомическомъ порядкѣ отъ головы до конечностей, а въ заключеніе обыкновенно приводятся *общіе* симптомы и психическія явленія. О *лицахъ*, надъ которыми производились испытанія, о *дозахъ*, которыми были вызваны тѣ или другіе

симптомы, о *связи* и *послѣдовательности* ихъ появленія—не сообщается никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, дѣйствіе на организмъ данной *дозы* лекарства продолжается, по словамъ Ганеманна, въ теченіе дней, недѣль и даже мѣсяцевъ! Все, случившееся за это продолжительное время съ наблюдаемымъ лицомъ, всѣ перемѣны въ его жизни и состояніи, наблюдатель относитъ на счетъ дѣйствія лекарства. Произвольно толкуя *чужія* наблюденія, какъ мы видѣли раньше, Ганеманнъ при составленіи *собственныхъ* патогенезовъ широко и неограниченно пользуется своимъ шаблоннымъ „post hoc, ergo propter hoc". Вслѣдствіе этого въ категорію „подобныхъ" *лекарственныхъ* симптомовъ въ патогенезахъ у него попадаютъ не только явленія, присущія какому нибудь *хроническому* страданію у наблюдаемаго, какъ болѣзни желудка, психическія разстройства и пр., но и различныя *осложненія*, присоединившіяся въ теченіе 1—2 мѣсяцевъ наблюденія, — въ родѣ насморка, остраго бронхита, рвоты при погрѣшности въ діэтѣ, геморроидальнаго кровотеченія и прочее—признаются прямымъ *послѣдствіемъ* лекарственной дозы. Этого мало. Ганеманнъ, не задумываясь ни на минуту, относитъ къ лекарственнымъ симптомамъ *чисто-физіологическія* состоянія организма, какъ голодъ, усталость органа слуха отъ музыки, дальнозоркость и пр. Предписывая „самое тщательное и скептическое отношеніе" къ наблюдаемымъ симптомамъ, онъ самъ *лично* совершенно *неразборчивъ* на счетъ лицъ, выступающихъ въ качествѣ *объектовъ* наблюденія. Вспомнимъ отзывъ Юза о Лангаммерѣ, Штапфѣ или фонъ-Герсдорфѣ. А человѣкъ, говорящій вздоръ о возвышенныхъ предметахъ и не умѣющій назвать грушу ея именемъ, будь онъ даже психически здоровъ, развѣ можетъ вѣрно и точно описать свои ощущенія, при всемъ своемъ желаніи? Но допустимъ даже, что лицо, избранное объектомъ для испытанія лекарствъ и по развитію и по своей добросовѣстности удовлетворяетъ даже болѣе идеальнымъ требованіямъ, чѣмъ тѣ, которыя предъявляетъ Ганеманнъ, кто же можетъ поручиться, что оно застраховано отъ *невольныхъ* увлеченій и ошибокъ при описаніи и толкованіи своихъ ощущеній? Гомеопатъ *Гамильтонъ* показалъ, какъ много легкихъ *уклоненій отъ нормальнаго состоянія* можетъ появиться у человѣка, который въ теченіе нѣсколькихъ дней наблюдаетъ за своими ощущеніями и поступками. Юзъ въ своей Фармакодинамикѣ сообщаетъ другой, еще болѣе интересный

въ этомъ отношеніи фактъ: „ведя переиспытаніе carbo vegetabilis (*растительнаго угля*, число симптомовъ котораго, по Reine Arzneimittellehre VI, доходитъ до 720), *Конрадъ Весселъгефтъ* въ Бостонѣ началъ съ того, что раздалъ своимъ сотрудникамъ порошокъ изъ *чистаго молочнаго сахару*, и они сообщили ему изрядное количество симптомовъ, яко-бы вызванныхъ этимъ невиннымъ средствомъ“ (стр. 118). Въ Американскомъ гомеопатическомъ Институтѣ, при переиспытаніи растительнаго угля, оказалось, что 1-е, 2-е и 3-е сотенныя растиранія этого вещества у 50 здоровыхъ лицъ остались *безъ всякаго замѣтнаго дѣйствія*. „Девять же особъ, по словамъ Юза, приводятъ симптомы, число которыхъ доходитъ до *327*. Но изъ нихъ шестеро *наблюдали передъ этимъ* за своимъ здоровьемъ, не *принимая никакого лекарства*, и все таки замѣтили за собой, по крайней мѣрѣ, *половину* тѣхъ же ощущеній и явленій, какъ и при лекарствѣ“ (стр. 430).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, благодаря *чисто субъективнымъ* настроеніямъ *наблюдаемаго* лица, произвольно или совершенно неумышленно въ патогенезы доставляется рядъ симптомовъ, не имѣющихъ рѣшительно никакого отношенія къ лекарственному эффекту. Съ другой стороны —*наблюдатель*, при отсутствіи разумнаго критерія со стороны физіологіи и паталого-анатомическаго опыта, весьма нерѣдко принимаетъ и выдаетъ за *лекарственные* симптомы проявленіе какого нибудь *хроническаго* страданія или интеркуррирующія болѣзненныя *осложненія* наблюденій и даже физіологическія функціональныя состоянія наблюдаемаго организма. Благодаря этому, гомеопатическіе патогенезы, при всей своей *кажущейся* подробности и обстоятельности, представляютъ лишь относительное *практическое*—и совсѣмъ ничтожное *теоретическое* значеніе. Испещренные *фиктивно*-лекарственными симптомами они менѣе всего пригодны служить опорой и *фактическимъ* доказательствомъ закона подобія. И въ тоже время, благодаря именно этому принципу подобія, на основаніи патогенетическихъ симптомовъ, строится масса странныхъ и совершенно неосновательныхъ „показаній“ для примѣненія того или другаго средства у постели больнаго. Возьмемъ, напр., симптомъ 168 патогенеза Ликоподія. Сильное *носовое кровотеченіе* изъ маленькой раны въ носу, развившееся во время прогулки вечеромъ на 32 день послѣ пріема динамизированной минимальной дозы Ликоподія (зависѣвшее, внѣ всякаго сомнѣнія, отъ предшествовавшаго

насморка), создаетъ показаніе для примѣненія этого средства при *подобномъ* страданіи, такъ какъ Ганеманнъ помѣстилъ этотъ припадокъ въ числѣ *лекарственныхъ* симптомовъ. На этихъ же началахъ, очевидно, основаны показанія для примѣненія *Ликоподія* при *многолѣтнемъ* кашлѣ, застарѣлыхъ нарывахъ бедра, при грыжахъ, нагноеніи вѣкъ и пр., а также *фосфора*—при глистахъ, при геморроидальныхъ узлахъ, *кремнезема* —при сѣрой катарактѣ, амаврозѣ, неспособности къ мышленію, и такъ далѣе—цѣлые ряды нелѣпыхъ и чудовищно—неосновательныхъ показаній. Словомъ—„въ какомъ ряду симптомовъ испытанное такимъ образомъ лекарство представляетъ *наибольшее сходство* съ симптомами данной *натуральной* болѣзни, тотъ и будетъ представлять наиболѣе подходящее для удаленія и уничтоженія этой болѣзни лекарство; въ этомъ лекарствѣ найдено наиболѣе подходящее *специфическое* цѣлебное средство“ (Organon § 124). Сходство это должно заключаться въ возможно большемъ числѣ *характерныхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза* признаковъ. Болѣзнь тогда, часто уже послѣ первой дозы, устраняется безъ труда (§ 130). Наступающее при употребленіи *подобнаго* средства въ первые часы *ухудшеніе* имѣетъ благопріятное значеніе, такъ какъ естественно, что *лекарственная* болѣзнь сильнѣе наличнаго страданія (§ 132).

Какимъ образомъ происходитъ при этомъ уничтоженіе *проявленій* болѣзни при помощи лекарственныхъ симптомовъ, мы не должны допытываться и попробуемъ повѣрить аналогіи Ганеманна, который сравниваетъ отношеніе *подобнаго* лекарства къ болѣзни съ взаимодѣйствіемъ между натуральной оспой и вакциной, симптомы которой „покрываются“ и „уничтожаются“ проявленіемъ первой. Организмъ съ его жизненной силой остается, такъ сказать, пассивнымъ, подчиненнымъ участникомъ этого процесса. Но положимъ теперь, мы имѣемъ какого нибудь больнаго, хоть напр., съ „нагноеніемъ вѣкъ“, при которомъ по закону подобія, „показуется“ ликоподій. Изъ 891 симптома, полученныхъ при испытаніи этого лекарства у *здороваго*, взаимодѣйствію съ болѣзнью подвергается *лишь одинъ*, представляющій съ ней *подобіе*. Что же дѣлается въ организмѣ больнаго съ остальными „неподобными“ симптомами? Ганеманнъ отвѣчаетъ просто на этотъ вопросъ: „при употребленіи *наиболѣе подходящаго* средства, въ дѣйствіе приходятъ лишь лекарственные симптомы, соотвѣт-

ствующіе болѣзненнымъ признакамъ. Остальные же, часто многочисленные, симптомы въ ряду даннаго средства, не находя себѣ никакого примѣненія въ наличномъ болѣзненномъ состояніи, *совершенно замалчиваются*: изъ числа ихъ ничего не замѣтно въ быстро улучшающемся состояніи больнаго, вѣроятно потому, что вся сила специфическаго средства *сконцентрировалась* на симптомахъ, *подобныхъ* болѣзни, и *вся истощилась* въ уничтоженіи этихъ *подобныхъ* симптомовъ. Впрочемъ, въ виду невозможности математически установить полное соотвѣтствіе между симптомами болѣзни и лекарствомъ, при дѣйствіи послѣдняго, возможно появленіе *новыхъ* незначительныхъ симптомовъ у черезчуръ раздражительныхъ и нѣжныхъ больныхъ. Но это (въ хорошемъ случаѣ) незамѣтное уклоненіе *болѣе чѣмъ удовлетворительно* выравнивается собственной энергіей живаго организма" (Organon § 131 u. Anmerkung). На этотъ разъ организмъ (на который, въ силу извѣстнаго „*неизмѣннаго* закона природы", лекарство дѣйствуетъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ) съ его „собственной энергіей", очевидно оказывается сильнѣе *абсолютнаго* лекарства. „Неподобные" симптомы послѣдняго исчезаютъ безслѣдно и даже „у черезчуръ раздражительныхъ и нѣжныхъ больныхъ" они почему то не желаютъ образовать такъ наз. *комплицированную* болѣзнь, чего мы вправѣ ожидать по программѣ Ганеманна, изложенной раньше. Но курьезъ этого объясненія заключается въ томъ, что лекарство, дѣйствіе котораго *у здороваго* проявляется въ столь рѣзкой и пестрой картинѣ (891 симптомъ!), вдругъ выражаетъ свой эффектъ въ *одномъ* или хотя бы въ *двухъ-трехъ подобныхъ симптомахъ* у *больнаго*, чувствительность котораго къ гомеопатическимъ лекарствамъ „превосходитъ всякое вѣроятіе", по словамъ Ганеманна. Почему „вѣроятное" *истощеніе* силы лекарства имѣетъ мѣсто именно въ больномъ организмѣ и не происходитъ въ *здоровомъ?!* Впрочемъ, у Кöрре (S. 32) приводится еще другое объясненіе Ганеманна: „лекарственная доза, необходимая (для больнаго) въ сильномъ разведеніи, такъ мала, что оказывается слишкомъ слабой, чтобы проявить въ *свободныхъ отъ болѣзни* частяхъ тѣла симптомы, не принадлежащіе къ гомеопатическимъ". Очевидно, этой редакціей своего объясненія Ганеманнъ хотѣлъ придать фактамъ толкованіе, менѣе противорѣчащее изобрѣтенному имъ закону отношенія болѣзненной и лекарственной потенцій. Но и это объясненіе также неудовлетворительно: оно идетъ въ

разрѣзъ съ основными виталистическими воззрѣніями его философіи. „Живой человѣческій организмъ, по словамъ Ганеманна, есть вполнѣ замкнутое цѣлое, *единица*. Всякое ощущеніе, всякое проявленіе силы, всякое составное отношеніе одной части *тѣсно* связаны съ ощущеніемъ, функціей и отношеніемъ веществъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ. *Ни одна* изъ частей не можетъ страдать безъ того, чтобы вмѣстѣ съ ней не страдали, не были измѣнены и остальныя—“ (Organon, § 42). Этотъ взглядъ доктрины Ганеманна, очень напоминающій собой „общности“ древнихъ методиковъ, имѣлъ свое основаніе въ томъ, что „каждая часть нашего тѣла, обладающая осязаніемъ, способна воспринимать дѣйствіе лекарствъ и распространять ихъ силу и на остальныя части“ (тамъ же, § 255). Эта живая единица, какой является человѣческій организмъ, „не допускаетъ, чтобы даже мѣстная болѣзнь въ нашемъ тѣлѣ оставалась вполнѣ и абсолютно мѣстной, коль скоро страданіе, принимаемое за мѣстное, находится въ частяхъ, не вполнѣ отдѣленныхъ отъ остальнаго организма. Всегда прочія части тѣла болѣе или менѣе *сострадаютъ*, и растройство здоровья проявляется тѣмъ или другимъ симптомомъ. И каждое, даже приложенное къ самымъ отдаленнымъ частямъ или же принятое внутрь сильное лекарство, всегда оказывая свое измѣняющее вліяніе на это кажущееся мѣстнымъ разстройство, вмѣстѣ съ симъ представляетъ подходящее специфическое средство для *всей болѣзни* (мѣстное страданіе есть всегда только часть ея, только симптомъ), и излечиваетъ отдаленное изолированное якобы мѣстное страданіе“ (тамъ же, § 43). Этотъ взглядъ на *мѣстное* страданіе развивается обстоятельно въ §§ 160—183 Органона, гдѣ и приводятся основанія для общаго леченія. И вдругъ, послѣ этого, Ганеманнъ открываетъ въ организмѣ „свободныя отъ болѣзни“ части тѣла и отрицаетъ въ нихъ обычное для больныхъ органовъ повышеніе воспріимчивости къ лекарствамъ! Откуда? почему? Указавъ еще въ § 244 Органона на *ежедневный* опытъ, по которому *„нѣтъ почти столь малой дозы гомеопатически выбраннаго лекарства, которая не оказалась бы сильнѣе натуральной болѣзни и не могла одолѣть ее“*, онъ продолжаетъ: „до чего повышается при болѣзняхъ воспріимчивость *организма* къ лекарствамъ, особенно къ гомеопатическимъ, о томъ можетъ имѣть понятіе необыкновенный, только точный наблюдатель: *она превосходитъ всякое вѣроятіе*, если болѣзнь достигла высшей степени раз-

витія“ (§ 245). Поэтому, для погашенія и уничтоженія наличной болѣзни „настоящій мастеръ врачебнаго искусства“ долженъ примѣнять гомеопатически выбранное лекарство въ столь малой дозѣ, что бы—въ случаѣ, „если бы человѣческая слабость увлекла его къ выбору *несоотвѣтствующаго* средства,—вредъ отъ этого несоотвѣтствія съ болѣзнью былъ бы низведенъ къ минимуму. При возможно малой дозѣ и вредъ столь слабо выраженъ, что онъ можетъ быть уничтоженъ и исправленъ *собственной энергіей природы* и быстрымъ противоположеніемъ болѣе соотвѣтственно избраннаго гомеопатическаго средства, тоже въ малой дозѣ“ (§ 247). Вмѣсто *обычныхъ* послѣдствій примѣненія несоотвѣтствующаго средства—вмѣсто комплицированнаго страданія, опять мы видимъ *полное* уничтоженіе эффекта *абсолютной* лекарственной потенціи и при томъ подъ вліяніемъ *слабѣйшей* и неразумно дѣйствующей жизненной силы. Почему бездѣйствуетъ „величайшій и неизмѣнный“ законъ природы? Откуда вдругъ „природа“ организма получаетъ самостоятельность и цѣлесообразность? На эти вопросы напрасно будемъ ждать отвѣта отъ витализма Ганеманна. Какъ здѣсь, при объясненіи фактовъ, такъ и при формулированіи совершенно противорѣчащаго имъ *общаго закона*, Ганеманнъ ссылается на обычный ежедневный свой *опытъ*, для котораго, впрочемъ, у него нѣтъ „всеобщаго и неизмѣннаго закона природы“.

Но пойдемъ дальше за Ганеманномъ. „Говоря о возможной малости лекарственныхъ дозъ въ гомеопатіи, я, заявляетъ авторъ *Органона* въ примѣчаніи къ § 247, не могу здѣсь дать таблицы мѣры и вѣса лекарствъ, въ виду различной ихъ силы.“ И тутъ же, вслѣдъ за этимъ онъ пытается *математически* формулировать дѣйствіе дозы, допуская въ общемъ *ослабленіе его съ уменьшеніемъ концентраціи*. „Дѣйствіе дозы повышается или понижается не въ равной прогрессіи съ интенсивностію ея количества. *Восемь* капель лекарственной настойки на дозу вызываютъ эффектъ не въ *четверо*, а лишь *вдвое* большій, чѣмъ *двѣ* капли ея въ дозѣ. *Одна* капля смѣси изъ лекарственной настойки и 10-ти капель нелекарственной жидкости при внутреннемъ употребленіи дѣйствуетъ не въ *десять разъ*, а всего лишь *въ два раза* сильнѣе той же смѣси въ десятикратномъ разведеніи и

т. д. по тому же закону. Примѣръ: положимъ, одна капля смѣси, содержащая $^1/_{10}$ грана лекарства совершаетъ эффектъ a, то капля болѣе разведенной смѣси, заключающая въ себѣ $^1/_{100}$ грана $= a/_2$, при содержаніи въ смѣси $^1/_{1000}$ грана лекарства $= a/_4$ и т. д. Такъ что, при равномъ объемѣ дозы, *съ квадратнымъ уменьшеніемъ содержанія лекарства эффектъ его уменьшается едва на половину*" (Organon, § 253 u. Anmerk.). Если этотъ математически формулированный законъ и страдаетъ бездоказательностью, то во всякомъ разѣ Ганеманнъ въ немъ не сходитъ еще съ почвы фактической и не даетъ простора своей необузданной фантазіи. Но уже въ 1813 г., въ своемъ „Geist der homöopatischen Heillehre" S. 24, основатель гомеопатіи указываетъ на то, что „духовная сила лекарства достигаетъ своей цѣли (въ больномъ организмѣ) не количествомъ, а потенціальностію и качествомъ." Затѣмъ, въ 3-мъ изд. Органона появляется примѣчаніе къ § 287, въ которомъ говорится, что отъ фармацевтическихъ процессовъ растиранія и взбалтыванія происходитъ развитіе духа лекарства, пропорціонально продолжительности растиранія и числу взбалтываній. Въ изданіяхъ 1825 и 1827 гг. онъ простираетъ эту мысль далѣе. Первоначально онъ приписывалъ возрастаніе силы лекарства болѣе тщательному смѣшенію при своихъ процессахъ; теперь же онъ объявляетъ, что, независимо отъ этого, они ведутъ къ измѣненію *свойствъ*, къ освобожденію динамическихъ и развитію духовныхъ силъ лекарственныхъ веществъ, на подобіе происхожденія теплоты отъ тренія. Онъ утверждаетъ, что, при этихъ процессахъ, „лекарства, по мѣрѣ разведенія, не только не утрачиваютъ своей силы, но становятся еще могущественнѣе, еще проницательнѣе, что вслѣдствіе ихъ *происходитъ положительное возрастаніе силы лекарства, одухотвореніе его динамическаго свойства, истинное и изумительное раскрытіе и оживотвореніе его духа*" (*Юзъ* „Ганеманнъ какъ врачъ—философъ", стр. 46—47). При этомъ физико-химическая натура лекарствъ измѣняется до того, что нерастворимыя въ водѣ и въ спиртѣ вещества становятся растворимы въ послѣднихъ послѣ растиранія; нейтрализація щелочей и кислотъ другъ другомъ уже невозможна болѣе и пр. Такимъ образомъ, по позднѣйшимъ воззрѣніямъ Ганеманна, матерія и сила стоятъ другъ къ другу *въ обратныхъ отношеніяхъ:* съ уменьшеніемъ количества матеріи увеличивается сила и на оборотъ: другими словами—онъ признаетъ, что *часть болье*

своего цѣлаго. Изложивъ приведенныя нами измѣненія въ веществѣ подъ вліяніемъ фармацевтическихъ пріемовъ, Ганеманнъ прибавляетъ: „Это—открытіе, которое я здѣсь въ первый разъ публикую“ (Die chr. Krankheiten II, 1.). Ясно, что это новое „открытіе“ метафизической философіи Ганеманна противорѣчило не только общечеловѣческимъ понятіямъ, но и его данной раньше формулѣ дѣйствія лекарствъ на организмъ. Но эта теорія „динамизаціи“ лекарствъ была необходима Ганеманну, она явилась вѣнцомъ его мистическаго витализма и завершила доктрину гомеопатіи. Отдѣливъ матерію отъ силы, признавъ духовную природу жизненныхъ отправленій въ нормальномъ и въ больномъ организмѣ, а также нематеріальную сущность болѣзнетворнаго начала, Ганеманнъ по необходимости долженъ былъ ввести духовный элементъ *и въ терапію*: болѣзни, какъ *духовныя* (динамическія) разстройства состоянія организма, только и могли излечиваться *нематеріальными* (динамическими) свойствами, „духомъ“ лекарствъ. Необходимость уменьшенія дозы, обусловленная гомеопатическими *ухудшеніями*, рядомъ съ открытіемъ *абсолютной* силы лекарства и пассивности организма, сами по себѣ служили очень вѣскимъ основаніемъ для употребленія *минимальныхъ* дозъ. Съ другой стороны, поверхностная *аналогія* дѣйствія лекарствъ съ эффектами свѣтовымъ, тепловымъ, электрическимъ и пр. подсказала ему теорію динамизаціи. „Посмотрите, говоритъ Ганеманнъ, на чрезвычайныя дѣйствія этихъ веществъ, которыя, не смотря на невѣсомость, слѣдовательно вопреки чрезвычайной малости, могутъ оказывать вліяніе на столь далекія разстоянія“ (Körpe S. 34.). Очевидно, что не только аналогія, но и толкованіе взаимныхъ отношеній невѣсомыхъ количественныхъ дѣятелей и химическихъ веществъ—неправильны. Всякому извѣстно, что свѣтъ, электричество и пр. слѣдуютъ законамъ матеріи и эффектъ ихъ понижается съ уменьшеніемъ „концентраціи“ дѣятеля и съ увеличеніемъ разстоянія. Впрочемъ, къ этому вопросу мы вернемся еще разъ. Интересно, что многократно цитированный нами защитникъ Ганеманна, гомеопатъ Юзъ, признавая несостоятельность теоріи *динамизаціи*, вмѣняетъ въ большую заслугу Ганеманну *открытіе* (скажемъ проще—измышленіе) неизвѣстныхъ дотолѣ явленій и *стремленіе объяснять ихъ*, т. е. именно то самое качество, которое столь рѣзко и дерзко творецъ гомеопатіи *осуждалъ* въ своихъ теоретиризующихъ противникахъ, „не видя въ своемъ гла-

зу бревна." Большинство гомеопатовъ-раціоналистовъ отвергаетъ теорію динамизаціи, хотя едвали справедливо: основанія ея ни болѣе ни менѣе шатки, чѣмъ основанія „неизмѣнныхъ законовъ природы" въ философіи гомеопатіи; она совершенно гармонируетъ съ мистически-виталистическими воззрѣніями ея творца. Въ основу теоріи *динамизаціи* положенъ такой же „непреложный и основанный на тщательныхъ наблюденіяхъ опытъ", который служилъ опорой совершенно противорѣчащаго ей *математическаго* закона, формулирующаго *дѣйствіе* дозы. Въ 4-мъ изд. *Органона*, въ примѣчаніи къ § 129 Ганеманнъ прямо заявляетъ, „что по *новѣйшимъ наблюденіямъ* цѣлебная сила возрастаетъ больше отъ разведенія и потентизаціи лекарствъ, нежели отъ увеличенія ихъ количества", а въ 5-мъ изд. его, къ прежней редакціи § 276—„даже гомеопатически соотвѣтствующее лекарство можетъ повредить, если назначается въ излишней дозѣ, и оно тѣмъ вреднѣе, чѣмъ оно гомеопатичнѣе" — онъ прибавляетъ: „и чѣмъ выше его разведеніе" (Юзъ—Ганеманнъ какъ врачъ—философъ, стр. 47.). Впрочемъ, и *у здороваго* человѣка, по Ганеманну, лекарство дѣйствуетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ меньше его доза, его сила повышается до тѣмъ болѣе удивительныхъ размѣровъ, чѣмъ болѣе разведено вещество, чѣмъ выше оно потенцировано" (Körpe S. 32). Послѣ этого ясно, что теорія динамизаціи тѣсно связана съ формулой „similia similibus curentur" единствомъ лежащаго въ основѣ ихъ перваго закона природы: если Ганеманнъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ неосновательно-произвольнаго теоретизированія въ ученіи *о динамизаціи*, то лишь потому, что при этомъ подразумѣвалась *абсолютная* сила лекарства, способность послѣдняго измѣнять жизненныя отправленія организма всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ.

Но я бы не обрисовалъ всѣхъ сторонъ дѣятельности Ганеманна, если бы я не упомянулъ о его *теоріи хроническихъ болѣзней*. Для характеристики творца гомеопатіи въ психологическомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что его ученіе о *динамизаціи* лекарствъ появилось много лѣтъ спустя послѣ того, какъ авторъ его, при помощи опыта и размышленій, косвенно убѣдился въ полной *несостоятельности* своего „перваго несомнѣннаго закона природы". Еще въ мартѣ 1813 г., приведя оба свои основные закона гомеопатіи, Ганеманнъ въ заключеніе статьи — „Geist der homöopatischen Heillehre" (S. 25) говорилъ: „иначе, какъ по этимъ своимъ очевиднымъ зако-

намъ, природа живаго организма не можетъ дѣйствовать при прочномъ исцѣленіи болѣзней лекарствами и такъ на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ, можно сказать, съ *математическою* точностію. *Нѣтъ въ свѣтѣ ни одного случая динамической болѣзни* (исключая агонію и, если можно сюда отнести, глубокую старость и разрушеніе необходимыхъ внутренностей), *симптомы которой находятся въ значительномъ подобіи съ положительнымъ дѣйствіемъ лекарства, которая бы не была излечена послѣднимъ скоро и прочно*". Прошло всего нѣсколько лѣтъ послѣ такого торжественнаго и категорическаго исповѣданія вѣры въ динамическую силу лекарствъ, а именно, по сознанію самого Ганеманна, уже къ 1816 г. накопилась масса фактовъ, пошатнувшихъ эту твердую вѣру и побудившихъ его значительно понизить тонъ. Неизлечимость многихъ *хроническихъ* болѣзней, безсиліе гомеопатіи при тѣхъ именно заболѣваніяхъ, которыя Ганеманнъ признавалъ *настоящимъ пробнымъ камнемъ истиннаго искусства* (Reine Arzneimittellehre I. 274;—II. 16), чуть ли не поставила на карту самое существованіе гомеопатіи, настойчиво выдвинувъ принципіальный вопросъ объ *активной роли организма* при леченіи болѣзни. Только благодаря гибкости логики и обычной уклончивости, Ганеманну отчасти удалось спасти свое дѣтище. *Настоящій* уже опытъ показалъ Ганеманну, что только острыя заболѣванія, эпидемическія заразы и спорадическія лихорадки легко излечиваются гомеопатическими лекарствами (онѣ проходятъ *и безъ всякаго леченія*, по выраженіямъ „Чистаго Лекарствовѣдѣнія" (I. 275), „Опытной Мед." и Органона). Но оказался огромный рядъ *динамическихъ* болѣзней, которыя, не смотря на безупречный образъ жизни и *пунктуальную послѣдовательность* въ примѣненіи гомеопатическихъ средствъ, не только не излечивались, но изъ года въ годъ прогрессивно ухудшались". Таковъ былъ болѣе или менѣе медленный процессъ леченія всѣхъ значительныхъ хроническихъ страданій даже въ томъ случаѣ, если оно проводилось согласно ученію гомеопатическаго искусства. Начало было пріятно, продолженіе менѣе благопріятно, а исходъ—безнадежный". (Die chronischen Krankheiten. I, 6.). Словомъ, строго гомеопатическое леченіе, по ходу и по своимъ конечнымъ результатамъ, ничѣмъ не отличалось отъ палліативнаго, какъ его описывала гомеопатія. Всякій безпристрастный мыслитель, не ослѣпленный самомнѣніемъ въ виду фактовъ задалъ бы себѣ вопросъ относительно правильности прин-

ципа положеннаго въ основу леченія, этихъ болѣзней. Но Ганеманнъ не допускаетъ и тѣни сомнѣнія въ основательности гомеопатическаго ученія, которое, не смотря на неудачи въ леченіи, „при всемъ томъ покоилось на незыблемомъ основаніи истины и вѣчно остается таковымъ.“ „Откуда же тогда мало благопріятный или совсѣмъ неблагопріятный результатъ леченія хроническихъ болѣзней посредствомъ гомеопатіи? Въ чемъ секретъ прочнаго излеченія затяжныхъ случаевъ болѣзней послѣ тысячъ неудачныхъ попытокъ“? спрашиваетъ Ганеманнъ. „Быть можетъ въ малочисленности точно обслѣдованныхъ гомеопатическихъ средствъ? Этимъ утѣшали себя до сихъ поръ ученики гомеопатіи. Но основатель ея никогда не удовлетворялся этимъ такъ называемымъ утѣшеніемъ по той простой причинѣ, что съ каждымъ годомъ увеличивавшееся количество испытанныхъ и сильныхъ средствъ ни на шагъ не двигало леченія хроническихъ болѣзней. Поэтому,—отыскать основаніе, отчего всѣ извѣстныя въ гомеопатіи средства не даютъ настоящаго излеченія при упомянутыхъ болѣзняхъ и выработать правильный, надлежащій взглядъ на истинное свойство этихъ, тысячами не излеченныхъ болѣзней—вотъ та въ высшей степени серьезная задача, которою я былъ занятъ по днямъ и ночамъ *съ 1816 и 1817 г.* И податель всѣхъ благъ въ этотъ промежутокъ времени позволилъ мнѣ исподволь, путемъ *безпрестаннаго размышленія, вѣрныхъ наблюденій и точнѣйшихъ опытовъ*, разрѣшить эту загадку для блага человѣчества!“ (тамъ же, стр. 6—7). Оказывается, что секретъ неизлечимости болѣзней лежитъ въ .... *больномъ организмѣ*, въ его глубокомъ разстройствѣ, какъ это признавали всѣ раціональные врачи, начиная съ Гиппократа. „Безпрестанное размышленіе и точнѣйшій опытъ“ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привели Ганеманна къ необходимости сознанія, что „врачъ-гомеопатъ при леченіи хроническихъ болѣзней не долженъ ограничиваться находящимися предъ его глазами проявленіями болѣзни и пользовать ихъ какъ *отдѣльную* болѣзнь, которая должна быть гомеопатически „погашена“ и излечена уже въ теченіе короткаго времени и навсегда, чему противорѣчатъ однако и опытъ и результаты. Ему должно помнить, что въ этомъ разѣ онъ имѣетъ дѣло лишь съ *одной отдѣльной частью* глубоколежащей *первичной болѣзни* (Urübel), значительный объемъ которой сказывается въ новыхъ, проявляющихся отъ времени до времени, припадкахъ. Онъ, поэтому, въ прежнемъ

предположеніи не долженъ надѣяться лечить отдѣльные приступы этого рода, какъ самостоятельныя, опредѣленныя болѣзни, такъ прочно, чтобы не являлись ни они сами, ни на ихъ мѣсто новые, тяжелые симптомы. Слѣдовательно, сначала, по возможности, онъ долженъ узнать весь объемъ припадковъ и симптомовъ, свойственныхъ *неизвѣстному первичному страданію* прежде, чѣмъ надѣяться посредствомъ соотвѣтственныхъ послѣднему симптомовъ отыскать одно или нѣсколько лекарствъ, гомеопатически покрывающихъ все основное страданіе, чтобы потомъ быть въ состояніи одолѣть и уничтожить заразу *во всемъ ея объемѣ*, т. е. со всѣми ея отдѣльными частями, проявляющимися въ столь разнообразныхъ приступахъ" (тамъ же, стр. 8—9).

За тѣмъ, „что искомое первичное страданіе должно быть сверхъ того *міазматически-хронической природы*, Ганеманнъ убѣдился изъ того, что оно не преодолѣвается ни крѣпкой конституціей организма, ни здоровой діэтой и образомъ жизни. Сама по себѣ болѣзнь тоже не проходитъ, но, переходя съ годами въ болѣе опасные симптомы, она все ухудшается до конца жизни, подобно хронически-міазматической венерической болѣзни, которую оставили безъ леченія ртутью" (тамъ же, стр. 10). „Это обстоятельство, говоритъ Ганеманнъ, въ связи съ безчисленными наблюденіями врачей и моимъ собственнымъ опытомъ—показавшимъ, что вслѣдъ за скрывшейся отъ дурнаго леченія или другихъ обстоятельствъ *чесоточной* высыпью даже у здороваго человѣка, наступали хроническія заболѣванія съ одинаковыми или подобными симптомами—не оставляли для меня никакого сомнѣнія относительно внутренняго врага, съ которымъ имѣется дѣло при леченіи. Впослѣдствіи я съ умѣлъ найти и лекарство противъ этой, причиняющей такъ много страданій, *первичной болѣзни* (Urübel), названной общимъ именемъ *псора* (внутренняя болѣзнь съ высыпью на кожѣ или безъ нея). Точнѣйшее наблюденіе надъ цѣлебнымъ средствомъ, уже въ первыя 11 лѣтъ послѣ открытія *антипсорическихъ* лекарствъ, все болѣе и болѣе убѣждало меня въ томъ, что часто умѣренныя, значительныя и величайшія хроническія страданія имѣли это происхожденіе. Оно убѣдило меня, что не только большинство накожныхъ сыпей, которыя Villan съ величайшимъ трудомъ различаетъ и называетъ, но и всѣ злокачественныя образованія, начиная съ бородавокъ на пальцахъ до *мышечатыхъ* опухолей, отъ уродливости ногтей—до костныхъ опухолей, искривленій позвоночника и разныхъ другихъ размягченій и

искривленій костей въ раннемъ и зрѣломъ возрастѣ, частыя носовыя кровотеченія, закрытый и открытый геморрой, а также кровавые—кашель, рвота и моча, неправильности мѣсячныхъ, многолѣтніе ножные ноты, пергаментное затвердѣніе кожи, долголѣтніе поносы, запоры, боли, рецидивирующія застарѣлыя конвульсіи—словомъ, тысячи различныхъ затяжныхъ страданій человѣка, за немногими исключеніями, суть истинные отпрыски *многовидной псоры*" (тамъ же, стр. 11—12), „которая, терзая и уродуя человѣчество, въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ въ послѣднія столѣтія стала родоначальницей всѣхъ невѣроятно разнообразныхъ тысячъ (острыхъ и) хроническихъ болѣзней, которыми теперь все болѣе и болѣе угнетается человѣчество на землѣ" (стр. 15). „Такъ что по крайней мѣрѣ *семь осьмыхъ* всѣхъ существующихъ хроническихъ болѣзней имѣютъ ее своимъ источникомъ, остальная же *одна* осьмая ихъ происходитъ отъ *сифилиса* или отъ *сикоза* (бородовчатая болѣзнь), или же отъ компликаціи этихъ двухъ и даже всѣхъ трехъ міазматически-хроническихъ болѣзней" (стр. 24). Интересно, что Ганеманнъ причисляетъ псору къ самымъ заразительнымъ болѣзнямъ, міазмъ которой поражаетъ „почти всякаго человѣка и почти при всѣхъ обстоятельствахъ" (стр. 66), т. е. міазму псоры приписывается *абсолютная* сила дѣйствія на организмъ человѣка почти въ тѣхъ же словахъ, которыми онъ характеризовалъ раньше абсолютную силу лекарствъ. Затѣмъ, Ганеманнъ громитъ современныхъ ему медицинскихъ писателей, признававшихъ чесотку чисто *мѣстной* накожной болѣзнью. Ссылаясь на литературныя данныя и на свой опытъ, онъ утверждаетъ, что послѣ излеченія сыпи остаются *послѣдовательныя* страданія, связанныя съ ней, какъ съ основной причиной, а именно—опухоли, упорныя боли въ различныхъ органахъ, гипохондрія или истерія, ломота, сухотка, нагноеніе легкихъ, постоянная или судорожная астма, слѣпота, глухота, параличи, костоѣда, опухоли (ракъ), судороги, кровотеченія, душевныя болѣзни и пр. (тамъ же стр. 25—28, 92—137, 165).

Разбирать всю эту, выражаясь терминомъ Ганеманна, „патогенетическую поэзію", явившуюся результатомъ скороспѣлыхъ обобщеній и произвольнаго толкованія отдѣльныхъ фактовъ,—намъ кажется излишнимъ. Мы остановились надъ изложеніемъ *теоріи о псорѣ* по многимъ причинамъ. Прежде всего, въ своихъ воззрѣніяхъ на сущность хроническихъ страданій Ганеманнъ до такой степени противо-

рѣчитъ всему тому, что служило въ первые годы центромъ и направленіемъ его дѣятельности, что многіе *ученые* гомеопаты совершенно исключаютъ изъ цикла гомеопатическихъ догмъ ученіе о *псорѣ*, признавая его произведеніемъ *старческаго* ума въ періодъ „уединенія и узкости“ Кётенской жизни основателя гомеопатіи. „Все, что заключается въ первыхъ 3-хъ изданіяхъ (Органона), т. е. по 1824 г., заявляетъ Юзъ, все что онъ писалъ въ первой четверти настоящаго столѣтія, отличается положительностью, логичностью, основательностью и потому всегда будетъ имѣть цѣну. Затѣмъ, однакоже, мы видимъ въ немъ перемѣну. Переселившись въ 1821 г. изъ Лейпцига въ Кётенъ, онъ промѣнялъ дѣятельную общественную жизнь на уединеніе и узкость. Въ *умъ* его началось царство гипотезъ—физіологическихъ, патологическихъ, фармакологическихъ“ („Ганеманнъ какъ врачъ—философъ“, стр. 38). Но извѣстно, что „Опытная медицина“ (1805 г.), первое изданіе *Органона* (1810 г.), „Духъ гомеопатическаго ученія“ (1813 г.), которыя мы постоянно цитировали при изложеніи гомеопатіи Ганеманна, изданы до 58 г. жизни Ганеманна. Спустя 3 года, послѣ появленія его статьи „Духъ гомеопатическаго ученія“, слѣдовательно на 61 г. своей жизни, основатель гомеопатіи убѣждается въ *несостоятельности* гомеопатическаго леченія при многочисленныхъ хроническихъ болѣзняхъ *и съ 1816 и 1817 г.* ставитъ себѣ задачей выяснить причины неизлечимости этихъ болѣзней при помощи гомеопатическихъ средствъ. „И Податель всѣхъ благъ въ *этотъ промежутокъ времени* (in diesem Zeitraume, d. i. 1816—1817) позволилъ мнѣ исподоволь, путемъ безпрестаннаго размышленія, вѣрныхъ наблюденій и точнѣйшихъ опытовъ разрѣшить эту загадку для блага человѣчества“, говоритъ Ганеманнъ (Die chron. Krankheiten, S. 6). Результатомъ этого появилась его *теорія хроническихъ болѣзней*. Причемъ тутъ *старческій* умъ? Вѣдь въ теченіе 1811,—16,—17,—18,—19 и 1821 гг. послѣдовательно томъ за томомъ выпускалось 1 изданіе „Чистаго Лекарствовѣдѣнія“, по поводу котораго ни одинъ гомеопатъ не заявляетъ сомнѣній въ здравомысліи Ганеманна. *Уединеніе и узкость*, за 5 лѣтъ до переселенія въ Кётенъ, слѣдовательно, въ періодъ дѣятельной общественной жизни, ужь ни какъ не могли быть факторомъ появленія ученія о псорѣ. И потому отрицаніе послѣдняго по этимъ мотивамъ есть тенденціозная и ничѣмъ не оправдываемая натяжка со стороны ученыхъ гомеопатовъ. Причина этого лежитъ

глубже. Дѣло въ томъ, что Ганеманнъ въ своихъ „Хроническихъ болѣзняхъ“ прежде всего призналъ *фактъ* неизлечимости при помощи гомеопатіи тѣхъ самыхъ *динамическихъ* болѣзней, которыя еще въ 1813 г. онъ *безъ исключенія* полагалъ излечимыми скоро и прочно и даже считалъ ихъ леченіе „настоящимъ пробнымъ камнемъ истиннаго искусства“. Этимъ онъ прямо доказалъ, что *лекарственныя* потенціи вовсе не такіе *абсолютные* дѣятели, которые способны измѣнять жизненную силу организма и „тушить“ подобную болѣзнь безусловно во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. *Опытъ* убѣдилъ его, что натуральная болѣзнь не только „не погашается безъ остатка“ лекарственною болѣзнью, но наоборотъ она „растетъ и ухудшается“, передается по наслѣдству въ теченіе многихъ вѣковъ и разнообразится. Мало того, пораженный интенсивностью, упорствомъ, съ какимъ хроническія болѣзни противостоятъ его специфическому леченію, и озадаченный обширнымъ, по его взгляду, безграничнымъ, распространеніемъ хроническихъ заболѣваній, онъ приписываетъ послѣднія *опредѣленному міазму псоры*, который способенъ поражать „почти каждаго человѣка и почти при всѣхъ обстоятельствахъ“. Послѣ крайнихъ восторговъ вѣры въ чудодѣйственную силу лекарствъ, Ганеманнъ въ *псорѣ* вынужденъ, признать почти *абсолютную* силу *болѣзнетворной* причины. Слѣдуя естественному ходу логики, Ганеманнъ, убѣдившись въ несостоятельности *абсолютной* силы лекарствъ, долженъ былъ отвергнуть и свои „неизмѣнные законы природы“, построенные на этомъ шаткомъ основаніи, въ томъ числѣ и *законъ подобія*. Но авторъ „Хроническихъ болѣзней“, не смотря на это, торжественно заявляетъ о вѣчной незыблемости основаній гомеопатіи. Далѣе, въ ученіи о *Хроническихъ болѣзняхъ*, Ганеманнъ приходитъ къ сознанію несостоятельности его *понятія* о болѣзни, которое онъ считалъ удовлетворительнымъ для „практическихъ цѣлей. „Оказывается, что знаніе отдѣльныхъ симптомовъ или даже всего комплекса ихъ еще не гарантируетъ врачу—гомеопату полнаго излеченія болѣзни, какъ это онъ старался доказать въ первыхъ положеніяхъ *Органона* и въ его знаменитой аналогіи больнаго организма съ летящей пулей. Устраненіемъ симптомовъ ничего не подѣлаешь, такъ какъ на мѣсто ихъ являются „новые, еще болѣе тяжелые“, пока въ организмѣ находится *Urübel*—та неизвѣстная міазматическая *причина*, которая служитъ источникомъ всѣхъ припадковъ и симптомовъ.

Такимъ образомъ значеніе самаго организма, низведенное почти къ нулю при леченіи болѣзни *подобнымъ* лекарствомъ, выдвигается новымъ *опытомъ* Ганеманна на первый планъ. Многократно и дерзко осмѣянная имъ *причинность* болѣзней торжественно признается, и Ганеманну приходится считаться съ ней при *леченіи* хроническихъ страданій. Мало того, въ теоріи псоры ему приходится сознаться, что болѣзнь не есть только *качественное* разстройство динамической жизненной сущности: очень часто при хроническихъ заболѣваніяхъ уменьшается и *количество* жизненной силы. Такъ, при старыхъ параличахъ *движенія* и продолжительной потерѣ *чувствительности*, „кажется, что псорическая зараза отняла вообще все или почти все вліяніе нервной силы на пораженныя части“ (Die chronischen Krankheiten. I, 238). Очевидно, Ганеманнъ здѣсь вынужденъ сдѣлать уступку современному ему *бровнизму*. Затѣмъ, допуская (Organon §§ 261—269) „ирраціональные“ палліативы какъ зло, *терпимое* лишь въ экстренныхъ случаяхъ (задушеніе, мнимая смерть и пр.), Ганеманнъ въ позднѣйшемъ періодѣ снисходитъ до признанія ихъ *пользы* въ хроническихъ болѣзняхъ и даже дѣлаетъ попытку теоретически оправдать ихъ примѣненіе (Die chr. Krankheiten, 238). Онъ не совѣтуетъ давать антипсорическихъ лекарствъ *грудным дѣтямъ* непосредственно, а рекомендуетъ дѣйствовать на послѣднихъ чрезъ посредство молока матери или кормилицы и увѣряетъ, что *потенцированныя* средства дѣйствуютъ въ такихъ случаяхъ скоро, нѣжно и цѣлебно! (тамъ же, стр. 234). Впрочемъ и *скорость* (cito) леченія понимается имъ теперь иначе. Онъ не обѣщаетъ своимъ больнымъ, какъ это дѣлалъ прежде, полнаго излеченія послѣ одного, двухъ пріемовъ *подобнаго* (simillimum) средства (напр. Organon. § 130). „При хроническихъ болѣзняхъ не позволяетъ этого натура вещей. Только обыкновенный лекарь-неучъ можетъ легко обѣщать излеченіе тяжелаго длительнаго страданія въ 4—6 недѣль!“ (тамъ же, стр. 230 и примѣчаніе). Излеченіе многолѣтнихъ болѣзней можно уже назвать *скорымъ*, если оно въ состояніи совершиться въ *теченіи одного, двухъ лѣтъ*.

Принявъ во вниманіе основныя положенія, духъ и направленіе самаго ученія, изложенныя въ I томѣ „Хроническихъ болѣзней“, теорію псоры Ганеманна можно бы назвать *автокритикой* его гомеопатіи. Хотя сдѣланныя имъ обобщенія слишкомъ поспѣшны, не достаточно обоснованы на фактахъ, какъ и всѣ обобщенія этого „врача—философа“,

но въ нихъ невольно сквозитъ у 60-*лѣтняго* Ганеманна сознаніе несостоятельности передуманнаго, перечувствованнаго и *сдѣланнаго* въ предшествовавшіе годы его жизни. Но рядомъ съ этимъ, не замѣчая своего внутренняго разлада, онъ упорно стоитъ на „незыблемости“ законовъ гомеопатіи и проповѣдуетъ *новые* законы динамизаціи лекарствъ. Таковы ужъ законы его логики. . . . .

Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика основныхъ положеній гомеопатіи Ганеманна, предназначенной, по замыслу ея сочинителя, прекратить споры партій и столкновенія различныхъ системъ, господствовавшихъ въ наукѣ къ концу прошлаго столѣтія и, взамѣнъ ихъ, сулившей мирное и широкое развитіе благодѣтельнаго для человѣчества искусства.

Отвергая и рѣзко порицая страсть къ построенію разныхъ теорій и догмъ, откуда бы онѣ ни исходили и какія бы цѣли ими ни преслѣдовались, Самуилъ Ганеманнъ задается серьезною мыслью поставить медицину на степень чисто *прикладной* науки, девизомъ которой должно быть скорое, прочное и пріятное излеченіе болѣзней человѣка. Этимъ чисто *утилитарнымъ* направленіемъ медицины Ганеманна всѣ теоретическіе вопросы, постоянно волновавшіе человѣчество и создавшіе такую массу философскихъ и медицинскихъ системъ, выбрасывались за бортъ и безъ малѣйшаго основанія признаны недостойными и несовмѣстимыми съ задачами „высокаго искусства.“ Сущность жизни, природа болѣзней и лекарственныхъ веществъ, сколько бы ни интересовали человѣка, не доступны его пониманію и выясненіе ихъ излишне для успѣховъ *прикладной* медицины. Богъ, создавши человѣка и водворивъ его среди безчисленныхъ враждебныхъ ему міровыхъ вліяній, не могъ по своей благости оставить его вполнѣ беззащитнымъ на произволъ этихъ вліяній, стремившихся разстроить гармонію его жизни. Творецъ рядомъ съ этими *при извѣстныхъ условіяхъ* вредоносными дѣятелями, создалъ *потенціи* (силы), которыя неизмѣримо *сильнѣе* этихъ дѣятелей и могутъ устранять вызванныя ими разстройства въ организмѣ. Вмѣстѣ съ симъ Онъ указалъ *опредѣленный* путь для распознаванія и устраненія болѣзней посредствомъ лекарствъ, а также не менѣе *опредѣленный способъ* узнавать цѣлебныя свойства послѣднихъ. „Это столь необходимое страждущему человѣчеству искусство не могло быть ни сокрыто въ бездонной глубинѣ мрачныхъ спекуляцій, ни разсыпано въ безгранич-

ной пустотѣ предположеній. Оно должно лежать близко, *совершенно близко*, внутри кругозора нашего внутренняго и внѣшняго воспріятія" (Wahrnehmungsvermögens—„Опытная Медицина", стр. 15—16) [1]). Этими немногими словами опредѣляется все направленіе философіи Ганеманна. Допустивъ предположеніе о существованіи *предопредѣленнаго* способа познаванія болѣзней и лекарствъ, принявъ, что столь необходимая для человѣка помощь—какъ леченіе болѣзней—должна быть, въ силу божественнаго назначенія, по возможности ему доступна, онъ возводитъ основное положеніе эмпиризма относительно роли *внѣшнихъ* чувствъ на степень единственно возможнаго *критерія* въ дѣятельности врача. Въ высшей степени сложный *актъ* наблюденія измѣненій организма при болѣзни, изслѣдованіе свойствъ лекарствъ и взаимодѣйствія лекарственной и болѣзненной потенцій съ организмомъ, онъ доводитъ до невозможной, неестественной простоты, стараясь констатировать только *внѣшнюю* связь между ними. Невѣроятно сложные психическіе процессы, необходимо участвующіе въ *развитіи и направленіи* этого акта, онъ низводитъ на степень простаго чувственнаго рефлекса. Врачъ, въ его понятіи, есть только фокусъ, въ которомъ собираются, съ одной стороны, получаемые имъ посредствомъ личнаго осмотра и выслушиванія жалобъ больнаго и окружающихъ *симптомы* болѣзни, а съ другой—схожіе съ послѣдними *патогенетическіе* признаки лекарствъ, чтобы проявиться въ формулѣ *внѣшняго подобія ихъ*. Разсужденія о послѣдовательности и возможныхъ комбинаціяхъ явленій, о степени важности отдѣльныхъ признаковъ, о зависимости проявленій болѣзни и лекарственныхъ симптомовъ отъ данной причины и пр., словомъ—все, что хоть мало-мальски доказываетъ попытку врача возвыситься надъ рефлексомъ и требуетъ проявленія его индивидуальной самодѣятельности, носитъ эпи-

---

[1]) Не касаясь вопроса, насколько подобныя *телеологическія* воззрѣнія могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія христіанской философіи, нельзя не замѣтить, что Творецъ, который, по словамъ Ганеманна, *долженъ* былъ указать человѣку *способы* защиты отъ вредныхъ вліяній, нашелъ же необходимымъ скрыть отъ нашего кругозора вещи, еще болѣе необходимыя и важныя для нашего духовнаго здоровья и благополучія и сдѣлалъ ихъ объектомъ вѣры, а не органовъ внѣшнихъ чувствъ. Затѣмъ, непонятно, откуда присущи намъ понятія *причинности* и стремленія духа къ высшимъ цѣлямъ, если отрицать самодѣятельность духа и сводить ее къ рефлексіи, какъ это дѣлаетъ Ганеманнъ.

тетъ „измышленій“ и теоретизированія. Далѣе, дѣятельность какъ здороваго, такъ и больнаго организма то разсматривается имъ какъ *рефлексъ* нормальной или измѣненной основной силы [1]), то прямо отождествляется съ этой силой. Познавая явленія (т. е. дѣятельность и чувствованія) здороваго или симптомы больнаго организма, мы въ сущности познаемъ нормальную или разстроенную жизненную силу, здоровье и болѣзнь человѣка. Отсюда ясна связь эмпиризма съ витализмомъ, отождествляющимъ *причины* вещей съ внѣшними *проявленіями* эффекта этихъ причинъ. Открытіе различій и аналогій, внѣшнія отношенія явленій другъ къ другу сами по себѣ указываютъ на причину возникновенія этихъ явленій. Видимая сложность и цѣлесообразность дѣятельности живаго организма и значительная разница свойствъ его съ явленіями міра неодушевленнаго побудила виталистовъ провести рѣзкую грань между живымъ и неживымъ и приписать, на основаніи этихъ *чисто внѣшнихъ* проявленій, *особенныя* свойства ихъ основной причинѣ—духовно динамической *жизненной* силѣ съ ея законами, отличными отъ прочаго міра.

Принявъ ученіе виталистовъ за основу своего философскаго міросозерцанія, Ганеманнъ старается прежде всего ясно и опредѣленно формулировать эти законы. Въ законѣ *подобія*, имѣющемъ силу въ организмѣ человѣка, онъ доводитъ различіе между живымъ и неживымъ міромъ вообще до *полной противоположности*, какой въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ. Заправляющая всей дѣятельностью организма основная жизненная сила (Lebenerhaltungskraft) одарена, по воззрѣніямъ Ганеманна, различными и даже противоположными качествами. Обладая своими *специфическими* законами, не зависящими отъ физико-химическихъ процессовъ, она удерживаетъ цѣлость матеріальныхъ частей и единство всей дѣятельности организма, *цѣлесообразно* противодѣйствуя различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, стремящимся нарушить его гармонію въ ту или въ другую сторону. Въ тоже время жизненная сила, по словамъ того же Ганеманна, рѣшительно не въ состояніи помочь организму соотвѣтствующими мѣро-

[1]) Даже дѣйствія лекарства становятся доступны нашему воспріятію только вслѣдствіе *отраженія* ихъ на больной организмъ при помощи жизненной силы (Organon, § 254.).

пріятіями даже въ простѣйшихъ случаяхъ, она не можетъ достаточно полно реагировать на внѣшнія причины, изъ которыхъ *лекарственные* дѣятели измѣняютъ ее во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, а *болѣзнетворныя* динамическія потенціи только при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Какимъ образомъ, при рѣзкомъ разграниченіи матеріи и силы и противоположеніи ихъ другъ другу въ витализмѣ Ганеманна, возможно *взаимодѣйствіе* между *нематеріальной* жизненной силой и матеріальными *физическими* причинами болѣзней или „достаточно большими *дозами*“ лекарствъ, *на чемъ* основано воздѣйствіе динамической жизненной силы на матерію организма въ нормальномъ его состояніи и при возбужденіи ею болѣзненныхъ *матеріальныхъ* разстройствъ, *чѣмъ*, наконецъ, обусловливается чрезвычайное *разнообразіе* видимыхъ *проявленій* этой духовной силы въ здоровомъ и больномъ состояніи—Ганеманнъ оставляетъ эти вопросы въ сторонѣ. Между тѣмъ изъ его воззрѣній на *свойства* жизненной силы вытекаютъ обстоятельства первостепенной важности для всего гомеопатическаго ученія, а именно *данныя*, которыми опредѣляется отношеніе болѣзни къ лекарству въ формулѣ *подобія*. Найденное имъ (при полномъ игнорированіи активной роли жизненной силы организма) отношеніе между болѣзнью и лекарствомъ привело его къ заключенію, что болѣзнь *только одна* можетъ существовать въ организмѣ. Не только *сильнѣйшее* страданіе (какъ натуральная оспа), при зараженіи организма, уничтожаетъ находящуюся въ немъ *болѣе слабую* болѣзнь (какъ вакцина), но ее „тушитъ“ безслѣдно всякое *очень подобное* лекарство. Если случается при этомъ, что значительною дозою *подобнаго* средства вызвана *лекарственная* болѣзнь, то на помощь является *жизненная* сила, которая своей энергіей уничтожаетъ эффектъ лекарства. Въ случаѣ же различія (*неподобія*) двухъ болѣзней (какъ оспа и корь) или болѣзни и лекарства, *болѣе слабое* страданіе возобновляется и снова протекаетъ своимъ чередомъ послѣ прекращенія въ организмѣ эффекта *сильнѣйшей* потенціи (все равно—болѣзни или лекарства). Но замѣчательно, что въ то время, какъ съ окончаніемъ *сильнѣйшей* болѣзни (оспа), неподобное болѣе слабое страданіе (корь) протекаетъ *въ чистой*, свойственной ему картинѣ, въ случаѣ неподобія лекарства съ болѣзнью является *компликація*, т. е. симптомы болѣзни *сливаются* съ симптомами лекарства и образуютъ *общее среднее состояніе*, новую форму болѣзни. Другими сло-

вами—двѣ *относительныя потенціи* (двѣ болѣзни) не измѣняютъ другъ друга, не взаимодѣйствуютъ, между тѣмъ *два абсолютныхъ* дѣятеля (два лекарства), или же абсолютный (лекарство) и относительный (болѣзнь) вліяютъ *другъ на друга* измѣняющимъ образомъ и результатъ въ томъ и въ другомъ разѣ получается тотъ, что *сильнѣйшій дѣятель* (болѣзнь или лекарство) *оказывается слабѣе другаго, который переживаетъ его, чтобы снова возобновиться.* Жизненная сила, въ случаѣ *неподобія* потенцій, почему то остается пассивной и не можетъ уничтожить эффектъ лекарства, какъ это она дѣлаетъ при *подобныхъ* средствахъ.—Далѣе, хотя „духъ" лекарства оказывается *абсолютно сильнѣе* динамической жизненной силы и нематеріальной болѣзнетворной потенціи, но при испытаніи дѣйствія лекарствъ на *здоровый* организмъ требуется „достаточно большая доза", которая должна быть *еще значительнѣе* при *слабо* дѣйствующихъ средствахъ. Это положеніе стоитъ въ противорѣчіи съ позднѣйшимъ опытомъ Ганеманна, который доказалъ ему, что съ растираніемъ или съ разведеніемъ лекарство одухотворяется, „динамизируется", и при этомъ дѣйствуетъ нетолько на больной, но и на здоровый организмъ также сильно или даже сильнѣе, чѣмъ матеріальныя дозы средства. Достаточно припомнить *патогенезъ* динамизированнаго огромными разведеніями *Ликоподія* и многихъ другихъ средствъ, чтобы получить понятіе о томъ всемогуществѣ, какое приписывалъ Ганеманнъ дѣйствію лекарствъ *на здоровый*, а тѣмъ болѣе на чрезвычайно воспріимчивый къ нимъ *больной организмъ.* И вдругъ...., по волшебному мановенію наблюдателя-философа, при назначеніи такихъ могущественныхъ средствъ у постели больнаго, скромно развиваются только „подобные" симптомы, всѣ же остальные *не могутъ* проявиться вслѣдствіе *истощенія* силы лекарства и отъ противодѣйствія *здоровыхъ* частей, т. е. тѣхъ же самыхъ частей организма, которыя столь сильно и разнообразно поражались при составленіи патогенеза даннаго лекарства! Тутъ даже *заболѣвшая* жизненная сила оказывается въ состояніи противодѣйствовать *абсолютно—измѣняющему* вліянію лекарствъ. Въ *хроническихъ* болѣзняхъ значеніе организма и особенно роль *относительныхъ* болѣзнетворныхъ дѣятелей выступаетъ уже до того рѣзко, что *міазмъ* псоры оказывается сильнѣе *всѣхъ* лекарствъ и можетъ также *безусловно* поражать человѣка, какъ это раньше приписывалось лекарствамъ.

Такимъ образомъ, исходя изъ фактически неправильной посылки, формулировавшей отношеніе лекарства и болѣзни къ организму, при содѣйствіи различныхъ и часто противорѣчивыхъ положеній—то признавая, то отвергая самостоятельность и цѣлесообразность жизненной силы, то утверждая, то отрицая *абсолютное* дѣйствіе лекарствъ, низводя значеніе болѣзнетворной причины до чисто случайной, условной роли или приписывая ей въ псорѣ способность поражать человѣка роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ—словомъ, теоретизируя неосновательно и безъ конца, Ганеманнъ обосновалъ свой законъ подобія и доктрину гомеопатіи. Такъ называемыя *экспериментальныя* доказательства этого закона—знаменитый опытъ съ хиной и патогенезы Ганеманна—страдаютъ отсутствіемъ критики, поверхностнымъ наблюденіемъ, пристрастнымъ толкованіемъ объективныхъ явленій и недостаткомъ гарантій въ правдивости *субъективныхъ* данныхъ наблюдаемаго лица. Послѣдовательность и связь добытыхъ наблюденіемъ явленій не выяснены, случайно присоединившіяся *осложненія* не выдѣлены изъ общей массы симптомовъ, такъ что въ *патогенезъ, вмѣсто* цѣльной, стройной *картины дѣйствія лекарства* на здоровый организмъ, получается пестрая мозаика, въ которой субъективныя ощущенія, функціональныя разстройства, симптомы интеркуррирующихъ заболѣваній или даже застарѣлаго хроническаго недуга выступаютъ на первомъ планѣ и въ такомъ видѣ патогенезы, конечно, менѣе всего, могутъ служить доказательствомъ въ пользу закона *подобія*. Слѣдовательно этотъ основной *индуктивный*(?) законъ природы, какъ и всѣ остальные аттрибуты гомеопатіи, въ *оригинальной* своей части, принадлежащей Ганеманну, страдаютъ противорѣчіями и недостаткомъ основательности. А вся вообще доктрина, взятая въ ея цѣломъ объемѣ, представляетъ *эклектическую* систему, отдѣльныя части которой заимствовались отъ *эмпириковъ* (значеніе внѣшнихъ чувствъ, какъ критерія), отъ *Парацельса* (телеологическія воззрѣнія), отъ *Кардануса* (формула „similia similibus curantur“), отъ *Герофила* и *Парацельса* (специфичность лекарственныхъ дѣйствій), *отъ Сталя* (виталистическій взглядъ на жизненные процессы), отъ *Villanova* и особенно отъ *van-Helmont'a* (понятіе о динамической сущности лекарствъ), отъ *Cullen'a и Brown'a* (убываніе нервной силы при параличахъ) и пр. Даже титло *піонера* экспериментальной фармакологіи самъ Ганеманнъ скромно слагаетъ съ себя, приписывая иниціативу испытанія

дѣйствій лекарствъ на *здоровомъ* человѣкѣ *великому Альбрехту Галлеру* (Organon, Anmerk. zur § 86). На долю „реформатора терапіи" выпадаетъ, поэтому, лишь скромная задача приведенія въ *систему* заимствованнаго отъ другихъ, детальная разработка объясненій и опытныхъ доказательствъ закона *подобія* и, наконецъ, „открытіе" закона *динамизаціи* лекарствъ. Теорія *псоры* въ сущности составляетъ возвратъ къ „онтологическимъ" понятіямъ старой ортодоксальной медицины.

Тѣмъ не менѣе говорить о *согласованіи* различныхъ системъ въ строгую и стройную доктрину, при односторонности, отрицаніи анатомическихъ и патологическихъ основъ медицины, при полной необоснованности и неустранимыхъ противорѣчіяхъ *гомеопатіи* Ганеманна, у насъ, также какъ и у большинства его *раціональныхъ* послѣдователей (*о чемъ* рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ), нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Хотя нельзя не признать того факта, что упрощеніе и популяризація терапіи въ „площадную" медицину, также какъ и у древнихъ методиковъ, дали свои результаты, объединивъ подъ знаменемъ „similia similibus curentur" *элементы* съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ характеровъ, направленій и цѣлей ихъ дѣятельности.

Но *audiatur et altera pars.* Чтобы читатель не подумалъ, что въ изложеніи ученія Ганеманна и въ своихъ заключительныхъ выводахъ, я могъ хотя бы неумышленно придать своимъ толкованіямъ субъективную окраску, считаю своимъ долгомъ представить здѣсь же подробный отзывъ *гомеопата*-историка Б. Гиршеля о *научныхъ* заслугахъ Ганеманна. Изложивъ въ очень краткомъ видѣ ученіе гомеопатіи, онъ на стр. 358—60 своего *Compendium der Geschichte der Medicin.* Wien. 1862. продолжаетъ: „Этими своими основными положеніями Ганеманнъ столь же рѣзко выступилъ противъ прежней медицины, какъ и Броунъ, только съ другой стороны. Онъ также отвергалъ прежнюю патологію, пользу діагностики, семіотики, патологической анатоміи, онъ тоже порицалъ „ядовитую змѣю философіи, т. е. изслѣдованіе сущности, ближайшей причины (болѣзни), онъ тоже пренебрегалъ цѣлительной силой природы, кризами, прежними законами теченія болѣзней. Въ гордомъ презрѣніи къ прежней „раціональной" школѣ, ему казалось, что, помимо всѣхъ предварительныхъ знаній, будто бы достаточно только свѣдѣній о дѣйствіи лекарствъ, чтобы тотчасъ же побѣдоносно выступить противъ всѣхъ болѣзней, между которыми,

по эксцентрическому воззрѣнію Ганеманна, не было ни одной неизлечимой. Но Ганеманнъ существенно отличается отъ Броуна въ принципіальныхъ пунктахъ, не говоря о другихъ, а именно—въ динамизмѣ, который у того совсѣмъ другой, въ значеніи качества и специфичности, съ которыми связана локализація лекарствъ и болѣзней и въ особенной оцѣнкѣ симптомовъ, имѣющихъ, по Ганеманну, существенное,—а, по Броуну, второстепенное значеніе. Не безъинтересно узнать, какимъ образомъ Ганеманнъ дошелъ до этихъ, отчасти рѣзкихъ и уклоняющихся отъ прежнихъ понятій, положеній, отъ которыхъ его послѣдователи потомъ значительно удалились. Посредствомъ сравненія дѣйствій лекарствъ на *здоровыхъ* и на *больныхъ* онъ именно дошелъ до принципа *similia similibus*, такъ какъ испытанія лекарствъ у здоровыхъ давали комплексъ симптомовъ, подобный болѣзнямъ, противъ которыхъ они прежде эмпирически примѣнялись. Это повело къ динамическому объясненію дѣйствія и *преимущественной* оцѣнкѣ симптомовъ. Съ понятіемъ подобія явилась и специфичность. При *исключительномъ* принятіи искусственной помощи, дѣйствіе самаго организма и все типическое и критическое въ теченіи болѣзней устранялось. Чтобы вызвать посредствомъ лекарства подобную болѣзнь съ цѣлью устраненія прежней,—Ганеманнъ долженъ былъ научиться точно опредѣлять *степень* дѣйствія, чтобы не вызвать ухудшенія. Этимъ выдвинуты малыя дозы, а чтобы не разрушать послѣднихъ, пришлось самымъ тщательнымъ образомъ соблюдать діэту. Независимо отъ этихъ положеній, приняты *три* основныя причины хроническихъ страданій. Онѣ стоятъ въ противорѣчіи съ собственнымъ стремленіемъ Ганеманна—не входить въ глубже лежащую сущность болѣзней и принимать во вниманіе только симптомы, какъ *рефлексы* внутренняго страданія. Это пренебреженіе внутреннимъ состояніемъ и мнимый, только симптоматическій, методъ, доведенный до крайности динамизмъ, потенцированіе лекарствъ при разведеніи, объясненіе по Ганеманну дѣйствія, „подобнаго“ и теорія псоры—наиболѣе выдающіеся *уязвимые пункты*. Но кто полагаетъ, что Ганеманнъ, въ этой своей теоріи псоры, какъ и въ своихъ характеристикахъ средствъ и въ остальныхъ практическихъ указаніяхъ, принимаетъ во вниманіе также внутреннія и этіологическія отношенія, что въ трехъ основныхъ болѣзняхъ онъ принимаетъ въ разсчетъ *дискразіи и матеріальные* моменты болѣзни и что при разведеніи лекарствъ рѣчь шла пер-

воначально не о повышеніи, а лишь о *разъясненіи* дѣйствія лекарствъ посредствомъ распредѣленія ихъ въ vehiculum—тотъ станетъ мягче судить о *реформаторѣ*, который, оппозиціей противниковъ, энтузіастическими кликами своихъ приверженцевъ и собственнымъ пристрастіемъ къ своему дѣтищу, брошенъ на эксцентрическую дорогу, безъ чего однако въ свою очередь было бы сомнительно значеніе и распространеніе гомеопатіи, если бы даже она, помимо этихъ преувеличеній, сама могла заявить требованія относительно болѣе спрведливаго разсмотрѣнія ея."

„Мы назвали Ганеманна *реформаторомъ*. Онъ реформировалъ *патологію*, противопоставивъ механическимъ и химическимъ притязаніямъ динамическую сторону, придавалъ значеніе нервной силѣ и органическому единству, осуждалъ мудрствованіе о неизвѣстной сущности и основаніе на догматическихъ и онтологическихъ понятіяхъ, потребовалъ точнаго и объективнаго принятія симптомокомплекса, вовсе не исключая при томъ рефлексіи, какъ это вытекаетъ уже изъ сравненія съ картинами болѣзни и строгими требованіями индивидуализированія. Мѣстопребываніе (der Sitz) и исходный пунктъ болѣзней играли у него также, какъ потомъ въ анатомической французской и въ новѣйшей нѣмецкой школѣ, главную роль. Съ уничтоженіемъ леченія по родамъ и видамъ, онъ нанесъ рутинѣ смертельный ударъ. Ганеманнъ реформировалъ общую и спеціальную *терапію*, показавъ неопредѣленность ея такъ называемыхъ кровечистительныхъ, разрѣшающихъ и т. под. методовъ съ ихъ гипотетическими „противоположеніями" и посредствомъ специфически подобныхъ лекарственныхъ дѣйствій, противопоставленныхъ болѣзнямъ по опредѣленному основанію, онъ установилъ *связь между патологіей и терапіей*, въ какой онѣ прежде никогда не были. Для этой цѣли Ганеманнъ реформировалъ *ученіе о лекарствахъ*. Онъ научилъ познавать чистыя физіологическія дѣйствія лекарствъ на здоровыхъ и создалъ здѣсь точный методъ, который еще и теперь отличается отъ догматическихъ, воображаемыхъ, токсикологическихъ и патологическихъ понятій въ о дѣйствіяхъ лекарствъ такъ называемой аллопатіи, а ихъ изученіе дало реальное основаніе терапевтическому опыту. Его характеристики средствъ, его острыя и тонкія замѣчанія показываютъ отличный медицинскій взглядъ. Наконецъ онъ реформировалъ *ученіе о предписываніи лекарствъ*, поставивъ на высотѣ простоту лекарствъ, предло-

живъ въ тинктурахъ очень дѣйствительныя формы, и училъ о дѣйствительности малыхъ дозъ. И—что менѣе всего можетъ быть оспариваемо съ какой бы то ни было стороны—онъ благодѣтельно ограничилъ полифармацію, массовыя наводненія разнаго рода средствами и ввелъ въ разумное и обширное примѣненіе діэтетики. Эти замѣчанія получаютъ еще большее значеніе, если прослѣдить исторію гомеопатіи до ея новѣйшей эпохи."

Послѣ обозрѣнія новѣйшей эпохи гомеопатіи, приводится такой отзывъ о ней: „мы того мнѣнія, что если съ теченіемъ времени будетъ удаленъ балластъ изъ materia medica гомеопатовъ, если фармакодинамическими изслѣдованіями будетъ руководить болѣе строгая критика, если будутъ достигнуты лучшее опредѣленіе и оцѣнка лекарственныхъ силъ и болѣе основательный діагнозъ средствъ, если строгій динамизмъ уступитъ поболѣе мѣста химическому и физическому, то *новѣйшая* школа наискорѣе достигнетъ физіологическаго и строгаго обоснованія терапіи, которое она систематически преслѣдуетъ" (тамъ же стр. 369.).

Не правда ли, странно читать два такіе совершенно противорѣчивые отзыва относительно одного и того же предмета. Но еще болѣе странно знать, что о балластѣ въ materia medica, о недостаткѣ критики въ изслѣдованіяхъ или въ оцѣнкѣ и опредѣленіи средствъ, о недостаточности химико-физической стороны въ гомеопатіи говоритъ тотъ же историкъ—гомеопатъ Гиршель, который раньше пѣлъ хвалебные гимны реформатору, поставившему себѣ задачей „на точныхъ опытахъ" и „неоспоримыхъ естественныхъ законахъ" преобразовать негодную патологію, терапію и ученіе о лекарствахъ. Строго обоснованный имъ методъ гомеопатіи, который, по словамъ Гиршеля, Гуфеландъ рекомендовалъ, какъ *критерій* при выборѣ лекарствъ, нуждается вдругъ въ критикѣ и провѣркѣ еще болѣе строгаго и научнаго метода . . . . ! Весь секретъ этого, по словамъ же Гиршеля, заключается въ томъ, что „вопреки преимущественнымъ стремленіямъ къ позитивному, Ганеманнъ привнесъ въ гомеопатію столько догматизма, что неудивительно, если напрасно приходится искать единства мнѣній между послѣдователями этой школы" (тамъ же, стр. 365).

Послѣ такой интересной характеристики реформаторской дѣятельности Ганеманна, я полагаю, читатель ничуть не сочтетъ преу-

величеніемъ, если мы закончимъ нашъ очеркъ гомеопатіи Ганеманна эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ сочиненія самого „реформатора терапіи“ и такъ прекрасно идущимъ къ его собственному ученію:... *„Избирать предположенія и недоказанныя гипотезы въ руководители при леченіи—было бы глупостью, преступленіемъ и злымъ умысломъ противъ человѣчества.“*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

нанъ онъ повидимому забываетъ свой планъ и копируетъ описанія болѣзней и показанія для ихъ леченія [1]).

Вотъ по порядку содержаніе этой книги:

О головной боли; средства противъ падучей болѣзни, Pityriasis, Alopecia, выпаденія волосъ, вшивости, Achores; „сжимающія голову“ [2]). О болѣзняхъ глазъ. Противъ ушныхъ болей (πρὸς ὦτων ἀλγήματα), язвъ носа, полиповъ, слезныхъ опухолей; чихательныя; средства противъ кровотеченій изъ носа, кровоточивыхъ и воспаленныхъ десенъ, изъязвленій и рыхлости ихъ, противъ воспаленія и опухолей миндалевидныхъ железъ, афтъ, ranula (βάτραχον ὑπογλώσσιον), противъ разныхъ болѣзней рта. Противъ трещинъ на губахъ; linimentum, притягивающее слизь изъ головы; противъ насморка, катарра, болѣзней дыхательнаго горла. О кашлѣ; средста противъ dyspnoea, asthma и orthopnoea; о кровохарканіи; противъ чахотки, эмпіемы, peripneumonia; о плевритѣ, воспаленіи зѣва, эпилепсіи, morbus cardiacus; противъ атоніи отверстія желудка и отсутствія аппетита; для тѣхъ, у коихъ отверстіе желудка страдаетъ отъ желчи (χολῇ ὀχλουμένοις τὸν στόμαχον); противъ „собачьяго голода“ [волчьяго аппетита, κυνώδεις ὀρέξεις]; противъ сдавленія и „саливаціи“ отверстія желудка (πρὸς σιαλισμὸν στομάχου); припарка для немогущихъ удержать пищу и коихъ древніе называли stomachici или одержимыми страданіями отверстія желудка: противъ тошноты и рвотъ, повторяющихся ежедневно, а также для тѣхъ, у коихъ пища окисляется; о развитіи газовъ въ отверстіи желудка (περὶ ἐμπνευματώσεως στομάχου); о чиханіи (περὶ πταρμῶν); объ обморокѣ (περὶ λιποτυμίας); о болѣзняхъ печени; о селезенкѣ; о желудкѣ; о водянкѣ; о холерѣ; o morbus coeliacus (περὶ κοιλιακῶν, κοιλιακὴ διάθεσις); о дизентеріи; o lienteria; о тенезмѣ; о глистахъ; о тимпанитѣ (περὶ πνευματώσεως); объ ileus; о поносѣ; о болѣзняхъ толстой кишки; о болѣзняхъ почекъ, о болѣзняхъ мочеваго пузыря; о „гонорреѣ“ (spermatorrhoea); o satyriasis; о мужскомъ безсиліи (περὶ ἀπράκτων μορίων); o lassitudo (περὶ κόπων); о разрывѣ мышцъ и фиброзныхъ частей; о трясеніи; средства противъ всякаго рода холода; о судорогахъ; о столбнякѣ, о параличѣ; объ ischias; о подагрѣ и артритѣ; объ elephantiasis. Противъ зуда, alphus, lichen, lepra и vitiligo alba (λεύκη). О проказѣ и рвоги. О простыхъ слабительныхъ, рвотныхъ, болеутоляющихъ. О средствахъ при болѣзняхъ сѣдалища (περὶ ἑδρικῶν). О средствахъ при болѣзняхъ наружныхъ половыхъ органовъ. Объ опущеніи кишекъ въ мошонку, угрожающемъ образованіемъ ileus. О кровоостанавливающихъ средствахъ. О носовомъ кровотеченіи. Пластыри для кровоточащихъ ранъ, ушибовъ фиброзныхъ частей. Противъ ревматизма суставовъ, недоброкачественныхъ, трудно рубцующихся язвъ. О воспаленіи. Лекарство противъ золотухи (χοιραδικόν), „данное мнѣ Proëchius'омъ“. Лекарство противъ Melicerides. Вытяжные пластыри вообще разрѣшаютъ затвердѣлости и такимъ образомъ дѣйствуютъ на воспаленія, перешедшія въ состояніе скиррозное. Лекарство противъ бубоновъ и бугорковъ (φύματα). Malagma противъ сращеній (ἀγκυλώματα). Противъ favus (κηρία). Лекарство, разрѣшающее гангліи. О нарывахъ. Лекарства для сообщенія рубцамъ цвѣта остальной кожи. О свищахъ. Collyrium для свищей. Другое лекарство противъ сыпей. Лекарство противъ рожи; объ этой болѣзни была

---

[1]) Тамъ же, Préface вначалѣ.

[2]) Σμήγματα πυκνοῦντα κηφαλήν. У Аэція (Tetrab. II, serm. II, c 54) они носятъ названіе: Smygmata et pulvilli inspersiles, caput densantes.

уже рѣчь въ главѣ о подагрѣ. Лекарство противъ Негрев. О карбункулѣ. Противъ ожоговъ. Лекарства для загниливанія и прижиганія (σηπταὶ καυστικαί). Объ обмороженіяхъ (περὶ χιμέτλων). Лекарства противъ Panaritium. Другое лекарство противъ вросшаго ногтя. Лекарства противъ лепрозныхъ бугристыхъ ногтей. Противъ трещинъ на подошвѣ и пяткѣ. Противъ омозолѣлостей подошвы. Противъ thymi, formicaria (μυρμικίαι) и ascochordones. О сыпяхъ, сопровождающихся зудомъ. Вяжущее для кожи противъ рзога и мелкаго пота. Объ укушеніяхъ бѣшеныхъ собакъ. Противъ укушеній змѣй. Противъ ранъ отъ скорпіоновъ, ядовитыхъ пауковъ, осъ и пчелъ. Предохранительныя втиранія. Противъ комаровъ. О паукѣ. О ядахъ. Общее противоядіе для случаевъ, когда неизвѣстно, какой ядъ принятъ. О ядѣ стрѣлъ, способахъ его распознаванія и средствахъ противъ причиняемыхъ имъ страданій. О створоженномъ молокѣ. Ортути. О грибахъ; о пьявкахъ. О веществахъ, даваемыхъ съ цѣлью доставлять благополучіе (ἐπὶ ὠφελείᾳ διδομένων). Какія противоядія приличествуютъ противъ ядовъ. О болѣзняхъ женщинъ, лекарство Архимеда противъ изъязвленій сосковъ, осложненныхъ злокачественностью. Хирургическое леченіе нарывовъ груди. Лекарства, препятствующія увеличенію грудныхъ железъ. Лекарства, останавливающія образованіе сгустковъ въ соскахъ. Лекарства, препятствующія осыротворенію молока, содержимаго въ соскахъ. О мѣсячномъ очищеніи. Лекарства для изгнанія плода. О противоестественныхъ аппетитахъ беременныхъ женщинъ. Объ освобожденіи послѣда. О задержаніи мѣсячныхъ. О слишкомъ обильныхъ мѣсячныхъ. Противъ истеченія бѣлей у женщины. О воспаленіи и уклоненіяхъ въ положеніи матки[1]).

Изъ приведеннаго перечня видно, что въ *Сборникѣ* Орибазія частная патологія и терапія представляла богатый и разнообразный матеріалъ, къ сожалѣнію навсегда утраченный для исторіи нашей науки. Что касается относящихся сюда данныхъ въ *Synopsis*, то укажемъ здѣсь на ученіе о лихорадкѣ въ духѣ Галена[2]), на отрывочныя терапевтическія данныя о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ напр., употребленіе опорожняющихъ и мочегонныхъ при одышкѣ[3]) и паровыхъ ваннъ при сахарномъ мочеизнуреніи[4]). Водянку онъ производитъ отъ простуды, закрытія менструаціи, слишкомъ сильнаго геморроидальнаго кровотеченія[5]). Нѣсколько полнѣе здѣсь данныя о женскихъ и нервныхъ болѣзняхъ (меланхолія и гипохондрія)[6]), куда Орибазій относитъ и водобоязнь[7]).

Столь же скудною представляется въ *Сборникѣ* Орибазія

Хирургія. Здѣсь однако сохранились драгоцѣнныя извлеченія о переломахъ и вывихахъ (кн. XLVI и XLVII)[8]), о хирургическихъ ма-

---

[1]) *Oeuvres d'Oribase*, par Bussemaker et Daremberg, t. IV, p. 542 и слѣд.

[2]) Oribasii Synops. l. VI, cc. 6—47, ed. Dar. t. V, pp. 274—324.

[3]) Oribasii Synops. l. IX, c. 5, t. V, p. 471.

[4]) Тамъ-же, c. 33, p. 521.

[5]) Тамъ-же, c. 22, p. 504.

[6]) Тамъ-же, cc. 41—55; pp. 529—549 и l. VIII, c. 1—22, pp. 400—430.

[7]) Тамъ-же, c. 13, p. 417.

[8]) Oribasii Collect., ed., Dar. t. IV, pp. 102—244.

шинахъ для вправленія вывиховъ по Геліодору (подробныя описанія plinthii Nilei, glossocomii Nymphodorus'a, trispastis Apellides'a или Архимеда и скамьи Гиппократа[1]), далѣе о хирургическихъ болѣзняхъ мужскаго уда (укороченіе крайней плоти, Hypospadiasis, Phimosis) и операціяхъ при нихъ (circumcisio и infibulatio), о грыжахъ и язвахъ[2]); затѣмъ объ образованіи петель и узловъ по Геркулесу[3]); о десмологіи[4]) и наконецъ объ *ампутаціи* по Геліодору (περὶ ἀκρωτηριασμοῦ):

„Руку или ногу отнимаютъ (ἀφαιρεῖται), когда есть гангрена или когда какая либо конечность омертвѣла по другой причинѣ. Нижнія части конечностей можно удалять, не подвергая больнаго большой опасности, но ампутація частей повыше локтя или колѣна подвергаетъ его большой опасности вслѣдствіе угрожающаго въ большей части случаевъ послѣдовательнаго кровотеченія, такъ какъ необходимо перерѣзывать крупные сосуды. Нѣкоторые врачи, налегая съ необъяснимымъ рвеніемъ на быстроту въ производствѣ операціи, однимъ разрѣзомъ пересѣкаютъ мягкія части и затѣмъ пилятъ кость; но ампутація по этому способу не лишена опасности, такъ какъ при этомъ кровь разомъ можетъ хлынуть изъ большаго числа сосудовъ. Поэтому я полагаю, что лучше сначала раздѣлить менѣе мясистыя части члена, напр. соотвѣтствующія передней поверхности голени, затѣмъ пилить и тогда уже раздѣлить остальныя мягкія части, достигая такимъ образомъ [постепенно] отнятія члена. Чтобы достигнуть возможно полнаго закрытія сосудовъ, я сначала закладываю бинтъ повыше мѣста пиленія и затѣмъ произвожу операцію такъ, какъ я описалъ. Дѣйствуя пилой, пластинкѣ этого инструмента сообщаютъ равномѣрное движеніе, дабы разрѣзъ кости представлялъ также правильную поверхность. Перепиливъ кость, перерѣзываютъ по возможности быстро ножомъ еще неотдѣленныя мягкія части, затѣмъ въ самый моментъ отнятія члена накладываютъ длинные пучки корпіи и вмѣсто μοτοφύλακος (garde-tente, D.)[5])—параллельные компрессы, а поверхъ всего губки и бинтъ потуже. Начиная съ 3 или 4 дня, когда кровотеченіе остановилось, примѣняютъ леченіе какъ при нагноеніи, удерживая рану постоянно выполненною корпіей“[6]).

Очевидно о перевязкѣ артерій—ни слова, разрѣзъ же, вѣроятно былъ съ лоскутомъ, каковой, какъ доказано, Геліодоръ примѣнялъ при ампутаціи пальца.

Заключеніе. Подведя итогъ заслугамъ Орибазія, мы должны признать, что хотя онъ и не былъ новаторомъ въ медицинѣ, а только разумнымъ компиляторомъ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ занимать почетное мѣсто въ исторіи медицины, ибо въ его *Сборникѣ* на каждомъ шагу сказывается необыкновенный талантъ, съ одинаковымъ искусствомъ умѣвшій владѣть перомъ и ланцетомъ. Ему лично медицина обязана установленіемъ самыхъ

---

[1]) Orib. collect. l. XLIX (ed. Daremb., t. IV, pp. 333—458). Тамъ-же на стр. 691—698 см. воспроизведенные Daremberg'омъ изображенія машинъ и петель.

[2]) Тамъ-же, ll. L и LI, pp. 459—525.

[3]) Oribasii collect. l. XLVIII cc. 1—18, ed. Dar. t. IV, pp. 253—270.

[4]) Тамъ-же, cc. 19—70 pp. 270—332.

[5]) т. е. вмѣсто защищающей корпійной подушки.

[6]) Тамъ-же, l. XLVII, c. 14, ed. Darem. t. IV, p. 247—249.

подробныхъ и раціональныхъ показаній для кровопусканій [1]), мастерскимъ наставленіемъ для выбора кормилицъ и весьма дѣльными главами о значеніи гигіены, гимнастики и физическаго воспитанія для нормальнаго психическаго развитія вообще [2]). Но самая главная его заслуга, разумѣется, заключается въ томъ, что благодаря поддержкѣ и поощренію своего высокаго покровителя и друга, геніальнаго императора Юліана, „этого романтика на тронѣ цезарей“ [3]), ему удалось какъ сохранить для насъ точныя свѣдѣнія о состояніи медицины IV вѣка, такъ и спасти отъ забвенія хотя бы только отрывки авторовъ, о коихъ другіе писатели не упоминаютъ.

Adamantius, iatrosophista изъ Александріи (около 350 по Р. Х.), оставилъ сочиненіе о *физіономикѣ*, содержаніе котораго заимствовано у Аристотеля и у Полемона, жившаго при Адріанѣ. Онъ былъ родомъ еврей, поселившійся въ царствованіе Констанція (337—361) въ Александріи, гдѣ, принявъ христіанство, сдѣлался небезъизвѣстнымъ преподавателемъ медицины, котораго цитируютъ Оривазій и Аэцій.

Изданіе: Adamantii Sophistae Physiognomicon. Scriptores physiognomoniae veteres. Ex rec. C. Perusci et Fr. Sylburgii graec. et. lat. rec. Io. Georg. Frid. Franzius, Altenburg, 1780.

Въ этомъ сочиненіи проведена основная мысль Аристотеля о сходствѣ человѣческихъ чертъ лица съ животными. Кромѣ того Adamantius писалъ *о зубныхъ болѣзняхъ*, *фармакологіи* и вѣтрахъ, а также оставилъ донынѣ ненапечатанное сочиненіе о медицинскихъ *мѣрахъ* и *вѣсѣ* [4]).

Nemesius, епископъ изъ Эмезы, нынѣ Hums [5]), въ Сиріи (около 370 г. по Р. Х.), былъ солидный ученый, знакомый съ сочиненіями Гиппократа и Галена и старавшійся сблизить греческую натуральную философію съ христіанскими воззрѣніями. Выходя изъ основнаго положенія, что все человѣческое знаніе основывается на познаніи природы и откровеніи, онъ рѣшительно возстаетъ противъ астрологіи и фатализма. Онъ оставилъ сочиненіе „*De natura hominis*“, состоящее изъ 44 главъ, въ которомъ онъ трактуетъ о душѣ, ея связи съ тѣломъ, объ органахъ чувствъ, страстяхъ, пульсѣ, произрожденіи, дыханіи, о судьбѣ, провидѣніи и т. д. Анатомія и физіологія изложены по лучшимъ источникамъ (по

---

[1]) Oribasii Collect. l. VII, c. 2 и слѣд. (ed. Dar. t. II, p. 4 и слѣд.).

[2]) Ср. такъ-называемыя „*Livres incertains*“ въ t. III изданія Bussemaker et Daremb. (cc. 13—18 pp. 120—133) и l. VI, c. 14—15, t. I, pp. 473—482.

[3]) Ср. Puschmann, Alexander von Tralles, Wien, 1878, B. I, p. 73.

[4]) Ср. Hecker II, 218, 219.

[5]) по Corlieu (l. c. 115)—въ Финикіи.

Галену); особенно замѣчателенъ отдѣлъ психологіи (по Платону и Аристотелю). Ему приписываютъ даже знакомство съ кровообращеніемъ, но излагаемыя имъ физіологическія данныя такъ мало уклоняются отъ современныхъ ему физіологическихъ воззрѣній, что трудно допустить, чтобы онъ имѣлъ какое бы то ни было понятіе о кровообращеніи. Такъ онъ утверждаетъ, напр., что сѣмя образуется въ мозгу и черезъ сосуды, находящіеся позади уха, проводится къ яичкамъ, гдѣ и отлагается.

Изданія: Nemesius, περὶ φύσεως ἀνθρώπου на греч. и лат. Antverp. 1565.

Nemesius Emesenus, De natura hominis, ed. Christian. Frideric. Matthaei. Hal. 1802. Кромѣ того недавно открытъ въ Авраншѣ (Avrenches въ Нормандіи) латинскій переводъ этого сочиненія подъ заглавіемъ:

Alphanus (изъ Салерны), Premnon fisicon (πρέμνον φυσικῶν) i. e. stipes naturalium [1]).

Переводы: англійскій—Wither, London, 1636; нѣмецкій—Osterhammer, Salzburg, 1819; французскій—Thibault (ученикъ Ecole normale), Paris, 1844.

Въ своей *психологіи* Nemesius, повидимому, примыкаетъ къ основнымъ взглядамъ Аристотеля, причемъ однако онъ пользовался и позднѣйшими образцами:

„Душа имѣетъ свое мѣстопребываніе во всѣмъ тѣлѣ. Она находится вездѣ и повсюду въ каждой освѣщаемой ею части, но она безтѣлесна и не связана никакими предѣлами и ни съ какимъ мѣстомъ въ отдѣльности. Она не управляется тѣломъ, но сама господствуетъ въ немъ, она въ тѣлѣ, какъ въ сосудѣ, но тѣло въ ней“ (Nemesius, l. c. c. 3).

Отсюда ясное представленіе о подчиненіи тѣла и о свободѣ души (тамъ же c. 35). Началомъ всякой духовной дѣятельности Nemesius считаетъ простое чувственное воспріятіе, которое, однако, кажется ему невозможнымъ безъ самодѣятельнаго вниманія души. Такъ величину какого-нибудь различаемаго нами тѣла мы иногда не въ состояніи опредѣлить безъ обдумыванія и помощи памяти (тамъ же, c. 7). Чувственное воспріятіе въ умѣ превращается въ представленія воображенія, дающія свой матеріалъ мыслительной способности (διανοητικόν), а оттуда переходящія въ память, которой онъ, очевидно, отводитъ высшее мѣсто. Какъ связующее начало между тѣлесными и умственными отправленіями Немезій, слѣдуя пневматикамъ, выставляетъ душевное pneuma древнихъ (πνεῦμα ψυχικόν), на которое намекалъ уже Хризиппъ и понятіе о которомъ подробнѣе было развито Эразистратомъ и удержано Галеномъ. Отсюда—весьма ясное представленіе, которое Немезій составилъ себѣ объ органахъ души, а именно, слѣдуя пневматику Посидонію, онъ принималъ, что

[1]) Rénan, Journ. des savants, 1851. Ср. Haeser I, 484.

дѣятельность чувствъ и воображеніе (τὸ φανταστικόν) гнѣздятся въ переднихъ желудочкахъ мозга, разсудокъ въ среднемъ желудочкѣ (μέση κοιλίη), а память въ заднемъ (четвертомъ) желудочкѣ. Передніе желудочки мозга вмѣстѣ съ пребывающимъ въ немъ душевнымъ pneuma и происходящими отъ нихъ нервами и органами чувствъ, пропитанными этимъ же pneuma, онъ представляетъ себѣ какъ одно нераздѣльное цѣлое (с. 13). Разстройства переднихъ частей мозга, по мнѣнію Немезія, могутъ существовать, не сопровождаясь таковыми же остальныхъ частей, разстройства же разсудка всегда сопровождаются разстройствомъ воображенія, а потеря памяти—аномаліями остальныхъ двухъ основныхъ душевныхъ способностей. Въ высшей степени достойно примѣчанія напоминающее Аристотеля ученіе Немезія о постепенномъ развитіи въ природѣ и извѣстныхъ переходахъ отъ однихъ органическихъ существъ къ другимъ. Начиная отъ зоофитовъ, онъ прослѣживаетъ рядъ живыхъ существъ, восходящій отъ растительнаго міра къ высшимъ животнымъ и къ человѣку, причемъ высказываетъ даже убѣжденіе, что нельзя провести рѣзкой грани между умственными способностями животныхъ и человѣка, а слѣдуетъ принимать извѣстный переходъ психическихъ качествъ отъ однихъ совершенныхъ животныхъ къ другимъ,—качествъ, обнаруживающихся въ извѣстной естественной хитрости (φυσικὴ σύνεσις, μηχαναί, πανουργία) и служащихъ для цѣлей самосохраненія (с. 1).

Что касается *физіологіи* Немезія, то при всѣхъ указанныхъ выше недостаткахъ нельзя не упомянуть объ одномъ мѣстѣ, изъ котораго видно, что Немезій, еще задолго до Sylvius'a, былъ отчасти знакомъ съ назначеніемъ желчи:

Желтая желчь служитъ для пищеваренія (πέψις) и изгоняетъ экскременты; она, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи есть одинъ изъ агентовъ питанія: она сообщаетъ тѣлу извѣстную теплоту. По этой причинѣ она, повидимому, имѣетъ право на самостоятельное существованіе; но, обладая свойствомъ очищать кровь, она, повидимому, существуетъ для крови" (с. 28, о дыханіи).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести здѣсь мѣсто, подавшее поводъ къ предположенію о знакомствѣ Немезія съ кровообращеніемъ:

„Пульсовое движеніе, называемое также жизненной силой (ζωτικὴ δύναμις), исходитъ изъ сердца, въ особенности отъ его лѣваго, такъ называемаго пневматическаго (πνευματική) желудочка, распредѣляющаго жизненную теплоту черезъ артеріи во всѣ части тѣла, подобно тому, какъ печень снабжаетъ ихъ пищевыми веществами черезъ вены. И въ самомъ дѣлѣ, если сердце неестественно разгорячено, то и животное разгорячается сверхъ обыкновенія, при охлажденіи же его оно охлаждается, ибо жизненное pneuma проникаетъ изъ сердца черезъ артеріи во все тѣло. Нервы идутъ изъ мозга, начала движенія и чувствительности; изъ печени, источника крови и питательной силы, происходятъ

вены или кровеносные сосуды; изъ сердца, начала жизненной силы, происходятъ артеріи или сосуды, содержащіе pneuma. Эти 3 части оказываютъ одна другой взаимныя услуги. Вена доставляетъ пищу нерву и артеріи; артерія доставляетъ естественную теплоту венѣ и распространяетъ жизненное pneuma. Артерія расширяется и сокращается съ извѣстной гармоніей и правильностію, но, расширяясь, артерія силою притягиваетъ въ себя изъ ближайшихъ венъ легкую кровь, которая, испаряясь, становится пищею для жизненнаго pneuma; сокращаясь, она выдѣляетъ все нечистое черезъ невидимыя, скрытыя во всемъ тѣлѣ поры, подобно тому, какъ сердце при выдыханіи изгоняетъ нечистыя вещества (τὸ λιγνῶδες) черезъ ротъ и носъ (Тамъ же, с. 24).

Излишне распространяться о томъ, что Немезій былъ даже гораздо дальше отъ мысли о кровообращеніи, нежели Галенъ [1]).

Византійская медицина.

Послѣ дѣленія римской имперіи на западную и восточную (въ 395 по Р. Х.) второе мѣсто послѣ Александріи въ отношеніи процвѣтанія наукъ занимаетъ Византія. Къ извѣстнымъ врачамъ разсматриваемой здѣсь эпохи принадлежатъ:

Hesychius изъ Дамаска (430 по Р. Х.); прибылъ въ Константинополь послѣ того, какъ въ теченіе 40 лѣтъ занимался практикой въ Дамаскѣ, на о. Родосѣ, въ Греціи и Египтѣ (въ Александріи), и вездѣ пользовался большой славой. Еще большей славой пользовался его сынъ,

Iacobus Psychrestos s. **Soter** (460 по Р. Х.), comes archiatrorum въ Константинополѣ при императорѣ Львѣ Ѳракійскомъ. Онъ родился въ Греціи (въ Дрепанумѣ на о. Аргосѣ) и въ послѣдствіи переселился въ Константинополь къ отцу послѣ его 19-лѣтняго отсутствія. Его проницательность при распознаваніи болѣзней и удачное ихъ леченіе доставили ему названіе „спасителя“ (σωτήρ) и „Зевксиса и Фидія въ медицинѣ“. Дѣло дошло даже до того, что ему въ Константинополѣ, а именно въ баняхъ Зевксиппа воздвигли статую, въ которой Дамасція (въ 6 столѣтіи) поражало выраженіе высокаго ума, серьезности и достоинства [2]). Современные ему врачи до того уважали его, что видѣли въ немъ не столько врача, сколько Богомъ любимаго святаго мужа (θεοφιλῆ), а Александръ изъ Tralles'a говорилъ о немъ: „μέγας ἀνὴρ καὶ θεοφιλέστατος περὶ τὴν τέχνην γενόμενος“ [3]). Къ сожалѣнію, отъ него до насъ не дошло никакихъ письменныхъ памятниковъ, а сохранилось только изреченіе:

---

[1]) Ср. Hecker, II, 77—82, Corlieu, l. c. 116.

[2]) Photius, Biblioth. Cod. 242. ed. Heschel Aug. Vind. 1611. Ср. Hecker, II, 82, 83.

[3]) Alexandr. Trall. βιβλία ἰατρικά l. V, c. 4, ed Puschmann, II, 163.

„Хорошій врачъ долженъ или тотчасъ отказаться отъ леченія больнаго, или же не оставлять его до тѣхъ поръ, пока не принесетъ ему хоть облегченія" Suidas voc. Ἰάκοβος.

Названіе *Psychrestos* онъ получилъ отъ того, что въ хроническихъ болѣзняхъ придерживался прохлаждающей и увлажающей діэты [1]).

Къ этому же времени относятся іатрософисты:

Asclepiodotos (480 по Р. Х.) изъ Александріи, ученикъ Якова Сотэра, посвятившій себя сначала натуральной философіи, математикѣ, этикѣ, физикѣ и въ особенности музыкѣ и только впослѣдствіи и медицинѣ, въ которой онъ будто превзошелъ даже своего учителя, избравъ себѣ образцами Гиппократа и Сорана Старшаго. Онъ вновь ввелъ въ употребленіе Helleborum album, съ помощью коего съ большимъ успѣхомъ лечилъ многія хроническія болѣзни [2]). Оставилъ ли онъ какія нибудь сочиненія, неизвѣстно.

Palladius (въ 5 вѣкѣ) [3]) въ Александріи оставилъ комментаріи къ сочиненіямъ Гиппократа, изъ коихъ часть напечатана:

Σχόλια εἰς τὸ περὶ ἀγμῶν Ἱπποκράτους, Scholia in l. Hippocratis de fracturis.

Εἰς ἕκτον τῶν ἐπιδημιῶν ὑπόμνημα, in sextum epidemiorum librum commentarius.

Изданія: Paris, 1646, ed. Chartier.

Dietz, Apollonii etc. Scholia in Hippocr. Regiom. 1834 (къ Epid. VI), а къ *De fracturis* въ Сборникѣ Niketas'a (См. ниже).

Кромѣ того ему приписываютъ сочиненіе *о михорадкахъ*, которое было даже напечатано подъ заглавіемъ:

Palladii de febribus concisa Synopsis (περὶ πυρετῶν σύντομος σύνοψις) cum notis Joh. Stephan. Bernard. Lugdun. Bat., 1745 [4]).

Но въ новѣйшее время доказано, что сочиненіе это принадлежитъ Теофилу (см. ниже).

Severus около этого же времени оставилъ сочиненіе о *клистирахъ* (περὶ ἐνετήρων ἤτοι κλυστήρων) и излечиваемой ими колики, которое открыто и издано Dietz'емъ.

Severi iatrosophistae de clysteribus ed. Dietz. Regiom. 1836.

Есть ли это тотъ самый офтальмологъ Theodotius Severus, изъ сочиненій котораго находимъ извлеченія у Аэція—трудно рѣшить, ибо Геккеръ относитъ его даже къ III вѣку [6]).

---

[1]) Alexander Trallianus, l. c.

[2]) Phot. l. c.; Suid. voc. Ἀσκληπιόδοτος, Δεισιδαιμονία. Ср. Hecker, II, 85.

[3]) Обыкновенно историки принимаютъ, что Палладій жилъ въ VI вѣкѣ, но новѣйшіе, какъ Haeser, относятъ его къ V вѣку, а Corlieu—даже къ IV в. по Р. Х.

[4]) Ср. Choulant, Bücherkunde, 132.

[5]) Тамъ же 430.

[6]) Ср. Hecker, II, 107.

Aëtius (502—572) изъ Амиды, въ Мессопотаміи (нынѣшній Діарбекиръ у верхняго Тигра), учился въ Александріи и жилъ при византійскомъ дворѣ императора Юстиніана I (527—565), при которомъ занималъ должность comes obsequii или начальника императорской свиты. Онъ былъ христіанскаго вѣроисповѣданія и оставилъ объемистый сборникъ подъ заглавіемъ „Βιβλία ἰατρικὰ ἑκκαίδεκα“, т. е. шестнадцать книгъ о медицинѣ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ учебника совокупной медицины. Впослѣдствіи онѣ безъ всякой надобности были раздѣлены на 4 части, „Tetrabiblia“, по 4 книги въ каждой, „sermones“ (λόγοι). Хотя этотъ *Сборникъ* есть не болѣе, какъ компиляція, основанная на сочиненіяхъ Аретея, Галена, Діоскорида, Орибазія и другихъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна самостоятельная обработка предметовъ, какъ напр. въ главахъ о зубахъ и нервахъ и въ особенности въ области офтальміатріи и терапіи, которая вполнѣ носитъ печать его времени.

Изданія: греческія—Ἀετίου Ἀμιδηνοῦ βιβλίων ἰατρικῶν τόμος. Ἀτούτεστι βιβλία ὀκτὼ τὰ πρῶτα. Venet. 1534 (Aldina), только первыя 8 книгъ.

Ἀετίου λόγος ἔνατος (о болѣзняхъ брюшной полости), съ греческими примѣчаніями въ сочиненіи Ἀνδρεοῦ Μουστοξύδου καὶ Δημητριοῦ Σχινᾶ: Συλλογὴ ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Ἐν Βενετίᾳ 1816. Ἀπρίλ. τετραδ. α. 8.

Латинскія—Aetii Antiocheni medici de cognoscendis et curandis morbis sermones sex jam primum in lucem editi interprete Jano Cornario Zwiccaviens med. Basil. 1533. Содержитъ только 8—13 книги.

Cornarius и Montanus (Frobeniana), Basil. 1533—35. Первому принадлежитъ переводъ 8—13, второму 1—7 и 14—16 книгъ.

Тоже: Venet. 1534 (имѣется въ библіотекѣ университета св. Владиміра).

Aetii contractae ex veteribus medicinae tetrabiblos, h. e., quaternio. i. e., libri universales quatuor: singuli quatuor sermones complectentes, ut sint in summa quatuor sermonum i. e., sermones sedecim, per J. Cornarium, med. phys. latine conscripti Basil. 1542, 1543, ap. Frobenium, новый переводъ одного Корнарія.

Venet, 1543—44 и Lugduni 1549 [1]) и 1559, перепечатки предыдущаго.

---

[1]) Corlieu (l. c., 119) говоритъ объ этомъ изданіи Lugd. 1549, что въ немъ помѣщены первыя 8 книгъ греческаго текста. Вотъ его слова въ приведенномъ мѣстѣ: „Nous ne possédons que les huit premiers [livres] imprimés en grec: ils existent à la bibliothèque de la faculté de médecine de Paris, édition greque latine de Janus Cornarius, Lugduni 1549, in—fo, n°—84. Cornarius a traduit les seize livres en latin, mais n'a donné que les huit premiers en grec“ etc. У насъ подъ рукой имѣется какъ разъ это изданіе: Cornarius, Lugduni 1549 (изъ библіотеки университета Св. Владиміра), но здѣсь не только 8 греческихъ книгъ, но и 8 греческихъ буквъ нельзя отыскать: изданіе это цѣликомъ и исключительно латинское. Такое небрежное обращеніе съ библіографіей непростительно изслѣдователю изъ стрэны Daremberg'овъ, Littré, Bouchut и т. п. Кстати прибавимъ здѣсь, что на-

Поясните́льныя сочине́нія: Oroscii (de Horozco) annotationes in interpretes Aetii. Basil. 1540.

I. E. Hebenstreit, Tentamen philologicum medicum super Aëtii Amideni Synopsis medicorum veterum libris octo, etc. Lips. 1757.

Eiusdem: Aëtii Amideni Ἀνεκδότων Lib. IX, c. XXVIII. Lips. 1757.

Weigel, Aëtianarum Exercitationum Specimen. Lips. 1791.

Magnus a Tengström. Commentationum in Aetii medici ἀνέκδοτα specimen I, sistens libri IX, cap. 41 περὶ ἀσχαρίδων. Aboae 1817 [1]).

По мнѣнію Hecker'a, Аэцій писалъ свои Tetrabiblia между 540 и 550 г. по Р. Х. [2]). Приведемъ здѣсь вкратцѣ перечень содержанія 16 книгъ Аэція.

Кн. I—о свойствахъ и дѣйствіяхъ лекарственныхъ веществъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Кн. II—о различіяхъ почвы, металловъ и пр. Здѣсь онъ говоритъ объ армянской глинѣ, соляхъ, медикаментахъ изъ животнаго царства,—о крови, молокѣ, сывороткѣ (по Галену), сырѣ (по Галену), о маслѣ, далѣе разсматриваетъ потъ, слюну, мочу, испражненія, мясо, сорты рыбъ и пр.

Кн. III трактуетъ объ упражненіяхъ въ верховой ѣздѣ, о половыхъ сношеніяхъ по Rufus'y, солнечномъ ударѣ (по Антиллу), о кровопусканіи (по Галену), о способахъ остановленія артеріальнаго кровотеченія, банкахъ, слабительныхъ по Антиллу, о глазныхъ, ушныхъ, носовыхъ и мочегонныхъ средствахъ, о средствахъ, опорожняющихъ печень, селезенку, почки, мочевой пузырь, о мѣсячногонныхъ и т. д.

Кн. IV посвящена гигіенѣ и воспитанію дѣтей; кн. V—распознаванію и леченію лихорадокъ (по Филумену).

Въ кн. VI Аэцій разсматриваетъ болѣзни головы, нервовъ, ушей, носа по Посидонію, Марцеллу, Архигену, Дидиму и др.

Кн. VII посвящена глазнымъ болѣзнямъ, а VIII—болѣзнямъ лица, зубовъ, ranula, грудянымъ болѣзнямъ, для которыхъ Аэцій дѣлаетъ позаимствованія у Критона и Архигена. Въ этой книгѣ онъ даетъ формулы помадъ для бровей, мазей для сохраненія цвѣта кожи, косметическихъ средствъ противъ пятенъ на лицѣ и т. д.

Кн. IX занимается болѣзнями желудка, кишекъ, глистами (ascarides).

Кн. X трактуетъ о болѣзняхъ печени, селезенки, нарывахъ и пр. по Филагрію, Архигену и др. Желтуха обработана по Rufus'y и Галену.

ходящійся у насъ подъ рукой экземпляръ Аэція переплетенъ вмѣстѣ съ довольно интереснымъ экземпляромъ сочиненія Савонаролы, подъ заглавіемъ: *Practica major* J. Mich. Savonarolae, Medici patavini, Venetiis, ap. Vincentium Valgrisium, 1560.

[1]) Ср. Choulant, Bücherkunde, pp. 133—135.

[2]) Hecker II, 87.

Кн. XI занимается сахарнымъ мочеизнуреніемъ, болѣзнями почекъ, мочеваго пузыря, пріапизмомъ, истеченіемъ сѣмени, мужскимъ безсиліемъ. Въ гл. 14 Аэцій указываетъ на способы распознаванія присутствія камня въ мочевомъ пузырѣ.

Кн. XII разсматриваетъ ischias, подагру, ревматизмъ, желчныя болѣзни. Эта книга весьма интересна въ практическомъ отношеніи.

Въ кн. XIII Аэцій говоритъ объ укушеніи ядовитыхъ животныхъ и приготовленіи извѣстныхъ лекарствъ, теріака Митридата, различныхъ противоядій, затѣмъ о слоновой кожѣ (проказѣ), vitiligo.

Въ кн. XIV рѣчь идетъ о геморроѣ, болѣзняхъ сѣдалища, мошонки и соотвѣтственныхъ мѣстныхъ средствахъ, о кровоточащихъ раненіяхъ, нарывахъ, язвахъ, фистулахъ и т. д.

Кн. XV разсматриваетъ мягкія опухоли, зобъ (bronchocele), стеатомы, расширенія сосудовъ; артеріальныя и травматическія аневризмы (гл. 10), причемъ исчисляетъ ихъ симптомы и указываетъ на хирургическое леченіе аневризмы локтеваго сгиба.

Кн. XVI и послѣдняя посвящена женскимъ болѣзнямъ, беременности и ея осложненіямъ, преимущественно по Филумену. Аэцій излагаетъ здѣсь причины дистокіи, зависящей отъ матери и отъ младенца, нѣсколько главъ о безплодіи мужчинъ и женщинъ, о болѣзняхъ грудей, матки, причемъ Аэцій заимствуетъ много у Архигена, Филумена, Аспазіи, Сорана и пр.

Аэцій вообще дѣлалъ позаимствованія почти у всѣхъ предшествовавшихъ ему врачей, которыхъ онъ всегда добросовѣстно цитируетъ. Въ его компиляціи собрано множество рецептовъ, причемъ находимъ нѣкоторыя средства изъ египетской фармакопеи. Онъ одинъ изъ первыхъ говоритъ о червякъ, развивающихся въ мышцахъ, и указываетъ на необходимый здѣсь способъ леченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заплатилъ дань своему времени, такъ какъ приводитъ немало магическихъ способовъ леченія. Такъ, для освобожденія больныхъ отъ проглоченныхъ рыбныхъ косточекъ или другихъ инородныхъ тѣлъ, онъ рекомендуетъ слѣдующій способъ:

„Станьте лицомъ къ лицу противъ больнаго, прикажите ему смотрѣть на васъ и говорите: „выйди кость, если ты кость, или соломенка, или что-бы ты ни было, подобно тому какъ Іисусъ Христосъ заставилъ Лазаря возстать изъ гроба или Іону выйти изъ кита“. Затѣмъ, придерживая больнаго за горло, произнесите слѣдующія слова: „Блазій, мученикъ и служитель Христа, говоритъ: выходи на верхъ или спустись внизъ“ [1]). Но вмѣ-

[1]) „Ὡς Ἰησοῦς Χριστὸς Λάζαρον ἀπὸ τάφου ἀνήγαγε, καὶ Ἰωνᾶν ἐκ τοῦ κήτους· λέγε, κατέχον τὸν λάρυγγα τοῦ πάσχοντος· Βλάσιως ὁ μάρτυς ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ λέγει, ἀνάβηθι ὄστουν ἢ κατάβηθι“. Aetii βιβλ. ιατρικ. l. VIII, c. 50. Ср. Hecker, II, 87.

стѣ съ тѣмъ онъ даетъ и раціональный совѣтъ— заставить проглотить кусокъ мяса, привязанный на ниткѣ, которую затѣмъ вытягиваютъ [1]). При приготовленіи мазей изъ пластырей онъ рекомендуетъ во все время этой операціи до полученія консистенціи пластыря торжественнымъ тономъ безпрерывно и громко приговаривать: „Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова да даруетъ силу этому средству“. Сюда же относится вынесенный имъ изъ Египта и рекомендуемый имъ яшмовый амулетъ царя Нехепса [2]).

Тѣмъ не менѣе заслуги Аэція по отношенію къ сохраненію медицинскаго преданія громадны. Учебникъ его обнимаетъ всю практическую медицину и представляетъ обильный источникъ для древней медицины, такъ какъ содержитъ весьма мало оригинальнаго, но зато многочисленныя дѣльныя обработки важныхъ предметовъ изъ погибшихъ сочиненій. Онъ, правда, уступаетъ по живости изложенія Орибазію, но зато избѣгаетъ расплывчатости Галена, и при чтеніи его выносишь убѣжденіе, что онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и опытностью усвоилъ дошедшія до него преданія. Подробнѣе всего имъ обработана

Фармакологія, причемъ замѣчается однако совершенное отсутствіе естественно-историческихъ данныхъ и принимается во вниманіе лишь цѣлебное дѣйствіе лекарственныхъ веществъ. Въ своей *Materia medica* Аэцій во всемъ слѣдуетъ Галену, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ „первыя и вторыя качества“. Отдѣльныя средства изъ трехъ царствъ природы изложены имъ въ алфавитномъ порядкѣ, причемъ не замѣчается особаго уклоненія отъ Галена и Діоскорида, описанія коего онъ однако опускаетъ, перечисляя только свойства и дѣйствія лекарственныхъ веществъ [3]).

Анатомія и *физіологія* Аэція заимствованы большею частью изъ Rufus'a, Орибазія и др. Нѣкоторый интересъ представляютъ здѣсь описаніе развѣтвленія третьей вѣтви пятой пары, а также замѣчаніе, что субстанція зубовъ пронизана нервами и что зубы представляютъ единственный видъ чувствительныхъ костей [4]), наконецъ, установленное имъ различіе между миндалевидными и подчелюстными железами, изъ коихъ послѣднія онъ называетъ ἀντιάδες [5]). Недурно также описаніе матки [6]). Изъ области физіологіи отмѣтимъ тонкіе оттѣнки, различаемые имъ въ раз-

---

[1]) Tetrab. II, serm. IV, c. 50, col. 489.

[2]) Tetrab. I, serm. II, c. 35, col. 84.

[3]) Tetrab. I, serm. I (весь Sermo primus).

[4]) Tetrab. II, serm. IV, c. 19, col. 457: „inter ossa soli dentes dolore afficiantur“. Кстати замѣтимъ, что, за исключеніемъ греческихъ выраженій, мы здѣсь цитируемъ вездѣ по изд. Lugd. 1549.

[5]) Тамъ же, c. 48. col. 488.

[6]) Tetrab. IV, serm. IV, c. I, col. 955.

ныхъ видахъ аппетита: первый видъ слѣдуетъ, по Аэцію, за опорожненіемъ кишечнаго канала, второй—естественный, третій заключается въ актѣ всасыванія питательнаго вещества, четвертый въ самомъ ощущеніи этого всасыванія, наконецъ пятый есть животный аппетитъ [1]).

Патологія Аэція почти цѣликомъ основана на элементарныхъ качествахъ и элементарныхъ влагахъ Галена; точно также семіотика его изложена въ систематическомъ порядкѣ по сочиненіямъ Галена, но довольно часто Аэцій является послѣдователемъ и методической школы (status strictus и status laxus).

Въ *частной патологіи* и *терапіи* Аэція первое мѣсто занимаетъ ученіе о лихорадкахъ, въ которомъ онъ большею частью слѣдуетъ Галену:

„Лихорадка есть противоестественный, изъ глубины выходящій жаръ сердца и артерій, вызывающій разстройство жизненной силы (τόνος ζωτικός) съ измѣненіемъ пульса“ [2]).

Аэцій различаетъ однодневную лихорадку (ἐφήμερος), происходящую отъ πνεῦμα, гнилостную (ἐπὶ σηπεδόνῃ)—отъ болѣзненно измѣненныхъ влагъ и изнурительную (ἑκτικός)—отъ пораженія сердца [3]); далѣе постоянную, воспалительную лихорадку (πύρετος σύνοχος), появляющуюся у молодыхъ субъектовъ отъ избытка горячей или слишкомъ густой крови и либо продолжающуюся равномѣрно до конца (f. homotonos), либо повышающуюся (f. epacmastica), либо съ самаго начала падающую (f. paracmastica) [4]), смотря по тому, наступаетъ ли меньшее или большее испареніе [5]). Впрочемъ описаніе этихъ послабляющихся лихорадокъ (πυρετοὶ συνεχεῖς) довольно сбивчиво. Causus (καῦσος), по Аэцію, есть воспалительная желчная лихорадка, происходящая отъ испорченной желтой желчи [6]). Относительно гнилостной лихорадки необходимо замѣтить, что Аэцій приписывалъ ея происхожденіе задерживанію выдѣленій („Dum quotidie fumosarum ac fuliginosarum superfluitatum transpiratio impeditur“), вслѣдствіе чего естественная теплота превращается въ противоестественную, причемъ поражаются не только влаги, но и плотныя составныя части организма [7]). Кромѣ того Аэцій различаетъ еще колликвативную лихо-

---

[1]) Tetrab. III, serm. I, c. 20, col. 552.

[2]) Tetrab. II, serm. I, c. 7, col. 230.

[3]) Тамъ же, c. 58, col. 243.

[4]) Ср. „Исторію древней медицины“, вып. III, 962.

[5]) Tetrab. II, serm. I, c. 70, col. 248: „Sunt autem differentiae f. continentis tres, una aut aequalis permanet magnitudo ab initio usque ad solutionem, aut additamentum facit, aut detractionem: hoc autem contingit prout majores aut minores fiunt transpirationes, ex eo quod densior aut rarior est habitus corporis affecti“.

[6]) Tetrab. II, serm. I, c. 50, col. 240.

[7]) Tetrab. II, serm. I, c. 74, col. 250.

радку (συντήξις), впервые описанную Филагріемъ [1]), сопровождаемую изнурительнымъ, вонючимъ поносомъ, происходящимъ отъ прилива къ кишечному каналу изъ всего тѣла не только влагъ, но и растворенныхъ плотныхъ частей организма. Далѣе, что касается перемежающихся лихорадокъ, то и онѣ изложены совершенно по Галену: f. tertiana extenta (ἐπεκταμμένος τριταῖος) есть трехдневная лихорадка съ приступами черезъ 12 часовъ [2]): дву-трехдневная (hemitritaeus или semitertiana) происходитъ на половину отъ испорченной желчи и на половину отъ испорченной слизи [3]). Epiala съ одновременнымъ ознобомъ и жаромъ происходитъ отъ кислой, прозрачной, слегка испорченной слизи [4]). Lipyria есть воспаленіе желудка, при которомъ бываетъ внутренній жаръ и наружное ощущеніе холода, съ потерей рѣчи. При этомъ Аэцій говоритъ также о рожистомъ воспаленіи кишечнаго канала (ignis sacer, ἐρυσίπελας σπλάγχνων). Наконецъ, тифозная лихорадка (fumosa, τυφώδης) происходитъ отъ воспаленія печени и сопровождается бредомъ и тупостью, воспаленіе же легкихъ влечетъ за собой лихорадку съ ледянымъ холодомъ (algida, ϰρυμώδης [5]).

Относительно эпидемическихъ и чумныхъ лихорадокъ Аэцій ничего не прибавилъ къ даннымъ Rufus'a, согласно которому чума происходитъ либо отъ вредныхъ испареній изъ земли, либо отъ порчи воздуха, а появленію ея всегда предшествуетъ моръ четвероногихъ и птицъ [6]).

Леченіе лихорадокъ по Аэцію состоитъ при изнурительныхъ—въ назначеніи холоднаго питья и опія, при воспалительной и гнилостной лихорадкѣ—въ примѣненіи кровопусканія, вообще же при всѣхъ лихорадкахъ Аэцій совѣтуетъ прохладное содержаніе.

Далѣе Аэцій говоритъ о рожистомъ, болѣе поверхностномъ воспаленіи мозга (Erysipelas cerebri) и другомъ болѣе глубокомъ, при которомъ мозгъ опухаетъ до того, что расходятся швы [7]),—а также объ апоплексіи (syderatio, по Галену [8]), о phrenitis (по Поси-

---

[1]) Tetrab. II, serm. I, c. 90 col. 263.

[2]) Тамъ-же, c. 79, col. 255.

[3]) Тамъ же, c. 82, col. 256.

[4]) Тамъ же, c. 87, col. 261.

[5]) Тамъ же, c. 89, col. 262. Выраженіе τῦρος=fumus беретъ начало вѣроятно отъ ученія древнихъ объ anathymiasis или вредныхъ испареніяхъ, поднимающихся къ мозгу изъ брюшныхъ внутренностей. Ср. Hecker, II, 94.

[6]) Tetrab. II, serm. I, cc. 94, 95, col. 268, 269.

[7]) Tetrab. II, serm. II, c. 25, 26.

[8]) Тамъ же c. 27. Тутъ же Аэцій распространяется о параличѣ вообще (c. 28) и въ частности о параличѣ отдѣльныхъ органовъ (cc. 19—37); а также о столбнякѣ (c. 39) и разныхъ видахъ головной боли (cc. 40—50).

донію) [1]), о воспаленіи мозга у дѣтей (siriasis), [2]), о дифтеритѣ (ἕλκη ἐν παρισθμίοις ἐσχαρώδη καὶ λοιμώδη), который онъ описываетъ по Аретею, Архигену и Галену, причемъ даже упоминаетъ о параличѣ мягкаго неба по окончаніи болѣзни [3]).

При ischias, подагрѣ и ревматизмѣ Аэцій совѣтуетъ, по примѣру Архигена, употребленіе cauteria либо въ видѣ раскаленнаго желѣза, либо въ видѣ моксъ изъ корней растеній или помета козы; далѣе онъ даетъ формулы для многихъ линиментовъ и устанавливаетъ дифференціальное распознаваніе между подагрой и артритомъ, полагая ихъ причину въ эксцессахъ in venere и за столомъ, а также въ несваренiи влагъ. Изложивъ гуморально-патологическую теорію, Аэцій переходитъ къ леченію какъ предохранительному (діэта и режимъ), такъ и собственно терапевтическому, состоящему въ опорожненіи слишкомъ обильныхъ влагъ кровопусканіями и очищеніями и въ укрѣпленіи обезсиленныхъ членовъ охлаждающими средствами, смотря по сухости или влажности темперамента. Затѣмъ слѣдуетъ перечень мазей и пластырей, которымъ онъ приписываетъ большое значеніе [4]).

Далѣе, Аэцій упоминаетъ о встрѣчающихся въ Эфіопіи и Африкѣ dracunculis или filaria medinensis подъ кожей и въ мышцахъ, особенно у мальчиковъ, которой онъ однако, повидимому, самъ не наблюдалъ и которую описываетъ даже не по первоисточнику (Agatharchides), а по Леониду [5]). Ленточную глисту Аэцій вмѣстѣ съ пневматикомъ Геродотомъ считаетъ за превращеніе слизистой оболочки кишекъ въ живое тѣло („permutatio pelliculae intrinsecus tenua intestina ambientis, in corpus quoddam vivum"), зато вполнѣ раціонально совѣтуетъ примѣнять противъ нея гранатовую корку [6]), которую рекомендовалъ уже Цельсъ [7]) и которая вновь введена въ употребленіе Breton'омъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія [8]).

[1]) Tetrab. II, serm. II, c. 2, col. 293. Тутъ же изложены и другія болѣзни мозга, какъ то: hydrocephalus (c. 1), lethargus, catocha и catalepsia, carus, coma и vertigo (cc. 3—7), далѣе—insania, нѣчто вродѣ прилива къ мозгу, сопровождаемаго веселостью, смѣхомъ, пѣніемъ, звономъ въ ушахъ, разстройствомъ воображенія и т. д. (тамъ же, c. 8), а также melancholia (cc. 9—10), эпилепсія (cc. 13—21), водобоязнь (c. 24), потеря памяти (c. 23), ликантропія (insania lupina aut canina, c. 11) и кошмаръ (incubus, c. 12).

[2]) Tetrab. I, serm. IV, c. 13, col. 200.

[3]) Tetrab. II, serm. IV, c. 46, col. 481.

[4]) Tetrab. III, serm. IV, cc. 1—48, col. 707—758.

[5]) Tetrab. IV, serm. II, c. 85, col. 904. Объ Agatharchides см. в. III, 687.

[6]) Tetrab. III, serm. I, c. 40: „corticis radicis mali punicae acidae".

[7]) Celsi de med., l. IV, c. 17.

[8]) Roget, On the Efficacy of the bark of the Pomergranate Tree in cases of Taenia, въ Medico-chirurgical Transactions. Vol. XI, 2, 1821. Ср. Hecker, II, 103.

Поносъ вообще и при прорѣзываніи зубовъ у дѣтей въ особенности считался спасительнымъ и поэтому Аэцій вмѣстѣ съ Филуменомъ не спѣшилъ съ его остановленіемъ [1]). Вообще желудочно-кишечныя пораженія изложены весьма подробно подъ общимъ названіемъ cruditas (Галенъ) и crapula (Филуменъ) [2]).

Къ болѣзнямъ кишечнаго канала, описываемымъ Аэціемъ, слѣдуетъ также отнести судорожное сжатіе сфинктера задняго прохода, не пропускающее даже зонда, что случается будто бы при volvulus, который бываетъ трехъ родовъ: отъ воспаленія, переходящаго въ нагноеніе или гангрену, отъ ущемленія грыжъ, отъ твердаго кала или даже отравленія [3]).

Дизентерію Аэцій вмѣстѣ съ Архигеномъ считаетъ за изъязвленіе кишечнаго канала [4]). Болѣзни печени и селезенки изложены по Филагрію, Галену, Филумену и собственнымъ наблюденіямъ [5]).

Кровохарканіе Аэцій лечилъ кровопусканіемъ [6]), а плевритъ—слабительными [7]).

Далѣе встрѣчаемъ у Аэція описаніе геморроя, болѣзней почекъ и мочеваго пузыря (ψωρίασις, scabies vesicae) съ отрубевиднымъ слизистымъ выдѣленіемъ, причиняющимъ мучительный зудъ мошонки [8]). Въ другомъ мѣстѣ Аэцій указываетъ на способъ леченія зуда мошонки (scabiosum scrotum), приписываемаго имъ остротѣ влагъ—воздержаніемъ отъ острой пищи, умѣреннымъ образомъ жизни и примѣненіемъ примочекъ изъ воды съ виномъ, припарокъ изъ египетскихъ бобовъ, linimentum изъ сѣры или яичнаго бѣлка и пр. [9]).

Много мѣста Аэцій отводитъ болѣзнямъ половыхъ органовъ, которыя онъ излагаетъ по Леониду. Сюда относятся разростающіяся, злокачественныя и разъѣдающія язвы на крайней плоти, на всемъ членѣ и около задняго прохода, которыя лечились раскаленнымъ желѣзомъ или удаленіемъ (крайней плоти). Кромѣ того есть указанія на кондиломы, перелой, воспаленіе яичекъ, трещины задняго прохода,

---

[1]) Tetrab. III, serm. I, c. 35, col. 584, Tetrab., I, serm. IV, c. 9, col. 199.

[2]) Tetrab. III, serm. I, cc. 24, 25, col. 556—562.

[3]) Tetrab. III, serm. I, c. 28, col. 567: „podex [anus] ita adstrictus, ut neque specilli extremum suscipere possit.“.

[4]) Tetrab. III, serm. I, c. 43, col. 599.

[5]) Tetrab. III, serm. II, cc. 1—18.

[6]) Tetrab. II, serm. IV, cc. 59—63, col. 506—510.

[7]) Тамъ же, c. 68, col. 522.

[8]) Tetrab. III, serm. III, c. 22, col. 687.

[9]) Tetrab. IV, serm. II, c. 20, col. 847.

бубоны[1]) и пр., изъ каковыхъ измѣненій нѣкоторыя указываютъ на вѣроятное существованіе уже въ то время сифилиса.

Изъ сыпныхъ болѣзней, между прочимъ, упоминаются mentagra которую Аэцій считаетъ за катарральную болѣзнь[2]), а также проказа (Elephantiasis graecorum или Lepra arabum), которую Аэцій наблюдалъ въ Египтѣ, причемъ приводитъ способъ ея леченія кастраціей, какъ весьма важнымъ спасительнымъ средствомъ на томъ основаніи, что ни скопцы, ни женщины будто не поражаются этой болѣзнью[3]).

Наконецъ приведемъ наружное примѣненіе Аэціемъ cauteria и Anagallis противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ, одновременно съ Alyssum и извѣстнымъ раковымъ средствомъ (10 частей заживо сожженныхъ въ мѣдномъ блюдѣ раковъ, 5 частей Gentianae и 1 часть ладону)[4]). Кромѣ того у Аэція находимъ небольшую главу, посвященную притупляющимъ средствамъ, во главѣ которыхъ онъ ставитъ опій и шафранъ[5]).

Хирургія Аэція занимается преимущественно второстепенной хирургической терапіей, въ которой главную роль играютъ мази, пластыри, а также cauteria. Кровопусканіе онъ совѣтуетъ дѣлать какъ на больной, такъ и на противоположной сторонѣ, при приливахъ же къ головѣ, кромѣ того—вводить въ носъ соломенку для усиленія эффекта обоихъ кровопусканій[6]). Изъ кровоостанавливающихъ средствъ Аэцій совѣтуетъ перевязку и скручиваніе артерій, а также прижиганія и древнія misy и chalcitis[7]). Операцію аневризмы въ локтевомъ сгибѣ онъ производитъ по Антиллу (см. вып. III, 977): разрѣзываетъ артерію между двумя лигатурами, удаляетъ кровяные свертки и выполняетъ рану разными веществами, между прочимъ и ладономъ. Интересно, что въ видѣ приготовленія къ этой операціи онъ считалъ нужнымъ предварительно производить еще другую: отыскавъ плечевую артерію на разстояніи трехъ или четырехъ поперечныхъ пальцевъ ниже подкрыльцевой ямы, онъ дѣлалъ продольный разрѣзъ, обнажалъ артерію и, наложивъ двойную лигатуру, перерѣзывалъ по срединѣ, послѣ чего перевязывалъ рану порошкомъ ладона и корпіей.

---

[1]) Tetrab. IV, s. II, cc. 3,19, 21 и Tetrab. II, s. I, c. 67. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли даже намекъ на трипперныя нити (Tetrab. III, serm. III, c. 31) съ указаніемъ, что таковыя наблюдались уже Гиппократомъ, Архигеномъ и Галеномъ (см. ниже).

[2]) Tetrab. II, s. IV, c. 9, col. 446. Тутъ же рѣчь идетъ о веснушкахъ, stigmata, acne, sycosis и различныхъ видахъ impetiginis (cc. 11—16).

[3]) Tetrab. IV, s. I, cc. 120—122. Кстати замѣтимъ здѣсь, что описаніе проказы у Аэція вышло несравненно блѣднѣе, чѣмъ у Аретея.

[4]) Tetrab. II, serm. II, c. 24. [5]) Tetrab. III, serm. IV, c. 30.

[6]) Tetrab. I, serm. III, c. 12, Tetrab. II, serm. I, c. 124. [7]) Tetrab. IV, serm. II, c. 51.

Вотъ относящееся сюда мѣсто у Аэція:

„Primum arteriam superne, ab ala ad cubitum, per internam brachii partem delatam signamus. Deinde in eadem interna brachii parte simplicem sectionem tribus aut quatuor digitis infra alam, per longitudinem facimus, ubi maxime ad tactum arteria occurrit, atque ea paulatim denudata, deinceps incumbentia corpuscula sensim excoriamus ac separamus et ipsam arteriam caeco uncino attractam duobus fili vinculis probe adstringimus mediamque inter duo vincula dissecamus, et sectionem polline thuris explemus ac linamentis inditis congruas deligationes adhibemus. Postea vero tumorem in cubiti cavitate sive flexura securi secamus, nihil amplius verentes sanguinis eruptionem. Tunc grumis evacuatis, arteriam unde sanguis prodiit perquirimus, et repertam uncino attractam sicut priorem constringimus ac dissecamus rursusque thuris polline sectione expleta, puris generationem procuramus“ [1]).

Геморрой Аэцій различалъ скрытый, глубокій и открытый, кровоточащій. Операція геморроидальныхъ шишекъ состояла въ извлеченіи ихъ крючкомъ и разрѣзѣ основанія съ послѣдовательнымъ скручиваніемъ. Для остановленія крови онъ вкладывалъ губку, обмотанную ниткой, конецъ которой оставлялъ наружу [2]). Далѣе Аэцій излагаетъ по Леониду леченіе выпаденія прямой кишки прижиганіемъ, а нарывовъ на краю заднаго прохода и фагеденическихъ язвъ вырѣзываніемъ и прижиганіемъ [3]); при свищѣ задняго прохода онъ примѣнялъ нынѣ употребительный способъ операціи: разрѣзъ и удаленіе каллезностей [4]).

Ракъ груди, величиной не больше половины послѣдней, Аэцій лечилъ ампутаціей и прижиганіемъ; глубокій же и плотносидящій (скирръ) онъ считалъ неизлечимымъ и потому неподлежащимъ операціи [5]).

При камняхъ въ мочевомъ пузырѣ, въ случаѣ невозможности достигнуть ихъ растворенія внутренними литотрипсическими лекарствами [6]) или извлеченія посредствомъ катетера, Аэцій рекомендуетъ „обыкновенное“ (pro more) нижнее сѣченіе пузыря [7]). При этомъ камнесѣченіи, которое онъ примѣнялъ и у женщинъ [8]), онъ, по словамъ Sprengel'я, будто бы совѣтуетъ употреблять ножъ, скрытый въ трубкѣ, во избѣжаніе поврежденій внутреннихъ половыхъ органовъ, могущихъ имѣть послѣдствіемъ без-

---

[1]) Tetrab. IV, serm. III, c. 10, col. 915. Въ вып. III, стр. 979 мы вмѣстѣ съ Пеккер'омъ ошибочно назвали этотъ способъ операціи „способомъ Филагрія“: Аэцій послѣдняго не цитируетъ, а говоритъ отъ своего лица.

[2]) „Per hamulum obtorquere“ Tetrab. IV, serm. II, cc. 5, 6, col. 839.

[3]) Тамъ же, cc. 7—10.

[4]) Тамъ же, c. 11.

[5]) Tetrab. IV, serm. IV, c. 50, col. 983.

[6]) Tetrab. III, serm. III, cc. 9—13, гдѣ между прочимъ фигурируетъ и козлиная кровь (sanguis hircinus).

[7]) Тамъ же, c. 14.

[8]) Tetrab. IV, serm. IV, c. 99.

плодіе. Но такого совѣта мы въ соотвѣтственныхъ главахъ Аэція при возможно тщательной провѣркѣ нигдѣ не нашли [1]).

О вывихахъ и переломахъ онъ вовсе не упоминаетъ [2]).

При отравленныхъ ранахъ Аэцій прежде всего устанавливаетъ общее правило — промывать каждое ядовитое укушеніе по возможности раньше уксусомъ и водой, затѣмъ высасывать ртомъ, который для предохраненія отъ отравленія предварительно смазывается масломъ, и затѣмъ перевязывать рану золою съ уксусомъ [3]). Употреблялъ ли Аэцій при этомъ обычный и понынѣ на востокѣ пріемъ—высасываніе ядовитыхъ укушенныхъ ранъ кровососными банками, мы не могли отыскать. Противъ укушенія vipera, послѣ котораго смерть наступала уже черезъ 7 часовъ, Аэцій приводитъ совѣтъ Архигена, кромѣ наружныхъ средствъ, принимать внутрь вино съ чеснокомъ еще до появленія кровавой мочи [4]). Реагентомъ для опредѣленія ядовитости раны Аэцію служило прикладываніе къ ранѣ волошскихъ орѣховъ, которые затѣмъ бросаютъ курицѣ: если она остается живой, то рана не ядовита, если же нѣтъ, то рана содержитъ ядъ! [5]).

Наконецъ упомянемъ здѣсь, что при подкожной водянкѣ Аэцій, по примѣру Асклепіада, прибѣгалъ къ насѣчкамъ повыше лодыжки [6]), причемъ входитъ въ подробности объ этой операціи, ошибочно приписываемой Delaboê-Sylvius'y.

Въ области *глазныхъ болѣзней* находимъ у Аэція извлеченія изъ Галена, Демосѳена, Severus'a, а также многія самостоятетельныя наблюденія. Роговая оболочка состоитъ изъ четырехъ пластинокъ (κτηδόνες, fibrae, по сходству ихъ съ кольцами или слоями древесныхъ стволовъ) [7]). Мы уже выше указали на то, что это открытіе дало возможность различать onychiam отъ hyporyon, а также на наблюденія надъ эпидемической бленорреей и трахомой, равно какъ и на способы лѣченія глазныхъ болѣзней посредствомъ periscythismus, angiologia, hypospathismus, а стафиломы (clavus)— двумя перекрещивающимися лигатурами [8]). Здѣсь прибавимъ только, что

[1]) Ср. Sprengel, II, 276, гдѣ онъ ссылается на Tetrab. III, serm. III, c. 21, но тамъ объ этомъ рѣшительно нѣтъ рѣчи.

[2]) Маленькая глава въ 12 строчекъ, Tetrab. IV, serm. II, c. 71, не можетъ идти въ счетъ.

[3]) Tetrab. IV, serm. I, c. 10.

[4]) Tebrab. IV, serm. I, c. 21.

[5]) Tetrab. II, serm. II, c. 24, col. 317.

[6]) Tetrab. III, serm. II, c. 30.

[7]) Tetrab. II, serm. III, c. 29, 34.

[8]) См. Исторію древней медицины, выпускъ III, стр. 978, 979. Здѣсь считаемъ долгомъ исправить ошибку, вкравшуюся въ приведенное мѣсто III выпуска. Аэцій, правда

при леченіи глазныхъ болѣзней Аэцій, какъ и Severus, высказывается противъ всѣхъ грубыхъ способовъ и злоупотребленія разными collyria, въ составъ коихъ между прочимъ почти всегда входилъ кадмій,—въ особенности же противъ разрывающихъ инструментовъ, тренія фиговыми листьями и т. д. Любимое средство Severus'a при неровностяхъ, утолщеніяхъ и каллезныхъ образованіяхъ на соединительной оболочкѣ глазъ состояло изъ слѣдующихъ веществъ:

Rp. Testae sepiae ʒviii
Punicis ʒviii
Rubricae sinopicae
Ammoniaci thymiamatis singulorum ʒx
Gummi ʒviii

Excipe aqua. „Ex hujus usu magnam laudem reperies[1])".

Необходимо однако сказать, что хотя Аэцій и вооружается противъ прижиганія висковъ раскаленнымъ желѣзомъ или сердцевиной орѣховаго дерева, а также противъ hypospathismus, но самъ же рекомендуетъ не менѣе грубый способъ, какъ приведенный periscithismus:

„Quidam barbaris legibus servientes in diuturnis oculorum fluxionibus, tempora inurunt, aut per pharmacum, aut per medullam lignorum nucis juglandis, quod hyscas apellunt. Quidam etiam ferrum candefaciunt et ustionem perficiunt. Ego itaque ejus modi affectionem ex temporum ustione conflatam vidi" etc. (Tetrab. II, s. III, c. 89, col. 408).

„Frontis per submissum scapellum excoriationem hypospathismum Graecis appellatum assumunt, qui deformitatem cicatricis maximae per circulum fientis in frontis circuncisione, devitant. Verum haec curatio imperfectior illa est. Unde magis frontis circuncisione perisciphismo appellato utendum est ita, ut rei magis necessariae curam habeamus (Тамъ же, c. 92).

А вотъ описаніе periscythismus, этой по истинѣ варварской операціи, которой Аэцій отдаетъ предпочтеніе передъ hypospathismus:

„Sed et calvariae circuncisionem, periscyphismum Graecis dictum, assumimus, in quibus diuturna et tenuis oculorum fluctio existit et multa vasa fluctionem delegantia. Oportet igitur rasos locos notare, ut ne in coronalem suturam, aut temporum musculos, sectio fiat. Facienda autem est sectio paululum supra frontem transversa initio a tempore ad tempus facto, ita ut membrana calvam ambiens simul dissecetur, et diligenter radatur. Deinde cuneolis sectione inditis linamenta adhibemus, et reliqua consequenter facimus velut praedictum est in arteriarum sectione, assumpta ex vino, et oleo irrigatione. A tertio die curatio suppuratoria fiat. Deinde ea quae resiccationem promittit. Si quidem igitur a solo sincipite oculi fluxione infestantur, praedicta sectione contenti sumus. Si vero una cum supernis vasis, etiam ex

ссылается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Severus'a (Tetrabib. II, serm. III, cc. 42, 43, 85, 90, 94, 95, 102), но большею частью говоритъ отъ своего имени, и на основаніи находящихся у него данныхъ трудно рѣшить, что̀ принадлежитъ ему и что̀ Severus'у въ мѣстахъ, гдѣ онъ его не цитируетъ.

[1]) Tetrab. II, serm. III, c. 43, col. 387.

temporibus fluxio feratur, post factam relatam supernam sectionem, alias duas luniformes assumimus, unam ob utraque parte. Habeat autem principium, tum ea quae e dextris fit, tum quae a sinistris, a principiis transversae sectionis superne factae, ita ut ex supernis ad tempora deferantur, usque ad medium frontis. Procedant autem luniformiter ad supercilia conversae, ut ne temporum musculos injuria afficiant. Sit autem figura trium harum sectionum similis literae Graecae π, ita tamen ut apices ad internas partes incurvatos habeat hoc modo: ⊓. Oportebit autem et hic cuneolos sectionis indere, et consequentia facere, velut anteadictum est. Porrò dicunt Aethiopas a nativitate frontem circumcidere, ut ne oculorum fluxione infestentur (Tetrab. II, s. III, c. 91, col. 409).

Удивительно только, какъ это больные соглашались на подобную жестокую операцію, которую могли выдерживать развѣ только ко всему притерпѣвшіеся эфіопы, не останавливавшіеся даже передъ его употребленіемъ съ одной только профилактической цѣлью на своихъ дѣтяхъ!

Въ остальномъ леченіе глазныхъ болѣзней у Аэція отзывается прежней рутиной: артеріотомія позади ушей, кровопусканіе, сильныя слабительныя, ванны, строгая гигіена по древне-египетскимъ правиламъ въ сочетаніи съ безчисленнымъ множествомъ наружныхъ средствъ—весь этотъ древній балластъ перешелъ въ глазную терапію Аэція [1]). Какъ особенную заслугу его въ этой области необходимо однако признать, что онъ вмѣстѣ съ Демосѳеномъ, Антилломъ и Северомъ много способствовалъ различенію и установленію разныхъ болѣзненныхъ формъ, въ томъ числѣ бленорройнаго конъюнктивита, hypopion, phlyctaena, prolapsus iridis, трахомы, atonia, myopia, nyctalopia, ambliopia, amaurosis, катаракты [2]), trichiasis [3]). Интересно, что удаленіе pterygii при начинающейся катарактѣ онъ считалъ предосудительнымъ, такъ какъ это можетъ ускорить потемнѣніе хрусталика [4]). Кромѣ того Аэцій говоритъ еще объ Aegilops (нарывъ у внутренняго угла глаза) [5]).

Акушерство изложено по Филумену, который, повидимому, пріобрѣлъ богатую опытность тѣмъ, что приказывалъ повивальнымъ бабкамъ приглашать его заблаговременно къ роженицамъ и не слишкомъ долго дѣйствовать самостоятельно [6]). Между причинами, замедляющими роды и зависящими отъ матери, первое мѣсто у него занимаетъ узкій тазъ, затѣмъ слѣдуютъ уродливости отъ чрезмѣрнаго сгибанія позвоночнаго столба, задержаніе каловыхъ массъ, пожилой возрастъ, первые роды, полипы, мочевые камни, неправильныя положенія и т. д. Вообще при родахъ онъ старался

[1]) Tetrab. II, serm. III, c. 90 и cc. 6—10.
[2]) Tetrab. II, serm. III, cc. 28, 29, 43—48, 51.
[3]) Тамъ же, c. 66, col. 397.
[4]) Тамъ же, c. 58, col. 395.
[5]) Tetrab. II, serm. III, cc. 85, 86.
[6]) Tetrab. IV, serm. IV, c. 23.

примѣнять нѣжные способы, къ болѣе же энергическимъ прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ. При узости маточнаго устья онъ примѣнялъ медленное расширеніе, роженицу же при первыхъ потугахъ усаживалъ на родильное кресло, наклоняя туловище впередъ съ цѣлію предоставить маткѣ болѣе простора (?) для растяженія, закрытый hymen и слишкомъ плотныя оболочки перерѣзывалъ, при слишкомъ раннемъ отхожденіи водъ впрыскивалъ яичный бѣлокъ въ слизистомъ отварѣ изъ ячменной крупы или мальвы, при слабости движеній младенца извлекалъ его руками, при двойняхъ одинъ изъ младенцевъ отодвигался назадъ, точно также при уродливостяхъ младенца отодвигалъ его назадъ, чтобы привести въ болѣе удобное положеніе, при предлежаніи ножки или ручки Филуменъ, подобно Гиппократу, запрещалъ всякое грубое дерганіе, отодвигалъ предлежащую часть назадъ и дѣлалъ поворотъ на ножки, поперечныя положенія старался превращать въ правильныя, въ крайнихъ же случаяхъ, а также при чрезмѣрной величинѣ плода или отдѣльныхъ частей его Филуменъ прибѣгалъ къ раздробленію младенца. Если роженица впадала въ спячку или судороги, онъ отказывался отъ этого способа, но, если оставалась еще какая нибудь надежда, онъ укладывалъ роженицу съ запрокинутой назадъ головой, укрѣплялъ ее виномъ и хлѣбомъ, вспрыскивалъ лицо виномъ и т. д. При внѣдреніи слишкомъ большой головки онъ вкладывалъ два крючка въ глазныя впадины, въ ротъ или за подбородокъ и выше и затѣмъ этимъ способомъ извлекалъ младенца; при головной водянкѣ выпускалъ воду разрѣзомъ и если этого было недостаточно, то раздроблялъ головку и извлекалъ кости зубными и костными щипцами, а также пальцами, и затѣмъ уже накладывалъ крючки. При внѣдреніи груди или живота онъ разрѣзывалъ ребра и вынималъ изъ послѣдняго внутренности. При крайней же надобности онъ прибѣгалъ къ отрѣзыванію верхнихъ и, если нужно, и нижнихъ конечностей изъ плечеваго или тазо-бедреннаго составовъ, затѣмъ головки, послѣ чего туловище, а за нимъ головку извлекалъ острыми крючками [1]). При узости маточнаго отверстія или скиррахъ матки прибѣгали къ искусственному выкидышу, для чего существовало множество способовъ, предложенныхъ еще Аспазіей [2]). Весьма богатый отдѣлъ въ послѣдней книгѣ (Tetrab. IV, s. IV) составляетъ

Гинекологія Аэція. Не говоря уже о физіологіи мѣсячныхъ очищеній, зачатія, признакахъ и теченіи беременности, а также леченіи разныхъ измѣненій въ организмѣ беременныхъ [3]), о пессаріяхъ, вызывающихъ без-

[1]) Тамъ же, с. 22.
[2]) Тамъ же, сс. 16, 18.
[3]) Tetrab. IV, serm. IV, сс. 2—12.

плодіе (с. 17), о средствахъ къ уничтоженію плода по Аспазіи (с. 18), о признакахъ наступающаго выкидыша (с. 19), объ обычныхъ выкидышахъ на второмъ или третьемъ мѣсяцѣ (с. 21) и другихъ вопросахъ, относящихся собственно къ акушерству, мы находимъ у него еще главы о причинахъ и леченіи безплодія мужчинъ и женщинъ (с. 26), о признакахъ и леченіи слишкомъ холодной, слишкомъ горячей, слишкомъ влажной или сухой матки (сс. 27—30), о различныхъ напиткахъ, пессаріяхъ и окуриваніяхъ, способствующихъ зачатію [1]). Само собой разумѣется, что и тутъ дѣло у Аэція не обходилось безъ симпатическихъ средствъ, куда относится напр. „Amuletum naturale: Ossa, quae in corde cervi reperiuntur, sinistro brachio adallegata, arcana quadam naturae vi conceptionem juvare creduntur", или средство для произрожденія плода мужскаго или женскаго пола: „Si vir dextro pede, fascia candida vincto, cum muliere coëat, marem, ut ferunt, generabit, si vero sinistrum pedem colorata fascia ligarit, foemellam. Tradunt etiam satyrii ac serapiadis radicem solidiorem salaces facere, et masculis generandis prodesse, flaccidiorem vero contrarium efficere") [2]).

Далѣе рѣчь идетъ о средствахъ, полезныхъ при недостаткѣ молока и для предупрежденія створоженія молока въ грудяхъ (с. 33—35), о заболѣваніяхъ грудей вслѣдствіе патологически измѣненнаго молока, воспаленіяхъ грудной желѣзы, нарывахъ, фистулахъ, язвахъ грудей и т. д. (сс. 36—42), о ракѣ груди и его хирургическомъ леченіи (cancri chirurgia по Леониду) ампутаціей или прижиганіемъ каутеріями, о фармацевтическомъ леченіи закрытаго и открытаго рака и скирра (сс. 43—50), о задержаніи мѣсячныхъ по Руфу и Аспазіи (с. 51) [3]), объ отсутствіи мѣсячныхъ (сс. 52—54), о пессаріяхъ (с. 55), о леченіи отсутствія мѣсячныхъ у тучныхъ, полныхъ, худощавыхъ и одержимыхъ болѣзненными измѣненіями влагъ (сс. 56—59). Затѣмъ слѣдуетъ леченіе викаріирующихъ мѣсячныхъ (с. 60), а также отсутствія мѣсячныхъ вслѣдствіе праздности („nimium otium", с. 61), вслѣдствіе болѣзней матки (с. 62), послѣ чего Аэцій переходитъ къ терапіи дисменорреи (stillicidium, с. 63), слишкомъ обильныхъ мѣсячныхъ (сс. 63, 64), катарра матки (сс. 65, 66), бѣлей (с. 67), истерики (uteri strangulatio et suffocatio, сс. 68—71); далѣе о сперматорреѣ женщинъ (seminis fluxus), о слабости матки, о бѣшенствѣ, параличѣ, выпаденіи матки, по Сорану (сс. 72—76), о наклоненіяхъ и перегибахъ матки, по Аспазіи (с. 77), о physometra (uteri inflatio), водянкѣ матки, заносѣ (mola), о рыхлой опухоли матки (tumor laxus, сс. 78—81), о satyriasis по Сорану (с. 82), о воспаленіи матки, по Филумену (с. 83), о скиррѣ матки по Сорану (с. 84), о нарывѣ матки, по Архигену (с. 85), о хирургическомъ

[1]) Tetrab. IV, serm. IV, c. 32 col. 974. [2]) Тамъ же, въ концѣ с. 32, col. 976.

[3]) Между прочимъ: „steriles, praegnantes, cantrices ac saltatrices naturaliter non purgantur". Ср. вып. III, стр. 749, примѣч. 3.

его леченіи (с. 86), о вскрытіи маточныхъ нарывовъ въ кишечный каналъ и полость брюшины (с. 87), о язвахъ (сс. 88—90), п о т а матки, по Аспазіи (с. 92), о средствахъ, способствующихъ зарубцеванію язвъ, по Асклепіаду (с. 93), о ракахъ матки по Архигену (с. 94), о зарощеніи маточнаго устья (сс. 95—96), о геморроѣ матки, по Аспазіи (с. 97), о камняхъ матки (с. 98), о грыжахъ у женщинъ (сс. 100—102), объ и з с ѣ ч е н і и к л и т о р а (nympha, с. 103), о хвостѣ у женщинъ (de cauda), причемъ по описанію Аэція этотъ хвостъ начинается отъ устья матки и выходитъ въ видѣ торчащаго наружу мясистаго стебля (с. 104), о разныхъ наростахъ (thymus, verrucae, formicaria) матки, при которыхъ Аэцій примѣнялъ хирургическое леченіе (с. 105); далѣе о кондиломахъ матки, по Аспазіи (с. 106), о трещинахъ (с. 107), милліарныхъ туберкулахъ (с. 108) и пустулахъ матки (с. 109), о нарывахъ въ малыхъ и большихъ дѣтородныхъ губахъ (с. 110), о выпячиваніи пупка (с. 111), о трещинахъ кожи и пигментныхъ пятнахъ на животѣ у женщинъ вслѣдствіе родовъ (с. 112); наконецъ о приготовленіи разныхъ мазей и составовъ для окуриванія при женскихъ болѣзняхъ (сс. 113—122).

За невозможностью по недостатку мѣста и обилію матеріала представить здѣсь болѣе полный и систематическій обзоръ сочиненія А э ц і я, въ заключеніе приведемъ хоть еще нѣсколько образчиковъ его манеры изложенія какъ въ его заимствованіяхъ, такъ и въ оригинальныхъ главахъ.

(Cura febris ardentis [causus], по Филумену) „Est igitur febris ex flava bile putrefacta incensa, continua ardentissima, et neque medicis, neque aegris bonum ordinem exhibet. Lingua enim in his arida est, et nigra ac aspera. Morsus item ventris, ac sitis intolerabilis, et vigiliae. Aliquando etiam delyrium. Primum itaque leniter ac blande hanc febrem aggredi oportet. Ubi vero concoctionis signa apparuerint in urinis, et morbus iam viguerit, acrius instare, et ad frigidem potum accedere. Nisi et hic aliquid prohibeat ex his quem de continentibus febribus relata sunt. Prima vero auxilia in febre ardenti sunt: D e c u b i t u s i n l o c i s f r i g i d i s, qui ad p u r u m a e r e m p a t e n t ac p e r f l a n t u r. S t r a t u m m o l l e et s a e p i u s r e n o v a t u m, a m i c u l a a s s i d u e p e r m u t a t a, et satis gracilia et n o n s o r d i d a. L e c t u s s i t a b u n d e a m p l u s, q u o p o s s i n t m e m b r a c a l e f a c t a subinde ad alias atque alias eius partes transferri. Et per f l a b e l l u m a ë r i g n a v i o r c o n c i t e t u r etc.“ [1]).

(De vesicae fluxione et his quae capillorum forma exeunt cum urina, Archigenis).... „Novimus autem quosdam etiam p i l o s per lotium ejecisse modo invicem perplexos, modo simplices, et aliquando valde longos, aliquando breves, atque eos omnes a fluxione productos. Haec sane Archigenes. Galenus autem de hoc ita inquit: Capillis similia etiam Hippocrates cum urina prodiisse vidit, et nos sane vidimus quandoque palmi longitudine, quandoque atiam longiora aut breviora: ex colore autem et compage persuasus sum, ex c r a s s o et v i s c o s o humore calefacto et resiccato in venis eos coactos esse“ etc. [2]). Не характерное ли это описаніе т р и п п е р н ы х ъ нитей?

[1]) Tetrabib. II, serm. I, c. 78, col. 253.

[2]) Tetrab. III, s. III, c. 31, col. 698—9.

(*De inflammatione vesicae: Rufi*)... „Febri acuta infestantur, et vigilant, et delirantes aliena loquuntur, et vomunt biliosa pura, et lotium ejicere non possunt: durus fit pecten et pubes cum vehementi dolore, et egerendi appetentiae velut in tenesmo fieri solent“ etc. (*Къ леченію*). „Ego vero, inquit Rufus, vehementioribus existentibus doloribus opium magnitudine ervi cum modica myrrha et croco lanae illitum in podicem indidi, et statim dolores quieverunt, confestimque aeger obdormit“... „Porrò catheteris immissionem ad inflammatam vesicam in viro quidem non probo: etenim cum laboriose immiti queat dolores exacuit, et inflammationes auget. Verum mulieri ipsum adhibere nihil absurdum, brevis enim in ipsis urinae meatus“... „Si vero urinae suppressae periculum urgeat, necessario ad catheteris usum confugimus“ etc.[1]).

(*De dolore animi deliquium inducente*). „Dolor est repentina temperamenti mutatio, et futura continuitatis solutio. Non enim quae paulatim fit alteratio, animal dolore afficere potest. Apparet enim corpora non solum dum acervatim ad non naturalem habitum ducuntur, molestam habere mutationem, sed etiam dum ad naturalem habitum reducuntur, nisi paulatim id contingat, dolore affici. Proinde eos qui in vehementissimo frigore iter fecerunt, acervatim calefactos dolore affici scimus circa unguium radices adeò ut ferre non possint. Quaerimus igitur quomodo aegrotantes dolent, nullo forinsecus accedente ipsis dolorem inducente. Necessarium est in corpore talem quandam causam quaerere, quae calfaciens vehementer, aut perfrigerans, aut essentiam alicujus sensitivi corporis dividens, angorem nobis inducat“. Указавъ, затѣмъ, на причиняющіе нарушеніе цѣлости разрывъ, ушибъ или разъѣденіе, Аэцій продолжаетъ: „At ruptura fit ex tensione, contusio ex gravitate, erosio ex mordaci qualitate. Quum igitur foris nihil fuerit, quod dolorem inducat, aut tendens, aut gravans, aut mordens, sed ex seipso aliquid horum patitur corpus, omnibus nimirum manifestim est, quod ab aliquo intrinsecus fit. Attensio quidem ab essentia distendente corpus ipsum continens fieri potest, aut ab immodica siccitate. Contusio vero ab aliquo tumore duro adiacente. Morsus autem ab acri humore. Considerandum igitur est, an sit humor multus, aut flatus transitum non habens, velut in colicis. Aut gravis moles in inflammationibus et tumoribus induratis. Aut humor mordax, aut affectio sicca, velut in convulsis. Aut frigiditas vehemens. Aut caliditas. Et horum singulorum correctio ritè facienda est“. Что касается нервовъ, то ихъ участіе въ болевомъ ощущеніи Аэцій признаетъ только въ направленіи ихъ распространенія въ длину, но не ихъ растяженія въ ширину, приписывая боль въ послѣднемъ случаѣ растяженію перепончатыхъ образованій (фасцій); такъ напр. при мигрени: „velut a radice quadam, a primario affecta parte dolor initium sumens, celerrime ad adjacentes utrinque partes fertur. Quapropter ad ambas extremitates contingentibus distensionibus, etiam nervi ad utranque partem distenduntur. Minime ad latitudinem distentos dolores nervi ipsi habent. At vero membrana subter omnem cutem distenta, tensivos et stupidos dolores inducit“. Такую же роль онъ приписываетъ междумышечнымъ и проникающимъ въ самыя мышцы перегородкамъ („inter carnem sunt membranae et forinsecus ipsam carnem ambientes“), а также надкостной плевѣ. Сообразно съ вышесказаннымъ и леченіе болей у Аэція состоитъ главнымъ образомъ въ опорожненіяхъ: у крѣпкихъ кровопусканіе, у слабыхъ revulsio et derivatio, при измѣненіи влагъ—очищеніе, далѣе размягчающія, разрѣшающія, согрѣвающія, anethum viride („dolorem eximit et somnum inducit“)[2]).

---

[1]) Tetrab. III, serm. III, c. 26.

[2]) Tetrab. II, serm. 1, c. 100.

Puschmann въ своемъ изданіи *Александра Траллійскаго* говоритъ, что Аэцій, „подобно Орибазію, только съ меньшимъ искусствомъ и талантомъ, соединилъ въ одну общую картину научныя изслѣдованія предшествовавшихъ ему великихъ врачей и писателей,—картину, получившую свою своеобразную окраску отъ смѣси христіанской мистики и языческаго суевѣрія, непрактическаго догматизма методической школы и ненаучной практики эмпириковъ, слѣпой вѣры въ непогрѣшимость Галена и скептицизма эклектиковъ“ [1]). Изъ представленнаго нами очерка видно однако, что Puschmann уже слишкомъ произвольно сгустилъ краски въ упомянутой картинѣ. Не смотря на значительную примѣсь мистическаго и языческаго элементовъ, отъ которыхъ вѣдь и Александръ Траллійскій отнюдь не былъ свободенъ, сочиненіе Аэція, какъ это долженъ признать всякій безпристрастный изслѣдователь, сослужило великую службу не только исторіи медицины, какъ единственный цѣльный, дошедшій до насъ историческій памятникъ о древней медицинѣ,—но и дѣлу сохраненія медицинскаго преданія для практическихъ врачей, какъ самый полный и наилучшій въ свое время компендій совокупной медицины, по которому учились, безъ сомнѣнія, многія и многія поколѣнія врачей.

Важное практическое значеніе сочиненія Аэція для того времени лучше всего выражено въ слѣдующей оцѣнкѣ, сдѣланной ему Корнаріемъ, которой и закончимъ настоящій обзоръ:

„Crede mihi, quisquis es rerum medicarum studiose, si **totum Galenum contractum**, si totum **Oribasium explicatum**, si **Paulum** [Aeginetam] **ampliatum**, si **omnes veterum speciales**, tum per pharmaca, tum per chirurgiam aggressiones, ad omnes affectiones, **in summa habere voles, Aetium habes**, unde totum hoc petere, ac ferre potes“ [2]).

Среди мрака, царствовавшаго въ области медицины вначалѣ среднихъ вѣковъ, звѣздою первой величины считается врачъ, напоминающій классическій періодъ греческой медицины, а именно,

Alexander изъ **Tralles'a** (525—605 по Р. Х.) въ Лидіи (нынѣ Sultan Hissar къ югу отъ Меандра). Это былъ одинъ изъ городовъ Малой Азіи, гдѣ говорили на чистѣйшемъ греческомъ языкѣ по причинѣ сосѣдства острововъ Эгейскаго моря, которые вели обширную торговлю между

---

[1]) Puschmann, *Alexander von Tralles.* Original-text und Uebersetzung, Wien, 1878, B. I, p. 74.

[2]) Cornarius, Предисловіе къ его изданію Аэція, Lugduni, 1549, стр. 5. Достойно удивленія, что съ 1560 г. не было ни одного новаго изданія Аэція, а вторая половина греч. текста до сихъ поръ имѣется *только въ рукописи*!

Греціей и Азіей. Отецъ Александра, по имени Stephanus, какъ онъ самъ сообщаетъ, былъ врачемъ и вмѣстѣ его первымъ наставникомъ. У означеннаго Стефана было еще четыре сына, также пріобрѣвшіе громкую извѣстность, а именно: Anthemius, строитель Софіевской церкви въ Константинополѣ—какъ архитекторъ, Метродоръ—какъ грамматикъ, Олимпій—какъ юристъ и Діоскуръ въ Константинополѣ—какъ врачъ. Александръ, по видимому, былъ самый младшій. Первоначальныя свѣдѣнія въ медицинѣ Александръ, какъ сказано, получилъ въ домѣ отца, но настоящимъ его учителемъ и впослѣдствіи вѣрнымъ другомъ былъ отецъ какого-то Козьмы, который сначала былъ купцомъ, впослѣдствіи монахомъ, пріобрѣвшимъ извѣстность путешествіемъ въ Индію и составленіемъ географическаго сочиненія [1]), съ которымъ онъ до конца жизни былъ связанъ узами дружбы и благодарности и которому онъ посвятилъ свое сочиненіе, написанное собственно по настоянію этого же Козьмы. Что касается Александра, то для довершенія своего образованія онъ предпринималъ далекія путешествія въ Грецію, Италію, Галлію, Африку и на о. Кирену, послѣ чего поселился, по однимъ, въ Римѣ [2]), гдѣ умеръ въ глубокой старости (Haeser), а по другимъ, большую часть своей жизни провелъ преимущественно въ Египтѣ и Финикіи (Corlieu). Въ Галліи онъ научился лечить падучую болѣзнь пѣтушьими яичками, въ Испаніи—пережженнымъ и растолченнымъ ослинымъ пометомъ. Въ книгахъ VII, VIII, IX онъ расхваливаетъ италіанскія вина; въ Этруріи онъ узналъ отъ крестьянина, что запахъ улицы полезенъ эпилептикамъ. Что онъ жилъ въ Римѣ, доказываетъ его разсказъ о тамошнемъ больномъ, одержимомъ отекомъ гортанной щели и излечившемся солеными примочками. Такъ какъ его сочиненіе обнаруживаетъ отчасти форму академическихъ лекцій, то есть основаніе предполагать, что онъ былъ въ Римѣ преподавателемъ медицины, а судя по дорогимъ лекарствамъ и образу жизни, рекомендуемому имъ своимъ больнымъ, нужно полагать, что онъ практиковалъ въ высшихъ кругахъ. Puschmann принимаетъ, что Александръ былъ христіанскаго вѣроисповѣданія, на что̀ указываетъ его монотеистическое міросозерцаніе: намеки на еврейскія преданія, воспринятыя христіанствомъ, призываніе священныхъ именъ „Іаоѳъ, Саваоѳъ, Адонай, Элои“, упоминаніе объ исторіи съ женой Лота, находящіеся въ сочиненіяхъ Александра—все это указываетъ на его

---

[1]) Fabricius, Bibl. graeca, XII, p. 595, Meyer, Geschichte der Botanik, II, 384. Ср. Puschmann, l. c., B. I, p. 83.

[2]) Куда онъ получилъ почетное приглашеніе: ἐν τῇ πρεσβύτιδι Ῥώμῃ κατώκησεν ἐντιμότατα μεταχεκλημένος. Agathias, De imperio et rebus gestis Iustiniani, Paris. 1660, p. 149. Ср. Sprengel, II, 277.

знакомство съ Ветхимъ Завѣтомъ [1]). Слава, имъ пріобрѣтенная, была такъ велика, что его часто обозначали просто подъ именемъ Ἰατρός [2]). На склонѣ дней своихъ, когда онъ ужъ болѣе не былъ въ состояніи практиковать, Александръ изъ Tralles'a, по просьбѣ Козьмы, сына упомянутаго стараго учителя его, изложилъ результаты своей многолѣтней практики и опытности въ пространномъ, въ полности дошедшемъ до насъ сочиненіи: Βιβλία ἰατρικὰ δυοκαίδεκα", представляющемъ весьма оригинальное изложеніе всей совокупности медицины, за исключеніемъ хирургіи и женскихъ болѣзней, чѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ, который, по выраженію Меуег'а, въ прочности и блескѣ можетъ соперничать съ великолѣпнымъ храмомъ, построеннымъ его старшимъ братомъ.

Изъ предыдущаго видно, что младенчество Александра совпадаетъ съ воцареніемъ императора Юстиніана, царствованіе котораго принадлежитъ къ самымъ блестящимъ эпохамъ византійской исторіи: основаніе благотворительныхъ учрежденій, забота о духовномъ развитіи человѣчества, покровительство наукамъ и искусствамъ, законы противъ рабства и вообще содѣйствіе культивированію права, въ особенности же введеніе шелковичнаго производства—вотъ незабвенныя великія заслуги Юстиніана, которыми въ извѣстной степени выкупаются многіе неблаговидные поступки, бросающіе тѣнь на его царствованіе. Съ другой стороны юношескій возрастъ Александра совпадаетъ съ печальной эпохой страшныхъ катаклизмовъ, какъ то: землетрясеній, наводненій, голода, войнъ и злокачественныхъ эпидемій. Одно такое землетрясеніе разрушило до основанія блестящую Антіохію и похоронило подъ ея развалинами 250 тысячъ человѣкъ; такой же участи подверглись города Аназарбъ, Селевкія, Лаодикея, Беритъ и другіе. Показавшаяся комета Лампадія, которая появилась уже раньше въ годъ смерти Цезаря, наводила всеобщій ужасъ. Наконецъ, наступила страшная Юстиніанова чума, опустошившая почти всѣ страны древняго міра и отъ которой въ одномъ Константинополѣ втеченіе 542 года умирало ежедневно отъ пяти до десяти тысячъ человѣкъ. Достойно удивленія, что ни Александръ Траллійскій, ни другіе жившіе въ то время врачи ни слова не говорятъ объ этой страшной эпидеміи [3]).

Возвращаясь къ сочиненію Александра, необходимо прежде всего сказать что большое достоинство его составляютъ скромность, безпритязательность, краткость и точность изложенія, популярность и общепонятность рѣчи въ связи съ научнымъ обоснованіемъ положеній,—далѣе уваженіе къ предше-

---

[1]) Ср. Puschmann l. c. I, 84 и II, 585.
[2]) Ср. Corlieu, l. c. 131.
[3]) Puschmann, l. c. I, 83—84.

ственникамъ, въ особенности къ Гиппократу, Архигену и Галену, однако безъ слѣпаго поклоненія авторитетамъ. Даже по отношенію къ Галену онъ предоставляетъ себѣ право самостоятельнаго сужденія и, вполнѣ признавая его заслуги въ теоретическомъ обоснованіи и усовершенствованіи медицины, въ то же время порицаетъ его терапевтическія правила, примѣнялъ къ нему слова, сказанныя Галеномъ же объ Архигенѣ, что онъ былъ человѣкъ и что, какъ таковой, онъ не былъ ни всевѣдущъ, ни непогрѣшимъ. Врачъ, по мнѣнію Александра, обязанъ открывать для пользы человѣчества все, что признаетъ вѣрнымъ на основаніи опыта; молчаніе въ такомъ случаѣ есть грѣхъ и преступленіе; онъ долженъ бросить въ сторону всякія личныя отношенія и руководствоваться только любовью къ истинѣ[1]). Наконецъ, онъ внушаетъ врачамъ—не оставлять неиспытаннымъ ни одного средства, которое можетъ спасти больнаго, и не отставать въ этомъ стремленіи даже тогда, когда, повидимому, тщетны всѣ надежды на выздоровленіе. На этомъ основаніи онъ требуетъ, чтобы врачъ изучалъ тайныя, сокровенныя силы природы, чѣмъ объясняется то, что и Александру пришлось заплатить дань своему вѣку, а именно въ крайнихъ случаяхъ и онъ прибѣгалъ къ чудеснымъ средствамъ и амулетамъ, особенно тогда, когда никакія другія средства не помогали и когда ихъ желалъ и въ нихъ вѣрилъ самъ больной. Поэтому, говоритъ Александръ, врачъ долженъ обращать вниманіе на явленія симпатіи и антипатіи, обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ волшебныхъ средствъ точно такъ же, какъ они обнаруживаются въ природѣ, но при этомъ онъ даетъ совѣтъ—при употребленіи чудесныхъ средствъ не забывать все таки діэтетическихъ правилъ, требуемыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ [2]).

Библіографическія замѣтки. Сочиненія Александра Траллійскаго весьма рано были переведены на латинскій, арабскій, а позднѣе съ латинскаго—на еврейскій и сирійскій языки.

Греческія рукописи находятся въ парижской національной библіотекѣ, а также въ библіотекахъ Флоренціи, Рима (въ Ватиканѣ), Милана, Венеціи, Кембриджа, Мидльгилля (Уорчестершайръ), Оксфорда (Bodleyana) и наконецъ Эскуріала.

Латинскіе переводы изготовлены, быть можетъ, тотчасъ послѣ появленія оригинала и во всякомъ случаѣ не раньше IX вѣка. Латинскія рукописи находятся въ Монте-Казино, Парижѣ, Шартрѣ, Анжерѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ (British Museum), Оксфордѣ, Кембриджѣ, Глазговѣ и т. д.

---

[1]) Alexander Trall. l. V, c. 4, ed. Puschmann, II, 155. Здѣсь онъ приводитъ также ссылку самаго же Галена на аристотелевское изрѣченіе: φίλος μὲν ὁ Πλάτων, φίλη δὲ καὶ ἡ ἀλήθεια etc.

[2]) Ср. Puschmann, l. c. I. 86, 87.

Въ арабской медицинской литературѣ Александръ Траллійскій упоминается довольно часто, начиная отъ Fihrist'a и кончая Rhazes'омъ, который называетъ Александра авторомъ книгъ о болѣзни „Birsen“ (Phrenitis), о желудкѣ, лихорадкѣ, параличѣ, и компендія болѣзней.

Въ еврейскомъ сочиненіи *„Наблюденія изъ медицинской практики“* („Nisjonot“), ошибочно приписываемомъ Ибнъ-Эзрѣ (въ XII в.), также упоминается врачъ Александръ. Кромѣ того въ еврейской рукописи въ Мюнхенской библіотекѣ, вмѣстѣ съ переводами съ латинскихъ авторовъ, находятся также извлеченія изъ сочиненія Александра Траллійскаго, вѣроятно—также съ латинскаго (въ 1199 г.).

Сочиненія Александра Траллійскаго имѣли громадное вліяніе на позднѣйшую медицинскую литературу. Такъ, Павелъ Эгинскій и Theophanes Nonnus дѣлали у него буквальныя позаимствованія, рѣдко или вовсе не упоминая его имени; пятая книга сочиненія *De re medica*, приписываемаго Псевдо-Плинію, почти цѣликомъ взята у Александра Траллійскаго. Demetrius Pepagomenus, Johannes Actuarius, Nicolaus Myrepsus, Constantinus Africanus обнаруживаютъ несомнѣнное вліяніе на нихъ Александра Траллійскаго. Это же вліяніе испытали на себѣ врачи салернской школы, Gariopontus, *Chirurgia* и *Practica medicinae* Roger'a, Gilbertus Anglicus, Petrus Castellanus (Pierre du Chastel) [1]).

Александру Траллійскому приписываютъ слѣдующія сочиненія:

1) Βιβλία ἰατρικὰ δυοκαίδεκα, Libri duodecim de re medica—нѣчто въ родѣ частной патологіи и терапіи.

2) Περὶ τῶν πυρετῶν, De febribus—вошло въ составъ № 1.

3) Περὶ ἑλμίνθων, De lumbricis—въ видѣ письма.

Кромѣ того ему еще приписываютъ нѣсколько замѣтокъ о пульсѣ и мочѣ у лихорадящихъ; наконецъ онъ самъ говоритъ, что написалъ спеціальное сочиненіе о глазныхъ болѣзняхъ и ссылается еще на трактатъ о *переломахъ* и на сочиненіе о *поврежденіяхъ головы*, которыя однако не дошли до насъ. Что же касается приписываемыхъ ему нѣкоторыми Ἰατρικὰ ἀπορήματα καὶ φυσικὰ προβλήματα, Quaestiones medicae et problemata physica, въ коихъ рѣчь идетъ о физіологическихъ и патологическихъ явленіяхъ, то они и по цвѣтистому восточному слогу, и по терминологіи, и по натур-философскому содержанію не могутъ принадлежать Александру Траллійскому, этому трезвому наблюдателю и въ полномъ смыслѣ слова практическому врачу, а потому авторомъ этихъ προβλήματα совершенно справедливо считаютъ Александра изъ Aphrodisiasis [2]).

Изданія: 1) Βιβλία ἰατρικὰ δυοκαίδεκα. Прежде всего появились Латинскія — неполное: Alexandri jatros practica cum expositione glose interlinearis Jakobi de Partibus et (Simonis) Jannensis in margine posite. Lugd. 1504. Papiae. 1520. Venet. 1522. Этотъ латинскій переводъ сдѣланъ, вѣроятно, вслѣдъ за появленіемъ оригинала еще въ VI столѣтіи, повидимому, съ большими сокращеніями; отсюда неполнота упомянутаго изданія. Гораздо полнѣе:

Alexandri Tralliani de singularum corporis partium ab hominis coronide ad imum usque calcaneum vitiis, aegritudinibus et injuriis libri ad unguem facti V. lat. etc., per Alban. Torin. exc. H. Petrus. Basil. 1533. Носитъ также названіе: *Paraphrases in libros omnes Alexandri Tralliani*. Это въ полномъ смыслѣ слова — вольный переводъ.

[1]) Тамъ же, pp. 87—97.

[2]) См. Исторію древней медицины, 975.

Argentinae, 1549, въ переводѣ Guinterus Andernacus'a повторныя: Venet. 1555, Lugd. 1560, 1576, Strassburg, 1770, Lausannae, 1772, *въ Сборникѣ* Галлера (вмѣстѣ съ Epistola de lumbricis) Artis medicae principes (1769—1774).

Греческое: Goupylus (профессоръ въ Парижѣ, † 560 г.), Paris, 1548—съ множествомъ опечатокъ и съ греческимъ переводомъ сочиненія Rhases'a, *De pestilentia.*

Греко-латинское: Guinter Andernacus, Basil., 1556, съ весьма изящнымъ и точнымъ переводомъ того же Guinter'a изъ Андернаха на Рейнѣ (р.1487, † 1574, былъ лейбъ-медикомъ Франциска I, впослѣдствіи профессоромъ въ Страсбургѣ).

Греко-нѣмецкое: Theodor Puschmann (профессоръ въ Вѣнѣ), *Alexander von Tralles*, Wien, 1878—1879, II Bde.—Весьма изящное изданіе, греческій текстъ и нѣмецкій переводъ. Въ началѣ этого изданія большую часть перваго тома занимаетъ цѣлый трактатъ, въ которомъ издатель излагаетъ ходъ развитія идей въ исторіи греческой медицины до Александра Траллійскаго, послѣ чего слѣдуютъ біографія послѣдняго, библіографическія замѣтки и подробный сравнительно-историческій очеркъ положеній Александра въ области физіологіи, патологіи и терапіи и отношеній его къ предшествующимъ ему врачамъ.

Кромѣ того въ разное время появились:

Французскій переводъ 11 книги о подагрѣ: Colin (врачъ въ Fontenay), Poitiers, 1557.

Англійскій—Edw. Milwards: Trallianus reviviscens or an account of Trallianus one of the greeck writers who florished after Galenus, shewing that these authors are far from deserving the imputation of mere compilators, London, 1734. 8. Это не болѣе какъ извлеченіе изъ Александра Траллійскаго, занимающееся почти исключительно терапевтическими теоріями послѣдняго и весьма мало его воззрѣніями въ области патологіи.

2) Περὶ τῶν πυρετῶν вошло также въ составъ „Collectio de febribus Veneta", 1576 и 1594.

3) *Epistola de lumbricis* появилась прежде всего въ изданіи Venet. 1570, ed. Mercurialis, затѣмъ въ его же De morbis puerorum, Francofurti, 1584, а также въ сборникахъ Галлера (VII, pp. 314—322) и Fabricius'a, Bibliot. graec. (T. XIII, pp. 602—613). Наконецъ греческій текстъ у Ideler'a, Physici et medici graeci minores, Berlin, 1841. I, pp. 305—312.—Къ этому прибавимъ, что неправильно приписываемыя Александру *Problemata* находятся во многихъ изданіяхъ Аристотеля послѣ таковыхъ же послѣдняго, а также отдѣльно: греческое: Paris, 1540. Латинскій переводъ Davion'a, Paris, 1541 [1]).

Что касается главнаго сочиненія Александра Траллійскаго о *частной патологіи и терапіи* внутреннихъ болѣзней, то изъ первыхъ 11 книгъ однѣ обработаны съ особенной тщательностью, другія представляютъ ничто иное, какъ бѣглыя замѣтки и собраніе рецептовъ. Книга же XII прежнихъ изданій, т. е. трактатъ о лихорадкѣ, какъ по языку, такъ и по формѣ рѣзко отличается отъ прочихъ, а именно, здѣсь замѣчается отсутствіе той сжатости и точности выраженій, а также обилія цитатъ, которыя характеризуютъ остальныя книги, языкъ же, напротивъ того, вполнѣ отмѣченъ печатью византійскаго періода, такъ что нѣкоторые склонны приписывать этотъ трактатъ другому автору. Но этому противорѣчатъ полнѣйшее сходство физіологическихъ и патологическихъ взгля-

[1]) Choulant, Bücherkunde, 135—141 и Puschmann, l. c. I, 97—100.

довъ, одинаковые обороты рѣчи, употребленіе однихъ и тѣхъ же популярныхъ примѣровъ, сравненій и выраженій, встрѣчающихся только въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ, но ни въ какомъ бы то ни было другомъ. То обстоятельство, что въ трактатѣ о *лихорадкѣ* упоминается Аэцій, но не упоминаются ни Александръ Траллійскій, ни Павелъ Эгинскій, также говоритъ противъ гипотезы о принадлежности обоихъ сочиненій различнымъ авторамъ. Къ тому же и то и другое помѣщены вмѣстѣ во всѣхъ рукописяхъ и переводахъ какъ одно цѣлое и подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Puschmann, I, 102, 103).

Относительно порядка составленія обоихъ сочиненій въ хронологическомъ отношеніи Freind и Hecker принимаютъ, что трактатъ о *лихорадкѣ* составлялъ первую книгу въ *частной патологіи* и *терапіи* Александра, такъ какъ упомянутое выше посвященіе помѣщено именно вначалѣ этого трактата, составляющаго въ рукописяхъ XII книгу. Но этому, по мнѣнію Puschmann'a, противорѣчитъ однако тотъ фактъ, что книга XII была сочинена гораздо позднѣе, чѣмъ 11 остальныхъ, что видно изъ объясненія Александра въ главѣ περὶ φλεγμονῆς στομάχου, что онъ „объ этомъ предметѣ“ [1]) будетъ подробнѣе говорить въ своемъ трактатѣ о *лихорадкѣ*, а также ссылка на Аэція, не встрѣчающаяся въ другихъ книгахъ, и на свой богатый опытъ (по поводу критики терапіи Галена), что опять таки могло имѣть мѣсто только послѣ долговременной практики. На основаніи всего сказаннаго Puschmann приходитъ къ заключенію, что первыя 11 книгъ представляютъ только замѣтки и наброски, служившіе, быть можетъ, Александру для лекцій, читанныхъ имъ своимъ ученикамъ,—что планъ обнародованія ихъ созрѣлъ у него только въ пожиломъ возрастѣ и что для разрѣшенія своей задачи онъ тогда же написалъ *посвященіе* и *трактатъ* о *лихорадкѣ*, составляющій необходимое дополненіе къ его частной патологіи и терапіи. Puschmann поэтому отступаетъ отъ общепринятаго дѣленія, помѣстивъ XII книгу, хотя и позднѣе сочиненную, но не входившую въ общую рамку всего плана сочиненія, какъ отдѣльный трактатъ во главѣ всего сочиненія, въ которомъ конецъ XII (по изд. Puschmann'a) книги, трактующей о *подагрѣ*, по словамъ самого Александра, составляетъ окончаніе всего сочиненія [2]).

Въ заключеніе здѣсь необходимо прибавить, что при изложеніи *глазныхъ* болѣзней Александръ говоритъ, что онъ разсмотритъ ихъ вкратцѣ, такъ какъ имъ объ этомъ предметѣ „уже написано спеціальное сочиненіе въ трехъ книгахъ“, которое повидимому погибло и не имѣетъ ничего общаго съ найденнымъ въ венеціанской рукописи Александра Траллійскаго, а именно между первой и второй книгой его *частной патологіи*, трактатомъ о томъ же предметѣ. Этотъ послѣдній, написанный въ духѣ Галена, по мнѣнію Puschmann'a, составляетъ либо юношескій опытъ, въ которомъ Александръ еще не дошелъ до самостоятельности сужденій, либо принадлежитъ христіанскому ученому византійскаго періода, съ успѣхомъ изучавшему Галена [3]).

Порядокъ изложенія въ своемъ сочиненіи Александромъ изъ Tralles'a избранъ употребительный въ то время: a capite ad calcem.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться изданія Puschmann'a, то сообразно съ этимъ будемъ придерживаться и принятаго имъ порядка въ расположеніи книгъ.

---

[1]) т. е. „о происхожденіи одного и того же процесса отъ противоположныхъ причинъ“. Alexander Tralliaus, изд. Puschmann'a, l. VII, c. 8 (B. II, p. 313).

[2]) Ср. Puschmann, l. c. I, 104 и II, 585. [3]) Тамъ же, I, 107.

Въ книгѣ о *лихорадкахъ*, послѣ упомянутаго *посвященія* Козьмѣ, Александръ разсматриваетъ однодневную и гнилостную лихорадки, обморокъ, наступающій при лихорадкахъ, изнурительную, трехдневную, ежедневную и четырехдневную лихорадки.

Содержаніе слѣдующихъ затѣмъ книгъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Кн. I занимается плѣшивостью, выпаденіемъ волосъ и ихъ леченіемъ, причемъ исчисляются всевозможныя средства для волосъ, помады, тинктуры, разныя краски для волосъ и т. п. Далѣе рѣчь идетъ о pityriasis, пузырчатыхъ (ψυδράκια), crusta lactea, чесоткообразныхъ и гнойныхъ сыпяхъ на головѣ, achor, favus (κηρίον). Затѣмъ слѣдуютъ острая головная боль и ея виды, хроническая, далѣе мигрень, phrenitis, спячка (lethargus), эпилепсія, парезъ, меланхолія.

Кн. II, которой начинается II томъ изданія Puschmann'a, вся посвящена глазнымъ болѣзнямъ.

Кн. III излагаетъ болѣзни ушей, воспаленіе внутренней поверхности слуховаго канала, шумъ въ ушахъ, катарральныя боли, кровотеченія изъ ушей, глухоту, паротиты. Кн. IV разсматриваетъ воспаленія зѣва.

Кн. V и VI посвящены болѣзнямъ груди, а именно кн. V—кашлю, воспаленію легкихъ (φλεγμονὴ ἐν τῷ πνεύμονι), туберкуламъ послѣднихъ, явленіямъ, наступающимъ при засореніи легкихъ вязкими и густыми влагами, кровохарканію, нагноенію легкихъ, а кн. VI разсматриваетъ плевритъ.

Кн. VII излагаетъ болѣзни отверстія желудка, волчій аппетитъ, отсутствіе аппетита, жажду, образованіе черной желчи и вызываемое ею вздутіе желудка, боль подъ ложечкою, тошноту и рвоту, воспаленіе желудка, икоту.

Кн. VIII занимается холерой и коликой, кн. IX—воспаленіемъ печени, слабостью ея и печеночной дизентеріей (περὶ ἀτονίας ἥπατος καὶ ἡπατικῆς δυσεντερίας), а также и обыкновенной дизентеріей, кн. X—водянкой.

Кн. XI разсматриваетъ болѣзни почекъ (воспаленія), распознаваніе и леченіе затрудненнаго мочеиспусканія, камни въ мочевомъ пузырѣ, распознаваніе „мочепузырной чесотки“ (ψωριώση κύστις), діабетъ, сперматоррею, піапизмъ. Кн. XII вся посвящена подагрѣ.

Затѣмъ въ изданіи Puschmann'a слѣдуютъ письмо о *глистахъ* и фармакологическій указатель.

Приступаемъ теперь къ изложенію содержанія сочиненія Александра Траллійскаго въ его общихъ чертахъ и въ частности по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ болѣзней.

Анатомія и физіологія не могли быть предметомъ спеціальнаго изложенія практическаго врача, задавшагося цѣлью описать только результаты своихъ наблюденій въ области частной патологіи и терапіи. Встрѣчаемыя у него анатомическія данныя, правда, изложены точно и обнаруживаютъ полное знакомство съ терминологіей и признаніе весьма важнаго значенія анатоміи для практической медицины. Но познанія его по части анатоміи врядъ ли превышали уровень изслѣдованій Галена. Здѣсь приведемъ лишь его замѣчаніе, что параличи периферическихъ нервовъ возможно установить только научно-анатомическимъ путемъ [1]).

Въ области физіологіи онъ также вполнѣ слѣдуетъ Галену. Источниками органической жизни онъ считаетъ влажность и теплоту и кромѣ того является приверженцемъ произвольнаго зарожденія (образованія глистъ отъ процессовъ разложенія въ кишечномъ каналѣ). И у него, какъ у Галена, встрѣчаемъ гипотезу о трехъ высшихъ способностяхъ, имѣющихъ мѣстопребываніе въ мозгу (психическая), въ сердцѣ (жизненная сила) и печени (животная сила). Кромѣ того онъ, подобно Галену, принимаетъ подчиненныя имъ физическія силы: притягательную, задерживающую, отдѣляющую и измѣняющую, завѣдывающія отдѣльными отправленіями, причемъ, по его мнѣнію, притягательная сила поддерживается теплотой, а задерживающая холодомъ.

Далѣе и у него встрѣчаемъ древнее ученіе о 4 кардинальныхъ влагахъ (кровь, слизь, желтая и черная желчь), соотвѣтствующія 4 элементарнымъ качествамъ: влажности, холоду, теплотѣ и сухости.

Назначеніе влагъ, по мнѣнію Александра, заключается въ питаніи плотныхъ частей, и поэтому онъ совѣтуетъ врачамъ прилежно изучать движенія соковъ. Точно также Александръ сохранилъ прежнее ученіе о pneuma, имѣющее мѣстопребываніе въ мозгу, дающее начало ощущенію и движенію и возобновляемое процессомъ дыханія. Нервы, по его мнѣнію, полы и наполнены воздухомъ. Въ патологическомъ состояніи они охладѣваютъ и высыхаютъ (дрожь происходитъ отъ высыханія мозга и выходящихъ изъ него нервовъ).

Пища въ желудкѣ превращается въ соки и при помощи притягательной силы печени входитъ въ этотъ органъ, гдѣ превращается въ кровь. Образованіе кислыхъ газовъ въ желудкѣ Александръ сравниваетъ съ процессомъ закисанія вина подъ вліяніемъ теплоты или холода или съ процессомъ разложенія, ведущаго къ образованію кислаго тѣста. Гніеніе преимущественно происходитъ въ кишкахъ, гдѣ образуются калъ и

---

[1]) Alexander Trallianus, l. I, c. 16, ed. Puschmann, I, 577: „τῇ ἀνατομικῇ θεωρίᾳ“.

глисты. Ему способствуютъ какъ влажная теплота, такъ и сухость. Кровь и желчь сами по себѣ не гніютъ, а суть только носители парообразнаго, гніеніе возбуждающаго, тѣла. Питье имѣетъ цѣлью растворять накопившіяся въ тѣлѣ нечистоты и переводить ихъ въ нижнюю часть живота, далѣе—способствовать равномѣрному распредѣленію соковъ, умѣрять жаръ pneuma и разрыхлять поры, служащія для удаленія влажности путемъ трансспираціи.

Эрекція, по мнѣнію Александра, происходитъ отъ наполненія полыхъ сосудовъ мужскаго члена воздухомъ. Старость (γῆρας) онъ называетъ *физіологическимъ маразмомъ* (μαρασμὸς κατὰ φύσιν), напоминающимъ misére physiologique французовъ и происходящимъ отъ высыханія влагъ тѣла [1]). У молодыхъ людей влаги имѣютъ болѣе теплое свойство и быстрѣе распредѣляются въ организмѣ, чѣмъ у стариковъ, у коихъ онѣ холоднѣе, гуще и склонны къ застою [2]).

Общая патологія излагается Александромъ въ трактатѣ о *лихорадкахъ*, который въ изданіи Puschmann'a служитъ, такъ сказать, введеніемъ въ медицину Александра вообще, въ другихъ же изданіяхъ составляетъ кн. XII. Здѣсь онъ является вполнѣ приверженцемъ ученія Галена о дискразіяхъ. Болѣзнь, согласно Александру, есть борьба между болѣзнетворнымъ веществомъ и страждущимъ органомъ или цѣлымъ организмомъ. Вредное дѣйствіе этого вещества зависитъ отъ его количества или качества или отъ обоихъ вмѣстѣ. Характеръ болѣзни зависитъ отъ преобладанія въ болѣзнетворномъ веществѣ крови, слизи, желтой, черной желчи или газовъ (πνεῦμα φυσώδης), а также отъ разстройствъ физическихъ, физіологическихъ и психическихъ силъ организма. Болѣзнь можетъ также развиваться секундарно отъ пораженія сосѣднихъ органовъ или путемъ передачи черезъ соединяющіе органы нервные пучки.

Въ области *этіологіи* Александръ принимаетъ внутреннія и внѣшнія, случайныя причины, куда относитъ жаръ, холодъ, сухость, влажность, употребленіе испорченной пищи и напитковъ, пребываніе въ дурномъ воздухѣ, неумѣстное употребленіе ваннъ, умственное и тѣлесное напряженіе, заботы, развратъ, травматическія поврежденія и т. д.

Діагностика составляетъ весьма важный отдѣлъ медицины Александра, съ какою цѣлью онъ пользовался осмотромъ, осязаніемъ и изслѣдованіемъ мочи, испражненій, мокротъ, пульса, дыханія, а также разсказомъ больнаго. Температуру онъ опредѣлялъ прикосновеніемъ къ кожѣ. Горькій

---

[1]) Тамъ же, 369.

[2]) Ср. Puschmann, l. c., B. I, pp. 108—111 (общая часть).

вкусъ во рту, по его мнѣнію, указываетъ на страданіе желчи, соленый на пораженіе слизи, уксуснокислый на страданіе черной желчи. Далѣе онъ принималъ во вниманіе возрастъ, конституцію, полъ больнаго и вліяніе на него мѣстности и временъ года. Вообще діагностика, согласно Александру, должна служить путеводительницей для леченія. Въ острыхъ болѣзняхъ Александръ различаетъ 3 періода: ἀκμή, παρακμή и πέψις или свареніе влагъ, выражающееся преимущественно въ качествѣ мочи.

Сущность воспаленія заключается въ возвышенной температурѣ крови, переходящей какъ бы въ состояніе кипѣнія, и приливѣ ея къ страждущему органу, который поэтому опухаетъ. Ненормальный составъ крови (преобладаніе слизи, желтой или черной желчи) ведетъ къ сложнымъ формамъ воспаленія. Причина увеличеннаго притока болѣзнетворныхъ веществъ черезъ артеріи или вены въ страждущій органъ, по мнѣнію Александра, заключается въ возвышеніи температуры. Переходъ воспаленія въ нагноеніе или другіе болѣзненные продукты зависитъ, по его мнѣнію, не отъ образованія ихъ въ больномъ органѣ, а отъ притока къ нему болѣзнетворныхъ веществъ [1]).

Кровотеченія происходятъ отъ разрыва, надъѣденія кровоносныхъ сосудовъ или черезъ „анастомозы", т. е., произвольное открываніе отверстій сосудовъ [2]).

Наконецъ Александръ признавалъ, что каждая продолжительная дискразія ведетъ къ истощенію и уменьшенію питанія, нѣкоторыя же болѣзни къ совершенному вырожденію тканей [3]).

Изъ сказаннаго видно, что въ области *физіологіи* и *патологіи* Александръ отнюдь не ушелъ дальше своихъ предшественниковъ.

Общая терапія Александра придерживается гиппократовскаго начала „contraria contrariis". Физіологическимъ процессамъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ способствовать однородными средствами, патологическимъ же—противодѣйствовать противоположными.

„Задача хорошаго врача заключается въ томъ, чтобы охлаждать теплое, согрѣвать холодное, высушивать влажное и увлажать сухое. На больнаго онъ долженъ смотрѣть, какъ на осажденный городъ и стараться спасти его всѣми средствами искусства и науки [4]).

Врачъ долженъ быть изобрѣтателенъ въ придумываніи новыхъ средствъ и путей, могущихъ вести къ исцѣленію. Твердо вѣруя въ существованіе природнаго инстинкта, подсказывающаго человѣку необходимое для него въ болѣзняхъ, Александръ внушаетъ врачамъ обращать вниманіе на цѣлебное стремленіе природы, часто ведущее къ выздоровленію безъ содѣйствія че-

[1]) Ср. Puschmann, l. c., B. I, pp. 112—114.

[2]) Alexander Trallianus, ed. Puschmann, l. V, c. 5, B. II, 187.

[3]) Тамъ же, περὶ πυρετῶν, c. 4, I, 369. [4]) Тамъ же, c. 7, I, 409.

ловѣка. Къ такимъ цѣлебнымъ силамъ природы принадлежатъ критическія кровотеченія и опорожненія, служащія для выведенія болѣзнетворныхъ веществъ изъ организма (рвота при накопленіи въ желудкѣ густыхъ несваренныхъ соковъ), а потому врачъ долженъ не препятствовать, а содѣйствовать этимъ благодѣтельнымъ актамъ.

Лечить всякую болѣзнь удобнѣе въ самомъ началѣ и притомъ легкими средствами и только, если не помогаютъ, прибѣгать къ сильнѣе дѣйствующимъ. Величайшее зло во всѣхъ болѣзняхъ есть откладываніе леченія[1]). Понятно поэтому, что Александръ не поклонникъ героическихъ способовъ леченія, каковы обильныя и внезапныя кровоизвлеченія, сильныя слабительныя, артеріотомія и сильныя прижиганія, изъ коихъ послѣдніе два способа, по его мнѣнію, для больнаго составляютъ скорѣе наказаніе, чѣмъ цѣлебное средство. Онъ поэтому совѣтуетъ дѣйствовать медленно и постепенно и избѣгать крайностей, дабы вмѣстѣ съ „изведеніемъ“ болѣзни не изводить и больнаго.

Вообще у крѣпкихъ людей необходимо употреблять болѣе сильныя средства, у слабыхъ наоборотъ[2]). При заболѣваніи всего тѣла необходимо общее леченіе, при заболѣваніи части мѣстное леченіе. Далѣе слѣдуетъ обращать вниманіе на количество и качество болѣзнетворнаго вещества, уменьшать избытокъ перваго и ослаблять вредное дѣйствіе втораго. Болѣзнетворное вещество Александръ старается выводить испражненіями на низъ, рвотой, потомъ, мочей, кровоизвлеченіями, чихательными, ваннами, припарками, втираніями, пластырями, мазями, окуриваніями, клистирами, суппозиторіями. Для отвода болѣзнетворнаго вещества въ здоровыя отдаленныя части тѣла онъ примѣняетъ разминаніе, согрѣваніе и средства, раздражающія кожу.

Что касается лекарственныхъ веществъ вообще, то врачъ долженъ прежде всего изучать дѣйствіе простыхъ веществъ и только тогда приступать къ составленію сложныхъ медикаментовъ, которые по своему составу удовлетворяютъ одновременно различнымъ показаніямъ. При выборѣ лекарственнаго вещества слѣдуетъ также обращать вниманіе на то, что иное вещество обнаруживаетъ благотворное дѣйствіе въ одномъ направленіи и вредное въ другомъ, и потому при назначеніи его необходимо взвѣшивать, не будетъ ли въ данномъ случаѣ больше вреда, чѣмъ пользы отъ этого средства. Вообще лекарственныя вещества дѣйствуютъ отчасти въ силу своихъ элементарныхъ качествъ, отчасти своими физическими свойствами, отчасти способностью измѣнять составъ страждущаго организма, отчасти специфическимъ вліяніемъ на извѣстные органы, отчасти же присущими имъ тайными силами, непонятнымъ для насъ образомъ ведущими

[1]) „Μέγιστον γὰρ κακόν ἐστιν ἐν πᾶσι τοῖς νοσήμασιν ἡ ἀναβολή“. Тамъ же, с. 2, I, 317.

[2]) Тамъ же, l. IV, B. II, 127.

къ излеченію. Сообразно съ этимъ Александръ различаетъ прохлаждающія, разгорячающія, увлажающія, сушащія, разрѣжающія, сгущающія, стягивающія, разслабляющія, прижигающія, притягивающія, удерживающія, отводящія, метасинкритическія, специфическія и тайныя средства.

Формой лекарственныхъ веществъ, какъ и нынѣ, служили у Александра отвары, настои, растворы, микстуры, пилюли, лепешки, порошки и кашки. Особенную осторожность онъ совѣтуетъ при употребленіи наркотическихъ веществъ, могущихъ вести къ непріятнымъ осложненіямъ.

Кровоизлеченія производились Александромъ посредствомъ кровососныхъ банокъ, насѣчекъ, пьявокъ и кровопусканіемъ изъ венъ, все равно какихъ, локтевой ли, подколѣнной, височной или даже подъязычной, глазной или какой нибудь шейной, ибо, замѣчаетъ Александръ, всякое кровоизлеченіе уменьшаетъ общую массу крови [1]). Главнымъ образомъ кровоизлеченіе употреблялось для уменьшенія воспаленія черезъ вызываемое имъ направленіе тока крови въ другія мѣста.

Весьма важную роль въ терапіи Александра играли ванны, а также минеральные источники и морскія купанія.

Само собою разумѣется, что Александръ обращалъ особое вниманіе на гигіеническія и діэтетическія условія и даетъ подробныя наставленія для каждаго даннаго случая.

Діэта, можно сказать, составляетъ по Александру, важнѣйшую задачу при леченіи большей части болѣзней, многія изъ коихъ онъ излечивалъ одною только діэтою, а потому онъ возстаетъ противъ врачей, пренебрегающихъ послѣднею и то и дѣло назначающихъ своимъ больнымъ медикаменты и пластыри [2]). Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, есть много людей, которые врачей, любящихъ прижигать и рѣзать, считаютъ гораздо лучше тѣхъ, которые пытаются достигнуть исцѣленія путемъ раціональной діэты.

Излишне прибавить, что Александръ требуетъ отъ врача, прежде чѣмъ приступать къ леченію, установленія точной діагностики и способа происхожденія болѣзни, такъ какъ первая задача при леченіи заключается въ устраненіи причины болѣзни. Кромѣ того онъ требуетъ отъ врача обращенія особеннаго вниманія на конституцію, возрастъ, полъ и общее состояніе больнаго, на предшествовавшія вредныя вліянія, на силу и характеръ болѣзни, времена года, мѣстность, климатъ и атмосферныя условія и т. д.

Наконецъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ врача, по мнѣнію Александра, заключается въ предупрежденіи болѣзней, устраненіи вызывающихъ ихъ вредныхъ вліяній и предохраненіи излеченнаго больнаго отъ возвратовъ [1]).

---

[1]) Тамъ же, l. I, c. 17, B. I, 595. [2]) Тамъ же, c. 13, I, 523.

[3]) Ср. Puschmann, Alexander von Tralles, B. I, 115—119.

Частная патологія и терапія. Какъ мы видѣли выше, трактатъ о *лихорадкахъ* помѣщенъ въ началѣ изданія Puschmann'a въ видѣ введенія къ патологіи Александра. Мы поэтому разсмотримъ прежде всего ученіе Александра

О лихорадкахъ. Это ученіе носитъ характеръ исключительно гуморально-патологическій и цѣликомъ еще вращается въ предѣлахъ древнихъ формъ, но зато обращаетъ особенное вниманіе на общее состояніе и богато болѣе строгими и сообразными съ природою разграниченіями отдѣльныхъ формъ, въ чемъ однако Александръ имѣлъ передъ собой уже готовые образцы въ описаніяхъ Галена и Аэція.

Мѣстопребываніе и средоточіе всякой лихорадки онъ, подобно послѣднимъ, полагаетъ въ сердцѣ:

„Такъ какъ лихорадка состоитъ въ измѣненіи врожденной теплоты (τροπὴ τοῦ ἐμφύτου θέρμου), врожденная же теплота беретъ начало въ сердцѣ, то отсюда слѣдуетъ, что каждая лихорадка имѣетъ свое мѣстопребываніе въ сердцѣ. Далѣе, такъ какъ лихорадка не заключается въ одномъ только ненормальномъ возвышеніи температуры, а связана съ извѣстнымъ веществомъ (ὕλη), матерія же въ насъ проявляется въ трехъ различныхъ формахъ, то отсюда слѣдуетъ, что и лихорадка проявляется въ этихъ трехъ видахъ матеріи: въ воздухѣ, влажныхъ и плотныхъ составныхъ частяхъ тѣла. Когда болѣзненное измѣненіе поражаетъ воздухъ, то возникаетъ пневматическая лихорадка (ὁ ἐπὶ πνεύματι πυρετός), которая носитъ также названіе однодневной (ἐφημερινός) лихорадки; когда она поражаетъ влаги тѣла, то мы имѣемъ дѣло съ гнилостной лихорадкой (ἐπὶ σήψει),—если же плотныя части, то—съ изнурительной лихорадкой (ἑκτικός) [1]".

Отсюда мы видимъ, что поскольку лихорадка зависитъ отъ измѣненій элементарныхъ веществъ тѣла, Александръ по заведенному обычаю различаетъ тѣ же формы, что́ Галенъ и Аэцій.

Однодневная или пневматическая лихорадка происходитъ, согласно Александру, отъ переутомленія, простуды, невоздержности, недостатка пищи, разстройствъ пищеваренія, разгоряченія, plethora, безсонницы, заботъ, вслѣдствіе засоренія поръ (ἐμφράξις) и задержанія кожныхъ испареній (ἀδιαπνευστία τῶν περιττωμάτων), въ чемъ видно вліяніе методической школы. Леченіе этой формы лихорадки Александръ сообразуетъ съ вызвавшей ее причиной, такъ при plethora назначаетъ кровопусканіе, при разстройствѣ пищеваренія carminativa и слабительныя, а также, смотря по обстоятельствамъ, мочегонныя, потогонныя, тепловатыя ванны, втиранія изъ смѣси масла и воды и легкія растиранія [2].

---

[1]) Alexander Trallianus, περὶ πυρετῶν, c. 1, ed. Puschmann, I, 291.

[2]) Alexander Trallianus, l. c. I, 293—311.

Постоянныя лихорадки Александръ приписываетъ порчѣ соковъ и гніенію, причемъ онъ принимаетъ, что болѣзнетворныя вещества развиваются внутри кровоносныхъ сосудовъ и вслѣдствіе своей густой, вязкой консистенціи неспособны къ выдѣленію наружу, не могутъ проникнуть до поверхности кожи, чтобы вызвать ознобъ,—отличіе отъ перемежающихся лихорадокъ, которыхъ болѣзнетворное вещество жиже и болѣе приспособлено къ выдѣленію [1]). Александръ различаетъ здѣсь двѣ формы—собственно септическую и жгучую (causus). Септическая происходитъ либо отъ однодневной, не окончившейся кризисомъ, либо отъ воспринятія гніющихъ и гніеніе возбуждающихъ веществъ. При септической continua, согласно Александру, ознобa не бываетъ, пульсъ неправильный, съ короткой систолой, жаръ значительный, зудъ на поверхности кожи, моча несваренная [2]). При этомъ онъ приводитъ мнѣніе тѣхъ врачей, которые принимаютъ, что лихорадка вовсе не зависитъ отъ гніенія, и другихъ, полагающихъ мѣсто гніенія не въ сосудахъ, а въ кишечномъ каналѣ изъ гніющихъ тамъ веществъ, продукты которыхъ всасываются въ кровоносные сосуды и тѣмъ вызываютъ лихорадку. Далѣе онъ указываетъ на разногласія относительно производящей септическую лихорадку влаги, которою гиппократики считаютъ желчь, другіе же слизь; способность же черной желчи вызывать лихорадку многими врачами совершенно отрицается, съ чѣмъ отчасти согласенъ и Александръ, впрочемъ, допускающій возможность происхожденія септическихъ лихорадокъ отъ каждой изъ четырехъ кардинальныхъ влагъ, а также возможность происхожденія гніенія отъ сухости и жара (καὶ διὰ ξηρότατα σῆψιν, μᾶλλον δὲ ἔγκαυσιν) [3]). Леченіе здѣсь состоитъ также въ кровопусканіи при плеторѣ и удаленіи гнилостныхъ веществъ слабительными, затѣмъ въ примѣненіи разжижающихъ и прохлаждающихъ лекарствъ. Жгучая лихорадка (causus), согласно Александру, отличается желчнымъ поносомъ, чернымъ, жесткимъ языкомъ и сильной жаждой, которая однако бываетъ слабѣе, если causus происходитъ отъ рожистаго воспаленія легкихъ, какимъ именемъ обозначались лихорадочныя формы, происходящія отъ прилива желчи. Повидимому, Александръ злокачественныхъ формъ гиппократиковъ не наблюдалъ, по крайней мѣрѣ, описанія его гораздо блѣднѣе, чѣмъ у Аретея и гиппократиковъ. Болѣзнетворнсе вещество, вызывающее causus, одинаково съ тѣмъ, которое вызываетъ перемежающуюся лихорадку. Кромѣ того Александръ принимаетъ еще ложный causus (νόθος καῦσος), вслѣдствіе смѣше-

---

[1]) Тамъ же, c. 2, ed. Puschm., I, 311.

[2]) Тамъ же, c. 2, I, 317.

[3]) Тамъ же, c. 2, I, 313, 315.

нія желчи со слизью, каковая форма, по его мнѣнію, опаснѣе, чѣмъ настоящій causus (ἀκριβής), хотя симптомы болѣзни выражены здѣсь слабѣе [1]).

Леченіе causus или воспалительной желчной лихорадки также состоитъ въ кровопусканіяхъ и назначеніи слабительныхъ и прохлаждающихъ при порчѣ желчи и согрѣвающихъ примочекъ и припарокъ при порчѣ слизи: кромѣ того растительные соки внутрь, теплыя ванны, противъ безсонницы — опій; въ пищу при настоящемъ causus птизана, растительныя и прохлаждающія вещества, при ложномъ наоборотъ [2]).

Изнурительная лихорадка, которую Александръ называетъ также состарѣлостью отъ болѣзни (ἐκ νόσου γῆρας), происходитъ отъ растворенія плотныхъ частей и бываетъ первичная, отъ случайныхъ причинъ, и вторичная, какъ осложненіе тяжкихъ хроническихъ болѣзней; она имѣетъ характеръ f. continuae съ умѣренными лихорадочными движеніями, причемъ, по мнѣнію Александра, бываетъ не столько увеличеніе жара, сколько выдѣленіе животной теплоты изъ глубины на поверхность, по временамъ поты, сухой кашель. Если влаги при этой формѣ вслѣдствіе усиливающагося жара высыхаютъ, то изъ нея развивается марантическая форма лихорадки. Александръ, подобно Галену, различалъ именно въ изнурительной лихорадкѣ двоякое состояніе: выступленіе красныхъ пятенъ на щекахъ (χροῖος ἄνθος), причемъ существенные питательные соки плотныхъ частей (οὐσιώδης, πρώτη ὑγρότης) только согрѣваются, и малокровіе или маразмъ (μαρασμὸς, πυρετὸς μαρασμώδης), въ которомъ эти соки потребляются и изчезаютъ, что дѣлаетъ невозможнымъ возвращеніе къ здоровью, какъ въ глубокой старости или состояніи „естественнаго изнуренія“ (κατὰ φύσιν), отсюда упомянутое выраженіе: состарѣлость отъ болѣзни. Марантическую лихорадку поэтому слѣдуетъ разсматривать какъ позднѣйшую стадію изнурительной лихорадки. При этомъ бываетъ

сильное истощеніе, лицо становится темнѣе и суше, щеки впалы, кожа на лбу растягивается, вѣки опадаютъ вслѣдствіе ослабленія мышцъ, глазная влага высыхаетъ и глаза уходятъ въ свои впадины, животъ напряженъ, пульсъ твердый, маленькій, ускоренъ. Въ этомъ періодѣ тщетны всѣ надежды на выздоровленіе [3]).

Леченіе при этой формѣ сначала прохлаждающее въ видѣ обливаній, примочекъ, укрѣпительной и освѣжающей пищи и напитковъ (молоко, преимущественно женское, затѣмъ ослиное и козье, а также сыворотка). Далѣе Александръ совѣтуетъ сыпать на полъ свѣжіе листья, а вино давать лишь при чрезмѣрной слабости и изнуреніи. При осложненіи болѣзнями грудныхъ и брюшныхъ органовъ онъ совѣтуетъ прохлаждающее леченіе этихъ органовъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, с. 2, I, 321.

[2]) Тамъ же, с. 2, I, 316—319 и 323—327.

[3]) Alex. Trallianus, περὶ πυρετῶν, с. 4, ed. Puschmann, I, 349—353 и 369.

[4]) Тамъ же, 353—369.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ не прочь отъ назначенія пѣтушьихъ яичекъ, причемъ высказываетъ убѣжденіе, что одна пища не придаетъ силъ, а придаетъ ихъ природа, которая способствуетъ усвоенію ея тѣломъ (οὐ γὰρ ἁπλῶς τροφὴ τὴν δύναμιν αὔξει, ἀλλ' ἡ φύσις, ἥτις πᾶσαν τροφὴν καὶ πέττειν καὶ μεταβάλλειν καὶ προστιθέναι τῷ σώματι, πέφυκεν) [1]).

Изъ *перемежающихся* лихорадокъ, согласно Александру, ежедневная (quotidiana, ἀμφημερινός) происходитъ отъ слизи, продолжается не болѣе 12 часовъ (Аэцій) и сопровождается менѣе бурными явленіями, чѣмъ при другихъ формахъ; при этомъ жаръ бываетъ умѣренный, постоянные поты, слизистыя рвоты и испражненія. Леченіе поэтому состоитъ здѣсь въ назначеніи средствъ, растворяющихъ слизь, почему Александръ совѣтуетъ разжижающіе напитки, легкія слабительныя, спиртныя и масляныя втиранія [2]).

Здѣсь-то Александръ во всеоружіи опыта выступаетъ противъ Галена, рекомендующаго безъ разбора одни только разжижающія средства, и настаиваетъ на строгомъ различеніи свойствъ измѣненныхъ влагъ; такъ „слизь при лихорадкѣ бываетъ то соленая, то кислая, то прозрачная, то холодная и густая". Поэтому при соленой слизи, имѣющей также и изсушающее свойство, горячительныя и сухія средства не въ состояніи ее разжидить, а еще больше сгущаютъ. Сюда относятся солонина, перецъ, рѣдька, капорцы и т. д. Эти средства скорѣе полезны при quotidiana, происходящей отъ холодной, жидкой и кисловатой слизи. При соленой же слизи лучше слегка разрѣжающія и согрѣвающія, а также слабительныя, но только тогда, когда болѣзнетворное вещество созрѣло и само начинаетъ разрѣшаться [3]).

Трехдневная (τριταῖος) лихорадка, по Александру, зависитъ отъ желчи, начинается потрясающимъ ознобомъ, за которымъ слѣдуютъ періоды жара и пота. Эту форму Александръ считаетъ менѣе опасной, чѣмъ другія, хотя наблюдалъ и многіе неизлѣчимые случаи ея (вѣроятно, въ Италіи). Кромѣ того онъ и здѣсь принимаетъ ложную форму 3-дневной лихорадки вслѣдствіе смѣшенія желчи и слизи, причемъ, по Галену, бываетъ и значительная опухоль селезенки.

Леченіе при настоящей tertiana состоитъ въ примѣненіи холода и влажности, овощей, обильнаго питья теплой воды, ваннъ и слабительныхъ, при ложной формѣ—отвара полыни, разжижающихъ и согрѣвающихъ лекарствъ [4]). Непонятно только, какъ это онъ достигалъ блестящихъ результатовъ излеченія и даже предупрежденія 3-дневныхъ лахорадокъ одной только мякотью холодныхъ дынь (πέπονες), хотя бы и запиваемой теплой водой! [5]).

---

[1]) Тамъ же, 367.

[2]) Тамъ же, с. 6, I, 385—407.

[3]) Тамъ же, 387 и слѣд.

[4]) Тамъ же, с. 5, 371—385.

[5]) Тамъ же, 373.

Четырехдневная лихорадка (quartana, τεταρταῖος) согласно Гиппократу происходитъ отъ черной желчи и бываетъ только разъ въ жизни, рѣдко начинается сильнымъ ознобомъ, селезенка при ней значительно опухаетъ. Согласно Александру, въ 4-дневной лихорадкѣ слѣдуетъ различать двѣ формы: одну вслѣдствіе чрезмѣрнаго разгоряченія и высыханія желтой желчи, имѣющей мѣстопребываніе въ сосудахъ и другую отъ черной желчи или дрожжеобразнаго свойства крови, имѣющую мѣстопребываніе въ селезенкѣ, которая сильно опухаетъ, причемъ Александръ приводитъ случай, въ которомъ опухоль селезенки быстро уменьшилась вслѣдъ за сильнымъ опорожненіемъ кишечнаго канала [1]).

Леченіе при первой формѣ—холодныя ванны и примочки, въ пищу прохлаждающіе факты, овощи; при второй формѣ наоборотъ—теплота въ видѣ теплыхъ примочекъ, припарокъ, горячихъ ваннъ, далѣе гимнастическія упражненія, растиранія, мочегонныя, вино, соленая пища. При обѣихъ же формахъ—слабительныя, рвотныя, опіаты, иногда кровоизвлеченія. Иногда онъ достигалъ излеченія съ помощью однихъ только рвотныхъ, какъ напр. щекотаніе перомъ и водомедъ, но отвергаетъ героическія средства, т. наз. противоядія лихорадки, какъ сѣрку съ перцемъ, теріакъ, liquor cyrenaicus и т. д.; самъ же все таки прибѣгаетъ къ сложнымъ средствамъ, напр. къ смѣси равныхъ частей опія, piper longus и castoreum въ видѣ пасты съ виноградnымъ сусломъ, вѣсомъ въ одинъ оболъ, каковое средство вызывало обильный потъ. Вообще 4-дневныя лихорадки онъ лечилъ, смотря по ихъ происхожденію отъ черной, слишкомъ перегорѣвшей желтой желчи или отъ испорченной крови (τρυγώδης) и мѣстопребыванію ихъ въ сосудахъ или въ селезенкѣ [2]).

Въ концѣ трактата о лихорадкѣ находимъ у Александра взятую цѣликомъ у Аэція главу о liрυгіа и т. д. [3]).

Какъ общее правило при всѣхъ лихорадкахъ Александръ устанавливаетъ показаніе—прибѣгать къ опорожняющему способу и кровопусканіямъ только въ періодѣ полнаго созрѣванія и сваренія влагъ, слѣдовательно, только тогда, когда влаги начинаютъ выдѣляться, но не раньше: при формѣ 4-дневной лихорадки, зависящей отъ высыханія желчи—избѣгать согрѣвающихъ, которыя не разрѣшаютъ, а сгущаютъ соки [4]).

Любимыми средствами Александра при лихорадкахъ были: опій, castoreum, шафранъ, мандрагора, какъ при ежедневной, такъ и при четырехдневной, далѣе перецъ, мирра, storax, galbanum [5]), какъ слабительныя—scammonium съ медомъ и розовымъ сокомъ или съ boletus laricis [6]), а также коллоквинты, aloës съ полынью въ видѣ

---

[1]) Тамъ же, с. 7, I, 419.
[2]) Тамъ же, с. 7, I, 407—435.
[3]) Тамъ же, с. 7, I, 437—439. Ср. Aëtius, Tetrab. II, serm, I, c. 89.
[4]) Тамъ же, с. 7, I, 411, 413.
[5]) Тамъ же, с. 6, I, 403, с. 7, I, 423—429.
[6]) Тамъ же, с. 7, I, 415.

пилюль [1]); въ особенности же дѣйствительнымъ противъ 4-дневной лихорадки для опорожненія черной желчи онъ считалъ армянскій камень, т. е., известковый камень, окрашеный въ синій цвѣтъ углекислой мѣдью [2]).

Кромѣ того въ главѣ о 4-дневной лихорадкѣ находимъ у него нѣчто въ родѣ настоящей панацеи противъ всѣхъ возможныхъ болѣзней, какъ то: застарѣлыхъ головныхъ болей, обмороковъ, падучей болѣзни, безсонницы, бреда, сильныхъ болей въ глазахъ, ревматизма, зубной боли, одышки, хроническаго кашля, воспаленія легкихъ, сухаго и экссудативнаго плеврита, кровохарканія, болѣзней желудка и кишечнаго канала (ileus, хроническія воспаленія и т. д.), печени, желтухи, меланхоліи, связанной съ безпокойствомъ. Это средство, по его мнѣнію, возвращаетъ каждый заболѣвшій органъ въ нормальное состояніе, открываетъ поры, способствуетъ мочеотдѣленію, даетъ покойный сонъ, уменьшаетъ напряженіе сосудовъ, въ особенности же оно полезно при болѣзняхъ матки, ири подагрѣ, отравленіяхъ. Употреблялось оно per os et anum; при 4-дневной лихорадкѣ давалось по 3i за 2 часа до приступа. Составъ его слѣдующій: мирры 7,0, индѣйскаго нарда (ναρδοστάχυος) 13,0, crocі 15,0 castorei 4,0, opii 18,0, amomi 4,0, anisi 10,0, petroselini macedonici 15,0, сѣменъ сельдерея (Apium) 12,0, цвѣтовъ мастики 9,0, египетской кассіи 4,0, бѣлаго перцу 4,0, чернаго перцу 15,0, сирійскаго сизона 12,0, storacis 6,0, seseli 4,0, сладкопахучей мази (ἡδυχρόου μάγματος) 5,0 и наконецъ меда, съ котораго снята пѣнка q. s. [3]).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь рекомендуемые Александромъ амулеты противъ разныхъ формъ лихорадокъ.

Противъ *однодневной лихорадки*. „Орлиный камень (ἀετίτης λίθος) [4]), повѣшенный на больнаго дѣйствителенъ при многихъ страданіяхъ, въ особенности при ежедневной лихорадкѣ)“. Другой амулетъ, часто примѣнявшійся Александромъ: „написать на масличномъ листѣ обыкновенной черной краской: ‘κα’, ‘ροι’, ‘α’ и до восхода солнца повѣсить его на шею больному“. Или: „маленькое животное (ζωύφιον), сидящее и ткущее паутину для ловли мухъ, весьма полезно, если его завернуть въ платокъ, которымъ обвязать лѣвую руку“ [5]). *Противъ 4-дневной*: навозный жукъ (scarabeus sacer, ἡλιοκάνθαρος), пойманный живымъ и повѣшенный въ красномъ платкѣ во кругъ шеи, также зеленная ящерица (lacerta viridis, σαύρα χλωρά), повѣшенная вокругъ шеи, послѣ чего обрѣзки ногтей повѣсить въ красномъ платкѣ вокругъ шеи больнаго и, отвязавъ ящерицу, дать ей побѣжать въ томъ мѣстѣ, въ которомъ она была поймана. Далѣе: обвѣшать шею волосами, снятыми съ подбородка козла, или же помазать правое запястье или правое плечо кровью соблазненной дѣвушки либо первой отдѣлившейся у дѣвушки мѣсячной кровью. Еще „испытанное средство“: у одного больнаго 4-дневная лихорадка прошла отъ ношенія рубахи, пропитанной сначала его пóтомъ и затѣмъ побывавшей на родильницѣ [6]).

---

[1]) Тамъ же, I, 431.

[2]) Тамъ же, с. 7, I, 429. Ср. Aëtius. Tetrab. I, serm. II, c. 47, serm. III, c. 32.

[3]) Alexander Trallianus, l. c. I, 431—435.

[4]) Окись желѣза сърыхлымъ ядромъ, ср. Dioscorides, V, 160, Puschmann. l. c., I, 406.

[5]) Alexander Tralliauus, l. I, c. 6, I, 407.

[6]) Тамъ же, с. 7, I, 437.

Болѣзни кожи и волосъ, которыми Александръ начинаетъ свою *частную патологію* и *терапію*, изложены нѣсколько непонятно, что́, по мнѣнію Puschmann'a, по всей вѣроятности находится въ связи съ значительнымъ уклоненіемъ латинскаго текста отъ греческаго, дошедшаго до насъ очевидно въ искаженномъ видѣ. Такъ

Alopecia (ἀλωπεκία, τριχῶν μάδισις, ῥύσις τῶν τριχῶν) въ греческомъ текстѣ не разграничена отъ ophiasis, которая въ латинскомъ текстѣ поставлена съ ней рядомъ и отличается отъ нея своей змѣевидной формой:

„Contingit haec duplex passio cadentibus capillis ut aliquando defectu quodam cadant et nudando partem capitis deturpent; vocatur ophiasis quae velut serpentinis squamis superficiem cutis metiatur. Alia vero vulneribus horribilibus plerumque visibus occurrit, cuius foeditas vulpinis vulneribus exhibet similitudinem quam alopeciam vocant“ [1]).

Причиной выпаденія волосъ Александръ считаетъ соленое измѣненіе слизи, а также преобладаніе желтой или черной желчи въ питательной влагѣ черепной кожи, кромѣ того недостатокъ питательнаго и образовательнаго матеріала для волосъ, отчего происходитъ сухость ихъ и, быть можетъ, слишкомъ плотное (узкое) или слишкомъ рыхлое свойство поръ, наконецъ выдѣленіе изъ нихъ нечистыхъ веществъ на поверхность черепной кожи.

Здѣсь Александръ рекомендуетъ слабительныя для отвлеченія слизи и желчи, при сухости—ванны, маслянистыя втиранія, жидкую пищу, при рыхлости поръ—вяжущія и прохлаждающія средства, при узости ихъ—разслабляющія и слегка согрѣвающія, наконецъ при отдѣленіи нечистыхъ веществъ черезъ головную кожу—ничего не дѣлать, такъ какъ страданіе это проходитъ съ прекращеніемъ отдѣленія. Интересно, что Александръ уже совѣтуетъ выбриваніе волосъ, обмываніе головной кожи и примѣненіе различныхъ составовъ изъ смолы, дегтя, золы лягушекъ, козьихъ копытъ, тростника, горькихъ миндалей, далѣе изъ щелока, сѣры, жира (медвѣжьяго) и маселъ. Въ особенности росту волосъ, по его мнѣнію, способствуетъ ладонъ (olibanum) съ мышинымъ пометомъ въ уксусѣ, а также verbena officinalis (περιστερεὼν βοτάνη), а еще лучше „предварительно втирать въ кожу рѣдьку и лукъ“ [2]).

Для окрашиванія волосъ въ черный цвѣтъ Александръ употреблялъ составы, въ которые входятъ галлусовые орѣшки, вытяжка акаціи, корка неспѣлыхъ орѣховъ, красное вино, мирра, желѣзная изгарь, мѣдный купоросъ, квасцы, свинцовыя опилки и т. д.; для окраски волосъ въ бѣлокурый цвѣтъ онъ беретъ lithargyri, критской земли и негашенной извести aa ʒiv и затѣмъ листья betae vulgaris [3]); въ золотистый: Aluminis, Sandarac. aa ʒvi Crocі ʒii, Thapsiae (римской красной капусты) ʒii, щелока шляпочниковъ xest. 4; красныхъ въ русый цвѣтъ: gummi myrrhae и соляныхъ цвѣтовъ (ἁλὸς ἄνθος, повидимому, родъ нечистой соды) по ровной части въ видѣ помады, или же размоченный въ водѣ Lupinus albus или наконецъ размягченные въ сокѣ Saponariae officinalis листья Alcannae (Lawsonia alba) [4]).

[1]) Alexander von Tralles l. I, c. 1, ed. Puschmann, I, 441.

[2]) Alex. Trallianus, l. I, cc. 1, 2, ed. Puschmann· I, 441—451.

[3]) А также мазь изъ дрожжей и грязнаго масла.

[4]) Тамъ же, c. 3, 453—457.

Pityriasis (porrigo латинскихъ писателей) Александръ описываетъ какъ чрезмѣрное образованіе и отдѣленіе маленькихъ отрубевидныхъ чешуекъ не только на головѣ, но и на всемъ тѣлѣ, иногда сухихъ, иногда мокнущихъ или даже гноящихся (очевидно онъ ихъ смѣшивалъ съ Eczema). Причиной ихъ Александръ считаетъ дискразіи и приливъ къ головѣ соленой слизи или крови, смѣшанной съ желтой или черной желчью. Леченіе и здѣсь, смотря по обстоятельствамъ, должно быть общимъ или мѣстнымъ: жирная глина, вино, масло, порошекъ ладона и обмыванія соленой водой; при вшивости еще сандаракъ и staphis agria [1]).

При пустулезныхъ и другихъ сыпяхъ на головѣ Александръ, подобно Галену и Аэцію, рекомендуетъ свинцовыя мази [2]).

При чесоткообразныхъ и гноящихся сыпяхъ на головѣ Александръ совѣтуетъ сбриваніе волосъ и присыпку квасцовъ, свинцовыхъ глета и бѣлилъ, а также сѣрки, или втираніе ваксы съ уксусомъ [3]).

Achor (ἄχωρ) Александръ описываетъ отчасти какъ отдѣленіе гноевидной жидкости изъ маленькихъ невидимыхъ отверстій, отчасти какъ маленькія возвышенія или струпики (равнозначащіе галеновскимъ ὄγκος), до того плотные, что не пропускаютъ почти никакого секрета. Въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь происходитъ отъ черной желчи, въ первомъ отъ желтой желчи или отъ слизи.

На этомъ основаніи онъ принимаетъ 3 формы achor'a: слизистую съ густымъ и вязкимъ отдѣленіемъ, соленымъ вкусомъ во рту больнаго и холодной на ощупь кожею,—желто-желчную съ жидкимъ и блѣднымъ отдѣленіемъ, горькимъ вкусомъ у больныхъ и теплой кожей, и наконецъ черно-желчную со скуднымъ отдѣленіемъ, вкусомъ мѣдянки во рту и умѣренно-холодной кожею. Леченіе здѣсь такое же, какъ при alopecia: сначала поправленіе общаго состоянія, устраненіе вредныхъ веществъ, а затѣмъ мѣстныя средства [4]).

Favus (κηρίον), по Александру, сходенъ съ achor'омъ и отличается отъ него только большей величиною гнойныхъ отверстій и сходствомъ его продиравленной поверхности съ медовымъ сотомъ, откуда и названіе κηρίον. Леченіе такое же, какъ при achor [5]).

Изъ *глазныхъ болѣзней*, которымъ посвящена вся кн. II, его *частной патологіи* и *терапіи*, онъ только для полноты послѣдней разсматриваетъ здѣсь воспаленія или приливы къ глазамъ, nyctalopia, воспаленіе слезнаго мѣшка и т. д., ссылаясь на то, что имъ объ этомъ предметѣ написано спеціальное сочиненіе (см. выше),

[1]) Тамъ же, с. 4, B. I, 457—459. Жирная глина добывалась на о. Kimolia, нынѣ Argentiera. [2]) Тамъ же, с. 5, I, 459—461.

[3]) Тамъ же, с. 6, 7, I, 461.

[4]) Тамъ же, с. 8, I, 463. Эта и слѣдующая главы крайне отрывочны, судя по совершенному отсутствію подробныхъ указаній мѣстныхъ средствъ. [5]) Тамъ же с. 9, I, 465.

Воспаленіе глазъ происходитъ, согласно Александру, отъ прилива крови, дискразій, закупориванія или съуженія поръ посредствомъ pneuma или крови, смѣшанной со слизью, для устраненія коихъ онъ назначаетъ слабительныя, кровопусканіе, иногда даже и вино для разжиженія и уменьшенія застоя крови, далѣе общія ванны, а изъ мѣстныхъ средствъ—водомедъ въ видѣ глазныхъ капель, затѣмъ прохлаждающія и раздражающія мази, примочки и впрыскиванія, а также присыпку порошковъ изъ мѣдныхъ, цинковыхъ, свинцовыхъ и наркотическихъ препаратовъ [1]). Вообще при глазныхъ болѣзняхъ Александръ даетъ совѣтъ не спѣшить съ назначеніемъ наркотическихъ мазей и впрыскиваній, отъ которыхъ вначалѣ замѣчается даже ухудшеніе болѣзненнаго процесса, а прежде всего изслѣдовать причины боли, зависятъ ли онѣ отъ количества или отъ качества болѣзнетворнаго вещества или отъ обоихъ вмѣстѣ, притекаетъ ли это вещество изъ всего тѣла или изъ одной только головы черезъ артеріи или вены, преобладаетъ ли въ немъ одна изъ кардинальныхъ влагъ или pneuma или нѣкоторыя совмѣстно, и сообразно съ этимъ назначать послѣ кровопусканій слабительныя, отвлекающія и нѣжныя мѣстныя средства, а потомъ уже болѣе энергическое леченіе (вяжущія и раздражающія) [2]). Для очищенія вѣкъ онъ охотнѣе прибѣгаетъ къ струѣ водомеда (μελίκρατος), чѣмъ къ губкамъ [3]).

Такое же мѣстное леченіе онъ употребляетъ при язвахъ, грануляціяхъ соединительной оболочки вѣкъ, χημώσεις рубцахъ, leucoma, ночной слѣпотѣ, hyporyon, стафиломахъ, міокефаліи, pterygium и начинающейся катарактѣ [4]). Для болѣе удобнаго примѣненія мѣстныхъ средствъ онъ выворачиваетъ вѣки [5]). Главную роль въ его глазной терапіи играютъ мѣдный купоросъ, какъ per se, такъ и въ растворѣ, а также яичный бѣлокъ, вяжущія и наркотическія.

Такъ называемый карбункулъ глаза (anthrax, вѣроятно panophtalmitis) происходитъ, согласно Александру, отъ чрезмѣрнаго разгоряченія и высыханія крови, принимающей характеръ черной желчи, и сопровождается сильными болями, воспаленіемъ и омертвѣніемъ глаза, ведущими къ потерѣ зрѣнія, а по временамъ даже къ судорогамъ и бреду.

Леченіе и здѣсь состоитъ въ кровопусканіи, слабительныхъ, тепловатыхъ ваннахъ и обмываніяхъ головы, причемъ избѣгать слишкомъ большаго холода или жара, а также смазыванія тѣла масломъ, уменьшающимъ кожное испареніе и выдѣленіе продуктовъ разложенія. Кромѣ того—покойное положеніе глаза, прохладныя и размягчающія примочки, раздражающія и наркотическія мази и пища, не способствующая накопленію болѣзнетворнаго вещества [6]).

---

[1]) Alexander Trallianus, l. II, ed. Puschmann, B. II, 1—30.

[2]) Тамъ же, 5—7.

[3]) Тамъ же, 55.

[4]) Тамъ же, II, 31—57 и 65. Такъ напр. при pterygium—растворъ мѣднаго купороса, salis ammoniaci, gummi съ уксусомъ, а также populus nigra, sepia съ каменной солью и т. п. Тамъ же, 65.

[5]) Тамъ же, 49.

[6]) Тамъ же, 59 и слѣд.

Далѣе при Aegilops, нарывѣ у внутренняго угла глаза, ведущемъ иногда къ надъѣденію кости и образованію слезныхъ свищей, Александръ употребляетъ сначала нѣжныя (hyoscyamus), потомъ сушащія, а позднѣе вяжущія и раздражающія присыпки и мази [1]). Такое же леченіе онъ примѣняетъ и при слезотеченіи изъ глазъ, приписываемомъ имъ атрофіи или совершенному отсутствію мясышка у внутренняго угла глаза, которое онъ, повидимому, считаетъ заслонкой, закрывающей слезной протокъ [2]).

Необходимо однако замѣтить, что обо всѣхъ этихъ предметахъ и притомъ гораздо обстоятельнѣе писали уже его предшественники и въ особенности Аэцій, у котораго Александръ заимствовалъ, повидимому, не мало. Вообще весь этотъ отдѣлъ есть въ сущности не болѣе какъ собраніе рецептовъ; онъ даетъ многочисленныя формулы для глазныхъ примочекъ, мазей и пр., но не указываетъ ни одной хирургической операціи.

Изъ *ушныхъ болѣзней* Александръ прежде всего разсматриваетъ *Боль въ ушахъ*, которая, по его мнѣнію, можетъ зависѣть

отъ дискразій, воспаленій, закупореній, холода, жара, и поэтому требуетъ соотвѣтственнаго леченія, уменьшенія желчи, разжиженія и выведенія слизи, теплыхъ средствъ при боли отъ холода и наоборотъ, очищенія накопившихся въ ушахъ нечистотъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что ощущеніе тяжести въ головѣ указываетъ на закупореніе слуховаго органа слизью, а чувство одного только напряженія въ ушахъ—на закупореніе сгущеннымъ воздухомъ. Ѣдкія средства употребляются имъ только въ хроническихъ случаяхъ по уменьшеніи боли и при оставшейся глухотѣ [3]).

При воспаленіи уха, которое, согласно Аэцію [4]), занимаетъ либо оболочку, выстилающую слуховой каналъ, либо болѣе глубокія части и при сильной степени сопровождается лихорадкой, бредомъ, изступленіемъ и иногда даже ведетъ къ смерти, Александръ употреблялъ антифлогистическое леченіе:

кровоизвлеченіе, успокоивающія капли изъ розоваго масла, съ небольшой примѣсью уксуса, castoreum съ опіемъ, который Александръ совѣтуетъ впускать только 1 или 2 раза, во избѣжаніе опасныхъ осложненій, каковы потеря рѣчи и чувствительности [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно Галену, совѣтуетъ остерегаться прикосновенія инструментами къ воспаленному слуховому каналу, которое можетъ усиливать боль, а примѣнять только вливанія съ помощью ушной ложечки (μηλώτις) или ушной спринцовки (ὠτεγχύτη) [6]), далѣе теплыя примочки, пары изъ горшка, наполненнаго отваромъ полыни, припарки, гусиный жиръ, женское молоко, свѣжее масло и т. д. Такое же леченіе онъ употребляетъ при воспаленіи отъ механическихъ причинъ [7]). При образованіи язвъ онъ употребляетъ раздражающіе порошки (ладонъ), мази изъ мирры, шафрана, неизбѣжнаго castoreum и пр., а также очищающія промыванія [8]).

[1]) Тамъ же, 67—69. [2]) Тамъ же, 67.

[3]) Тамъ же, l. III, c. 1, B. II, 71–79.

[4]) Tetrab. II, serm. II, c. 73: ob inflammationem cutis in meatu, aut nervi auditorii in profundo.

[5]) Alex. Trallianus, l. III, c. 2, B. II, 79–81.

[6]) Тамъ же, 83. [7]) Тамъ же, 83—87.

[8]) Тамъ же, 89—93.

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1891 г.

НА

„ВОЛЫНЬ,“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ будущаго 1891 года „**ВОЛЫНЬ**“ будетъ выходить по прежнему **ЕЖЕДНЕВНО**, кромѣ дней воскресныхъ и послѣпраздничныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни, и Западнаго Края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ Государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торговыхъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м. 5 р.—11 м. 4 р. 75 к.—10 м. 4 р. 40 к.—9 м. 4 р.—8 м. 3 р. 50 к.—7 м. 3 р.—6 м. 2 р. 60 к.—5 м. 2 р. 10 к.—4 м. 1 р. 80 к.—3 м. 1 р. 50 к.—2 м. 1 р.—1 м. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногород. подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подп. 20 к. 3—3

Мѣсяцъ: (новый ст.). **Февраль**
Monat: (neuer. St.). **Februar**

Число Tag.	Барометръ при 0°. Миллим. Barometer bei 0°. Millimeter				von:
Нов. стиль. Neuer Styl.	7.	1.	9.	Среднее Mittel.	
1	757,8	757,6	756,9	757,4	–
2	755,7	755,5	755,5	755,6	–
3	754,7	753.8	751,2	753,2	–
4	744,0	741,7	741,7	742,5	–
5	744,3	745,0	746,5	745,3	–
6	748,7	751,0	754,6	751,4	–
7	759,0	761,3	763,1	761,1	–
8	762,6	762,4	759,9	761,6	–
9	758,5	757,7	758,1	758,1	–
10	758,0	757,8	757,3	757,7	–
11	756,6	755,6	753,8	755,3	–
12	751,4	748,4	744,0	747,9	–
13	742,5	743,1	745,7	743,8	–
14	751,3	754,2	757,0	754,2	–
15	756,4	751,4	740,6	749,5	–
16	743,4	748,5	748,4	746,8	–
17	739,7	738,2	738,5	738,8	–
18	745,4	751,0	757,3	751,2	–
19	759,0	758,6	756,3	758,0	–
20	755,0	755,0	754,5	754,8	–
21	753,9	753,3	752,7	753,3	–
22	754,8	757,1	761,7	757,9	–
23	762,3	759,0	753,3	758,2	–
24	750,7	751,9	753,9	752,2	–
25	751,7	749,4	747,6	749,6	–

Годъ:
Jahr: **1891.**

	Абсолютн. влажн. Миллиметры. Absolute Feuchtig. Millimeter.				Относительная влажность. Проценты. Relative Feuchtigkeit. Procente.			
	7.	1.	9.	Среднее Mittel.	7.	1.	9.	Среднее Mittel.
	1,6	1,6	1,3	1,5	89	71	87	82
	1,7	1,9	2,5	2,1	86	80	92	86
	3,4	3,9	4,2	3,8	92	89	98	93
	4,2	4,7	4,5	4,5	98	96	100	98
	3,1	3,7	3,9	3,6	82	78	94	85
	3,8	3,6	3,7	3,7	96	82	99	92
	2,9	2,8	2,2	2,6	92	80	98	90
	0,9	1,9	1,8	1,5	88	94	90	91
	2,2	2,4	2,7	2,4	90	72	82	81
	2,4	2,8	1,6	2,3	98	72	71	80
	1,1	1,7	1,6	1,4	79	63	67	70
	1,4	2,1	1,8	1,8	84	61	73	73
	2,2	2,2	1,3	1,9	95	55	72	74
	1,1	1,3	1,0	1,1	86	53	74	71
	1,3	1,9	2,7	2,0	93	78	92	88
	2,8	2,3	1,5	2,2	74	79	83	79
	3,3	2,7	2,4	2,8	78	62	79	73
	2,4	1,7	1,4	1,8	92	78	80	83
	0,9	1,5	2,0	1,4	89	64	77	77
	2,7	3,3	3,8	3,3	96	80	95	90
	3,7	3,8	3,8	3,8	98	94	100	97
	3,2	2,7	1,6	2,5	81	65	54	67
	1,3	2,1	2,4	1,9	78	48	72	66
	3,0	3,4	3,0	3,1	92	87	89	89
	3,2	3,4	4,0	3,5	87	81	99	89

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1891 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
4. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія до полугодіямъ.
5 Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1891 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей.** Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.